

ФЕЛИКС ДАН

АТТИЛА
ГЕЛИМЕР

АССОЦИАЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВ

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ФЕЛИКС ДАЖ

АТТИЛА

ГЕЛИМЕР

В Е Ч Е

1993

ББК 84.7

ПОДГОТОВКА К ИЗДАНИЮ:

Автор и составитель серии
Андронкин Кирилл Юрьевич

Главный художник
Атрошенко Сергей Петрович

Главный редактор
Саломатов Андрей Васильевич

Редактор
Зубина К.И.

Корректор
Мешерякова Г.А.

Технический редактор
Дылдырбай Г.Ж.

Перед Вами два исторических романа известного немецкого писателя Ф.Дана, в которых с большим знанием материала рассказывается о событиях происходивших во времена великого переселения народов. Завоевание гуннами Европы, война Византии с завоевателями Карфагена и Алжира, морской разбой на побережье Средиземного моря — обо всем этом Вы прочтете в этой увлекательной книге.

В 4703040100 без объявл.
93

Феликс Дан

АТТИЛА

1.

Душная летняя ночь окутывала мраком Дунай. Могучая река, напоминавшая в этом месте рукав моря своею шириною, привольно разлилась на необозримом пространстве и лениво катила к востоку свои обильные воды, не только у низменных топких берегов, но и на самой глубине, где ее течение замедлялось бесчисленными зелеными островками, на которых росли деревья и кустарники. Один из этих узких островков едва заметно возвышался над поверхностью Дуная. Густая заросль тростника, в человеческий рост вышиною, опоясывала его кругом, а посредине росли два дерева: то были столетние ивы, малорослые, узловатые, с прихотливыми изгибами сучьев и необычайно толстые в стволе.

Ночь стояла безлунная, звезды скрывались за тучами, которые медленно ползли по небу, подгоняемые влажным и теплым ветром с юга. На далеком востоке вспыхивала по временам трепетная зарница. После того еще грознее надвигалась темная, беззвучная ночь, и в ее непроглядном мраке чулось что-то зловещее. С тихим журчанием и плеском катились дунайские волны, замедляя свой бег у маленького островка; широкий к западу и заостренный к востоку, он представлял собою почти треугольник. Тростник на его топком берегу мало-помалу сменялся густым малорослым ивняком и колючим волчцом.

Вокруг все темно, пустынно, тихо; лишь изредка вынырнет из глубины хищная рыба, всплеснет плавниками, схватит добычу и пропадет; только широкие круги разбегутся по воде, и опять наступит безмолвие.

Вдруг из кустарников на левом северном берегу с резким криком вылетела крупная птица, хлопая тяжелыми крыльями. Она медленно поплыла в воздухе над островком, собираясь опуститься на одну из старых ив, как вдруг

ФЕЛИКС ДАН

шарахнулась в сторону, закричав еще пронзительнее. Не найдя себе пристанища, птица полетела прочь, совсем в противоположном направлении, на восток, к устью Дуная, и вскоре скрылась из виду.

Между тем в зарослях ивняка поднялся тихий шорох. Человеческая фигура, неподвижно лежавшая до сих пор на сыром берегу, притаившись в кустах, немного выпрямилась.

— Наконец-то! — шепотом произнес молодой голос, и юноша хотел вскочить на ноги.

Но другой мужчина, прятавшийся рядом с ним посреди валежника, дернул его за руку и прошептал:

— Тише, Даггар. Может быть, цаплю спугнули шпионы!

С северного берега Дуная плыла к острову легкая лодочка. Она казалась черной полоской и скользила, как тень, по темной глади реки.

Челнок несся вперед с быстротою стрелы, четыре весла неслышно опускались в воду и поднимались ритмическим движением. Наконец, ловкий поворот руля — и лодка врезалась широкой кормою в густой тростник. Шорох и треск сухих камышей, закачавших своими перистыми верхушками, был единственным звуком, нарушившим ночную тишину.

Двое гребцов выпрыгнули на берег и втащили лодку подальше на твердую землю. Двое ожидавших вышли из своей засады; все четверо обменялись крепким рукопожатием, не говоря ни слова, потом пошли в глубь островка с пологими берегами с запада, севера и юга, и с крутым обрывом на восточной стороне. У подножия старых деревьев была сделана остановка.

Так предложил старший из двоих, прибывших ранее. Он поднял голову, увенчанную шлемом, откинул назад волнистые седые кудри и заговорил с тяжелым вздохом:

— Как ночные грабители, собрались мы сюда глухою ночью, точно затеваем злодейство!

— А между тем здесь идет дело о самом благородном подвиге! — воскликнул юноша, крепко сжимая копье. — Об освобождении!

— Но смерть витает над нашими головами, — наставительно прошептал младший из приехавших, придерживая длинную темную бороду, которую влажный ветер развеивал ему во все стороны.

— Смерть всегда носится над людьми, граф Гервальт, — возразил его спутник. Твердость и уверенность звучали в его голосе.

— Умное слово, король Ардарих! — воскликнул юноша.

— Только род смерти неодинаков, — прибавил старик с седыми кудрями.

— Конечно, король Визигаст! — подхватил Гервальт. — У меня кровь стынет в жилах, когда я подумаю о тех попытках, которые нас ждут, если «он» проведает о нашем тайном совете.

И граф содрогнулся.

— Ведь не всеведущий же он! — насмешливо заметил юноша.

— Аттила не Вотан*, — подтвердил маститый король.

— Однако приступим к нашему разговору, — напомнил Гервальт, плотнее закутываясь в плащ. — Ветер скоро принесет проливной дождь. Укроемся под ивами!

Все четверо свободно поместились под зеленым шатром развесистых ветвей.

— Начинай ты, король ругов, — сказал граф, — и кончай поскорее. Горе нам, если утренняя заря застанет нас не в безопасном месте! «Его» всадники и шпионы рыщут повсюду. С моей стороны было безумием, что я позволил уговорить себя и явился на свидание. Только

* Верховное божество у германцев. Вотан — правитель вселенной.

ФЕЛИКС ДАН

глубокое почтение к тебе, король Визигаст, друг моего отца, и признательность к тебе, король Ардарих, который учил меня владеть мечем двадцать зим назад, заставили Гервальта подвергнуться такому смертельному риску. Я хочу отговорить вас от несчастной затеи, во что бы то ни стало. Когда мы пробирались сегодня по темным волнам Дуная, осторожно и тихо, точно тени умерших, а не живые люди, мне так и казалось, что мы спешим в преисподнюю.

— Туда попадают одни трусы, которые боятся смерти от меча! — вскипел юноша, гневно потрясая короткими темнорусыми локонами.

Человек с темной бородой ударил кулаком по своему короткому мечу в кожаном чехле.

— Начинай, друг Визигаст, — промолвил король Ардарих, прислонившись к стволу дерева и прижав копье поперек груди, чтобы сдерживать полы плаща, которые трепал усилившийся ветер. — А ты, молодой Даггар, умерь свой пыл. Я видел этого графа аллеманов в сражении на Марне, мы бились бок о бок, и могу тебе засвидетельствовать, что только самые бесстрашные герои выдержали там свирепый натиск врага.

— Что я хотел вам сказать, — начал король ругов, — вы хорошо знаете сами. Иго диких гуннов становится невыносимым. Когда, наконец, оно падет?..

— Когда его сломят боги, — заметил Гервальт.

— Или мы! — воскликнул Даггар.

Но король Ардарих задумчиво смотрел перед собою и молчал.

— Разве с нашей неволей можно примириться, граф Гервальт? — спросил Визигаст. — Ты — храбрый муж, суаб, ты гордый муж, как и весь твой отважный народ. Неужели мне повторять тебе то, что ты уже знаешь, что ты выстрадал, как и все мы? Гунн господствует, где хочет. Ни Рим, ни Византия не смеют вступить в борьбу с этим ужасом всех стран! И к

тому же он называет братом страшного вандала Гейзериха, наводящего трепет на все моря. Все народы покорены им, начиная от ворот Византии на юге до Янтарных островов Полночного моря. И как правит он ими? По своей прихоти. Иногда на него найдет каприз великодушия, но только каприз, а после того опять начинаются неслыханные жестокости: казни, истязания, позор поработенных. Ни один король не может быть спокоен за свой высокий сан, ни один крестьянин за свой трудовой хлеб, ни одна женщина за свое целомудрие перед произволом и сластолюбием гунна. Но неумолимее всех поработенных им племен притесняет он нашу расу — людей со светлыми волосами и голубыми глазами, потомков жителей Асгарда. Ему хочется совершенно унижить и опозорить германцев, — как нас прозвали римляне.

— Исключая меня и моих гепидов, — спокойно возразил король Ардарих, немного выпрямляясь.

— Конечно! — с досадой вмешался Даггар. — Тебя и амалунга Валамера, остгота, он не обижает. Аттила зовет вас своими мечем и дротиком. Вы у него в почете, но какую ценой и за какую заслугу?!

— За нашу верность, молодой королевич!

— Верность? Разве это лучшая слава? Мне внушали с детства не то во дворце короля скиров! Слепой отец, король Дагомут, напевал мне под арфу, пока я не заучил наизусть:

Слушай покорно:
Лучшая слава,
Высшая честь —
Это геройство.

— И тебе пошли впрок наставления отца, юный Даггар, нечего сказать! Ты хорошо усвоил от него и геройство, и игру на арфе. Лучшим певцом и музыкантом называют

ФЕЛИКС ДАН

тебя в наших странах как мужчины, так и девушки. Храбрым бойцом показал ты себя — к моей величайшей радости — в битвах с византийцами и славянами. Научись же теперь еще одному: от старого человека не стыдно выслушать наставление, Даггар! Всякое геройство возвышается верностью.

— И это все? — нетерпеливо произнес Даггар.

— От меня ему — да!

— Значит, друг Ардарих, — с ударением начал король Визигаст, — у тебя нет больше жалости к твоим единоплеменникам, соседям, друзьям? Ты сказал правду: гепиды и вестготы не терпели до сих пор притеснений, их права не нарушались. Но все мы, остальные? Мои руги, скиры Дагомута, герулы, туркилинги, лонгобарды, квады, маркоманы, тюрингенцы, твои суабы, Гервальт, — разве Аттила не попирает с наслаждением все договорные права даже тех из них, которые не думали нарушать ему верности? Вас он чтит, вас награждает богатыми дарами, делит с вами добычу, хотя бы вы даже и не участвовали в его походах, а что же мы? Нас он разоряет без милосердия. Неужели ты думаешь, что это не сеет между нами зависти и вражды?

— Разумеется! — со вздохом отвечал Ардарих, поглаживая седеющую бороду. — Это должно возбуждать враждебные чувства.

— Нечестивый гунн нарочно старается, — продолжал король ругов, — довести аллеманов до отчаяния и принудить к восстанию.

— Чтобы вернее погубить вас, — печально кивнул головою сановитый король гепидов.

— Ко всем прочим притеснениям он прибавил еще злую насмешку и позор. Так от тюрингенцев Аттила потребовал в придачу к ежегодной дани в триста коней, триста коров и триста свиней — еще триста девственниц!

— Я убью непременно собственными руками этого осквернителя дев! — громко крикнул неосторожный, пылкий Даггар.

— Никогда не удастся тебе, отчаянная голова, приблизиться к нему даже на длину твоего дротика, — возразил Гервальт, махнув рукою. — Гунны стерегут каждый шаг его и окружают вождя густыми толпами, точно рой пчел родимый улей.

— А что же храбрые тюрингенцы, — серьезно спросил король Ардарих, — согласились они на требование Аттилы?

— Не знаю, — отозвался Визигаст. — Года два назад на нас повеяло надеждой: угнетенные народы ободрились и вздохнули свободнее, когда там, в Галлии — помнишь, друг Ардарих? — большая река не могла продолжать своего течения, запруженная трупами павших воинов, и вышла из берегов, кипя кровавой пеной?

— Помню ли я? — простонал гепид. Двенадцать тысяч моих подданных сложили там свои головы!

— Тогда ему, всемогущему, пришлось отступить в первый раз.

— Благодаря доблестным вестготам и Аэцию, — воскликнул Даггар.

— А когда вскоре после того, — вмешался Гервальт, — грозного воителя заставил уйти из Италии старец, римский священник, епископ Лев, ходивший, опираясь на палку, то все поработанные народы в Вечерней стране ожили и подняли головы в надежде, Что пришел конец их испытаниям и небесный бич сломлен пополам, — договорил Визигаст.

— Там и сям вспыхивало уже пламя свободы! — вставил Даггар.

— Слишком рано! — серьезно заметил король гепидов.

— Конечно, преждевременно! — вздохнул Гервальт. — Его погасили потоки крови.

ФЕЛИКС ДАН

— А теперь, — с негодованием заговорил Визигаст, — Аттила замышляет к весне еще худшие злодейства. Хотя он всегда умеет искусно скрывать свои планы, — о них можно только догадываться, — но его замыслы должны быть чудовищны, судя по затеянным приготовлениям. Он собирает все свои народы — по крайней мере, несколькими сотням наций разных наименований — из двух частей света: Европы и Азии, а из третьей — Африки — протягивает руку для страшного союза кровожадный вандал.

— Против кого ополчаются они?.. Хотелось бы знать! Не опять ли против Запада? — спросил Гервальт.

— Или против восточного государства? — прибавил Даггар.

— А не то и против обоих вместе, — заключил Ардарих.

— Против кого бы то ни было, но теперь Аттила будет втрое сильнее, чем три года назад! А кто его противники?.. Малодушный царь на византийском троне! На Западе? — Аэций, опальный полководец императора Валентиниана, которому ежеминутно грозит кинжал наемного убийцы. У вестготов три, даже четыре брата короля оспаривают корону. Весь мир станет добычей варваров, если Галлия и Испания также подпадут игу наших притеснителей. После них придет очередь погибнуть Риму и Византии. Вот почему Аттила непременно должен умереть, прежде чем ему удастся выступить в этот последний поход, который обещает завершиться несомненной победой. Если он останется жив, ему покорится вся вселенная. Прав я или нет, друг Ардарих?

— Ты прав, — со вздохом отвечал тот, поднося левую руку ко лбу.

— Нет, ты ошибаешься, король Визигаст! — перебил их обоих суеверный Гервальт. — Твои слова были бы разумны, если бы они относились к обыкновенному смертному, как мы, которого можно одолеть, подобно прочим

людям. Но «он» — чудовище, вышедшее из христианского ада! Наши жрецы Циу* толкуют втихомолку между собою, будто бы он родился от нечистого духа и проклятой альруны**. Дротик не колет его, меч не рубит, никакое оружие не ранит. Я убедился в том собственными глазами. Мы стояли рядом на той галльской реке***: я упал, и сотни тысяч бежали или падали под тучей стрел и дротиков, а он стоял прямо. Аттила смеялся! Он дунул — я хорошо видел это! — дунул в свою жидкую бороду клином, и римские стрелы стали отскакивать, точно соломинки, от его одежды из лосиной шкуры. А что он не человек, это лучше всего доказывает его жестокость.

Аллеман умолк, дрожа всем телом и закрыв лицо руками.

— Скоро минет тому тридцать лет, — начал он снова после некоторой паузы. — Я был тогда мальчиком, но и до сих пор вижу перед собою ужасное зрелище, как мой престарелый отец, брат и ни в чем неповинная мать, взятые в плен Аттилой во время возмущения, корчились на заостренных кольях и выли в страшных мучениях. А тут же, на самом виду, были замучены до смерти мои четыре сестры, юные девушки, доставшиеся на поругание сначала Аттиле, а потом его конюхам! Меня он швырнул лицом прямо на вздрагивавшее в предсмертных судорогах тело отца и сказал: «Вот чем кончают те, кто нарушил верность Аттиле! Мальчик, научись сегодня быть верным мне!» — И я научился, — заключил Гервальт дрожащими губами.

— И я также, — произнес король гепидов. — Хотя урок был другого рода, но, пожалуй, еще чувствительнее... Страх? Он мне незнаком. Я отвык от него на полях

* Циу — бог войны, один из сыновей Вотана.

** Альруна — вещая колдунья.

*** На Марне.

ФЕЛИКС ДАН

сражений, меня побуждает к повиновению нечто гораздо сильнейшее — честь! Я так же, как и ты, король

Визигаст, нашел — много времени тому назад — что иго дикарей стало невыносимым. Я вздумал избавить от него мой народ и вселенную. Все было заранее подготовлено: союз с Византией, тайный договор со многими германскими королями и вождями славян. Я лежал в своей палатке и спал — то было за три дня до назначения срока восстания, — как вдруг, проснувшись, увидел самого Аттилу, который спокойно сидел возле моего ложа! Я хотел в ужасе вскочить. Но гунн ласково удержал меня за руку, заставил по-прежнему лечь на подушки и передал мне слово в слово весь наш договор, весь план войны, что было изложено на четырех страницах римского письма. Он сказал все это наизусть, а потом прибавил в заключение: «Твои союзники распяты, все до единого, числом семнадцать, но тебя я прощаю. Тебе остается твое царство. Я доверяю Ардариху, будь мне верен с этих пор». В тот же день Аттила охотился со мной и моими гепидами в Дунайском лесу. Усталый, он заснул, положив голову мне на колени. Пока он жив, я должен хранить ему верность!

— И целый мир пусть достается гуннам и будет их собственностью навеки! — возразил с отчаянием король рогов.

— Да, пока «он» жив.

— Если гунны еще раз одержат победу, их господство несокрушимо.

— Сыновья Аттилы, — с ударением произнес Ардарих, — не то, что он сам...

— Хорошо! Однако Эллак настоящий богатырь, у него достанет силы одержать новые победы и утвердить свое владычество над тем, что завоевано отцом. Тогда у царства гуннов не останется больше ни одного врага в целой вселенной.

— Тогда — конечно, они будут! — сказал Ардарих.

— Настоящая королевская речь, — нетерпеливо воскликнул Даггар, — но чересчур уж загадочная! Одним словом, мы будем сражаться с гуннами без гепидов и даже против них! Король Визигаст, пошли меня к Валамеру, амалунгу. Я попытаюсь...

— Не спеши напрасно, юный Даггар, — заметил Ардарих.

— Разве он тоже осыпан милостями и... связан по рукам и ногам? — гневно спросил юноша.

— Нет. Но Валамер заключил с Аттилой священный союз и запил его кровью.

— Фуй, противная гуннская кровь! — заметил королевич.

— Также и остгот не восстанет против гуннов, пока жив Аттила.

— Но он может долго прожить, потому что считает себе всего пятьдесят шесть зим, — с досадой произнес Даггар.

— А тем временем мир погибнет, — вздохнул Визигаст.

— Пусть лучше гибнет целый мир, чем моя честь! — спокойно сказал король гепидов, выпрямляясь во весь рост. — Пойдем, Гервальт, нам пора. Я приехал сюда, потому что давно подозревал замыслы друга Визигаста. Выслушать и предостеречь его хотелось мне во что бы то ни стало, даже рискуя жизнью, только не честью. Старый герой рогов с белыми кудрями! Разве ты можешь надеяться сломить гуннов, если я и Валамер их поддержим? А мы должны это сделать, если ты теперь нападешь на них. Король с седою бородою! Неужели ты до сих пор не постиг первого искусства правителя — уменья ждать? Слушай, что я говорю, старый собрат по оружию!

— Нет, нет, ждать нельзя! — пылко воскликнул Даггар. — Оставь, король Визигаст, и гепидов, и остготов в

ФЕЛИКС ДАН

покое: пускай они проспят лучший победный венок — военную славу! Мы не станем ждать! Ты ведь говорил, что после весны будет поздно. Мы выступим на бой! Как, неужели нас мало? Твои руги, мои скиры, Визаид, властелин герулов, со своим сильным войском! Благородный лонгобард Ротари со своими приближенными! Благородный маркоман Банчио с родичами! Трое вождей славянских: Дрозух, Милитух и Свентослав! Наконец, не обещал ли сам царь византийский тайно доставить нам через своих послов, отправленных к гуннам, и золото и оружие...

— Если только он сдержит слово! — перебил Ардарих. — Ты мне нравишься, юный королевич! Звучно ты играешь на арфе, хорошо дерешься и бойко говоришь. Научись еще четвертому, более трудному и более нужному искусству для короля — молчанию. Ну что, если я передам слышанное от тебя великому хану гуннов?

— Ты этого не сделаешь! — воскликнул юноша, однако ему стало жутко.

— Я этого не сделаю, потому что поклялся самому себе держать в тайне, что услышу здесь. Я имею право умолчать о том, так как возмущение грозит гибелью вам, а не ему. Ты сомневаешься, отважный Даггар? Но верь мне: все, кого ты назвал, и хотя бы их было вдесятеро больше, не в состоянии отщепить ни крупинки того ярма, которое Аттила наложил на всю землю. Жаль мне твоей пылкой юности, пламенный герой! Жалко твоей дорогой головы с седыми кудрями, мой старый друг! Вы погибли, если не послушаете моих предостережений. Обождите!.. Как, ты не хочешь подать мне руки, Визигаст? Ты раскаешься в том, когда увидишь на деле, что я был прав. Но моя рука, хотя ты и отверг ее сегодня — останется рукою твоего лучшего друга. Она всегда будет открыто протянута к тебе: запомни это. Пойдем, Гервальт!

И Ардарих, повернув влево, исчез в темноте.

Почти безо всякого шума был спущен на воду углый челнок.

Маститый король задумчиво смотрел вслед удалявшемуся другу. Он оперся обеими руками на эфес исполинского меча, который висел у него на перевязи под плащом, и голова Визигаста поникла на грудь, как будто под тяжестью горьких дум.

— Король Визигаст, — приступил к нему юноша, — ведь ты не станешь колебаться?

— Нет, — отвечал тот грустным тоном, — я не стану больше колебаться. Я откладываю свое намерение. Мы погибли, если выступим против притеснителя без поддержки друзей.

— Пускай погибнем! — вспыхнул юноша. — Все-таки мы должны попытаться! Узнай то, что я скрыл от чужих: мы обязаны действовать, и притом немедленно.

— Почему?

— Потому что... Это нужно ради нее, ради твоей дочери!

— Ильдихо? Что такое с нею?

— Сын Аттилы увидел ее и...

— Который?

— Эллак. Он приходил в твое жилище, когда ты поехал охотиться в наши владения.

— Кто сказал тебе это? Уж, конечно, не он.

— Она сама...

— А мне — ни слова!

— Она не хотела пугать тебя преждевременно — ведь ты знаешь ее твердость. Ильдихо надеялась, что все обойдется благополучно. Однако дело вышло иначе. Увидев прекраснейшую девушку из всего германского народа, он захотел обладать ею. И кто может увидеть Ильдихо и не пожелать того же? Эллак уприсит отца...

— Ильдихо! Дитя мое! Пойдем. Надо спешить. Скорее домой.

Они пошли к восточной оконечности островка, где их

ФЕЛИКС ДАН

ожидал плот, грубо сколоченный из шести толстых бревен. Он был вытащен на топкий берег и поддерживался шестом, вогнанным в илистый грунт. Старик и юноша спустили плот на воду и стали на него. Даггар оттолкнулся от берега, после чего они понеслись с быстротою стрелы вниз по течению. Королевич действовал шестом то слева, то справа, торопливо перебегая с одной стороны на другую. Визигаст правил широким веслом. Наконец они причалили к правому южному берегу. Их движения были торопливы и обнаруживали тревогу и нетерпение.

Между тем на покинутом острове опять воцарилось безмолвие, изредка только доносился по воде слабый удар весла, замиравший вдали, и снова все стихло.

Так прошло несколько времени. Волны плескались о берег, высокий тростник шелестел, нагибая под напором западного ветра до самой воды свои темнокоричневые, пушистые головки цилиндрической формы; ширококрылая летучая мышь беззвучно реяла над камышами с очевидным намерением полакомиться ночными мошками.

Остальное все было тихо и безжизненно.

Вдруг низкорослый ствол вековой ивы, под которой совещались четверо германцев, начал странным образом расти кверху: между его ветвей на верхушке показалась темная фигура.

Сначала высунулась увенчанная шлемом голова, потом коренастый торс, закутанный в плащ. Две сильных руки уцепились за верхушку дерева. Вылезавший человек зорко осмотрелся по сторонам и, только убедившись, что все кругом пустынно и тихо, вытащил ноги из древесного дупла и спрыгнул на землю. Другая и третья фигуры точно так же показались оттуда и спустились вниз по дереву.

— Ну вот, разве я солгал, господин? — горячо воскликнул третий. Это был юношеский голос. — Все вышло, как я говорил заранее.

Человек, к которому обращались с речью, не отвечал ни слова. Темнота скрывала его черты, можно было рассмотреть только одну коренастую, малорослую фигуру, не отличавшуюся благородностью форм.

— Запомни хорошенько имена, Хелхал, — приказал он другому спутнику, вместо ответа первому. — Я не забуду их: Визанд, Ротари, Банчио и трое славянских псов. Пригласи их на наш торжественный трехдневный праздник в честь Дзривилы, богини коней. Это не покажется странным, потому что таков наш обычай. Я должен иметь их в своих руках всех до одного, со свитой и родичами!

— Господин, ты, значит, доволен? Дай же мне условленную награду, — снова заговорил первый вкрадчивым тоном. — Неужели ты думаешь, что мне было легко нарушить свою верность и выдать с головою молодого, благородного господина — мне, его собственному щитоносцу? Только безумная жажда обладать тою девушкой — без твоей помощи это для меня невозможно — могла побороть во мне жалость. Ах, если бы ты знал, как хороша Ильдихо! Ее красоту нельзя описать, но она зажигает сердца. Королевна такая стройная и вместе с тем роскошная телом, такая беленькая...

— Стройная? Роскошная? И беленькая? Ну, я сам это скоро увижу.

— Когда?

— Разумеется, на твоей свадьбе. Я непременно приду пировать вместе с вами.

— Поспеш! Ты слышал: Эллак прельстился ею... О, как я хотел бы ускорить желанную минуту. Когда же девушка достанется мне? Когда ты дашь мне Ильдихо?

— Когда хорошенько удостоверюсь в твоей верности и уменье молчать. Посуди сам: ты предал своего собственного господина в мои руки уж никак не из любви ко

ФЕЛИКС ДАН

мне, потому что я тебе только страшен. Как же мне самому оградиться от твоего предательства?

— О, выбери для этого какое угодно средство, самое сильное, самое верное.

— Самое верное? — в раздумье повторил другой, осторожно ощупывая что-то под своим плащом. — Хорошо, будь по твоему!

В воздухе мелькнул длинный, кривой нож и с такою яростью вонзился в живого германца, что конец оружия прошел сквозь ребра.

Щитоносец Даггара без крика опрокинулся навзничь.

— Оставь его тут, Хелхал. Вороны сумеют найти свою добычу. Пойдем.

— Господин, дай мне одному переплыть на ближайший островок, где мы спрятали лодку. Я приеду за тобою. Ты переплыл отсюда сюда почти половину реки, это для тебя слишком много.

— Молчи. Тому, кто каждую ночь бесчестит германскую девушку, нетрудно переплыть два раза кряду небольшую часть Дуная. По крайней мере, наши труды не пропали даром. Не только одна мелкота, из старых и молодых, попадет ко мне в руки, но я согну и оба гордых дуба: гепида и амалунга. Они должны дать клятву верности и моим сыновьям, как дали мне. Иначе смерть обоим! Пойдем, Хелхал! Я радуюсь заранее холодному купанью. Приди, высокогрудый Дунай, в мои жадные объятия!

2.

Страна рогов — владения короля Визигаста — простиралась от правого берега Дуная к западу, до цепи холмов, где берут свое начало реки Кремс и Камп. На один день пути от Дуная стоял на возвышенности королевский

дворец, довольно простое здание, окруженное другими, более низкими постройками.

Склоны возвышенности поросли буками и дубами, но не особенно густо, так что из дворца открывался свободный вид на долину с северной стороны; здесь протекал широкий, светлый ручей, который можно было назвать речкою; он извивался по роскошной луговине, огибая холм с юга к северо-востоку.

На берегу этого ручья в одно ясное летнее утро кипела веселая работа: толпа молодых девушек усердно занималась стиркою шерстяных и полотняных одежд в прозрачной свежей воде зеленоватого оттенка. Юные работницы представляли красивую картину, полную разнообразия и движения. Они, очевидно, не тяготились своим занятием, потому что ежеминутно оглашали воздух громким говором и задорным смехом посреди звонкого стука вальков, красные, желтые, голубые и белые спинки которых быстро мелькали в воздухе, выделяясь на зелени сочного луга, усыпанного блестками росы. Девушки подоткнули подола своих длинных платьев, похожих на рубашки, и подвязали повыше концы широких поясов, чтоб им удобнее было работать; их белые ноги были разуты, и полные, красиво закругленные руки сверкали на утреннем солнце своей белизной; на некоторых девушках были широкополые, совершенно плоские шляпы из бурого тростника, подвязанные тесемкой у подбородка, но большинство обходилось без них, свободно распустив свои белокурые волосы; темнорусых между ними почти не было.

По временам, какая-нибудь из работниц, согнувшись над водой, вскакивала на ноги, выпрямляя стройную фигуру; упиралась обнаженными руками в бедра и представляла свежему ветерку свое пылающее лицо.

Так трудилось целое утро около двенадцати девушек, стоявших рядом на коленях, на чистом и мелком при-

брежном песке. Прополоскав несколько раз каждую шерстяную и полотняную вещь в свежих, соблазнительно-прозрачных и быстрых струях потока, работницы складывали белье на большие плоские камни, нарочно принесенные сюда для этой цели, и принимались колотить мокрую ткань гладкими вальками из мягкого дерева — белой березы. Иногда валец, будто бы невзначай, попадал по воде, осыпая соседку шалуни холодными брызгами, сверкавшими на солнце. Они обдавали ей голову, шею и грудь, что постоянно вызывало новые шутки и несмолкаемый смех.

Окончив полосканье, девушки, не жалея белых здоровых рук, крепко скручивали и выжимали каждую выстиранную вещь непременно по семи раз, наблюдая, чтобы вода стекла на землю, а не обратно в ручей. Таков был древний обычай, завещанный германским женщинам самой богиней Фриггой*. Выжатые одежды полоскальщицы бросали позади себя на густую траву и брали новый запас красивых и высоких ивовых корзин, стоявших с правой руки у каждой девушки.

Другие — расстилальщицы — живо подбирали вымытые вещи, складывали в неглубокие корыта из липового дерева и уносили подальше на лужайку, на самом припеке, где солнце успело высушить траву, тогда как ближе к ручью и на противоположном его берегу, под тенью кустарников и деревьев, роса еще сверкала алмазными каплями на каждой былинке. Прилежные работницы расстилали по земле чистые одежды рядами, тщательно разглаживая каждую складочку. На лугу пестрело множество цветов: вероника, венерины башмачки, рута, тысячечет прятались в траве, спасаясь от жгучих лучей солнца. Над ними кружились пестрые мотыльки и «коро-

* Фригга — супруга Вотана.

мысла» с длинным тельцем и двумя парами прозрачных, как слюда, крыльев, отливавших всеми цветами радуги. Они с торжественной медлительностью реяли в воздухе и садились на соблазнительно белую поверхность шерстяной ткани, трепеща крылышками и сладко нежась на солнце.

Вблизи лужайки с ее сочной травой и крупными цветами проезжая дорога разветвлялась в разные стороны. Начинаясь у дворца короля Визигаста на холме, она спускалась к югу, потом поворачивала к западу, в лес, и направо к востоку, где терялась в степи. У самого перекрестка, в тени густого орешника, стояли длинные дроги, запряженные тремя белыми лошадьми: одна впереди и две сзади рядом; на шести полукруглых обручах был натянут над дорогами навес из крепкой парусины; в этой повозке было аккуратно поставлено множество корзин с сухим бельем, из чего можно было заключить, что работа девушек на берегу ручья продолжается уже довольно долгое время.

У козел повозки стояла, прислонившись к ним, молодая девушка сказочной красоты. Ее великолепная фигура, тонкая в бедрах, но с полными плечами и развитою грудью, была выше на целую голову двух других девушек, стоявших рядом, хотя и они были выше среднего женского роста. Белая одежда, надетая прямо на тело, облегалась длинными складками юношеские члены красавицы; она сняла с себя светлоголубой плащ и повесила на перила кибитки. Таким образом ее шея и дивные, изящно закругленные руки оставались обнаженными; ослепительно белая кожа напоминала матовую поверхность мрамора, без блеска. Синий кожаный кушак, в ладонь шириною, поддерживал широкую шерстяную рубашку на талии. Синяя кайма подола не доходила до стройных щиколоток; искусно сплетенные из соломы сандалии зашнуровывались на

ФЕЛИКС ДАН

высоком подъеме красными ремешками. Эта юная красавица была дочь царя Визигаста, Ильдихо. Несмотря на высокий сан, она не носила драгоценных украшений; но их с избытком заменяли роскошные золотые волосы. Кудри Ильдихо сами по себе были чудом в этом создании, полном дивных совершенств: их колорит был удивительно сочен и густо золотист; кроме того, мягкие, как шелк, и тонкие, они поражали своим обилием. Коса, обрамлявшая белый лоб королевы, была в три пальца толщиной и украшала ее головку несравненной диадемой, как будто выкованной из червонного золота; разделенные на затылке в две толстых косы, волосы ниспадали ниже колен и были перевязаны на концах голубыми лентами.

Так стояла она у повозки, выпрямившись во весь рост, положив правую руку на хребет одной из лошадей, запряженных парой, а левой прикрывая от солнца глаза, чтобы лучше следить за работой девушек у речки и на лужайке. Большие глаза Ильдихо, золотисто-карие, с твердым, смелым взглядом, напоминали глаза орла. По временам она закидывала гордую головку, поднимая прекрасно очерченные темные брови. Вдруг тяжелая повозка получила резкий толчок: передняя лошадь не заржала, а скорее закричала в смертельном испуге, попятилась назад, давя других лошадей, и взвилась на дыбы... Еще минута, и дроги вместе с конями полетели бы с высокого откоса вниз. Обе товарки Ильдихо с громким визгом бросились бежать обратно в гору, но королева кинулась вперед, удержала сильной рукою за повод взвившегося на дыбы коня, потом, наклонив прелестную головку, с минуту пристально рассматривала почву под ногами лошадей и наконец твердо наступила на какой-то предмет, притопнув сандалией.

— Идите сюда обратно, — спокойно крикнула Ильдихо подругам, откидывая кончиком ноги что-то судорожно извивавшееся в пыли. — Она издохла.

— Что это было? — боязливо спросила одна из подруг, снова появляясь у повозки, с любопытством высовывая вперед темнокудрую головку и прикрываясь темнозеленым плащом.

— Медянка. Лошади их ужасно боятся, Ганна.

— И нельзя не бояться, — заметила другая из подоспевших товарок, — мой двоюродный брат умер от укуса медянки. Знай я, что тут змея, то убежала бы еще скорее.

— Их нужно давить ногой прежде, чем они успеют ужалить, — возразила королевна. — Вон взгляните: я наступила змее прямо на шею у самой головы.

— Ильдихо! — в ужасе воскликнула Ганна, всплеснув руками.

— О, госпожа! Если б ты промахнулась! — жалобно прибавила другая.

— Я никогда не промахнусь, Альбрун. И, кроме того, меня охраняет Фригга, благородная жена.

— Конечно, не без ее помощи!.. — перебила Альбрун. — Помнишь, Ганна, как я прошлой весной при стирке белья полетела в реку? Ты закричала и другие также, — девушек двадцать нас было. — Вы все с криком побежали вдоль берега за мною, а меня уносило быстрым течением, как щепку.

— Как же, помню! Но королевна не закричала: она прыгнула в воду и схватила тебя за красный плащ, вот этот самый: ты любишь его носить, потому что он тебе идет. Госпожа схватила тебя левой рукой, а с помощью одной правой поплыла к берегу и вытащила тебя из воды.

— А когда я стала потом выжимать мокрые волосы, — вмешалась с улыбкой королевна...

— То нашла крепко прицепившуюся к ним раковину, которую мы называем застежкой Фригги...

— В ней бывает жемчуг, — перебила Ганну Альбрун, — мы знали это и разделили половинки...

ФЕЛИКС ДАН

— И нашли там превосходную жемчужину небывалой величины. Такая прелесть!

— Да, — серьезно сказала Ильдихо, слегка разглаживая рукой брови, — я нахожусь под покровительством Фригги. Моя мать умерла тотчас после моего рождения, и мне было бы трудно вырасти здоровой, понятливой и честной девушкой, если б не богиня. Но отец отдал меня под ее охрану, чтоб она заменила мне умершую мать; недаром Фригга была нашей славной родоначальницей! По вечерам, когда мы сидели у огня, отец постоянно рассказывал мне о ней, как о самой доблестной, самой достойной из женщин. И как часто потом, засыпая после его рассказов, я видела у своей постели прекрасную златокудрую богиню; она гладила белой рукой мой лоб и брови. Я, конечно, просыпалась от ее прикосновения и мне чудилось, будто бы белая одежда мелькает у порога, исчезая в темноте. Сладкий испуг волновал мне сердце. Я вскакивала, и из моих волос с треском сыпались искры. Благодатная жена невидимо следила за каждым моим шагом, оберегая меня от зла. Однако довольно болтать! Примемся опять за работу!

— Нет, госпожа! — возразила Альбрун, встряхивая черными косами и останавливая Ильдихо за руку. — Ты слишком много трудилась сегодня.

— Кто, — подхватила Ганна, — поднял на повозку все эти корзины с бельем без посторонней помощи? Они до того тяжелы, что мы вдвоем тащили их сюда с лужайки.

— И ты еще не позволяла нам помочь тебе! Зачем так утруждать себя понапрасну?

— Вы у меня такие слабенькие. Я боялась, что вы сломаетесь, поднимая корзины! — отвечала со смехом королевна, расправляя члены. — Вы устали? Тогда довольно на этот раз. Внизу расстилают на траве последние вещи. Мы останемся втроем в буковой роще, пока они

просохнут. Остальные пускай отправляются с повозкой домой. Они, должны быть, голодны, а теперь коров подоили и утреннее молоко готово для них. Пойдемте звать их от работы.

3.

На берегу ручья, на лужайке и на проезжей дороге опять воцарилась тишина. Веселая, болтливая толпа молодых девушек исчезла вместе с кибиткой за широкими воротами ограды, окружавшей поселок на вершине холма, рядом с королевским дворцом.

Ильдихо с двумя товарками бродила под молодыми стройными буками на опушке леса. Деревья росли в этом месте негусто и пропускали сквозь свои ветви яркие солнечные лучи, отбрасывающие узорчатые подвижные тени на темнозеленый бархатистый мох, которым была покрыта почва.

Королевна срывала тонкие веточки и листья с нижних ветвей, сплетала вместе их тонкие стебельки, и мало-помалу в ее искусных руках очутилась длинная гирлянда, которую она связала венком. Из чащи леса, поднимавшегося на отлогую возвышенность, вытекал светлый, довольно большой источник; с тихим мелодичным журчанием отыскивал он кратчайшую дорогу через луговину к речке. В прозрачной воде ежеминутно мелькали темные спинки пескарей, нырявших в глубину. Их пугало приближение человека: легкие шаги девушек и подвижные тени их фигур, ложившиеся на песчаное дно ручья, обращали в бегство вертлявых рыбок, выплывших на поверхность ключа погреться на солнышке. Между тем грациозная стрекоза с длинными и узкими решетчатыми крылышками синего цвета, порхая вокруг, уселась на золотистые кудри

ФЕЛИКС ДАН

Ильдихо; она как будто упивалась их ароматом и долго не слетала прочь, хотя девушка продолжала идти вперед.

— Вот посланница Фригги! — вскричала Альбрун.

— Она принесла тебе привет богини, Ильдихо, любимица Асгарда, — подтвердила Ганна.

Но королевна замедлила шаг и молча указала пальцем вверх. Там, в густых ветвях высоких буков, раздавалось нежное воркованье.

— Дикая горлица! — прошептала Альбрун, и ее глаза заблестали от радости.

— Это ты первая услышала ее, госпожа! — заметила Ганна.

— Это предвещает...

— Свадьбу, замужество, — с улыбкой подсказала Ганна, прижимаясь к белой руке своей госпожи. — Фрейя* также явно благоволит тебе, потому что дикая горлица — ее любимая птица.

Ильдихо покраснела до корней волос, опустила темные стрельчатые ресницы и прибавила шагу.

— Прислушайтесь! — произнесла она, как бы желая отвлечь мысли своих спутниц в другую сторону. — Сейчас раздался опять голос другой птицы издалека, из самой чащи леса. Слушайте: вот опять!.. Отрывистые, но такие сладкие звуки, такие манящие, таинственные...

— Э! Да это поет черный дрозд с желтой грудкой, — объяснила Альбрун.

— Золотая птица, которая умеет сделать свое гнездо невидимкой!

— Да, да! Ведь это не простая птица, а заколдованный царевич! Его обратили в дрозда за то, что он подсмотрел, как купалась Остара, прелестная богиня утренней зари и весны.

* Богиня Фрейя, покровительница браков и любви, супруга Одура.

— Его заколдовали, чтоб он не смел рассказать о том, что видел.

— Однако в его пении до сих пор слышится затаенный восторг.

— Но девушка, родившаяся в праздник Вотана, может разрушить чары и освободить царевича...

— Если она нежно поцелует птичку в золотое темечко...

— Трижды!

— Поцеловать птицу! Но это ведь несколько не стыдно даже для самой целомудренной девственницы, не так ли, Ильдихо? — спросила смуглянка Альбрун.

— Да, но ведь ты сознавала бы при этом, что целуешь мужчину, прекрасного царевича! — поддразнила подругу веселая Ганна. — Когда он сбросит с себя перья и птичий клюв...

— Ну, тогда придет его очередь целоваться.

— Ах, вы, болтуны! — побранила их королева. — Разве можно говорить так громко о поцелуях между мужчиной и девушкой? Меня удивляет, как вам не стыдно!

— Э, что за беда, если о поцелуях говорится в шутку...

— Ведь мы пока не собираемся целовать кого-нибудь одного...

— О ком умалчиваем с намерением!

— Ну да! А про царевича, обращенного в птицу, может толковать всякая девушка и мечтать о нем, и...

Но Ильдихо нахмурила белый лоб и слегка сжала пышные пунцовые губы. Ганна тотчас заметила этот признак неудовольствия своей госпожи; она потихоньку дернула болтунью Ганну за курчавые спутанные волосы, чтоб та перестала докучать королеве.

— Подождите меня здесь, — сказала дочь Визигаста служанкам, указывая на скамейку из моха. — Мой веночек

из буковых листьев готов. Мне надо увенчать им исток лесного ключа. Я дала такой обет.

— Лесной ключ посвящен Фригге, — серьезно заметила Ганна, — и по нему можно угадывать будущее. Пусть королева идет одна; ее не должен видеть при этом ничей глаз! — заключила она, притягивая за красный плащ обратно на скамейку любопытную Альбрун, хотевшую подсмотреть, что станет делать молодая госпожа у священного источника.

4.

Ильдиho быстро подвигалась вперед. При своем высоком росте она была принуждена не раз наклонять голову в золотистой диадеме волос, чтобы не задеть за древесные ветви, переплетавшиеся местами над узкой лесной тропинкой, едва заметной посреди сырого моха.

Тропинка все дальше углублялась в лес. Деревья становились гуще; все скупер проникали под их зеленый свод яркие солнечные лучи. Вскоре Ильдиho достигла цели — истока священного ключа.

Место, откуда бил источник, вырываясь из таинственных, глубоких недр земли, было обложено красивым темнокрасным песчаником еще стараниями предка короля гепидов Визигаста. Этого материала было довольно вокруг; буковые рощи особенно успешно разрастаются там, где подпочвенные слои богаты залежами песчаника. Красота, прочность и вместе с тем мягкость этого камня напоминают те же качества бука — с его ласкающей глаз зеленой листвой и гибкими ветвями. Бук — краса леса — невольно приводит на память поэтический миф о прекрасных дриадах, отождествляемых с лесными деревьями.

На верхнем центральном камне незатейливого свода, сооруженного без помощи цемента, была нацарапана руническая надпись, гласившая:

Этот быстрый ключ
Живой воды
Оградил и посвятил
Богине Фригге
Фридгаст,
Удалых наездников-ругов
Благочестивый король.
Фригга, пошли благодать твою
Во дворец и в хижину
Нашим женщинам
Из рода в род

Камень с надписью был обвит венком из темного плюща и крупных лиловых колокольчиков. Венок лежал здесь уже целую неделю, но не завял, потому что его освежали мелкие брызги воды и влажные испарения. Ильдихо опустила на колени, бережно положив рядом с собою на мох принесенную ею буковую гирлянду. Она осторожно сняла с центрального камня, поставленного стоймя, старый венок и разделила его на две половины, слабо державшиеся вместе. Потом девушка поднялась и произнесла торжественным, серьезным тоном:

Фригга, я вопрошаю!
Как этот венок, так и наше будущее:
Что случится с венком,
То будет с нашей жизнью и любовью.
Направо плыви «его» участь,
Налево — моя!
Фригга, я вопрошаю!

ФЕЛИКС ДАН

Говоря таким образом, королева осторожно спустила венок на воду и стала следить за ним с напряженным вниманием. Не долго держались вместе обе половинки: их вскоре разъединила быстрота течения. Правую половину венка волны понесли вперед; она закружилась, нырнула в глубину и пропала. Остальная часть поплыла медленнее и вскоре зацепилась за камень, выступавший со дна ключа. Напрасно быстрые волны старались оторвать гирлянду от этого препятствия: цепкий плющ прочно держался за него, и лиловые колокольчики печально поникли своими головками. Ильдихо так засмотрелась на свои цветы и до того ушла в гаданье, что застыла в неподвижной позе, опершись левой рукою на каменный свод и вытянув вперед головку. Углубившись в свои мысли, она не расслышала быстрых шагов, приближавшихся к ней из чащи леса. Правда, то была легкая, осторожная поступь опытного охотника, привыкшего подкрадываться и к зоркой рыси, и к чуткому тетереву. Кроме того, шаги подходившего замирали на мягком ковре зеленого моха.

Королева заметила его приближение, когда увидела перед собою человеческую тень на светлой поверхности потока. Она тотчас узнала или догадалась, кто стоял позади.

— Это ты! — невольно вырвалось у ней восклицание, и девушка обернулась назад с пылающими щеками.

— Что с тобой? Почему ты так печальна? — спросил красивый, стройный юноша; он был немногим выше королевы.

Остановившись перед нею, молодой воин оперся на древко охотничьего копья.

— К чему ты так присматривалась? Ах, да, вижу, вижу! Лиловые цветы зацепились за камень, а плющ умчало от них далеко. А знаешь ли, юная дева, почему это? У цветов

нет воли; они должны покоряться посторонней силе, но людские сердца и сами люди — свободны. Я сейчас помогу бедным цветочкам. Впрочем, нет! Мое вмешательство не нужно. Гирлянда отцепилась сама и весело помчалась вперед. А вон там подальше — видишь? — у корней ивы колокольчики опять соединились с плющом и поплыли вместе.

— Фригга соединила их, — набожно ответила Ильдихо. Ее благородное лицо прояснилось, голос звучал увереннее.

— А зачем ты пришел сюда опять? — спросила она юношу, отворачиваясь в сторону.

— Может быть, для того же самого, для чего и ты: для ворожбы.

Но он засмеялся при этом, обнаружив два ряда белых зубов, сверкавших между пурпурными свежими губами.

— Не смотри же так упорно на сухой мох у себя под ногами! Ты можешь любоваться им, когда я уйду, — прибавил юноша.

И он грациозным жестом руки приподнял со лба свои густые темнорусые кудри, ниспадающие ему до самых бровей того же цвета, над светлосерыми глазами. Низкая, с узкими полями, войлочная охотничья шляпа, украшенная пушистым пером серебристой цапли, свалилась у юноши с головы, пока он пробирался сквозь лесную чащу, и висела у него на спине, болтаясь на ремешке. Правильно очерченные темные брови почти сходились над переносьем, что придавало его лицу веселое плутовское выражение. Красивый, немного своенравный рот, обрамленный светло-каштановым пушком, сложился в счастливую улыбку. Молодой охотник был замечательно хорош собою, и королева не могла отвести глаз от милого лица, когда решилась наконец взглянуть на юношу, уступая его мольбам.

— Ты пришел сюда для ворожбы? — спросила она тоном сомнения.

ФЕЛИКС ДАН

— Нет, я пошутил. Мне не надо больше пророчеств и гаданья, королева... Я искал здесь... тебя!

— Но ведь я запретила тебе приходить! — произнесла Ильдихо, грозя ему указательным пальцем. — Как ты смеешь подстергать меня у источника Фригги... точно дикую лань?

— Вот было бы прекрасно, если бы все лани запрещали охотникам выслеживать себя! — задорно возразил юноша, поглаживая свою пробивающуюся бородку. — О, Ильдихо, не упрямясь напрасно! Это не поможет. И Фригга, и радостная Фрейя желают нашего союза. И я сам его желаю да и ты также.

Он хотел взять королеву за руку, но та отдернула ее с быстротою молнии.

— Ты не прикоснешься ко мне, королевич, пока...

— Пока отец Визигаст не даст своего согласия? Хорошо. Так узнай, что он дал мне его.

— Даггар! — Ильдихо краснела все больше и больше. — Такие слова не говорятся в шутку!

— Нет, потому что они священны, — отвечал юноша тоном благородной серьезности, которая шла к нему еще лучше, чем шутливость. — Я переговорил с твоим отцом сегодня поутру, отправляясь сюда; он мне попался на дороге к дому. Меня же привело сюда... тайное предчувствие.

— Значит, отец вернулся с большой охоты?

— С охоты?.. С большой охоты? — в смущении повторил Даггар. Он судорожно сжал в правой руке древко копья и потянул левой рукой книзу рубашку из темнокоричневой оленьей шкуры, доходившую ему до колен и составлявшую все одеяние королевича.

— Нет! — продолжал он. — У нас только шли переговоры насчет большой охоты, но она пока не состоялась... и даже к ней еще не приступали! Злой кабан с паршивой щетиной и налитыми кровью глазами еще не окружен

облавой. Пожалуй, не один охотник сложит молодецкую голову и будет насмерть ранен его клыками, прежде чем нам удастся одолеть чудовище.

— Даггар! — вырвалось у Ильдихо, дрожавшей всем телом.

И в этом возгласе невольно обнаружилась вся глубина ее любви.

— Да, Ильдихо, я догадался о замыслах твоего отца и сказал ему это прямо. Я упробил его взять меня с собою, когда он поедет... на Дунай. Там мы встретили других охотников... Только они не согласны примкнуть к нам... они не хотят, им нельзя! На обратном пути я просил руки твоей у благородного короля ругов. Это сделано с ведома и согласия моего слепого отца. Маститый герой ответил мне: «Да, но только после того, как»... Он замолчал. «Германский королевич, который не отгадал бы окончания моей речи», — продолжал немного спустя король Визигаст, — «не был бы достоин»... «Превосходнейшей девушки в целой Германии!» — подхватил я и чуть слышно, потому что это страшная тайна, шепнул ему на ухо условие, на которое он намекал. Оно заключалось всего в трех словах. Радостно взглянул мне в глаза король ругов и ударил рукой по моей протянутой правой ладони. «Не раньше того, отец!» — воскликнул я. — «До тех пор ни одна невеста и ни одна честная женщина не могут считать себя в безопасности!»

— О, Даггар, какой ужасный, неслыханный риск!

И бедная Ильдихо закрыла глаза, содрогаясь от ужаса.

— Да, риск велик! Но кто совершит славный подвиг — удостоится величайшей награды: он заслужит благодарность целой вселенной. И тот самый день, моя Ильдихо, когда освободятся все германские народы, будет днем нашей... Тише однако!.. Слышишь ржание лошади? В самой глубине леса! Верно, еще другой охотник выслеживает дикую лань у источника?

Королевич быстро повернулся и взял копьё наперевес.

5.

Лошадиное ржание раздалось с севера, где пролежала мимо леса проезжая дорога. Вскоре между густых кустарников показался всадник. Видя, что дальше ехать нельзя, он остановил коня — великолепного вороного жеребца — и спрыгнул на землю. Бросив поводья на шею лошади, незнакомец поднес ладонь левой руки к ее ноздрям; она опять заржала, мотнула головой и принялась лизать руку своего господина.

Погладив вороного, всадник направился к юной паре, стоявшей у ручья. Он казался лет на десять старше Даггара, был меньше его ростом и коренастее. Драгоценный византийский шлем покрывал его черные волосы, падавшие длинными прядями на плечи и спину. Темно-красный плащ греческой работы, из тончайшей ткани с изящной, но не слишком роскошной вышивкой золотом, покрывал всю его приземистую фигуру, которую, однако, нельзя было назвать неблагородной.

Воин подходил к Ильдихо и Даггару медленной, почти торжественной поступью.

— Опять он! — прошептала девушка с беспокойством, но без гнева.

Взгляд королевича, устремленный на воина, также был хотя серьезен, однако не выражал враждебности.

Подошедший почтительно поклонился Ильдихо. В его поклоне было столько благородства, достоинства, сдержанности и вместе с тем явного обожания, что красавица волей-неволей ответила ему легким кивком головы, — так склоняется стройная лилия, когда ее касается ветерок.

— Простите, благороднейшая королева, — заговорил молодой человек на готском языке, наречии ругов. Его голос был мягок и звучен, но с оттенком печали. — Вам может показаться, что я не случайно забрел сюда. Как

видно, однако, вас отыскал уже здесь другой. Привет вам от меня, храбрый королевич скиров, искусный музыкант и певец.

Последние слова были произнесены им на чистом скирском наречии, которое хотя происходило также от готского языка, но отличалось от наречия ругов, как аллеманский язык на Лехе от аллеманского языка в Швейцарии.

Даггар подал воину правую руку; тот взял и потряс ее левой рукой, правая была у него искалечена.

— В самом деле, мое появление здесь может показаться подозрительным, — продолжал он, — а между тем я пришел к этому источнику исполнить священный обет. Когда мне выпало на долю счастье провожать вас, королева Ильдихо, и ваших подруг в рошу богини Фригги и присутствовать при жертвоприношении у ключа, я заметил, как усердно вы молились про себя. Тут я тоже задумал поручить самое заветное из своих желаний милосердию здешней богини.

— Вы — Фригге? — воскликнула Ильдихо резким тоном, надменно вздернув губки. — Что общего может иметь гунн с Фриггой, белокурой богиней наслаждения?

На лице воина отразилось чувство горечи.

Это было странное лицо, как будто составленное из двух различных типов, противоположных один другому и не гармонирующих между собою.

Низкий, уходящий назад, чисто монгольский лоб, обрамленный прямыми прядями черных волос, и вместе с тем благородно очерченные брови, длинной дугою; под ними, в слишком глубоких впадинах над выдающимися скулами, оттененные длинными черными ресницами, дивные глаза, темнокарие, томные, печальные и страстные; слишком короткий, немного плоский нос, но все же не гуннского типа; также совершенно не гуннского типа

ФЕЛИКС ДАН

тонкий, крайне выразительный рот, неспособный к смеху, даже редко улыбающийся и печальный, как и глаза; наконец — мягко, чересчур мягко закругленный для мужского лица подбородок с редкой растительностью. Таковы были смешанные черты молодого поклонника прекрасной Ильдихо. Они придавали странный характер его физиономии, но были привлекательны, потому что в них отражалась чуткая, нежная душа и преобладало скорбное выражение. Даже гордая королева невольно поддавалась тихому очарованию этой кроткой печали, когда взгляд молодого воина с легким упреком остановился на ней. Она раскаялась в своих резких словах, прежде чем он заговорил мягким, звучным голосом:

— Я почитаю богов всех народов нашего царства, точно так же, как стараюсь изучить их языки. Кроме того, вы забываете, благороднейшая королева... Конечно, вы происходите от самой белокурой богини, матери наслаждения, это сейчас заметно даже и тому, кто не знает старинного сказания о вашем высоком роде... — Тут говоривший закрыл темные глаза, которые осмелились бросить на Ильдихо чересчур страстный и влюбленный взгляд. — Но ведь и я также наполовину происхожу из германско-готского племени: моя несчастная мать была из рода амалунгов. Значит, и я имею некоторое право на покровительство благодатной Фригги. Я хотел молить ее исполнить одно... мое единственное заветное желание и принести ей в дар кольцо, намереваясь украсить им верхний камень свода над источником.

Молодой человек вынул из складок пояса, на котором у него висело оружие, широкий перстень. Солнечный луч пронизал в эту минуту зеленый свод из буковых ветвей и упал прямо на драгоценный камень, искусно вделанный в кольцо. Камень засиял несравненным блеском, отливая всеми цветами радуги. Слепленная Ильдихо невольно

опустила длинные ресницы и даже зоркий охотничий глаз Даггара не мог вынести этого яркого сияния.

— Какое великолепие! — воскликнул он. — Это ведь алмаз, но какой крупный и блестящий...

— Его недавно прислал нам византийский император, — заметил воин. — Однако, — продолжал он, пристально вглядываясь в юную пару, — я вижу, что опоздал со своим даром благодатной Фригге. Но все равно! — с живостью прибавил молодой человек. — Я не возьму назад того, что посвятил белокурой богине. Мое кольцо не будет украшать ее святыни, потому что у меня теперь нет больше ни одного желания в жизни, но, белоснежная женщина, возьми свою собственность и унеси ее прочь отсюда! Пускай никому не достанется мой перстень и пусть никто не узнает, чего я хотел вымолить за свой драгоценный дар.

И воин бросил кольцо далеко в ручей.

— Что вы делаете! — воскликнул Даггар.

— Какая жалость! Это было целое богатство! — сказала Ильдихо.

— Да, девушка, это было целое богатство, заключавшееся уже в одном желании! Будьте счастливы! Я сейчас уеду и никогда больше не загляну в жилище короля Визигаста.

Он поклонился обоим с печальным видом и пошел к оставленной лошади. Вороной конь встал на колени перед своим господином и, когда тот вскочил в седло, поднялся с радостным ржанием на ноги.

Вскоре лошадь и всадник исчезли из виду.

Даггар задумчиво смотрел им вслед, опираясь на копьё.

— Хм! — произнес он наконец после долгого молчания. — Когда нам удастся наконец извести старого вепря со всем его проклятым отродьем, этого одного мне будет жалко от души!

6.

В то же самое время, приблизительно на один день пути от последнего пограничного города Византийской империи Виминациума (нынешний Виддин), двигался к северу порядочный караван, состоявший из всадников, телег и пешеходов. Он шел в царство Аттилы по направлению к реке Тиссе. Авангардом, указывавшим дорогу, служил ему отряд гуннов, гарцевавших на маленьких взъерошенных и тощих лошадках необыкновенной выносливости.

Гуннские всадники ехали также по обеим сторонам старой римской дороги, довольно хорошо сохранившейся местами и выбранной караваном для большего удобства. Однако путешественники очень медленно подвигались вперед.

Хотя иностранцы в богатых одеждах, предводительствуемые и сопровождаемые гуннами, ехали на превосходных конях, но тяжелые повозки еле-еле подвигались вперед, несмотря на то, что каждая из них была запряжена шестью, восемью и даже десятью мулами или лошадьми. Эти широкие фуры, похожие на тачки, были нагружены целыми горами клади; некоторые из них прямо походили на громадные сундуки: четыре стенки из крепкого дубового дерева покрывались сводчатой железной крышкой, запиравшейся толстыми железными задвижками и замками. Другие фуры были старательно увязаны непромокаемыми недублеными кожами и кожаными фартуками для защиты от дождя и солнца.

На железных замках сундуков и на концах веревок, затянутых на клади, пестрели крупные печати. Каждую повозку сопровождали пешие воины в полном вооружении, люди высокого роста, белокурые, с кроткими голубыми глазами и с крепким копьём, висевшим за спиной.

Они держали себя серьезно, осмотрительно, зорко поглядывая во все стороны; их лица были спокойны, но не веселы, и между ними царствовало безмолвие, тогда как византийские рабы и вольноотпущенники, ехавшие верхом на переднем и заднем мулах в каждой запряжке, непрерывно болтали на ломаном греческом и латинском языках, не только перебраниваясь и споря между собою, но обращаясь с речью даже к мулам и лошадям, подвергавшимся от них самому жестокому обращению, к колесам, к дурной дороге, к каждой рытвине и камню на ней.

Кроме погонщиков, караван сопровождало еще человек двадцать пять таких же рабов и вольноотпущенников на конях и пешком. Но едва одному из них удавалось протиснуться поближе к запечатанной клади, как копье молчаливого стража довольно чувствительно ударяло своим древком по спине римлянина; римляне и византийцы несли также несколько раззолоченных паланкинов.

В боковом окне одних носилок, закрывавшихся задвижными деревянными ставнями только с подветренной стороны, часто показывалась любопытная голова с резкими очертаниями лица и черепа. Когда мимо паланкина проезжал роскошно одетый и вооруженный всадник, человек, сидевший в носилках, непременно подзывал его к себе. Этот всадник, воин германского типа, по-видимому, руководил всем караваном; он часто останавливал своего скакуна, выслушивая доклады от авангарда или от разведчиков, подскакивавших к каравану с севера, потом давал редкие приказания и ответы.

— Остановись же, Эдико! Одно слово! Только на одно слово! — крикнул ему по-латыни голос из паланкина.

Но всадник молча проехал мимо.

Тяжелые фуры медленно и с трудом поднимались на довольно крутую возвышенность.

ФЕЛИКС ДАН

Двое всадников в блестящем византийском одеянии остановились на ее вершине, значительно опередив караван; они почти не разлучались во все время продолжительного пути.

С высоты открывался далекий вид на окрестности; товарищи сошли с коней и стали разговаривать, прохаживаясь взад и вперед.

— Какая безотрадная пустыня! — со вздохом заметил старший и, очевидно, более знатный из них, мужчина лет шестидесяти с серебристыми волосами, выбивавшимися из-под круглой войлочной шляпы и придававшими его лицу еще более внушительный вид. — На всем пространстве, которое можно окинуть взглядом, — он протянул руку по направлению к горизонту, отбросив полу роскошно вышитого золотом плаща, — ни следа человеческого жилища! Нигде, даже вдаль, не видно ни башни, ни городских укреплений. Хоть бы крыша какого-нибудь здания или дымок над двором земледельца! Ни деревни, ни крестьянской избы, ни пастушьего шалаша! Деревьев, даже и тех нет, кусты очень редки, одна безлюдная степь, покрытая сухой травой — пустыня и болото! Как непривлекательно царство гуннов!

— Да, патриций, — отвечал спутник византийца, кивая головой с видом подавленного гнева, — дикие варвары превратили эту страну в пустыню. Она была богата и процветала несколько десятков лет назад. Тут были прекрасные города, веселенькие виллы, окруженные фруктовыми садами и виноградниками. Ведь здесь в изобилии растут всевозможные плоды и родится синий виноград, дающий искрометное вино — недаром римские виноделы селились тут еще со времен Пробуса. На необозримых полях вызревала золотистая пшеница, волнуясь от ветра, как необъятное море. Все это была римская земля, на которой обитали племена великого готского народа: остготы, гепиды, руги, скиры; они храбро охра-

няли свою страну и прилежно возделывали почву. Во время моих странствий я не встречал лучших земледельцев как германцы, если они захотят приняться за это занятие или будут принуждены к тому необходимостью. Городская жизнь им не по душе; один аллеман назвал при мне город западней, где человек бывает лишен воздуха, свободы и движения. Но полевые работы идут у них прекрасно, когда свободный хлебопашец знает, что он трудится для себя, для своей верной жены и белоголовых ребятишек. В этом деле с ним не могут соперничать наши ленивые рабы и колонисты, потому что те работают из-под палки для ненавистного господина, стараясь делать все как можно хуже и сберегая свои силы. Двадцать лет тому назад я проезжал этой же дорогой, когда императрица Пульхерия послала меня к королю остготов. В то время здешняя страна кипела изобилием!.. Но с тех пор ее поработили гунны...

— Пускай бы только поработили, но зачем разорять то, что стало их собственностью? Кто знает, — со вздохом добавил патриций, — может быть, их владычеству не будет предела. К чему же они все уничтожают?

— Потому что таково их назначение, Максимин, потому что они не могут иначе! Видал ли ты когда-нибудь саранчу, опустошающую поля? Цветущая плодородная местность после их нашествия надолго принимает вид безотрадного запустения.

— Отвратительный народ!

— А наши цари в Византии и Равенне уже десятки лет ухаживают за ними, льстят им, стараются привлечь их на свою сторону богатыми дарами! Им уступают все больше и больше земли; прежде это делалось даже совершенно добровольно. А с какою целью? Для того чтобы вытеснить отсюда с помощью гуннов трудолюбивых германцев! Между тем не все ли это равно, что призвать волков в овечье стадо в острстку орлу?

7.

— Мне до сих пор не верится, — сказал Максимин, — что я, по воле судеб, попал в страну гуннов. Я! Честный, порядочный, не виновный ни в каком преступлении римский гражданин!

— Мне нужно дивиться еще больше тебя, — с улыбкой отвечал его спутник, — что я, сын моего отца, принужден отдыхать на этом холме, обвеваемом степным ветром, вместо того чтобы мирно сидеть у себя дома, в Византии, в уютной рабочей комнате, описывая мои прежние путешествия в качестве посланника. Очень не хотелось мне предпринимать эту новую поездку, да еще куда? К Аттиле! К грозному царю гуннов, которым матери пугают детей от Тибра до Еофора! Кто знает, вернусь ли я отсюда назад к своим запискам, свиткам и дневникам. Может быть, им напрасно придется ожидать меня, лежа в образцовом порядке на полках библиотеки! Гуннский царь не раз удерживал у себя навсегда посланников, которые ему нравились, а иногда и тех, которые не успели ему угодить. Но им обыкновенно приходилось недолго томиться в неволе.

И говоривший с грустной покорностью сжал губы, окончив свою полусутоливую речь.

— Прости меня, друг Приск, — отвечал патриций. — Это я буду виноват, если книга о твоих путешествиях с посольской миссией, так сильно интересующая всех образованных людей в Византии, не будет доведена до конца.

— Вот как! Значит, ты насчитываешь всего семнадцать образованных людей в нашей столице, то есть. настолько образованных, что они не ограничились одними похвалами, но и купили первую часть моего обширного труда!

— Да, я буду виноват, — продолжал Максимин, — если вторая часть твоего сочинения не допишется до конца и

если блестящий византийский ритор не будет больше очаровывать слушателей своим мощным словом в зале красноречия. О, по крайней мере, я разделю его участь, живой или мертвый!

— Ну, в этом мало утешения, сенатор!

— Видишь ли, когда государь назначил меня посланником — ведь я вообще не пользуюсь особой милостью во дворце с золотым куполом...

— Само собою разумеется, патриций! Твоя честность колет глаза. Ты неподкупен, а что еще важнее — не желаешь подкупать других. Кроме того, неужели ты счел свою настоящую посольскую миссию к степному волку знаком особого монаршего благоволения?

— Ну конечно, нет! И потому прежде всего я написал духовное завещание. А затем подумал: нужно непременно взять с собою друга Приска. Иначе я умру от скуки во время длинного путешествия, а не то сойду с ума в приятном обществе других членов посольства или сбешусь от сознания всемирного бедствия, жалкой беспомощности в этой, совершенно неизвестной мне, пустынной стране варваров. Между тем Приск, прекрасно владеющий иностранными языками, желаемый спутник всех посланников, знакомый со всеми частями света, знает также и землю гуннов. Приск должен сжалиться над своим неведущим другом или, по крайней мере...

— Благодарность к тому, кто спас ему жизнь и честь, возьмет в нем перевес над всеми прочими соображениями! — с живостью подсказал обыкновенно сдержанный, рассудительный ритор, хватая руку сенатора. И он заговорил с жаром: — Когда года два тому назад, это воплощение низостей...

— То есть Хризафиос!

— Да! Когда гнусному евноху не удалось уговорить меня, чтобы я по возвращении с посольством из Персии

ФЕЛИКС ДАН

выставил перед императором как человека образцовой честности нашего пограничного наместника...

— Двоюродного брата Хризафиоса!

— Против которого у меня были собраны неопровержимые улики, тогда Хризафиос уверил государя, будто бы я подкуплен персами и потому добиваюсь удаления ненавистного им за свою добросовестность правителя пограничной области. Тотчас после этого доноса меня бросили в тюрьму бессмертных...

— Почему ты называешь так городскую темницу?

— Потому что никто не выходит оттуда смертным... Тогда ты, не побоявшись всемогущего евнуха, поручился за меня всем своим имуществом: я был выпущен на свободу и, благодаря тому, успел оправдаться, вполне доказав свою невиновность. Никогда не забуду я твоего благодеяния, Максимин, и если Аттила действительно разинет на тебя свою волчью пасть, которой кормилицы пугают детей, то клянусь: я положу туда собственную голову. Но почему император назначил тебя, именно тебя, в посольство к гуннам, это нам еще нужно хорошенько расследовать. Скажи, как было дело.

— Все вышло довольно странно. Часа в два пополуночи меня неожиданно разбудили рабы: Вигилий желал безотлагательно говорить со мною. Я спросил, не сошли ли они с ума, не рехнулся ли почтенный Вигилий или я сам. Ты знаешь ведь, что я презираю этого негодяя как никто...

— Исключая Хризафиоса, — напомнил ритор.

— Таков приказ государя, — отвечали мне, и через минуту противный человек стоял уже у моей постели, показывая при свете ночника письмо, написанное рукою евнуха и скрепленное подписью императора. Там говорилось, что я должен на следующий же день, то есть сегодня, отправиться в Паннонию, в царство гуннов, с Вигилием и посланником Аттилы, чтобы передать последнему ответ императора.

— Это не легкое поручение, тут надо снести на себе несколько центнеров позора! — проворчал ритор.

— Пурпуровые царские чернила незапечатанного письма не успели еще высохнуть; явно, что во дворце происходило ночное совещание между императором, Хризафисом, Вигилием и — что очень странно! — в нем участвовал еще один человек...

— Кто? — спросил удивленный Приск.

— Эдико.

— Посланник Аттилы? Откуда это тебе известно?

— От Вигилия. Хотелось бы мне узнать, какими путями Вигилий — без всякой заслуги со своей стороны — так высоко поднялся в мнении императора и самого евнуха.

— О, у него есть неоценимые достоинства!

— А именно?

— Его сделали переводчиком, так как он, кроме латинского и греческого, знает языки: готский и гунский. У него способность к филологии; сверх того, природа одарила Вигилия замечательной изворотливостью, а он развил в себе это качество до совершенства. Теперь этот человек без запинки врет, по крайней мере, на шести языках, отчасти по собственной охоте, отчасти по внушению Хризафиса.

— Итак, Вигилий нечаянно проболтался об участии Эдико в переговорах. Когда же я стал отказываться от предложенной поездки и спросил, как он смеет принуждать меня к ней, зная, какого я о нем мнения, негодяй воскликнул, пожимая плечами: «Неужели ты думаешь, что я сам избрал тебя своим спутником, ради собственного удовольствия? Тебя назначили по настоянию Эдико». — Ведь он меня вовсе не знает, — возразил я. — Разумеется. Но он потребовал, чтобы самый почтенный из всех византийских сенаторов (или тот, кто считается таким — скромно поправился старик) последовал за ним ко двору царя гуннов. Эдико навел справки и ему единогласно...

ФЕЛИКС ДАН

— Указали на тебя, как на самого почтенного человека в столице, — досказал Приск.

— В противном случае, — прибавил Эдико, — заметь хорошенько, друг, он не может взять на себя такой опасной ответственности. Понимаешь ли ты теперь?

Ритор с сомнением покачал умной головой.

— Вероятно, Вигилий все наврал, — возразил он.

— Я сам так думал и высказал свою мысль посланнику Аттилы, как только нам удалось остаться с глазу на глаз. Ведь он не гунн, а германец и человек недюжинный.

Приск кивнул головой в знак согласия.

— Однако и непроницаемый, — прибавил он.

— Оказалось, что Вигилий на этот раз не солгал. Аттила именно потребовал посланника сенаторского ранга. — «Но почему ты выбрал именно меня за мою правдивость?» — спросил я Эдико. «Это ты узнаешь, когда придет время», — отвечал германец.

— Совершенно верно: когда придет время! — повторил позади друзей чей-то сильный голос.

Они с удивлением обернулись и увидели перед собой Эдико.

— Вы скоро узнаете все и поймете причину моих действий. А до тех пор будьте осторожнее, когда вздумаете разговаривать по секрету, — предостерег он. — Опасайтесь не меня, а... других.

Германец повернулся и пошел под гору навстречу поднимавшимся повозкам. Внизу стояла его лошадь, поджидая господина.

Вскоре он медленно проехал мимо полуоткрытых носилок.

— Эдико! Эдико! — послышался оттуда шепот. — Ах, эта проклятая боль в бедре! Как досадно, что она мешает мне сесть на коня и я принужден оставаться в этом дурацком ящике! Мне необходимо с тобой переговорить

еще о многом. Пожалуйста, дай мне сказать тебе хоть одно слово.

— Молчи, неосторожный! — отвечал Эдико, не останавливаясь. — Оба твои спутника и без того смотрят на меня подозрительно. Неужели ты хочешь погубить нас обоих еще до исполнения великого плана?

8.

Медленно наступали сумерки после долгого летнего дня. Путешественники не успели еще дойти до означенного места ночлега, у брода через Дриссу — незначительный приток Тиссы, — как из числа всадников, конвоировавших левый, западный фланг каравана и нередко удалявшихся от него на значительное расстояние в сторону, прискакало с быстротою стрелы несколько человек один за другим с краткими донесениями Эдико. При этом разведчики оживленно жестикулировали, указывая своими длинными копьями или убийственными короткими ногойками в несколько концов, из самой твердой буйволово́й кожи — привилегированное оружие гуннов наряду со стрелами и луком — по направлению к вечернему солнцу, красно-багровый диск которого представлялся в туманной степной атмосфере, как отражение в вогнутом зеркале, некрасиво сплюсненном в ширину. Его окутывала дымка желтовато-серых туч, отнимая у дневного светила весь его блеск и сияние.

Эдико спокойно смотрел вслед гонцам, скакавшим обратно с его распоряжениями. Вдруг к нему приблизился молодой римлянин, торопливо погонявший свою лошадь.

— Эдико, господин, — робко заговорил он, — мой отец, Вигилий, послал меня к тебе. Он встревожился, видя, что сюда то и дело скачут гонцы. Один из готов, стерегущих

ФЕЛИКС ДАН

повозки, говорит, будто бы на западе заметны облака пыли, поднимаемые отрядом всадников. Отец боится... не разбойники ли это?

— В царстве Аттилы? Нет, мальчик. Успокой храбреца. Разве ты не видал, с тех пор как мы перешли вашу границу, скелетов, висящих на деревьях по краям дороги, а кое-где и не сгнивших еще трупов? Их встречалось немало.

Мальчик кивнул головой, содрогаясь от ужаса.

— Да, ваш повелитель придумал страшное украшение для проезжей дороги в своем царстве! При нашем приближении от трупов поднимались целыми тучами стаи воронов. Вон там, за поворотом пути, висят трое вместе — римляне, судя по наружности и одежде.

— Ты угадал: то были два разбойника и римский шпион. Мой государь умеет награждать людей по заслугам. Они были схвачены на месте преступления; их судили, доказали их виновность, приговорили к казни и немедленно исполнили суровый приговор.

— Однако ваше правосудие требует кровавых жертв! — заметил юноша.

— Зато оно применяется быстро и справедливо, — заключил Эдико. — В этом тебе еще не раз предстоит убедиться, мальчик.

— Но... если к нам приближаются не разбойники, то кто же могут быть эти люди?

— Вот увидим, когда наступит вечер.

Так и случилось.

Едва Эдико довел путешественников до брода через реку, где усталые лошади, кроме воды, нашли и прекрасный корм, как перед ними показались первые всадники встречного каравана, который шел с запада, очевидно, направляясь к северу.

Авангард составляли, как и в караване византийцев, гун-

ны верхом, за ними следовали знатные римляне, а потом ехали тяжело нагруженные фуры, хотя и в меньшем числе.

Максимин и Приск медленно приблизились к вновь прибывшим.

— Комес Ромул! — радостно воскликнул сенатор, спрыгивая с седла.

— Друг Примут! — удивился Приск, следуя примеру патриция.

Те, к кому относились эти приветствия, также поспешили сойти с лошадей и все четверо дружески поздоровались между собою. Приехавшие мужчины были в богатых римских одеждах.

— Я полагал, что ты в Равенне, Ромул, — заговорил Максимин.

— А я воображал, что ты сидишь в своем Виринуме, Примут, — сказал Приск. — Позволь спросить, зачем скитается в степях Паннонии префект Норикума?

— А я думал, что вы оба находитесь в Византии, — заметил комес Ромул, который был немногим моложе Максимиана.

— И вдруг судьба неожиданно свела нас здесь, — со вздохом произнес префект Норикума, статный, мужественный воин.

— Да, нечего сказать: приятнее было бы встретить старых друзей при других обстоятельствах... — подтвердил Максимин.

— А тем более римских сенаторов, — добавил Ромул.

— Но наше свидание... — вставил Приск.

— Далеко не радостно! — договорил префект.

— Скверно на душе!

— Вероятно, мы посланы с одинаковою целью...

— И покрыты одинаковым позором.

— Вас послал император Феодосий к Аттиле... — начал Примут.

ФЕЛИКС ДАН

— С просьбою о мире! — подсказал Максимин. — А вы идете от императора Валентиниана...

— Чтобы ответить на все требования...

— Полным согласием! — перебил Приск.

— И уплатить всякий налог... — с отчаянием продолжал префект.

— Какого потребует варвар! Там в повозках...

— Драгоценные парчи и ткани, серебро и золото — условленная дань за истекший год.

— Так вы должны заключить мир на каких бы то ни было условиях?

— Не может быть! — усомнился ритор.

— Даже не щадя своей чести! — отвечал Примут, хватаясь за меч.

— Наша честь давно поругана! — с гневом заметил Приск.

— О, Максимин, внук Антонины! — горестно воскликнул комес.

— Ах, Ромул, победитель вандалов! — отозвался патриций.

— Могли ли мы думать, что нам придется вместе идти на поклон к предводителю гуннов! — сказал префект.

— Унижаться перед кровожаднейшим из варваров! — добавил Приск.

— У меня есть еще отдельное поручение, — мрачно заговорил опять Максимин.

— И у меня также, — подхватил Ромул.

— Конечно, тайное! — смеясь заметил Приск.

— Да, его нужно содержать в строжайшей тайне! — подтвердил Примут.

— Если мне не удастся ни золотом, ни унижениями отклонить гунна от новой кровопролитной войны, я должен внушить ему...

— Конечно, уж не то, — вмешался комес, — что за-

падно-римскую империю легче завоевать и ограбить, чем Византию?

— В том-то и заключается наше главное поручение, — подтвердил ритор.

— Не трудитесь напрасно, — с гневом возразил префект, потому что нам приказано убедить Аттилу в беззащитности и бессилии Византии, которая к тому же богаче Равенны и, следовательно, представляет более лакомую добычу.

— О, позор! — с негодованием сказал патриций.

— Горе нам! — громко заметил комес.

Максимин ударил себя рукою в лоб, Ромул прижал руку к сердцу, префект гневно потряс головой, а ритор тихо простонал в порыве подавленной душевной боли. Среди своего печального разговора они дошли до обоза византийцев. Их лица и жесты явно выражали отчаяние.

Разговаривавшие не заметили, что за ними подсматривает высокий мужчина, скрытый от их глаз нагруженной до верху повозкой. Этот человек мотнул головой, покрытой тяжелым шлемом, и тихонько прошептал на готском языке:

— Что, римляне, видно позор слишком сильно гнет вас к земле? Но вы вполне его заслужили и давно ждете вас неумолимая кара. Погодите: еще не то будет дальше!

9.

Часа два спустя четверо друзей довольно сносно устроились в походной палатке. Земля под нею была устлана в несколько рядов драгоценными пушистыми коврами, сверху свешивалась лампа, разливавшая приятный полусвет, рабы, приставленные для услуг знатным иностранцам, принесли ужин и тотчас удалились. Распо-

ФЕЛИКС ДАН

ложившись на мягкой подстилке, путешественники сами передавали один другому кувшины с вином и водою, наполняя свои кубки. Эдико зашел к ним спросить, не желают ли они еще чего-нибудь, и затем вежливо откланялся. Вигилий лежал в другой палатке, страдая ломотой в бедре. Болезнь, а может быть, и сознание, что остальные члены посольства не расположены к нему, заставляли его держаться в стороне. Сын ухаживал за ним.

Посланники западно-римской империи вкратце сообщили подробности своего путешествия.

— С нами не случилось ничего особенного, — заметил префект, — потому что мы шли почти все время по римским владениям, придерживаясь старой военной дороги, по которой ходили наши легионы. Еще недавно вступили мы в царство Аттилы. Однако тотчас после перехода через границу у нас было маленькое приключение.

— Сильный отряд гуннов, — продолжал за него комес, — подскочил к нам, требуя с угрозами, чтобы мы немедленно остановились. Гуннские воины потрясали перед нами оружием с самым свирепым видом. Делать нечего — пришлось уступить. Тогда к нам обоим подъехал начальник отряда, размахивая обнаженным мечем, и закричал на латинском языке: «Аттила прогневался на вас и говорит устами своего слуги: он не желает больше видеть посланников Валентиниана. Что же касается подарков и денег, которые вы везете, то я требую их немедленной выдачи. Ну, живее! А не то я срублю вам головы!» И он сверкнул клинком меча перед нашими глазами. Однако префект ничуть не испугался, — продолжал с видимым удовольствием Ромул, — и отвечал предводителю шайки: «Привезенные сокровища Аттилы получит только из моих рук как дары, от тебя же это будет добыча грабежа; теперь делай, как знаешь, варвар.» — «Хорошо,

римлянин! — воскликнул гунн опуская оружие. — Ты молодецки выдержал испытание. Я донесу о твоей храбрости своему властелину». — С этими словами, он помчался обратно к востоку. Вслед за тем мы встретили новый отряд гуннов, которому было приказано сопровождать нас к Аттиле. Вот и все наши дорожные приключения.

— У вас, конечно, дело шло иначе. Вы давно уже вступили в землю гуннов. Расскажи, ритор, о своем путешествии, но прежде налей мне в кубок вина с водою. Как вы доехали сюда?

— Не без затруднений, — отвечал Приск, подавая другу бокал. — Нам только через двадцать дней удалось достичь Сардики, отстоящей от Византии всего на тринадцать дней пути: до того тяжело было тащить с собою наше золото и наш позор, которые мы везем на десяти фурах, чтобы покорно сложить свою дань к ногам притеснителей.

— В Сардике, почти наполовину выжженной гуннами, — продолжал Максимин, — мы пригласили Эдикю и других спутников к себе на вечерний пир.

— Но, к сожалению, — прибавил ритор, — нам пришлось у них же позаимствоваться говядиной и бараниной. Только приготовление кушаний взяли на себя наши повара.

— За ужином произошел спор. Вигилий, вероятно, слишком усердно наугощавшийся моим луканским вином...

— Или, может быть, притворившийся пьяным, — вставил Приск.

— Начал прославлять Феодосия, превознося его, как бога, перед Аттилой, которого назвал обыкновенным человеком.

Кончилось тем, что Максиминому пришлось умиловать раздраженных гуннов, исключая Эдикю, не сказавшего ни слова, и раздать им в подарок множество одежд, привезенных из-за моря, и драгоценных камней, добытых

ФЕЛИКС ДАН

в Индии. Нечего сказать, почтенный патриций: бог Феодосий обошелся тебе гораздо дороже, чем он стоит!

— Потом мы прибыли в Наиссус.

— То есть на место, где некогда стоял Наиссус. Гунны сравняли его с землею.

— Там все было пусто. В развалинах базилик приютились несколько раненых и больных, моливших провидение о пище и спасении или о смерти, что — по всей вероятности — было ближе к ним, так как тут же валялось несколько трупов.

— Мы, нечестивые грешники, поделились своими скудными запасами хлеба с этими несчастными, доведенными до последней степени отчаяния.

— И поехали дальше.

— Через опустошенную страну!

— Мы свернули в сторону с военной дороги.

— Потому что там нельзя было дышать.

— Почему? — спросил комес.

— От гниющих трупов.

— Они валялись целыми тысячами, непогребенные, и заражали воздух зловонием.

— То были убитые гуннами в сражении или настигнутые ими и безжалостно умерщвленные беглецы.

— Начиная от Наиссусских гор, мы подвигались обходами до самого Дуная.

— Гунны согнали соседних жителей, чтобы переправить нас на плотках на противоположный берег реки.

— Меня поразило огромное количество этих первобытных судов.

— Для переправы наших тяжелых повозок с кладью пришлось связывать по несколько плотов вместе.

— На наш вопрос, почему здесь собрано такое множество лодок, нам отвечали, что Аттила намерен в скором времени устроить большую охоту.

— Я догадываюсь! — заметил префект. — Только дичью...

— Послужим дикому гунну мы, несчастные римляне.

— Итак, нас перевезли на левый берег Дуная, приблизительно стадий на семьдесят дальше. Тут однажды вечером вздумалось нам разбить свои палатки на холме.

— Мы уже устроились на ночлег на возвышенности, где было сухо, тогда как внизу у берега почва оказалась болотистой...

— Невольники раскинули наши походные палатки, лошадей выпрягли из повозки, разложили костры для приготовления ужина...

— Как вдруг к нашему лагерю подскакивает несколько всадников. Эдико уехал вперед каравана за день до этого происшествия, не объяснив нам причины своего удаления. Подъехавшие гунны с бранью погнали нас с холма, приказывая расположиться у его подошвы.

— Почему? — спросил Ромул.

— Всадники кричали: «Сам Аттила недавно стоял лагерем внизу в долине... конечно, значительно дальше, вниз по реке... но все-таки вам не подобает»...

— Что такое не подобает? — сердито допытывался префект.

— «Чтобы ваши ноги стояли в настоящее время выше того места, где покоилась голова владыки вселенной», объяснили нам посланные. И, действительно, волей-неволей пришлось покориться; все возражения не привели ни к чему.

— Мы были принуждены опять сложить свой скарб и переташиться с обозом в другое место, оказавшееся несравненно хуже.

— Но зато Аттила прислал нам только что пойманной рыбы и несколько быков.

10.

— Дерзость этих степных грабителей неслыханна и невыносима! — проворчал ритор. — Несколько лет назад мне пришлось сопровождать такое же грустное посольство из Византии к гуннам. Только мы успели миновать Моргус, как наткнулись на гонцов Аттилы, посланных нам навстречу. Эти черномазые бродяги отказались даже приветствовать нас и вести с нами переговоры в палатках. Переводчик передал нам от их имени такой ответ: «Гунн ведет переговоры только на шести ногах». Мы совершенно не поняли этой загадки центавров, пока она не объяснилась наглядно: гонцы не сошли со своих коней. Все наши настояния оказались тщетны. Они хотели толковать с нами не иначе, как сидя верхом! Между тем, нам было невозможно стоять униженно перед ними и переговариваться, глядя на них снизу вверх. Оставалась только, ввиду непреклонного упорства гуннов, не думавших слезать с седла, самим опять сесть на лошадей. И таким образом императорские послы, римские государственные деятели, консулы, были принуждены разговаривать с варварами: сидя на конях, точно мы принадлежали к другой шайке подобных же бродяг! Содержание наших переговоров было так же унижительно, как и внешняя их форма: мы обязались выдать гуннам всех беглецов, скрывшихся под нашу защиту; между ними было двое королевичей из племени, враждебного Аттиле. Этих юношей звали Аттака и Мамо; посланные царя гуннов распорядились немедленно распять их перед нашими глазами! Кроме того, мы согласились не заключать никаких союзов с врагами Аттилы и обещали увеличить ежегодную дань — от римского императора предводителю дикарей! — до семисот фунтов золота, тогда как прежде она была вполовину меньше. Гунны потребовали, чтобы мы подтвердили наши обещания торжественной клятвой: именно пок-

лялись жизнью императора над крестом и евангелием, а сами зарезали лошадь, распоролы ей живот, погрузили до локтей обнаженные руки в трепещущие внутренности животного, а потом подняли их кверху и не опускали, пока не обсохнет кровь. Это была форма их собственной языческой клятвы.

— И с такими гнусными скотами мы принуждены сражаться и вести переговоры! — с гневом произнес префект.

— Пожалуйста, расскажи, патриций, еще что-нибудь из твоего настоящего путешествия, — сказал Ромул.

— Переплыв Дунай, — продолжал Максимин, — мы переправились еще через две реки: Тиг и Тифис, также на выдолбленных лодках и плотах, которые перевозились гуннами по сухому пути на наших повозках или навьючивались на нескольких лошадях, связанных вместе.

— По приказу наших провожатых, — прибавил Приск, — рассылавших повсюду своих быстрых, как ветер, гонцов, окрестные крестьяне должны были доставлять каравану съестные припасы из отдаленных деревень и степных хуторов. Бедные землепашцы питаются здесь вместо пшеницы и ржи просом, а вино им заменяют питье из меда диких пчел и еще другой странный пенистый напиток, приготовленный из перебродившего отвара полусгнившего ячменя, который называется у них «камус». Следующая ночь прошла для нас неблагополучно. После утомительного дневного перехода мы расположились на ночлег на берегу небольшого озерка, чтобы иметь под рукою воду для себя и для лошадей. Но едва невольники успели разбить шатры, как поднялась страшнейшая гроза с проливным дождем и вихрем. Ветер сорвал нашу палатку и снес ее в озеро со всеми распакованными в ней дорожными принадлежностями. С перепугу мы стали бросаться во все стороны, спасаясь от бури, и наконец, промокшие

до костей, попали в темноте в болото. На наш крик о помощи сбежались соседние жители из своих хижин. Дождь тем временем перестал, так что они могли зажечь длинные толстые стебли камыша, послужившие им вместо факелов, и при таком освещении нас вытащили кое-как из трясины, а вместе с тем спасли и часть нашего багажа, унесенного вихрем в озеро. Мы пошли греться в жалкие мазанки поселян, заменяющие им дома за недостатком леса. Топят здесь также не дровами, а сухим тростником.

— Но следующий день вознаградил нас за эти передряги, — продолжал Приск. — Мы достигли поместья вдовы умершего Бледы.

— А кто такой он был?

— Брат Аттилы, разделявший с ним трон и скончавшийся в молодых годах.

— Но вдовы его мы не видали: Аттила запретил ей разговаривать с мужчинами.

— Вероятно, у него есть на то свои причины, — сухо заметил проникательный ритор.

— Однако она пригласила нас в один из своих домов, послала нам в изобилии всякой пищи и — по обычаю гостеприимства у гуннов — прекрасных рабынь.

— Мы охотно приняли кушанья, с благодарностью отклонили живые дары и послали вдовствующей царице в подарок три серебряные чаши, несколько теплых одеял из красной шерсти, индейского перцу, фиников, византийского печенья и других лакомств, до которых так падки женщины; сверх того пожелали ей благословения свыше за ее радушие и опять пустились в путь. Однажды нам пришлось своротить с удобной военной дороги, которая была к тому же кратчайшей, и пробираться окольными путями по степным проселкам, где на каждом шагу попадались лужи после дождя. Но нам велели очистить дорогу для посольства одного из подвластных Аттиле

народов. Кажется, то шли послы германского племени гепидов.

— Да, это одна из больших групп храбрых готов, — пояснил Приск. — Когда мы стали возражать против такого распоряжения, — продолжал он, — то гунны ответили нам, пожимая плечами: «если ваш император покорится великому Аттиле, то и его посланникам будут оказывать больше чести!» Это было неделю тому назад. С тех пор с нами не случилось ничего замечательного.

— А что заставило вас отправиться из Равенны в царство гуннов? — спросил патриций.

— Та же самая горькая необходимость, как и прежде! — отвечал Ромул. — Только она облекается все в новые формы. Жестокий враг знает нашу слабость и свою силу и не устает злоупотреблять собственным превосходством, чтобы притеснять нас, изнурять налогами, унижать и мучить.

— Он не упускает ни малейшего повода насолить нам, — прибавил префект Норикума.

— На этот раз дело вышло из-за двух жалких золотых чаш, ради которых двое знатных римлян: комес и префект Норикума, были принуждены пуститься в эти степи и терпеть всевозможные унижения.

— Один римлянин по имени Констанций, подданный Аттилы, во время осады Сирмиума гуннами получил от городского епископа золотые церковные сосуды, чтобы выкупить из плена самого епископа и других граждан, если город не устоит против неприятеля. Так и случилось: Сирмиум пал. Однако римлянин нарушил свое обещание; он увез сосуды в Рим и заложил их там богатому меняле Сильвану. После того Констанций, как ни в чем не бывало, вернулся обратно к Аттиле. Тот, узнав о мошеннической проделке, приказал распять его и теперь требует от нас...

— Выдачи Сильвана, который будто бы присвоил себе или утаил золотые сосуды, принадлежащие к числу до-

ФЕЛИКС ДАН

бычи, захваченной после разгрома Сирмиума и, следовательно, представляющей собственность Аттилы.

— Как же мы выдадим совершенно неповинного человека?

— А между тем царь гуннов угрожает нам войной в случае отказа.

— Он мог выступить против вас в поход даже и тогда, если бы ему вдруг не понравился нос вашего императора, — заметил Приск.

— И мы принуждены умолять варвара, унижаться перед ним, стараясь задобрить его дарами, чтобы он отказался от своего чудовищного требования!

— А так как и наша миссия настолько же унижительна, — со вздохом сказал Максимин, — то будем терпеливо переносить вместе ожидающий нас позор.

— Да, но иметь сотоварищей в подобном несчастье вовсе неутешительно, вопреки словам поэта.

— Равенна и Византия покрыты одинаковым стыдом!

— Однако лампа догорела! Постараемся заснуть, — посоветовал благоразумный Приск. — Пусть нам приснится былое величие Рима и благодетельный сон принесет с собою забвение безотрадной действительности.

11.

Спустя трое суток оба посольства, соединившиеся в дороге, прибыли к жилищу Аттилы или, вернее, к его главному лагерю, который прославлялся гуннами, точно какое-нибудь обиталище богов.

Просторно разбросанный поселок, состоявший из множества больших и маленьких деревянных домов, превосходил своими размерами деревню, напоминая собою скорее целый городок, но без земляных укреплений.

Эти деревянные постройки с плоскими крышами и наружными галереями вокруг обоих верхних этажей стояли довольно далеко одна от другой.

Еще издали можно было различить дом Аттилы посреди множества палаток и барачков, потому что он был окружен, как пчелиный улей, несметным числом спящих туда и сюда конных и пеших гуннов, для которых было высочайшим счастьем хотя снаружи посмотреть на жилище своего могущественного владыки.

Эдик с трудом очистил дорогу в этой тесной шумливой толпе приезжим римлянам и довел их до «первого кольца стражи», так как круглое здание дворца Аттилы было опоясано одиннадцатью постепенно суживающимися кругами гуннских, германских и сарматских воинов, в числе нескольких сот человек. Они были расставлены настолько близко один от другого, что могли достать друг друга протянутым древком копья; между ними не мог пробраться незаметным даже юркий хорек или кошка.

Дом был обшит необыкновенно гладко выструганным и ярко блестящим тесом и обставлен круглыми щитами в человеческий рост также из полированных планок. Эти щиты служили просто украшением, не предназначаясь для обороны. Над входными дверьми развивались пестрые флаги, в которых преобладал желтый цвет; здесь стоял последний из одиннадцати кругов вооруженной стражи.

За западной и восточной стороне дома возвышались деревянные многоэтажные башни с резьбой. Белый цвет березового дерева резко отделялся при ярком сиянии солнца от пестрых рисунков, покрывавших здание. Они были исполнены преимущественно ярко-желтой и алой краской, представляя уродливые фигуры людей, лошадей, волков, драконов и змей. Эти карикатурные изображения не отличались замысловатостью и шли правильными рядами в виде каких-то примитивных фантастических узоров.

ФЕЛИКС ДАН

Дворец был окружен полуоткрытой колоннадой, но вместо каменных круглых колонн крышу поддерживали четырехугольные деревянные столбы, тщательно обструганные, гладко выскобленные и довольно искусно распиленные разными красками.

Ближайший к дворцу дом принадлежал Хелхалу, маскитому советнику и поверенному Аттилы, который служил верой и правдой еще отцу знаменитого завоевателя. После царского жилища, это было самое богатое здание, но без украшений и башен по бокам. Вся постройка была также деревянная, так как в степи трудно было достать иной строительный материал и даже строевой лес доставляли издалека и с величайшими затруднениями. Единственным каменным зданием во всем селении была громадная баня, построенная всецельным владыкой по просьбе одной из его бесчисленных жен, красавицы-римлянки родом из Арля. Греческий архитектор, взятый в плен гуннами после разгрома Сирмиума, возвел эту постройку по греческому образцу из красного мрамора, причем тысячи рабов целые годы трудились над доставкой мраморных глыб из южных стран.

Возле обширного здания для приема гостей и примыкавших к нему спальных покоев Аттилы группировались другие дома: помещения царских жен с деревянной резьбой по стенам и с четырехугольными обтесанными столбами, которые соединялись грациозными полукруглыми арками из раскрашенных деревянных брусков. Каждый столб обвивали деревянные же разноцветные обручи шириною в ладонь, которые постепенно суживались кверху и чередовались с белыми недокрашенными промежутками.

То была мастерская работа, где полированные планки до того плотно сходились между собой, что трудно было заметить место их соединения.

Посланники надеялись, что Аттила их примет в самый день приезда, так как они прибыли в его лагерь рано поутру. Однако он успел уже отправиться на охоту за турами и зубрами, в изобилии водящимися в придунайских болотах. Когда ему доложили о скором прибытии посольств, он небрежно ответил, вскакивая на неоседланную лошадь: «Императоры могут подождать, а моя охота не ждет».

12.

Пока происходили эти события в лагере гуннов, к главной квартире Аттилы подвигался с запада небольшой поезд. Он шел из земли ругов по обширным лесам, которые покрывали эту придунайскую область и частью оставались здесь с незапамятных времен совершенно нетронутыми, частью же выросли снова после падения римского могущества на расчищенной почве и облекли ее всею роскошью дикой растительности, отвоевав у человека обратно свои владения.

Путешественники — десять мужчин и две девушки — были все верхами; повозки, в которых обыкновенно ездили германские женщины, отправляясь куда-нибудь далеко на праздничные жертвоприношения, не могли пробраться по густому лесу, где узкие дороги пролегали на большом протяжении по диким трощам.

Даже и верхом здесь нужно было ехать осмотрительно. Лошади часто спотыкались об узловатые корни деревьев, которые то и дело пересекали тропинку, точно бурые змеи; иногда же ветки вековых дубов, буков и елей так плотно переплетались между собой над головами путников, что заслоняли солнечный свет. Обе женщины проводили ночи в походной палатке из крепкой парусины,

ФЕЛИКС ДАН

на мягких подстилках; мужчины спали под открытым небом, закутавшись в плащи. Кроме того, некоторые из них поочередно сторожили спящий караван. Лошадям спутывали передние ноги и привязывали их в таком виде на длинный ремень к подножию деревьев, чтобы они не могли убежать, но имели возможность пастись на сочной лесной траве.

В одно утро путешественники готовились в дорогу, только что окончив завтрак. Против раскинутой палатки тлели уголья догоравшего костра, на котором готовили кушанье из припасов, взятых из дому и добытых накануне на охоте. Служанка укладывала вещи; двое предводителей каравана и молодая девушка поразительной красоты отдыхали у огня. Старший из мужчин задумчиво уставился глазами в тлевшие уголья, наблюдая, как они медленно затягиваются слоем белого пепла.

Красавица-девушка заметила печальное выражение его лица и нежно погладила белой тонкой рукой нахмуренный лоб старика.

— Отец, — заговорила она, — о чем ты думаешь с такую печалью? Ах, если бы я могла так же легко отогнать от тебя все заботы, как разгладить все морщины на твоём лбу.

— Да, король Визигаст, — подхватил с воодушевлением юноша, — о чем или о ком ты беспокоишься?

— Меня тревожит то, что нас ожидает! Но больше всего я боюсь за вас обоих.

Даггар гордо вскинул кудрявую голову.

— А я так вот не боюсь ничего и никого; даже Аттила мне не страшен!

Ильдихо с любовью и гордостью остановила свои блестящие глаза на красивом лице жениха.

— Отец, он прав, — спокойно заметила наконец она. — Ничья рука, не исключая и свирепого гунна, не

вырвет у нас из сердца взаимной любви: враги бессильны перед ее могуществом; наша верность послужит нам лучшим оплотом против них.

Но король неодобрительно покачал седою головой.

— Все происшедшее очень странно и не предвещает доброго, — произнес он. — Откуда мог узнать Аттила?.. Кто ему донес о вашей помолвке? Едва она сделалась известна в моем собственном дворце, как к нам во двор прискакал его гонец с напоминанием, что мною нарушен закон, изданный еще отцом Аттилы, Мундцуком, но не всегда применявшийся. Ни один из королей, подвластных гунну, не имел право отдавать в замужество дочь или женить сына, прежде чем не представить царю жениха и невесту и не испросить разрешения на их брак. После такого напоминания мне оставалось только немедленно повиноваться или вам обоим следовало бежать.

— Или же оказать сопротивление! — воскликнул Даггар. — Я не обращусь в бегство ни перед кем, даже грозным Аттилой! О, если бы ты послушался моего совета, отец. Нужно было сейчас начать войну.

— Слишком рано, сын мой. Теперь еще не время: наши союзники не готовы. Поэтому я решил немедленно отправиться с вами обоими в лагерь Аттилы, но с тяжелым сердцем! Что замышляет это чудовище, как решится ваш жребий, — кто может предугадать заранее?! А главное: откуда он узнал обо всем?

Ильдихо отвернула хорошенькую головку и покраснела; отец заметил ее смущение.

— Эллак выдал нас! — с живостью воскликнул он. — Ты ему понравилась. Он, вероятно, хочет добиться твоей руки с помощью отца.

— Пускай попробует! — гневно произнес сквозь стиснутые зубы Даггар, хватаясь за рукоятку меча.

Между тем молодая девушка возразила:

ФЕЛИКС ДАН

— Нет, я не верю, чтобы этот странный потомок гуннов был способен на предательство. Кроме того, он знает твердость моего характера. Ему известно, что я люблю Даггара, и Эллак не может надеяться, чтобы Ильдихо... когда-нибудь...

Король пожал плечами.

— Ни я, ни Даггар, ни многие другие, гораздо сильнее нас, не в состоянии защитить себя от произвола Аттилы. Вспомни, что мы все совершенно беззащитны в его лагере! Если он заставит тебя выйти замуж за Эллака, что ты можешь сделать против этого?

— Умереть! — воскликнула молодая девушка, хватая за руку жениха, мрачно смотревшего в землю. — Нет, Даггар, — продолжала она, — успокойся: я буду твоею или умру. И горе тому, кто вздумает посягнуть на мою свободу!

13.

В эту минуту раздался вдали, с восточной стороны леса, громкий пронзительный звук охотничьего рога; то был условный сигнал одного из воинов, поставленных на страже. Путешественники тотчас вскочили на ноги; мужчины схватились за оружие, лежавшее наготове возле них, и стали пристально всматриваться по направлению к востоку.

Опять затрубил рог, но на этот раз тише, успокоительным тоном, и вслед затем показались двое рогов, сопровождавшие одинокого всадника. Тот спрыгнул с седла и медленно приблизился к Визигасту и его спутникам. Он почтительно поклонился королевне, а королю и Даггару протянул левую руку.

— Эллак! — воскликнул Визигаст, окидывая подо-

шедшего недоверчивым взглядом и нерешительно отвечая на его рукопожатие. — Это вы?.. Что привело вас сюда?

— Забота о вашем благополучии. Мой отец разгневан. Самовольная помолвка...

— Однако он скоро узнал о ней!

— Да, раньше меня, — отвечал Эллак. — Я... только догадывался тогда, у камня Фригги... Но мне не приходило в голову, чтобы король ругов мог поступить так опрометчиво и неосторожно и притом против закона. Между тем едва успел я вернуться от источника в лесу в лагерь властелина, как он насмешливо крикнул мне... Ведь я нередко заступался перед ним за германских государей... бывших у него в немилости...

— Скажи прямо, — перебил Даггар, — за короля Визигаста и за меня.

— Да, между прочим, и за вас, — отвечал Эллак. — Теперь же он упрекнул меня этим заступничеством: «Полюбуйся, как хорошо ведут себя твои соплеменники по женской линии, — сказал Аттила. — Вот какова их верность и послушание. Король Визигаст сосватал свою дочь за королевича скиров, не спросившись меня. Это нарушение закона». — Откуда ты узнал? — спросил я с испугом. «Все равно, — отвечал он. — Это не твое дело. В ночную пору открылось мне их предательство. В цепях прикажу я привести их сюда, — всех троих!»

У Даггара был готов гневный ответ, но Визигаст сделал ему знак молчать.

— Я принялся уговаривать отца; я заклинал его не прибегать к насилию и поручился ему своей головою, что вы добровольно придете в лагерь, если вас пригласят. Повелитель смерил меня испытующим взглядом; лицо у него странно передернулось, и он дал ответ, которого я не могу постичь до сих пор... «Хорошо, будь по-твоему.

ФЕЛИКС ДАН

Я приглашу их добром; ты прав, — так будет умнее. Но, конечно, ты не догадываешься, — прибавил он, — почему так будет умнее». — И государь улыбнулся недоброй улыбкой, которая у него грознее вспышки гнева. Вот почему я выехал к вам навстречу и прошу вас поспешить. Заставить Аттилу дожидаться — опасно. Кроме того, советую вам вести себя благоразумно при дворе. Не будь строптив, отважный Даггар! — Смири немного свою гордость, благородная королевна!

— Моя невеста не может быть достаточно горда, — возразил Даггар, — до того она прекрасна!

Эллак глубоко вздохнул и отвечал:

— Я знаю это и без тебя, королевич. Ильдихо имеет право и должна быть горда, как богиня.

Молодой человек замолчал, стараясь преодолеть вспыхнувшее в нем страстное чувство, потом он продолжал более спокойным тоном:

— Дело в том, что вы оба, почтенные князья, не правы, а повелитель прав. Не раздражайте его еще больше. Я искренно желаю вам добра, но не все сыновья Аттилы дружески расположены к вам. Когда я заступаюсь за германцев, другие стараются подстрекнуть против них нашего господина. И речи их он слушает охотнее, чем мои.

— Почему? — полюбопытствовал Визигаст.

Эллак пожал плечами:

— Строгость более свойственна ему, чем милосердие. Кроме того, он не любит германцев, а также и... меня. Его любимые сыновья...

— Эрлак, злой ребенок, и Дзенгизиц, кровожадное чудовище! — воскликнул Даггар...

— Горе нам, — прибавил король рогов, — если эти двое будут со временем властвовать над нами!

— Ну уж этому не бывать! — расхохотался Даггар.

Эллак смерил его строгим взглядом.

— А почему нет, неосторожный юноша?

— Потому что до тех пор... потому что, прежде чем...

— Замолчи, Даггар! — перебил король. — Видишь, Эллак, — продолжал он, — мы хотим просить Аттилу, при делении царств между его многочисленными наследниками, — ведь у него гораздо более ста сыновей, — отдать нас, германцев, под твою власть.

— Этого никогда не будет, — отвечал Эллак, покачивая головой.

— Конечно, нет, — подтвердил Даггар.

Ильдихо прижала палец к своим коралловым губкам.

— Тогда мое царство было бы слишком велико и слишком могущественно сравнительно с уделами остальных братьев. К тому же Дзенгизиц уже заранее выпросил себе у властелина несколько отдельных германских народов.

— Зачем? — спросил Визигаст.

— Ведь он нас ненавидит, — заметил Даггар.

— Вот именно потому он и хочет властвовать над вами. Аттила согласился на его просьбу, но прибавил с лукавым подмигиваньем: «Соглашаюсь на тот случай, если ты меня переживешь, мой нетерпеливый наследник!»

— Горе тем, кто попадет под власть Дзенгизица, — повторил король и пошел взглянуть на лошадей. — Он бесчеловечен, — прибавил Визигаст на ходу.

— Конечно, — с гневом подхватил Даггар, — но на то он и гунн.

— Скир! — воскликнул Эллак угрожающим тоном, но сдерживаясь.

— Прости ему! — вступилась Ильдихо. — Обидное слово почти не касается тебя: ведь ты наполовину нашей крови.

— Зато Дзенгизиц, — гневно продолжал Даггар, —

ФЕЛИКС ДАН

настоящий гунн, чистокровный! Гордость и украшение своего народа!

— За это и любит его отец, — печально сказал Эллак.

— И как могут быть гунны человечны? — не унимался Даггар. — Как они могут понимать, что значит сострадание! Ведь они даже вовсе не люди!

— Как же это? — полюбопытствовал сын Аттилы.

— Так говорится в одной саге, распространенной между всеми германскими народами, а сага не лжет.

— Я слышал о ней, но мне хотелось бы послушать самую песню. Вон там, Даггар, позади тебя, на орешнике висит твоя знаменитая арфа. Возьми ее, покажи мне твое искусство, я часто слышал похвалы ему. Спой мне место «о происхождении гуннов». Ведь, кажется, так ее называют?

— Да. Однако...

Неохотно взял Даггар маленькую треугольную арфу, которую Эллак снял с ближайшего куста за широкую перевязь из красной кожи и подал ему.

— Не надо петь, — вступилась Ильдихо. — Зачем тебе знакомиться с этой песней, Эллак? Тебе будет больно ее слушать.

— Я привык к страданию. Начинай!

— Ты хочешь этого?

— Прошу тебя.

— Ну так хорошо. Слушай.

14.

Даггар провел рукою по струнам и начал говорить Днараспев своим прекрасным звучным голосом, сопровождая некоторые строфы рапсодии игрою аккордов на арфе:

Многое я разузнал, путешествуя в странах далеких,
И вопрошая по белому свету бывалых людей.
Много поведали мудрые старцы, откуда взялись
В мире народы земли и откуда идет их начало.
Все племена златокудых германцев, все — дети богов,
Род свой ведут от Вотана и Герготы, добрые сердцем,
И от него же, чрез Сакспота, сына Вотана,
Твердые нравом, родились могучие саксы.
Датчане, дети, Донара* и с ними соседи — норвежцы.
Циу и Цизы детьми явились на свет аллеманы,
Предком зовет своим Эру — народом маркоманов отважный.
Ирмин, который сияет на небе меж тихих созвездий,
Тот произвел тюрингенцев бесстрашных и верных,
Форзете** фризов отцом был могучих и храбрых.
Фригга, прекрасная, сладости полная — мать, от Вотана,
Царственных франков веселых и славных наездников, рогов,
Но о рождении гуннов ужасные ходят предания.
Готами правил король их и предок амлунгов.
Взял он в полон после долгих жестоких сражений
Женщин враждебного племени дальнего — финнов.
Финны понятливы, злобны, и многое знали их жены:
Ткали одежды и были в хозяйстве искусны.
Но и к делам нечестивым имели пристрастье.
Знали они колдовать: порчу на скот наводили;
Жатву сжигать на полях плодоносных умели.
Град ворожбою своей накликали на нивы,
Порчу, болезни, пожар на жилища людские.
Много от них погибало народу. Рассудка лишали
Финские женщины чарами злыми воителей храбрых.
Готские юноши страстью пылать перестали
к избранницам сердца,

* Донар — бог грома и покровитель земледелия: мать его — Земля.

** Форзете — бог мира и согласия, сын Бальдура и богини Нанны.

Даггар умолк в изнеможении, потому что, постепенно воодушевляясь рапсодией, он уже не говорил, а громко пел заключительные строфы, все возвышая гневный голос и извлекая из арфы резкие аккорды; его лицо пылало.

Ильдихо, желая успокоить жениха, положила ему на плечо белую руку и в то же время с участием посмотрела на Эллака, который молча, неподвижно стоял во время пения, потупив в землю свои темные глаза.

Теперь он поднял их и печально взглянул сначала на девушку, а потом на певца.

— Благодарю, садитесь, — сказал сын Аттилы. — Сага очень поучительна, и ты исполнил ее прекрасно, потому что, очевидно, веришь в легенду, а это самое худшее.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Значит, ненависть к гуннам в вас до того сильна, что даже такой человек, как ты, способен верить бабьим сказкам.

— Я верю этому, — упрямо возразил Даггар, — потому что хочу верить! Сага не лжет. Мне было неприятно петь перед тобою старинную песню. Я боялся тебя оскорбить, но я охотно спел бы то же самое перед другим человеком в его дворце, в присутствии всех его родных и приезжих гостей. Вот это доставило бы мне истинное удовольствие! Ненависть также способна одушевлять певца и извлекать из арфы звучные аккорды.

— Но для меня приятнее слышать, когда арфа воспевает любовь. Прощу тебя, спой мне теперь песнь любви. Тебе должно быть хорошо знакомо это чувство, и ты знаешь также, как сладко быть любимым.

— Ты прав! — воскликнул королевич с сияющими глазами. — И мне не нужно приготовлений: «ее» образ вдохновит меня.

Юноша с силой ударил по струнам и запел:

ФЕЛИКС ДАН

Краше всех женщин земных и даже бессмертных,
Всех лучезарней, милее, нежней, благородней
Я почитаю Ильдихо! Ей все уступают
Жены в достоинствах редких. Подобна богиням,
Свыше она одарена и только с одною богиней
Можно сравнить благородную дочь Визигаста: не с Фрейей,
Слишком свободной, изменчивой в выборе сердца,
Также не с Нанной*, нежной и робкой богиней.
Если бы Нанну постигло несчастье, устоять не могла бы она.
Ильдихо ж, мощному дубу подобная, может невзгоды
Все победить и не знает она малодушного страха,
И себе не изменит, хотя бы ей смерть угрожала.
Нет! Только Фригге она, жене благодатной, подобна.
Гордая, сильная, неустрашимая, чистая сердцем,
Дочь Визигаста — Ильдихо: достойна она быть женою
Даже Вотана, делить его думы, заботы,
В битве сражаться с ним рядом, как храбрая львица.
Кто же сумеет достойно воспеть все деянья
Нежной, прекрасной Ильдихо, души

ее чистой стремленья?

Нет! Этот подвиг и мне не под силу, Даггару.
Жребий мой впрочем завиден и счастье мое необъятно:
Ей любим я, меня предпочла она в мире...

Певец умолк, бросив восторженный, страстный взгляд на невесту, которая отвернула от него ярко зардевшееся лицо, прелестная в своем девическом смущении. Юноша уронил арфу на траву к своим ногам и хотел схватить руку Ильдихо, но она отстранила его строгим, величавым жестом левой руки.

Даггару удалось поймать только эту руку и когда он

* Нанна — богиня, супруга Бальдура, одного из Азов — любимица богов и людей. Азы, как и сам Вотан, не были бессмертны: и смерть Бальдура должна предвещать гибель мира и богов.

пожимал ее, ему показалось, что девушка отвечает чуть заметным пожатием. Уже это одно осчастливило его.

Между тем Эллак потихоньку поднял брошенную арфу. Остановив пристальный взгляд на счастливой паре, всецело поглощенной своей любовью, он стал перебирать струны и запел про себя на гуннском языке:

Что ж, пускай богиня солнца
Отдала свою свободу,
Вместе с белою рукою,
Между смертными счастливцу!
Все ж, когда она по небу
В колеснице быстро мчится,
Разметавши на свободе
По плечам золотые кудри,
Что ее своим сиянием
Лучезарным окружают, —
Красотою ее небесной
Мы пленяемся невольно
И склоняем очи долу,
Ослепленные виденьем;
Все же смертный любоваться
Красотою Ильдихо смеет,
В умиленьи перед нею
Преклонять свои колени,
С благодарностью, что светит
Нам она звездою яркой
И огнем своим священным
Наши души оживляет.
Нашей жизни светом, счастьем,
Всем, что в ней мы только видим,
Всей красой существованья
И отрадой в горькой доле
Мы обязаны Ильдихо.

ФЕЛИКС ДАН

Что ж, пускай богиня солнца
Избрала себе супруга,
Все ж от нас она приемлет
Благосклонно пожеланье.

Эллак умолк и повесил арфу обратно на кустарник.

Даггар взял его руку. Сын Аттилы подал ему, вместо искалеченной правой, левую.

— Печальная песня, — заметил скир, — но прекрасная, хотя и на гуннском языке.

Ильдихо спокойно обратила к нему свое дивное лицо.

— Эллак, — медленно произнесла она, — все, что есть в тебе хорошего и благородного, — при этих словах на нее упал благодарный взгляд печальных и задумчивых темных глаз, — например, хотя бы то, что привело тебя сюда предостеречь и помочь в беде, обличает в тебе гога, а не гунна. С этих пор я не буду считать тебя гунном: ты нам не чужой, для меня ты будешь сыном Амальгильды, а не Аттилы.

— А между тем ты ошибаешься, королевна, и несправедливо судишь могучего властелина: хотя он ужасен, но вместе с тем и велик, даже добр и благороден может быть тот, кто меня так страшно ненавидит, — отец мой Аттила, всесильный владыка. Но довольно, пора на коней. Вон их ведут вслед на королем Визигастом. Я сам провожу вас по кратчайшей дороге.

15.

Много дней пришлось дожидаться римским послам возвращения Аттилы. Они были размещены по нескольким лучшим домам, с ними обращались вежливо и в избытке доставляли им все необходимое. Вигилий

избегал четверых друзей, так же как и они его. Эдико куда-то исчез, и на вопрос, не присоединился ли он к хану, гунны отвечали римлянам, пожимая плечами: «Тайны господина и его приближенных неизвестны никому?»

Вся жизнь и особенности быта в этой деревянной королевской резиденции производили странное впечатление на приезжих византийцев и римлян. Наряду с варварской грубостью здесь поражала ослепительная роскошь, сменявшаяся опять простотою, которая не могла происходить от скудости при несметных богатств и могуществ Аттилы и потому казалась преднамеренной и рассчитанной.

Однажды вечером четверо товарищей бродили от скуки по широким улицам, меж походных барачков, разговаривая между собою с чувством нравственного угнетения.

— Нет ничего удивительного, — заметил Приск, — если варвар, дикарь возмечтал о себе при таком ошеломляющем успехе и, ослепленный своим счастьем, впал в безграничное самомнение. Эту душевную болезнь мы, греки, называем «гибрис»*.

— Да, ни один смертный, насколько нам известно по истории, — подтвердил Максимин, — даже Александр Македонский и великий Юлий Цезарь не достигли таких результатов в такой короткий промежуток времени.

— Еще бы, — со вздохом прибавил Примут, — Аттила завладел всею Скиеией.

— Уж в одном этом слове заключается понятие о чем-то неизмеримом, необъятном, — сказал Приск.

— Это ни больше, ни меньше, как пространство от Византии до Оулы, от Персии до Рейна, — вставил Ромул.

— Да, — продолжал Приск, — неутомимые, воинственные гунны, как поток лавы, хлынули из степей, достигли

* Мания величия.

ФЕЛИКС ДАН

пределов мидян, персов, пароян и принудили эти народы, частью договорами, частью угрозами и насилием, к союзу с Аттилой против Византии.

— К сожалению, мы не можем утешаться тем, что это неслыханное могущество так быстро возросло только благодаря слепому военному счастью и не имеет внутренней связи. Аттила чудовище, но все-таки и его нельзя назвать ничтожеством.

— Ну да, пожалуй, он велик своей чудовищностью, — с гневом заметил префект Норикума.

— Ну нет, Аттила проявляет черты величия и в мирное время, — возразил Приск.

— Однако только гунны, сарматы и вынужденные к тому необходимостью германцы терпят его владычество.

— Что касается германцев, то они не особенно покорны, — заметил Ромул, — они сильно ропщут на постыльную неволю.

— А греки и римляне, — начал Примут, — тем менее способны примириться с таким унижительным рабством.

— Ну нет, — возразил ритор, — разуверься в этом. Греки, которым позволили вернуться в нашу империю, охотно остаются под скипетром Аттилы.

— Не может быть, — усомнился патриций.

— Уверяю вас. Вот слушайте: вчера я бродил один по лагерю, вдруг слышу кто-то здоровается со мной на греческом языке: «хаире»! Я с удивлением оборачиваюсь и вижу аеинянина в национальной одежде, который рассказал мне свои похождения. Он отправился по торговым делам в Виминациум, был внезапно застигнут там войною с гуннами, выдержал осаду и после разгрома попал в плен. Победители захватили, конечно, все его товары и деньги. Аеинский купец пришелся на долю самого Аттилы при дележе добычи. Но попавший в рабство может, по гуннским законам, откупиться на волю, если выплатит

своему господину назначенную сумму денег из добычи, отнятой у врагов. Гелиос, — так звали моего нового знакомого, который пригласил меня к себе в дом, устроенный внутри совершенно на греческий лад, и радушно угостил настоящим самосским вином, — отличился под предводительством Эллага, храброго сына Аттилы, в войне против Антов и акациров. По возвращении из славного похода он откупился на свободу за добытое им золото. После того, купец имел право уехать обратно в Византию или Аеины, но он предпочел остаться тут до конца жизни. Аеинянин здесь совершенно свой человек, его приглашают даже как почетного гостя к столу Аттилы. Заметив, что меня неприятно поразила его откровенность, он отвечал: «Мне живется гораздо лучше у гуннов, чем прежде, под властью императора. Опасность и тягота военной службы одинаковы в обоих государствах с тою только разницей, что византийцы, при своих ленивых, продажных и неискусных полководцах, постепенно терпят поражения, тогда как гунны, с Аттилой во главе, всегда побеждают и только один раз потерпели неудачу. В мирное же время жизнь под скипетром императоров в Равенне или в Византии — сущее наказание, а здесь мы не можем ею нахвалиться. Там лихоманство и жадность государственных чиновников, собирающих подати, не знают предела, а мелкому люду никогда не добиться правосудия, потому что он не в состоянии ни подкупить, ни запугать корыстолюбивых судей. И как добиться жалобщику в Византии справедливого решения дела в свою пользу, если он не подкупит каждого человека в здании суда, начиная с привратника и кончая судьей высшей инстанции? Между тем, чтобы склонить их на свою сторону, он должен пообещать им слишком значительный процент с того капитала, который надеется получить с помощью тяжбы, и притом еще ему надо внести задаток вперед. Судите

сами, друзья мои, — прибавил Приск, — каково мне было слышать такие речи от вольноотпущенника Аттилы. «Здесь-же, — заключил аеинянин, добровольный подданный гуннов, — сам властелин справедливо рассудит меня и каждого ближайшего из своих подданных, у которого нет за душой ничего, кроме лошади, шпор и копья, с самым могущественным из подвластных ему людей. Недавно один сарматский князь украл жеребенка у бедного гунна: час спустя виновный был распят. Только единственный человек может у меня отнять по произволу все, что угодно, не исключая и жены. Однако он не тронет волоса на голове у тех, кто ему верит, и не даст их в обиду другим. А по-моему, лучше иметь одного властелина, чем десять тысяч мучителей». — Вот почему, дорогой гость, — заключил Гелиос, — я предпочитаю оставаться подданным Аттилы, чем быть аеинским купцом или византийским ритором.

16.

Наконец, на следующий день, лагерь пришел в лихорадочное оживление, точно неожиданно встревоженная муравьиная куча. Двое гуннских всадников, примчавшихся во весь опор, возвестили о предстоящем возвращении «господина». Тут поднялась невообразимая суматоха на улицах, широких круглых площадях: мужчины, конные и пешие, женщины, дети, свободные, слуги, служанки, гунны и представители различных подвластных племен, устремились густыми толпами к южной стороне, навстречу повелителю. Вскоре появился Эдик: он отыскал четырех посланников и предложил им выйти навстречу Аттиле вместе с другими.

Послы тотчас последовали за ним и не расспрашивали,

откуда он явился, зная по опыту его скрытность. Вигилий не был приглашен с ними, хотя, по словам посольский свиты, Эдико имел продолжительный секретный разговор с уполномоченным императора в отведенной ему квартире. Гунны почтительно расступались перед доверенными «господина»; двое воинов, шедших впереди, выкликали по временам его имя и этого было совершенно достаточно.

Навстречу Аттиле вышла прежде всего длиннейшая процессия молодых девушек. Она заняла пространство приблизительно на полчаса пути по широкой римской дороге, которая вела к юго-западу на Дунай. Девушки высокого роста разместились по две, налево и направо, по обеим сторонам дороги, держа над головами пестрые полотняные платки, натянутые на тонкие деревянные обручи полукруглой формы в защиту от солнца. Между ними шли две другие, выступая в такт, и каждый раз делая по четыре шага вперед и по два назад; каждые четыре пары были одеты в платья одинакового цвета. Для торжественной процессии были выбраны красивые девушки из находившихся в лагере и принадлежавших разным племенам. Они повторяли на ходу грациозные ритмические движения верхней частью корпуса и обнаженными руками; раскачивая стан туда и сюда, выпрямляясь и снова нагибаясь под такт монотонных песен, который он сам исполнял исключительно на гуннском языке.

Приезжие иностранцы с удивлением смотрели на это своеобразное, привлекательное зрелище.

Наконец вдали по дороге показалось облако пыли: Аттила приближался.

Впереди поезда мчался отряд гуннских всадников на своих маленьких лошадаках с косматыми взъерошенными гривами. Мужчины гуннского племени носили свободно развевавшиеся плащи, которые были прозваны римляна-

ми «сарматика»; они завязывались пришитыми к ним ремнями и также могли служить попонами для лошадей. Под них надевались безрукавки в виде жилета из недубленой кониной кожи и к ней широкая опояска, достигавшая до половины ляжек; таким образом руки и ноги далеко выше колен оставались обнаженными. Обуви гунны не знали: щиколотку левой ноги обхватывал ремень, к которому на пятке прикреплялась шпора, часто состоявшая из одного крепкого острого шипа. Желтая от природы, кожа этих монголов принимала на лице, шее, руках и ногах, вследствие загара и никогда не смываемой степной пыли, почти коричневый оттенок.

Голова у них оставалась по большей части открытою; только богатые носили высокие остроконечные шапки из черной мерлушки. Волосы, грязно-бурого цвета, падали совершенно прямыми прядями на низкий покатый лоб и свешивались на лицо до безобразно выдающихся скул, закрывая узкие черные глаза с косым разрезом, почти совсем не имевшие бровей. В праздничные дни жены гуннов щедро смазывали мужьям это головное украшение конским салом: оно придавало волосам некоторый блеск, но распространяло неприятный запах. Ресницы гуннов были черны и коротки, усы крайне жидки; на подбородке вырастали кустиками жесткие, торчавшие, как щетина, волосы.

Украшением плащей и нижних кожаных безрукавок служили у богатых грубо и безвкусно нашитые на них золотые и серебряные вещи: обломки различной римской посуды, чаш и кувшинов, даже куски медной обивки от дверей или экипажей, а также просверленные золотые и серебряные монеты, нанизанные на остроконечные шапки или на узкие ремешки, болтавшиеся на шее в виде ожерелья. Все это звенело и брнчало при каждом движении лошади, бесконечно радуя дикаря.

Гуннские женщины, впрочем, отличались некоторым щегольством. Они умели ткать полотняные тесьмы ярких цветов шириною в ладонь или в палец и красиво окаймляли ими в несколько рядов свои плащи и рубахи. Вместо кушака, грязная сорочка подпоясывалась узловатой веревкой. Волосы у них были также довольно жидки и тем старательнее смазывали их монгольские красавицы конским салом и мыли кобыльим молоком.

Вооружение всадников состояло из длинного лука и коротких стрел из камыша или дерева, не всегда с железным наконечником, но часто с отравленным острием, напитанным соком белладонны или белены. Воины носили с собой эти стрелы в длинных, загнутых в виде рога, колчанах из липового дерева, которые болтались у них за спиной на длинных кожаных ремнях и нередко были украшены резьбой, унизаны железом и драгоценными камнями. Перед атакой и во время нее, гунны осыпали врага целой тучей этих маленьких стрел; стрельба их не затрудняла, потому что они, как ловкие наездники, держались на неоседланных конях и управляли им только с помощью ног. Даже на всем скаку поводья — простая веревка — лежали на шее животного и обе руки наездника могли свободно владеть оружием. Кроме лука и стрел, у них были также длинные, тонкие заостренные копья; под самым острием обыкновенно развивался на красной ленте пук человеческих волос, снятых с головы особенно ненавистного врага. Но предпочтительно перед всяким другим оружием гунны употребляли убийственную нагайку: на короткой рукояти из дерева или кожи было прикреплено пять, семь и девять ремней из самой крепкой буйволово́й кожи с кожаными узлами в кулак величиной, в которые зашивались свинцовые шары или тяжелые камни. Мастерски владели воинственные номады этим страшным оружием, причем свинцовые шары легко пробивали че-

ФЕЛИКС ДАН

ловеческие черепа и дробили в куски самые крепкие кости. Другие народы дали этому грозному бичу прозвание «гунника» и «Аттила», с тех пор как великий завоеватель получил всемирную известность.

За первым летучим отрядом гуннских всадников следовало также верхом множество гуннских, германских и славянских военачальников, государей и вельмож, в богатом вооружении, блестя на солнце драгоценными камнями. За ними на значительном расстоянии ехал верхом, совершенно один, великий Аттила на великолепном вороном жеребце. Ни на Всаднике, ни на лошади не было ни малейшего украшения; ни рукоять, ни ножны меча, ни одежда хана, ни уздечка его коня не были украшены золотом, камнями и другими драгоценностями, вопреки обычаю варваров.

Высокая остроконечная мерлушковая шапка прибавляла росту Аттиле; его фигура скрывалась под широким плащом, из тонкого красновато-коричневого сукна, который ниспадал свободными складками от короткой воловьей шеи гунна и его крутых, могучих плеч до самых щиколоток; из боковых прорех выступали обнаженные руки: левая небрежно держала красивый ременный повод, а правой повелитель гуннов время от времени делал медленный, почти торжественный жест в ответ на восторженное ликование своих соплеменников. Крики народа напоминали волчий вой, а жест Аттилы походил на благословение: с высоты своего коня он медленно поводил по воздуху сверху вниз протянутой вперед, слегка согнутой, рукой с таким величавым видом, как будто благодать и счастье струились с его коротких, мясистых, отвратительных пальцев.

Позади хана ехала — также на значительном расстоянии — вторая кавалькада вельмож, представителей всех подвластных ему народов. Длинный кортеж как начинал-

ся, так и замыкался отрядом гуннских всадников с длинными пиками; эти воины конвоировали необыкновенно изобильную добычу охоты, которую везли на нескольких низких и широких дрогах, запряженных четверкой лошадей.

Исполинский зубр, собственноручно заколотый Аттилой, занимал один целые дроги. Буйволы помельче, двое медведей, несколько волков, три лося, олени, вепрь и рысь; затем всевозможные болотные птицы: цапли, журавли и т.д., заклеванные дорогим исландским соколом, наполняли остальные повозки и фуры. Рядом с ними лежало в живописном художественном беспорядке охотничье оружие и снаряды всякого рода: метательные копья, луки, колчаны, стрелы, охотничьи рога; ножи блестели на солнце посреди густых листовых гирлянд, которыми были укрыты в защиту от солнца убитые животные. Кроме того, позади возов с дичью вели живых пленников — зверей, попавших в ямы, силки и сети: глухое рычанье, хрюканье и дикий вой часто потрясали воздух, вызывая злобный лай многочисленных собачьих свор. Громадные молосские псы, употребляемые для травли медведей и волков, приходили в ужасное бешенство против своих врагов, оставшихся в живых; они так и рвались со смычей, нередко увлекая за собою ловчих.

17.

— **П**осмотрите, ради Бога, что за люди! Какое изумительное искусство верховой езды! — восклицал Ромул.

— Это не люди и не всадники, — отозвался ритор, — это кентавры: человек и лошадь составляют у них одно существо.

ФЕЛИКС ДАН

— Взгляните туда, — с удивлением сказал Примут. — Вон один наездник соскакивает с коня, хлопает его ладонью, и тот бежит прочь.

— Но сейчас вернется обратно на зов хозяина, — хладнокровно прибавил Эдико.

— Действительно, так. Он ловит коня за гриву.

— Вот он и опять на лошади! Ему удалось прыгнуть на нее на всем скаку.

— А тот, на рыжем жеребце! Он бросается вниз, висит на одной ноге... Ну, теперь все пропало!

— Нисколько, — успокоительным тоном возразил Эдико. — Смотрите: он лежит на спине лошади, держась правой рукой за гриву, а левой за хвост. Видели? Уж он снова благополучно сидит на коне.

— А этот — рядом с ним? Не переменяя положения, он вскочил обеими ногами на неоседланный хребет!

— Он все стоит и, стоя, скачет дальше.

— А другой — налево? Он падает! Какой ужас: его сейчас раздавят! Голова свесилась книзу. Волосы волочатся по земле.

— Ему ничего не сделается, — пояснил Эдико. — Наездник крепко обвил ногами туловище лошади.

— Да, он опять сидит верхом и еще смеется!

— То есть он делает отвратительные гримасы, — поправил Приск. — А взгляните вон туда, на гунна в шапке, обвешанной золотом!

— И с золотым колчаном.

— Он берет стрелу.

— Натягивает лук.

— Он целит. На всем скаку! Целит вверх...

— Во что? Я ничего не вижу.

— В ласточку.

— Стрела летит.

— Ласточка падает! Вслушайтесь, как ликуют гунны!

— Это был Дзенгициц — второй сын господина, — сказал Эдик. — Он лучший стрелок и наездник во всем гуннском народе.

— Уж он опять выстрелил.

— И сбил стрелой шапочку с головы ребенка.

— Но ведь это преступление — подобная шутка!

— Нисколько! Царевич знает, что не промахнется, — отвечал Эдик.

— Но послушайте: что значит этот отвратительный грохот?

— И звон. Что это такое?

— Военная музыка гуннов, заменяющая римские трубы и германские рога.

— Смотри: плоские тонкие обручи из дерева...

— Обвешанные по краю колокольчиками и погремушками.

— Они звенят так пронзительно.

— Обручи обтянуты кожей.

— Гунны ударяют в них деревянными палочками.

— Да, — подтвердил Эдик. — Но знаете ли вы, какая это кожа, от каких животных?.. Это человеческая кожа! Господин сам придумал такую штуку. «Короли, — сказал он, — нарушившие верность Аттиле, пусть служат ему и после своей казни. Пускай и по смерти они возвеличивают мои победы звоном и треском».

— Чудесная музыка, — кивнул головою Приск, — и весьма поучительная для королей, которым приходится ее слушать.

Когда Аттила въехал наконец в южные ворота лагеря и приближался к первому дому, оттуда вышла, закутанная в белый пеплос с широкой золотой каймой, молодая женщина с благородными чертами лица; за ней шло следом множество слуг и служанок; на руках она несла грудного младенца.

ФЕЛИКС ДАН

Молодая мать остановилась перед вороным конем повелителя, который нетерпеливо рвался вперед, сдерживаемый железной рукой всадника; женщина встала на колени и положила дитя под ноги жеребца, напряженно ожидая знака со стороны Аттилы. Наконец тот молча кивнул головой. Тогда она подняла ребенка, поцеловала его, встала с колен, низко поклонилась и пошла с младенцем обратно в свое жилище.

— Что значит эта сцена? — спросил патриций.

— Кто такая эта красавица? — полюбопытствовал Примут, смотря ей вслед.

— Она гречанка, родом из Малой Азии, — пояснил Эдико. — Аттила сейчас всенародно признал ее малютку своим ребенком; в противном случае и мать, и дитя были бы растоптаны копытами лошадей; весь поезд проехал бы по их трупам.

— Как она хороша! — повторил Примут, статный мужчина. И он хотел обернуться, чтоб еще раз посмотреть ей вслед.

Однако Эдико удержал его.

— Оставь, не делай этого, любезный гость: так будет благоразумнее!

Тут у деревянного забора одного из домов появилась старуха в гуннской одежде, сверху донизу увешанной римскими золотыми монетами; ее также сопровождало множество прислуги обоего пола. Она подошла к Аттиле с правой стороны и подала ему — в прекрасной серебряной чаше художественной коринфской работы, на которой был изображен снаружи пир богов на Олимпе, — сырое мясо, нарезанное тонкими ломтиками и сильно вонявшее луком. Аттила милостиво кивнул ей головой, погрузил в чашку пальцы и принялся есть кровавую пищу. С низким поклоном отступила старуха назад, и царь гуннов поехал дальше. Во все время он не произнес ни слова.

Это была Часта, супруга Хелхала, ближайшего советника владыки, — сказал Эдино. — Вон ее муж, высокий седой старик на рыжем коне; он едет позади господина. Только одна Часта из всех княгинь гуннского народа имеет право приветствовать повелителя при его возвращении в лагерь и подавать ему сырое мясо и сырой лук — любимую пищу гуннов, которая считается у них священной и перешла к ним от самых отдаленных предков.

18.

Наконец Аттила с юношеской легкостью спрыгнул с лошади — он ездил без седла, как все гунны, — но хан соскочил не на землю, а на шею одного из склонившихся ниц славянских князей, которому пришла сегодня очередь удостоится высокой чести.

Со всех сторон селения стекались ко дворцу толпы народа с женщинами и детьми. Тут были германцы, славяне, финны и гунны, греки и римляне; воздух оглашался говором и криками на разных языках; многие протягивали руки с умоляющим видом и громко требовали у повелителя помощи, защиты или оправдания.

Аттила стоял у крыльца с серьезной миной; все глаза были устремлены на него; по знаку хана пешая стража из гуннов, тесно окружившая его со всех сторон, пропускала за подвижную ограду из своих копий каждого посетителя поодиночке, предварительно отобрав у него оружие и подвергнув его тщательному обыску.

Допущенные к владыке падали ниц перед Аттилой, целовали ему обнаженные ноги, — потому что он также ходил босиком, — и затем излагали свои просьбы или жалобы; большинству он немедленно давал ответ, исключительно на гуннском языке, и часто просители, радостно

ФЕЛИКС ДАН

вскакивая с колен и удаляясь, осыпали его благодарностью. Наконец, к господину подошел богато одетый гуннский предводитель, который был встречен почтительными поклонами расступившейся перед ним стражи. Он низко склонился перед Аттилой, прося прощения, что должен беспокоить его просьбой.

— Ах, мой верный Эцендруль! Ты растоптал мне копытами конницы целый народ амильцуров. Если ты не попросишь только звезды с неба, то я всегда готов исполнить твои желания.

— На охоте рассказал мне твой старший ловчий, когда мы связали восемью крепкими канатами ноги чудовищному туру, попавшему в яму, и закрыли ему намордником глаза, будто бы ты можешь...

— Из любви к тебе я очень охотно проделаю штуку с быком перед моим народом. Приведите сюда этого великана непроходимых болот. А вы, оруженосцы, принесите мне боевую секиру из арсенала. Самую тяжелую!

Столпившийся народ пугливо раздался: от охотничьего обоза тридцать охотников тащили ко дворцу страшное чудовище — громадного тура, ноги которого были спутаны толстыми веревками, так что он едва переступал под ударами погонщиков, хлеставших его гуннскими нагайками. Громадная голова была запрятана в кожаный чехол с отверстиями только для страшных рогов, далеко торчавших на обе стороны. На каждом роге повисло, скорчившись в клубок, по два гунна, дергавших и тащивших вперед пленного царя дремучих лесов. Но бедное животное, выносившее такое жестокое обращение, вдруг опустило могучую шею с густой косматой гривой, оглушительно зарычало и неожиданным движением головы с такою силой подбросило на воздух своих мучителей, что они далеко отлетели на обе стороны. Однако это не спасло тура; на него тотчас бросилось еще несколько человек и

ухватило за рога крепче прежнего. Пленник зарычал еще раз, но глухо и почти жалобно:

— Стойте! — крикнул Аттила. — Пусти его! Отойдите все прочь!

И он стал приближаться с левой стороны к быку, который неподвижно стоял, как будто удивляясь своему внезапному освобождению.

Высоко мелькнула в воздухе блестящая отточенная секира в руке Аттилы и опустилась вниз, одним взмахом перерубив шейные позвонки громадного животного. Целый поток крови хлынул на землю, обрызгав всех стоявших вокруг даже на далеком расстоянии, и в то же время обезглавленное туловище страшной темной массой рухнуло на землю, так что хрустнули кости. Гунны оглушительно заревели от восторга, чужестранные гости содрогнулись от ужаса; сначала в диком реве гуннов нельзя было разобрать отдельных слов, а лишь одни отрывистые, неясные восклицания; только мало-помалу стало слышно, что они кричали: «Аттила! Батюшка! Великий наш отец! Владыка надо всеми! Господин целого мира! Аттила могуч и славен!»

— Да, велик ты и славен, Аттила! — воскликнул князь Эцендруль, бросаясь перед ним на колени. — И нет тебе равного на земле!

— Я думаю, что нет, — совершенно хладнокровно отвечал тот, подавая обратно окровавленную секиру. — Дарю тебе турью голову на память, мой верный Эцендруль, а рога на ней велю покрыть позолотой в палец толщиной.

Наконец адский гвалт понемногу улегся, императорские послы подумали, что настал удобный момент доложить о них и просить о приеме. Эдикко согласился с ними и направился между почтительно расступившейся перед ним стражей к Аттиле. Он указал правой рукой на ожидавшихся в отдалении римлян и прошептал что-то на уxo

повелителю. Тот не повернул даже головы в сторону послов, легкая краска — гнева или радости — вспыхнула на минуту и снова исчезла на его желтовато-бледном лице. Потом он громко и внятно крикнул по латыни, придавая своим словам небрежный тон:

— Посольство от императоров! Ну, это не важно! Мне докладывали раньше о финских послах с Балтийского моря, от апсфов и утургуров, от птимаров и акациров, да еще от трех других наций, — я забыл их имена. Пускай те представятся мне раньше.

Обратившись к своим вельможам, Аттила повторил этот ответ на гуннском языке и, повернувшись к римлянам спиной, стал медленно подниматься на крыльцо своего деревянного терема с гордым спокойствием, не лишенным величия.

19.

Вечером того же дня в парадной комнате одного из лучших домов селения сидело двое мужчин за откровенной беседой. Это было жилище Хелхала. С потолка, искусно составленного из полированных дощечек, свешивалась лампа отличной восточной работы. Она распространяла мягкий, ровный свет в не особенно обширной комнате, обставленной не в римском или греческом вкусе, а как будто нарочно остававшейся верной во всех мелочах старинному грубому быту гуннов; низкие деревянные скамейки, на которых приходилось сидеть, поджав ноги, стояли вдоль стен; звериные шкуры, лошадиные кожи, дубленые и недубленые, высокий, грубо сколоченный из нетесанного елового дерева, четырехугольный сундук, заменявший стол, составляли все убранство. Оно дополнялось принадлежностями верховой езды, разного рода охотничьими снарядами,

а также исключительно гуннским оружием. Кроме луков, колчанов, копий и нагаек, здесь были еще деревянные метательные палицы; они висели по стенам или аккуратно были разложены по полу, верхний слой которого, состоявший из утрамбованной глины, был устлан, вместо ковров и циновок, простым камышом, до того грязным и затоптанным, что его давно не мешало бы переменить.

На одной из низких деревянных скамеек, спиной к стене, помещалась приземистая, коренастая фигура Аттилы. Его большая голова на толстой воловьей шее задумчиво поникла на грудь. Повелитель гуннов кутался в тот же красновато-коричневый плащ, который был на нем при въезде в лагерь. Он сидел молча и неподвижно, закрыв маленькие, но, вместе с тем, выпученные глаза. Однако было заметно, что хан не дремлет, потому что по временам он мигал веками. Пол комнаты в этом месте был покрыт толстым слоем лошадиных шкур; хвост и грива оставались на них нетронутыми и были переплетены пестрыми лентами и золотыми нитями. На шкурах, у самых ног повелителя, лежал старик Хелхал, почти совершенно лысый и седобородый; он опирался правым локтем о землю, поддерживая рукою голову, и не сводил взгляда с Аттилы: даже чуть заметное движение век повелителя не ускользало от него.

Наконец маститый хозяин прервал молчание.

— Говори, господин, — начал он совершенно спокойным, почти беззвучным голосом, — тебе хочется говорить. Все эти дни, когда мы целыми часами скакали рядом верхом или молча отдыхали у костра, я замечал твое глубокое раздумье. Конечно, ты успел зрело обдумать и взвесить свои планы, а теперь тебе хочется высказаться. Говори же — Хелхал твой верный слуга.

Повелитель тяжело перевел дух, из его широкой груди вырвался как будто подавленный стон или хрипение.

ФЕЛИКС ДАН

— Ты прав, Хелхал. Тебе часто удавалось угадывать мои мысли и не из любопытства расспрашиваешь ты меня теперь, я знаю. Тебе хочется, чтобы я облегчил свою душу. Да, я должен потолковать с тобою не только о моих намерениях насчет римских послов, не только о моих планах на завтра или послезавтра, или на следующий год, и не только об одном будущем. Поговорить сначала о прошедшем; оно одно может объяснить тебе мое настоящее, а настоящее объяснить будущее.

Придвинься ко мне поближе, Хелхал. Нельзя говорить вслух о том, что я хочу сказать, потому что я намерен излить последние волны, бушующие на дне моей души, и обнажить перед тобою все ее тайники. Не дни и не годы, а целые десятки лет, молча, носил я в душе накупавшие чувства. Какое наслаждение высказать их наконец! И кому могу я довериться? Женщине такие мысли не по разуму. Мои сыновья? Они слишком молоды. Брат... — Аттила слегка вздрогнул и умолк. Старик бросил на него торопливый, робкий взгляд.

— У тебя нет больше брата, господин. Уже много времени прошло с тех пор, как князь Бледа...

— Скончался. С тех пор, иногда... мне было почти жалко, что он... умер. Но нет... он должен был умереть, так хотела судьба и вот... его не стало...

— Да, не стало, — повторил Хелхал, уставившись глазами в землю.

— Знаешь, старик! — воскликнул Аттила, со внезапной резкостью. — Князь Бледа умер не сам по себе, — и он прибавил шепотом, протягивая вперед правую руку: — я убил его, вот этой рукой.

— Это твое дело, — хладнокровно произнес Хелхал; ни один мускул не дрогнул на его лице и он не поднял опущенных глаз.

— Мне нравится, — заметил Аттила после некоторой

паузы, — что ты не прикидываешься удивленным. Значит, тебе это известно?

— С самого начала.

— А гуннам?

— Также.

— И они... простили?

— Разве они тебя когда-нибудь упрекали в том? Ты сделал это: значит, так было необходимо.

— Да, необходимо. Того требовал бог мщения. Ты скоро поймешь это. Слушай.

— Слушаю, — сказал Хелхал.

— Он сел поудобнее на своей мягкой подстилке, выставил колена, уперся в них руками и закрыл ладонями морщинистое лицо.

Все слабее и слабее горел фитиль в золотой висячей лампе, спускавшейся с узорного потолка на широком красном ремне. Некогда она горела в иерусалимском храме Иеговы, потом была привезена легионами Тита в Рим, взята императором Константином из Пантеона и пожертвована в храм св. Петра; а несколько лет назад папа Лев преподнес ее вместе с другими сокровищами гуннам, убеждая Аттилу не ходить войною на Рим. Аттила же вздумал подарить ее Хелхалу, и теперь она, среди ночной тишины, сделалась свидетельницей такой потрясающей исповеди, какой не приходилось ей слышать и на берегах Тибра.

20.

— Ты знаешь, — с расстановкой начал повелитель гуннов, — после смерти отца... Как он был страшен, плавая в своей крови!

— Да. И женщина была причиной... — вздрагивая перебил Хелхал.

ФЕЛИКС ДАН

— Молчи! — прикрикнул на него Аттила. — Если бы гунны это знали!

Но старик, взволнованный воспоминаниями, забыл обычную покорность пред своим господином и продолжал:

— Слабая женщина решилась на такое дело и совершила его с помощью простого ножа. Старая сарматская ведьма! С клинка струилась теплая кровь, а она размахивала им над растрепанной головой; алые капли падали на ее седые волосы. А убийца между тем кричала: «Он распял моего невинного внука — и старая бабушка отомстила за юношу!» — Страшно подумать, что дряхлая старуха убила Мундцука, повелителя гуннов, моего господина!

Хелхал застонал от горя.

— Молчи, говорю тебе!

— Но ведь это все равно известно целому свету. Хотя ты и брат твой, Бледа, велели убить всех, кто присутствовал при смерти твоего отца: сорок мужчин, двенадцать женщин и человек шесть детей, а старуха немедленно заколола сама себя... но некоторые из этих людей... с проклятиями рассказали перед казнью своим палачам, за что их убивают. Палачи не смолчали и передали подробности дела другим. Так и я узнал истину, вернувшись из похода против яцигов.

— Нехорошо, что гунны знают правду: они верят нелепому пророчеству, связанному с насильственной смертью от руки женщины.

— Тут нет ничего нелепого, — возразил старик, поднимая голову. И, твердо взглянув на повелителя, он прибавил: — Пророчество вполне справедливо.

Аттила пожал плечами.

— Не сомневайся в том, — наставительно проговорил старик, поднимая указательный палец, — а, главное, не расшатывай веру в народе. Ты сам — я с горем замечаю это — стал меньше почитать старинную веру отцов.

— Ну, это уж слишком сильно сказано. Я верую в бога войны, в бога мщения, который дал мне в руки собственный меч. Я верю в предсказания наших жрецов по дымящейся крови военнопленных; в особенности — прибавил он, улыбнувшись про себя, — когда они мне предсказывают счастье и победу.

— Значит, — с неудовольствием возразил Хелхал, — ты веришь во все, что перешло к нам от отцов, насколько это тебе нужно. Берегись! Боги не позволяют издеваться над собою. Берегись, господин!

Не изменяя своей спокойной позы и только немного приподняв громадную голову, заговорил повелитель гуннов:

— Ты угрожаешь мне, хотя только гневом богов, но все-таки угрожаешь. Разве ты забыл, с кем говоришь, старик?

— Нет, не забыл. С Аттилой, перед которым трепещет земной шар, но не боги, а также и не старый Хелхал. Хелхал учил тебя ездить на маленькой лошадке, когда ты был малюткой; он продевал твои пальчики в гриву, учил сжимать кулачок и сам бежал рядом с конем. Лошадка была такая беленькая, послушная. Я подхватил тебя вот этими руками, когда ты мальчиком свалился однажды с коня. Хелхал станет говорить тебе правду, пока жив.

— Ты знаешь, я готов ее слушать.

— Не всегда. Характер у тебя, как плохо прирученный степной волк; непрочный намордник твое великодушие. Хищное животное всегда готово внезапно сбросить его с себя...

— Да, да, — подтвердил Аттила, как бы про себя. — Дикая кровь перешла мне в наследство от многих поколений и потому ее трудно укротить. Но будь справедлив, старик. Вот видишь: тысячи народов преклоняются перед

моим кнутом; бесчисленные боги, которым они служат, боги отцов наших, Христос, Иегова, Вотан, Юпитер, Цри-бог. При этом и гунн, и христианин, и иудей, и германец, и римлянин, и венд, — каждый клянется, что его бог есть бог истинный; христианин позволит изрубить себя в куски, но не принесет жертвы чужим богам. Что же делать мне, владыке всех этих народов? Должен ли я верить в их богов, у которых один исключает другого, или вовсе не верить ни во что?

Хелхал сделал жест ужаса.

— Или я должен выбрать то, что мне лучше всего подходит и во что я могу веровать без лицемерия и самообмана. Я именно так и делаю, а прежде всего верю в самого себя и в свою счастливую звезду. Но, конечно, я верю также и в того, кто избрал меня своим орудием, — в мстительного бога войны.

21.

Старик перестал уже сердиться и, с воодушевлением взглянув на своего господина, воскликнул:

— И в тебя верят больше, чем ты сам — твои гунны и твой Хелхал! Верят, к несчастью, гораздо сильнее, чем в благочестивое предание отцов. Наш теперешний разговор как нельзя лучше доказывает это.

— Каким образом?

— Ты знаешь — начал старик, понизив голос, хотя некому было его подслушивать, — что горе и проклятие угрожают всем, кто только находится поблизости от трупа мужчины, убитого женщиной. Гунны бегут от такого покойника, как от чумы. Тебе известно также, какое проклятие, по старинному непоколебимому верованию нашего народа, постигает не только мужчину, умершего

от руки женщины, но также и его сыновей. А все же гунны верят в тебя и твое неизменное счастье.

Аттила, с легкой дрожью во всех членах, плотнее закутался в свой плащ и отвечал:

— Старшего сына постигло уже проклятие. Неужели оно сбудется и над вторым? Нет! Судьба, наверно, удовольствовалась одною жертвою. Исполнение наполовину, по-моему, совершенно достаточно для таких глупых суеверий.

Он попробовал улыбнуться, но это ему не удалось.

— Берегись, Аттила! Не гневи богов. Как бы они не исполнили вторую половину проклятия на тебе самом.

— Пустяки! Уж если допускать суеверие, то я лучше поверю предсказанию, полученному недавно, во время жертвоприношения пленных восточных князей. По их трепещущим внутренностям жрец-прорицатель угадал мою будущность и сказал мне: «Тебя, Аттила, не ранит ни металл, ни камень, ни дерево, ни нож, ни дротик, ни стрела, ни секира, ни палица. Ты умрешь в своей спальне, в нежных девственных объятиях прекрасной женщины».

Сластолюбивый гунн проговорил это, прищурился глазами, видимо, упиваясь соблазнительной перспективой.

— Умная голова! Ты так и не догадался, что колдун, — ведь он был не гунн, а странствующий фессалиец — предсказывает только то, что, по его соображениям, приятно слушателю и сладко как мед. Все знают, что ты падаешь до женщин.

— Нет, Хелхал, ты ошибаешься. Это предсказание имело более глубокий и серьезный смысл. Но вернемся к смерти князя Бледы. Когда мы по-братски разделили отцовское царство и все сокровища, то есть как раз поровну...

— Это было благородно со стороны Бледы: он был

старший брат и имел право на все наследство, а между тем уступил тебе половину. Какой благородный поступок!

— Но и глупый! — гневно возразил хан, мрачно сдвигая брови. — Это стоило ему жизни. И так мы царствовали мирно два года...

— Потому что Бледа был крайне справедлив.

— Перестанешь ли ты хвалить его! — с грубостью перебил Аттила. — Он давно сгнил в земле и не может вознаградить тебя за лесть. Царствуя вместе, мы поддерживали мир с соседями и отразили несколько нападений, но могущество гуннов стало постепенно уменьшаться.

— Неправда, оно только не разрасталось.

— По-моему, что не идет вперед, то идет назад. Напрасно уговаривал я брата подняться войною на Византию, Равенну, против готов. Таким образом он пропустил много благоприятных случаев: войны за престолонаследие, междоусобия, бунты в соседних государствах. «Укажи хоть на одну несправедливость против нас, брат,» — говорил он, — и тогда я не потерплю этого, но сам делать несправедливостей никогда не буду».

— Мудрый государь!

— Малодушный человек! Я один, с половиною гуннов, был недостаточно силен для исполнения моих планов.

— Для порабощения мира!

— Я мог приниматься только за мелкие предприятия, да и то брат становился у меня поперек дороги, когда враждебная сторона прибегала к его защите, и обвинял меня в несправедливости. Долго переносил я это, хотя вся кровь кипела во мне от бешенства. Наконец бог избавил меня от неприятной помехи. Еще раз поехал я к брату, чтобы уговорить его напасть на Византию, когда там боролись три партии. Победа была несомненна. Бледа отказал мне сначала холодно, а когда я принялся настаивать — с неудовольствием. «Хорошо же! — с гневом

воскликнул я. — Я один пойду воевать». — «Ты слишком слаб», — возразил он. — «Вот увидим», — сказал я и повернулся, чтобы идти. Тут Бледа стал мне угрожать, и это погубило его. «Берегись! не забывайся! — грозно остановил он меня. — Видя твою дикую жадность, я уже давно раскаиваюсь, что уступил тебе половину своего наследства. Живи мирно, иначе я спрошу твоих гуннов, нельзя ли мне и теперь воспользоваться правом первородства. Посмотрим, не согласятся ли твои подданные лучше жить в мире под моим кротким управлением, чем постоянно сражаться с соседями, покоряясь твоему дикому произволу и твоей нагайке». Эти неожиданные слова ошеломили меня, а Бледа с гордой осанкой ушел из комнаты. Сначала я онемел от бешенства, но потом испустил дикий крик и помчался из лагеря брата в дунайский лес. Едва успел я достичь своего жилища на реке Тиссе, как у меня открылась горячка. На следующую ночь я видел сон...

Аттила умолк, глубоко перевел дух и закончил торжественным тоном:

— Этот сон решил его судьбу, а вместе с тем мою и тысячи других народов.

22.

— Мне снилось: невидимая сила внезапно подняла меня с моей постели, унесла из палатки и я полетел вверх, как будто на крыльях вихря. Так поднимался я все выше и выше до самых звезд, а оттуда опустился на вершину высочайшей на земле горы. До тех пор меня окутывал мрак, теперь же стало светло. И я увидел под собою, в кровавых лучах утреннего солнца, все страны земли. Реки извивались по ним серебрястыми лентами,

ФЕЛИКС ДАН

но также с багровым оттенком. Я окидывал глазами целую вселенную от востока до запада: от первоначальной родины моего народа в солончаковых степях, по ту сторону Мало-азиатского моря, до столпов Геркулеса, который, как говорят, покорил себе мир. Я видел вселенную от полных стран, где море, скованное льдом, омывает волнами ледовитый берег, до полудня, где желтоволосый король вандалов катается по трепещущему Карфагену в золотой колеснице на ослепленных львах. И я увидел перед собою жизнь народов и их правителей во всех этих странах. Они озабоченно суетились, точно муравьи. Но вдруг я испугался. Солнце затмилось, потому что между ним и мною стояла громадная, страшная фигура великана. Его железные стопы опирались на измененность под горою, а голова терялась в облаках. Таким образом мне видна была только его грудь, защищенная панцирем, и шея. По временам в облаках пробегала молния: то был пламенный взгляд его глаз, перед которым я должен был опускать свои веки. Его лицо было закрыто, но верхушка шлема торчала из-за облаков, сверкая, как растопленное золото. И я знал этого великана или догадывался, кто он такой. То был Пуру, верховное божество гуннов, страшный бог войны.

Хелхал содрогнулся. Он скрестил руки на груди и прошептал:

— Будь милостив к нам, Пуру, страшный бог!

— Ко мне он всегда был милостив и до сих пор остается таким, потому что я слышал из-за облаков его голос, подобный отдаленным раскатам грома. И этот голос сказал мне:

«Ты видишь перед собою народы земли, но до сих пор ты их видел только снаружи. Теперь же я покажу тебе их, как они есть». И вдруг мой взгляд проник через все мраморные крыши, через купола храмов, церквей, двор-

цов; в каменные дома — на юге и востоке; под навесы кожаных шатров бродячих пастушеских племен; под кровли из моха и в занесенные снегом лачуги рыбаков и звероловов на западе и севере. И везде я видел ссоры и насилия, грабеж и воровство, убийство и прелюбодеяние. Наконец — о, какое ужасное ясновидение! — мой глаз проник в мозг и сердце каждого человека и я увидел его сокровеннейшие мысли и желания: хитрость и ложь, и неумолимая ненависть ютились там, прикрываясь притворной дружбой; жажда мести, разврат облекались в ласковые речи. Тут я увидел лицемерие жрецов и жертвователей, но главное: в каждом человеке брал перевес надо всем остальным — низкий, малодушный страх смерти. Мною овладело ужасное отвращение к человеческому роду. Я закрыл глаза, потому что не хотел больше видеть. Но бог войны сказал: «Неужели ты боишься, гунн?»

— Не знаю, что со мною, — отвечал я, — но мне стало гадко, как будто от зловония гниющего мяса. Это отвратительно: пусть бы лучше ничего не было, чем то, что есть. — Ты говоришь правду. И ты, — ты сам, — должен осуществить великий переворот. Аттила, сын Мундцука, взгляни туда, на юг, на этих римлян в Равенне и Византии. Они неизлечимо больны; они разлагаются изнутри; скипетр мира выскользывает из их рук. И посмотри вон туда, к полуночным странам. Видишь этих белокурых великанов с блестящими голубыми глазами? Ты думал, ты тревожился, что они овладеют тем золотым скипетром? Не беспокойся: они похожи на медведей своих родных лесов. Они сильны, бесстрашны, но тупы, как настоящие звери; они бьют друг друга при малейших столкновениях из глупой страсти к войне. В битве они опьяняют себя кровью, а после победы — пивом и медом, становясь ниже животных, которых только один раз можно напоить допьяна обманом. Кроме того, они никогда не научатся

ФЕЛИКС ДАН

повиноваться, а потому никогда не будут и господствовать. Кто сумеет их ссорить между собою и натравлять друг на друга, тому будет легко погубить их с помощью их собственного безумия, которое они называют честью, верностью и геройством. Их невоздержанность и страсть к хмельным напиткам также приносит им страшный вред. Вообще у них три слабости: излишняя воинственность, безумная гордость и пьянство. Дальше за этими белокурыми исполинами живут другие народы, которых окутывает еще утренний туман: те умеют лучше повиноваться, но господствовать и заботиться о будущем еще менее свойственно им, чем голубоглазым исполинам с детскими сердцами. И пьют они не меньше и не так отважны: кто укрощает медведей, тот смеется над волками. Твои же гунны, хотя ниже ростом и слабее римлян, сынов Азгарда, и сарматов, однако их численность подобна песку степей и они могут повиноваться беспрекословно, беззаветно, как собаки охотнику. Тебе они будут повиноваться, как стрела, которую ты кладешь на лук. Жатва поспела. Хочешь быть моим жнецом? Воспрянь, Аттила! Чудовищная безнравственность Рима, накопившаяся за целое тысячелетие, вопиет ко мне о мщении. Я бог мести. Хочешь быть мечем моим? Согласен? Если так, то сбрось с себя сию минуту все человеческое, то есть малодушное. Будь бесчувственным, как меч в моей руке; покоряйся только моей воле; безжалостно коси зрелые колосья, убивай сотнями тысяч, не щадя ни женщин, ни детей, ни стариков. А я тогда возвеличу имя твое перед всеми царями земными и покорю тебе все земли от востока до заката солнца. Ни хлебные злаки, ни трава, ни овощи не будут расти больше на той почве, которой коснулись копыта твоего коня. И пускай твое имя, — пока звучит человеческая речь, — сделается самым страшным словом в ушах людей, обозначая собою славу и проклятие, гордость и

ужас, которым нет подобных. Ты должен называться бичом бога мщения, слыть самым великим и самым страшным человеком на земле. Согласен ты слепо исполнить то, что я тебе назначил? Аттила, хочешь ты?»

— Я дрожал; мне было страшно. Я молчал; моя кровь стыла от ужаса; я подумал: «ведь тебе придется убивать и невинных». Мне вспомнилось, как ребенком сидел я с братом Бледой на коленях нашей милой матери; мне стало жаль матерей и бедных малюток... Бессмертный прочитал мои мысли. Он залился смехом, страшным, как эхо громовых ударов между скал, и воскликнул:

«Ты колеблешься? Ты не хочешь? Хорошо! В дунайском лесу, невдалеке от палатки Бледы, лежит зарытый в землю под зеленым мохом мой старый победоносный меч. Король, который найдет его, с той же минуты — хочет он или не хочет, — обратится сам в мой бесчувственный победоносный меч. Значит, твоему брату выпадет жребий быть владыкой мира!»

Бог войны исчез среди грома и молнии. Я очутился в темноте. Гора, на которой я стоял, разверзлась под моими ногами, — я полетел в бездонную пропасть, точно тяжелый камень. Кровь пошла у меня изо рта и носа; наконец я стукнулся о землю, чувствуя в рту вкус крови. Тут я опомнился и проснулся: действительно, у меня текла кровь и носом и ртом, я лежал у своей постели на земле, свалившись оттуда в горячечном бреде. Мне казалось, что я умираю. Была ночь. Тускло теплилась лампада, но надо мною, не смотря на позднюю пору, склонялся какой-то человек. То был гонец от Бледы, он говорил мне:

— Твой брат, как старший, требует тебя к себе до захода солнца. Если же ты не явишься и не откажешься от затейного похода, он отнимет у тебя подвластные народы, как и дал их тебе. — На этом посланный исчез.

23.

На другой день я ехал к брату через дунайский лес. Вечерело. Солнце просвечивало сбоку, сквозь ветви елей. Его красно-багровые лучи обдавали червонным золотом древесные сучья и стволы, и небо, видневшееся между вершинами деревьев. Все кругом было залито кровавым заревом заката, совершенно так, как я видел во сне. Даже мягкий густой мох на лесной почве, жадно поглощавший теплоту солнечных лучей, казался пропитанным кровью. Я далеко опередил своих провожатых. Меня знобило, и страшный сон грезился мне наяву.

Вдруг послышалось в лесу мычанье стад, вправо от дороги. Я очнулся от забытья. Навстречу мне вышел из чащи пастух в длинном плаще из коровьей шкуры. Я его узнал. Это был один из работников в доме брата. Мы подъезжали уже к его лагерю.

— Зачем же ты бросаешь стадо, Руаль? — спросил я. — И что у тебя под плащом?

— Господин, — отвечал пастух, — тут у меня необыкновенный старинный меч. Я ушел ненадолго от стада, чтобы отдать эту находку моему хозяину. Вот как она мне попалась. Захромала у меня одна молодая корова, придя с водопоя. Из передней левой ноги текла у нее кровь. Я пошел по кровавому следу и вижу, что возле источника, куда ходил скот, торчит из сырого моха железное острие. Стал я своим пастушьим посохом рыть в том месте землю и вырыл старый заржавленный меч. Вот и знаки на нем нацарапаны. А тут, смотрите, — пастух откинул свой плащ и поднес мне оружие, — здесь у железного стержня, который втыкался в рукоять — дерево давно сгнило — горят, как жар, круглые красные камешки, похожие на капли крови.

Кровь горячей волной побежала по моему телу. Озноб мой прошел.

— Мне! Дай мне сюда этот меч! — вскричал я вне себя и протянул с лошади руку, чтобы схватить сокровище.

Но пастух ловко отскочил в сторону.

— Что вы, как это можно! — возразил он. Оружие найдено на земле моего князя и его же слугою: оно по праву принадлежит ему.

Руаль бросился вперед и был под защитой стражи, окружавшей лагерь, прежде чем я успел настичь его на своем коне. Вскоре я вошел в палатку брата. Пастух стоял перед ним на коленях, держа в обеих руках необыкновенную находку, и рассказывал князю свое приключение.

Бледа протянул было руку за мечем, но мой приход заставил его отступить.

Он выслал Руаля из палатки, желая остаться со мною наедине. Пастух встал с колен, низко поклонился и вышел вон, положив меч на стол.

Брат кивнул мне головой с гордым и строгим видом, чего никогда не бывало прежде, выпрямился во весь рост — он был гораздо выше меня — и заговорил:

— Послушай, Аттила! Выбирай любое. Сегодня мне приснилось, будто бы ты превратился в исполинского волка, о котором говорится в германских сагах, что он при конце мира поглотит и богов и людей. Но знай: не бывать этому. Имя гуннов не должно быть проклятием между всеми народами. Поклянись не затевать походов без моего согласия. Иначе я отниму у тебя твоих подданных. Они охотно будут мне повиноваться, потому что тебя ненавидят и питают к тебе один страх, а меня любят. Любовь же сильнее ненависти.

— Вот как! Но ведь это шутка! — с трудом вымолвил я; меня душила ярость.

— Нет, ошибаешься, — отвечал Бледа, — хочешь я подтверждаю самой страшной клятвой, что исполню свою угрозу? Я поклянусь на мече.

ФЕЛИКС ДАН

Он схватился за свой меч, но его не оказалось на поясе: Бледа оставил оружие в спальне, на стенах палатки также не висело ни одного клинка, потому что этот шатер служил для пиров.

Вдруг его взгляд упал на страшную находку Руалья. Ужас сковал меня до мозга костей.

— Ну вот и прекрасно! — произнес брат. — Руаль, пастух, передал мне, что по старинным сказаниям нашего народа меч бога войны был зарыт в землю в дунайском лесу. Может быть, — прибавил с улыбкой Бледа, — это и есть тот самый меч-кладенец. Я поклянусь на нем.

Брат медленно пошел к столу, но успел сделать лишь два шага: на третьем он рухнул к ногам моим; я видел алую струю, хлынувшую из его горла; я весь был обрызган его кровью, которая текла и с меча, найденного в лесу; я сам не понимал, как он очутился в моих руках.

Убитый не крикнул, а только бросил на меня укоризненный взгляд.

Но мне это было нипочем! Я сделался бесчувственным: раскаяние молчало в моей душе, сердце у меня закалилось против жалости и стало твердым, как сталь в моей руке. Ликуя в диком веселье, я воскликнул: «Да, это волшебный меч! Мне больше ничего не жаль!»

Тут глаза брата закрылись навеки.

Аттила умолк, глубоко переводя дух.

24.

После долгого молчания, Хелхал заговорил, бросив на братоубийцу спокойный взгляд:

— Выйдя из палатки, ты сказал гуннам, что князь Бледа, упившись вином, неосторожно наткнулся на меч. Не все поверили этому. Поднялся ропот...

— Но я не дал им времени бунтовать, предприняв с того же дня походы и против остготов, и против маркоманов, и сарматов.

Хелхал кивнул головой, подтверждая слова господина.

— У Бледы не было еще детей. Его беременную вдову лишили свободы и подвергли строгому надзору. Кто у нее родился — этого не мог разузнать ни один человек.

Аттила, недовольный перерывом своей речи, отвечал с коротким кивком головы:

— Родился мальчик и... умер. С этих пор взошло солнце моей славы. Каждая из четырех войн, предпринятых мною, была рядом побед. И с тех пор гунны слепо идут за своим предводителем, когда я, размахивая мечем, бросаюсь в атаку. Они знают, что это оружие досталось им от Бледы... в наследство. Да, это, действительно, победный меч! Несомненно так!.. Он сделался непобедимым в моей руке; никогда не был я разбит. Нет!.. — внезапно воскликнул Аттила, громовым голосом, упрямо топнув ногою. — Нет!.. Даже и тогда, в Галлии, когда римляне и вестготы заключили между собою нелепый союз. Что ты пожимаешь плечами, старик?.. Нет же, говорю тебе! Разве нас преследовали, когда мы отступили? На четвертый день битвы я в четвертый раз атаковал бы врага — у меня было еще достаточно войска — если б не приснился мне в ту ночь вещий сон. Тогда у меня опять полила из горла кровь, я чуть не задохнулся. И вторично предстал передо мною во сне бог войны, говоря: «вернись теперь обратно непобежденным; три года спустя ты опять будешь здесь с войском втрое сильнее и тогда победишь». На будущую весну я решил выступить в поход и на этот раз — остаться победителем. Тогда завистники распустили слух, будто бы мой меч не мог одолеть одного врага: римского папу. Глупцы! они думают, что я отступил тогда из страха перед гневом христианского бога, которым мне

угрожал маститый священник на дороге в Мантую. Но отчего бы я стал бояться Христа или св.Петра больше, чем других богов, в которых не верую? В нашем народе, как и у германцев, существует поговорка: «Кто вступит в Рим, тот станет римлянином или умрет». Я давно слышал это изречение, но не принимал его к сердцу. Только мне стало не по себе, когда я в Мантуе отдал приказ идти на Рим. Вечером того же дня я наткнулся в дороге на архиепископа римского. Его сопровождало духовенство: все они стали молить меня о пощаде и на коленях поднесли дары. Но не события этого вечера, не архиепископ Лев принудил меня переменить свое намерение, а вещий сон, приснившийся в ту ночь, и недобрый знак, подтвердивший наяву сновидение. Когда я лег спать, то меня долго преследовали мольбы и предостережения беззащитного старика. Я не мог заснуть. Наконец под утро я задремал и увидел сон — ты знаешь, что утренний сон наполовину правда. Перед моими глазами неожиданно вынырнула на поверхность реки, заросшей камышом, царственная голова. Она смотрела на меня из высоких водорослей, и юношеские кудри, такого же цвета, как у германцев, вились у нее по плечам. Наконец показалась часть корпуса в блестящем панцире; таинственный юноша потрянул мокрыми волосами, в которых запутались осока и раковины, потом грозно поднял правую руку и сказал: «Аларихом звали меня. Я разгромил Рим, но вслед за тем умер. Волна запрещает мне говорить больше. Берегись, Аттила!» И он снова погрузился в быструю реку. Я в испуге вскочил, разбуженный громким дребезжащим звуком над моей головой. Было совершенно светло: на луке, висевшем у меня над головой, лопнула тетива. Она свесилась вниз и еще продолжала колебаться.

— Это нехороший знак, — в волнении пробормотал Хелхал.

— Также показалось и мне. Я велел войску отступить. Но все-таки римский папа не победил меня, как и Аэций со своими союзниками, вестготами.

25.

После короткой паузы: Аттила начал снова: — Волшебный меч доказал, что он настоящий талисман войны, не только моей непобедимостью. Мое сердце закалилось как сталь с тех пор как я в первый раз взял оружие и убил моего брата. Страх, жалость, даже самый гнев — незнакомы мне с той минуты.

— Это правда. Мертвецом, воплощенным богом смерти ходишь ты между живыми. Но как разобрать, что в тебе самообладание и что бесчувственность? Никто у тебя не видит улыбки, — думаю, не исключая и женщин, которых ты ласкаешь беспрестанно. По-видимому, ты недоступен даже радостям любви...

Аттила выпятил вперед толстую нижнюю губу.

— Нет. Но впрочем!.. Мужчина должен чем-нибудь опьянять себя. Я не пью ни вина, ни пива, ни меду, ничего, кроме воды... или крови, — прибавил он с отвратительным смехом, — помнишь, когда там, в Галлии, Марна катила кровавые волны? Ото всего, что опьяняет голову, отрекся я с клятвой еще мальчиком, когда однажды брат в нетрезвом виде неосторожно проболтался при мне о том, чего не следовало говорить. Победа, слава, могущество, золото — не опьяняют меня больше... Конечно, они мне нужны как воздух, хотя и перестали кружить мне голову. Мой хмель — это женщина, или скорее терзания женщины в моих объятиях.

— Ну, не одни терзания, а, кажется, и красота. Ведь ты выбираешь себе самых красивых, и уже несколько лет,

даже несколько десятков лет, — почти одних только германок. Почему так?

— Я объясню тебе это, Хелхал, — ответил Аттила, злорадно подмигивая своими отвратительными глазками. — Я поступаю так не из одного сладострастия — немало есть красавиц и у других народов, — но тут мною руководит государственная мудрость или, пожалуй, коварство, что одно и то же, — прибавил он, продолжая улыбаться. — Видишь ли, германки... — гунн запнулся, но потом продолжал: — Не смотря на утешительные обещания бога войны, германцы причиняли мне всегда и причиняют теперь много хлопот. Это единственная нация, не дающаяся в руки. Поверь, что там, в Галлии, на Каталаунских полях, я разнес бы в прах всю мудрую стратегию Аэция и растоптал бы римское войско своей сотысячной конницей, если б ему не помогали проклятые соты. Они бились...

— Не как люди, — с легкой дрожью прервал Хелхал, — а как их собственные боги с Асгарда.

— Но все-таки германские мужчины мне не страшны. Пуру сказал правду: они никогда не научатся повиноваться и неспособны к единодушию. Пьянство и безумный бред о чести губят их. Нисколько не страшна мне также их нелепая добродетель, которую эти верзилы в шесть футов ростом, эти мальчики с фигурой исполина, называют геройством. Страшная глупость — это слепая отвага, которая заставляет их с восторгом идти на смерть! После того, дикий зубр в лесу — величайший герой и заслуживает сделаться германским царем, так как нет существа бесстрашнее и сильнее его. А между тем красный лоскут доводит его до безумного бешенства. Маленькой отравленной стрелы достаточно, чтобы поразить его издали, и беспомощный великан всегда попадает в яму, вырытую для него охотником. Но красные лоскутья, искусные за-

падни и отравленные стрелы — это и есть мое настоящее оружие. Конечно, по временам не мешает показать этим сорокалетним мальчишкам, что я не уступаю в мускульной силе, которой они хвастают, их королям с льяными бородами. Поэтому я очень охотно исполнил сегодня просьбу Эцендрула. Видел ты, как изумились посланники гепидов и других германцев?.. Итак, их хвастовство своим геройством еще небольшая беда. Но есть на свете одно, чего я... хотя не боюсь, по перед чем робею, как перед священной тайной, хранимой богами. Это одно — германская женщина. Вот в чем их сила! В германской женщине есть что-то непостижимое, чего не может одолеть ни моя изворотливость, ни пороки самих германцев. Стоит только взглянуть на них, — этих девушек высокого роста и величавых, полногрудых женщин! Как светлые богини, проходят они легкой поступью по земле в золоте своих шелковистых кудрей! В их серовато-голубых глазах столько целомудренной гордости, которая не раз обезоруживала меня, конечно, ненадолго, — презрительно прибавил Аттила. — И как воспитывают, — презрительно прибавил Аттила, — как воспитывают эти бесподобные матери своих детей, внушая им благородную стойкость! Германцев нужно уничтожать в их женщинах: они служат для целого народа живым родником благодатной обновляющей силы. А так как их нельзя всех загнать в Дунай: они слишком многочисленны, да и жаль было бы утопить таких красавиц с белоснежным телом, — они и гречанки бесспорно самые красивые женщины в мире, — то лучше губить их живыми. Ублюдков, а не чистокровных германцев должны они рождать с этих пор. Смешанный народ, гунно-германский, должен сменить теперешних потомков богов, — прибавил Аттила тоном злобной иронии. — Всех, которыми мне удалось овладеть в течение десятилетий, всех этих белогрудых девушек, бросал я в объятия моих желтолицых

ФЕЛИКС ДАН

гуннов, — а их были целые тысячи! Ничего, старик, — подмигнул он Хелхалу, это нам не повредит, пускай наше потомство будет покрасивее. Правду говоря, со своими подслеповатыми глазками и острыми скулами, мои милые гунны отвратительны.

— Зато они храбры, честны и преданы. Этого тебя должно быть довольно, господин, — с досадой проворчал Хелхал.

— Да, этого достаточно, по крайней мере, для порабощения, если не для украшения мира. Но превращать в гуннок самых прелестных, самых гордых, самых неукротимых из этих белокурых полубогинь предоставляю я вот этим рукам. — И Аттила самодовольно вытянул вперед короткие, но сильные руки, напрягая их, железные мускулы. — Сопrotивление красавиц только сильнее возбуждает мою страсть, мои ласки становятся более жгучими, когда я вспоминаю о своей затаенной цели, — удовлетворить мою ненависть против всего германского народа! Сколько сотен самых величавых и прекрасных дев отнял я навсегда у их соплеменников! Сначала они, конечно, сопротивлялись, как львицы, однако неволя скоро укрощала их. Но после того, как у них родился от меня первый ребенок или потом от кого-нибудь из моих любимцев — второй, германские женщины становились совсем ручными. Конечно, — после некоторой паузы продолжал Аттила, покачивая головой, — так было не всегда, и предпринятое мною смешение рас не вполне удастся: безобразие, по-видимому, переходит в наследство легче красоты. Некоторые германки, увидя свое дитя, рожденное от гунна, — желтое, кривоногое, уродливое, — швыряли его об стену, вместо того чтобы прижать к своей груди. Да, помесь не удастся! Гуннский уксус заставляет свертываться германское молоко. Мои собственные сыновья от германок вышли неудачными.

Он умолк и потупился.

— У Эллака благородная душа!

— Он мечтатель! — с неудовольствием воскликнул отец. — Мечтатель и настоящая баба. От своей матери, дочери амалунгов, унаследовал он глупые бредни, бесплодные думы и порывы куда-то вдаль. Эллак чувствителен, как женщина; ему хотелось бы обезоруживать одним благородством всех врагов. Благородство! Насколько уместно оно, например, против Византии, против этих жалких императоров! Сын готки любит больше готов, чем гуннов. Право, я угадываю, кажется, причину его ненависти, — гневно заключил Аттила. — Он не может мне простить, что я, будучи гунном, осмелился сделаться его отцом. Песнями о подвигах готских героев убаюкивала его Амалагильда; готские героические саги на родном языке втихомолку нашептывала она сыну, до тех пор... пока мне все это не надоело и мать Эллака внезапно... умерла.

Рот Аттилы подернулся легкой судорогой.

— Я был при этом, — хладнокровно заметил Хелхал, — я и мальчик. Ты запретил ей петь ему песни на готском языке. Она стала просить: «Дай мне только пропеть до конца про славную смерть короля Эрманриха, моего предка. Видишь, сын мой, прежде чем подчинится гуннам, он вонзил себе...»

— Она не могла закончить, — воскликнул Аттила, — потому что я в гневе ударил ее ногой.

— Она была беременна и умерла на месте. Эллак находился при этом. Может ли он тебя любить?

— Он должен меня бояться и пускай не рассчитывает, что я сделаю своим наследником его, калеку. Он не может даже владеть мечом!

— Правую рукою — да, но зато левою владеет превосходно, как ты сам отлично знаешь. Нередко побеждал он твоих врагов, с тех пор как получил увечье, спасая тебя.

ФЕЛИКС ДАН

Под Орлеаном было это. Эллак защитил правой рукой твою голову от громадного камня, пущенного сверху укрепления из римской катапульты. Удар был меток.

— Этот камень не убил бы меня, как не убили тучи стрел и дротиков на Каталаунском поле. Ведь ты теперь знаешь, я тебе рассказал, какой смертью я умру. Впрочем, — с досадой продолжал гунн, — не радует меня многочисленная семья и других сыновей. Вчера у меня было их сто восемьдесят два, а сегодня мне доложили о двух новорожденных, — дочерям я давно потерял счет: от них мало проку. Не будет также проку и от моего любимца, красавчика Эрлака...

— Ты сам избаловал его чрезмерною любовью. Гораздо лучше воспитала Эллака отцовская ненависть. Ну а Дзенгизиц?

— Про того нечего толковать. Дзенгизиц вполне тебе по сердцу, старик. Настоящий гунн!

— Да, лучший наездник изо всего народа и лучший стрелок из лука.

— Ну конечно. — Он хоть куда. Я люблю этого отчаянного малого, — благосклонно отвечал Аттила. — Но его мать — ай, какая она была некрасивая. — И он сделал гримасу, как будто взял в рот что-нибудь горькое.

— Она происходила, — заметил старик, — из древнейшего рода гуннских ханов, древнее твоего.

— Поэтому отец мой Мундцук приказал мне на ней жениться. Но знатность не убавила ей безобразия. Вот была отвратительная брачная ночь! И наш сын Дзенгизиц уродился такой же. Он еще безобразнее обоих родителей, взятых вместе. Но хотя этот наследник совершенно не похож на мягкосердного Эллака, он тоже не годится в цари вселенной. С верховой ездой и стрельянием ласточек не далеко уйдешь в царской короне. Вот мой красавчик Эрлак — другое дело.

— Господин! — воскликнул Хелхал. — Неужели пятнадцатилетний мальчик, испорченный твоим баловством, может владеть миром?

Отец не отвечал на этот вопрос, шепотом говоря сам о собою:

— Его мать... Это было самое приятное из моих любовных приключений. Обыкновенно я противен женщинам и добровольно отдавались мне только одни гуннки.

И Аттила, погружившись в воспоминания, тихо продолжал, не для слушателя, а для самого себя:

— Однажды мой лагерь навестила дочь славянского князя. Я был уверен, что девушка покушается убить меня, однако вместо того она бросилась мне в ноги. Как она была прекрасна! Толстые косы, черные с синеватым отливом; полный ротик, алый, как вишня; персиковый пушок на щеках, — и вдруг она ласково шепчет мне: «Моего народа на дальнем востоке достигла слава твоего имени. Я слышала, что ты самый могущественный из людей и нет тебе равного на земле. Я запылала страстью к тебе; я проводила ночи без сна и мне захотелось иметь сына от самого мощного владыки вселенной или умереть. Я отправилась в путь и ехала день и ночь, целые месяцы. Наконец я тебя вижу: могущество заменяет тебе красоту. Поцелуй меня, а если не хочешь, то убей». Поцеловал ли я ее? Эта женщина только одна меня любила. Любуша, ты умерла, когда родился наш прекрасный мальчик...

— Господин, но ведь ты не отдашь этому ребенку...

— Нет, — с горечью отвечал Аттила, очнувшись от своих грез наяву. — Мне предсказано, что Эрлак переживет меня всего на один день.

— Как это, господин? — воскликнул испуганный Хелхал.

ФЕЛИКС ДАН

— Успокойся. Это предсказание хотя жестоко, очень жестоко, но мне возвестили нечто другое, гораздо лучшее. Слушай.

— Слушаю.

— Фессалийский колдун...

— Который предсказал тебе смерть в объятиях женщины?

— Тот самый. Я ему вполне верю, потому что он отгадал мои сокровенные мысли. На мой вопрос: «О чем я думал сегодня в бессонную ночь» он немедленно отвечал: «О выборе своего наследника. Не беспокойся о том, великий царь, — продолжал фессалиец, — твой наследник уже назначен судьбою. Есть на свете красавица с белокурыми косами. Ее красота внушит тебе такую страсть, какой ты никогда не питал ни к одной женщине. При виде ее ты весь задрожешь от восторга. Только она одна может родить сына, который унаследует все твое величие. Он покорит себе все народы земного шара.» С этих пор я нетерпеливо жду обещанной мне невесты.

— И ты веришь льстивому колдуну?

— Я поверил ему на слово.

— Ну а теперь не веришь больше?

— Верят только живым.

— Так он умер.

— После предсказания я велел его убить.

— Зачем? Ты думал, что он тебя обманул?

— О нет! Ты знаешь, у наших гуннских жрецов есть поверье, подтвержденное многими опытами, что только тот колдун говорит верно... у которого на печени окажется звездочка из белых полосок. Поэтому каждому колдуну после смерти разрезают и осматривают печень. Мне хотелось поскорее убедиться в справедливости предсказания. Я велел убить фессалийца, и белая звездочка на-

шласть. Ну старик, я пойду домой. Уже поздно, я хочу спать. И пускай приснится мне прекрасная девушка, от которой я буду иметь сына, властителя вселенной.

26.

На другое утро обоим римским посольствам было объявлено, что повелитель готов их принять в шестом часу дня.

Хелхал, Эдико и другие вельможи явились к ним и повели их в большую комнату вперемежку с пестрыми коврами, подобно тому, как у греков и римлян обтягивали фаламос для новобрачных. Пол из утрамбованной, выкрашенной в красную краску, глины был почти сплошь покрыт коврами.

В четырех шагах от стены шли правильными рядами четырехугольные деревянные столбы с резьбой и рисунками. Столбы и стены были увешаны различным оружием, добытым на войне или полученным в дар от соседних народов.

При входе послов в зале теснилась уже гуннская знать и воины; чужестранные князья и посланники со свитой, а также домашняя прислуга Аттилы. Приемная представляла пеструю, оживленную, живописную картину. Тут, рядом с римлянами и греками в их простой пластической одежде, при всей роскоши дорогих украшений, стоял финн в оленьей шкуре; суион в медвежьем меху; из Британии — кельт полуголый, расписанный синей краской; ведь в овечьей шкуре; германец в шерстяном плаще и доспехах вороненой стали. Но весь этот пришлый элемент составлял только небольшие островки в море гуннов.

Аттила сидел на возвышении посреди залы. Несколько

ФЕЛИКС ДАН

ступеней, обитых дорогими, расшитыми золотом коврами, вели к этому деревянному помосту, в центре которого стоял простой деревянный стул с ручками, служивший тронем самому могущественному государю того времени. На нем была та же самая одежда, как и вчера, и Аттила не прибавил к ней ни одного украшения.

Посланники, по указанию Эдико, остановились в дверях и низко поклонились. После того Максимин хотел подняться на ступени помоста и вручить письмо императора самому Аттиле. Но к нему тотчас подскочил гуннский князь, — это был Эцендрул, — взял у него из рук пурпурный папирус, заставил патриция сойти обратно с первой ступени, вскочил сам на возвышение, пал ниц перед повелителем и положил царскую грамоту на колени Аттиле, который продолжал неподвижно сидеть, как будто все это нисколько не касалось его.

— Собственноручное письмо императора Феодосия! — воскликнул Максимин снизу; он был рассержен и, не стесняясь, возвысил голос.

Аттила не пошевелился.

— Император желает тебе здоровья и долгой жизни! — произнес опять патриций.

Тогда хан начал говорить медленно, отчеканивая каждое слово и почти не открывая губ:

— Я желаю императору того же, как раз того же самого, чего, как мне известно, желает он Аттиле. Прислана ли, наконец, ежегодная дань, которую нам должны обе империи, Эдико?

— Да, господин. Эти посольства привезли ее с собою.

— Ты пересчитал?

— Все верно до единого солида.

— Хорошо. Но где подарки обоих императоров? — продолжал он громче и грубее, после значительного молчания. — Я слышал, что дары привезены только одними

посланниками от себя. Осмотрел ли ты их, Хелхал? Достойны ли они меня?

— Твое великолепие, господин, недостойно никакого подношения, но я, ввиду скромного состояния подносителей, можно признать привезенные дары достаточными.

— Раздели их между моими князьями. Не забудь Ардариха и Валамера. Визигаст тоже должен получить что-нибудь. Надо поощрить и пылкого королевича скиров, — юного героя, умеющего так складно играть на арфе. Все должны удостоиться чего-нибудь по их заслугам и по степени их верности. Но что тут? — Тут черты Аттилы омрачились; как будто от горького изумления. — Мне кажется, я вижу между византийскими посланниками знакомое лицо? Вон тот маленький, который стоит в стороне от других? — И грозный хан взглянул на Вигилия, точно сейчас увидел его, тогда как на самом деле прежде всего стал искать глазами этого человека и немедленно нашел его в толпе, а имена всех посланников были давно ему известны.

— Я уже имел счастье однажды, — начал испуганный византиец, — служить переводчиком...

— Как зовут эту противную жабу, Эдикю?

— Вигилий, господин.

— Ах, да, Вигилий! — И Аттила гневно повернулся на стуле, так что нераспечатанное письмо императора полетело на пол с его колен. — Разве ты смеешь, ничтожная дрянь, являться мне на глаза, пока мне не выданы все перебежчики, как я приказал тебе передать? Неужели я потерплю, чтобы под вашими знаменами мои собственные беглые рабы подняли против меня оружие? Все подданные моего государства должны помнить, что нет бегства от Аттилы, нет спасения от его гнева. Ни одна крепость, ни одна укрепленная столица не даст защиты против меня. Даже в золотом дворце в Византионе я могу настичь моих

ФЕЛИКС ДАН

врагов и схватить из вот этой рукой. — И он вытянул перед собой правую руку.

— Мы явились доложить тебе, — начал со страхом Вигилий, — что у нас находится всего семнадцать перебежчиков, как ты их называешь, из твоего государства. Они уже указаны Эгинфию, начальнику пограничной стражи, и будут присланы сюда в цепях в скором времени.

— Семнадцать! Ты потом узнаешь настоящее число. Теперь слушайте вы, посланники императора из Равенны. Я отказываюсь от требования выдать мне человека, утаившего мою долю в военной добыче из Виминациума. Но на каком условии, вы узнаете потом. Кто из вас Максимин, достойнейший сенатор императора византийского?

— Меня зовут Магнусом Аврелием Максимином.

С серьезной благосклонностью остановился взгляд Аттилы на благородном лице сенатора.

— Соизволь, о повелитель гуннов... — начал Приск.

— Меня называют государем.

— Соизволь, о государь гуннов...

Аттила вздрогнул, но уклончивость оратора показалась ему забавной, и он не прервал его, спокойно слушая дальше.

— ... Чтобы я, по поручению императора и от имени прибывших со мною послов, ясно и по порядку изложил все обстоятельства, как они есть, а не так, как представляют их тебе твои постоянно меняющиеся и так часто посылаемые тобой уполномоченные. Ты требуешь от императора Феодосия выдачи всех тех, кого ты называешь перебежчиками, то есть всех, кто по каким-либо причинам предпочел переселиться в нашу страну из под твоего крепкого владычества. Между тем они поступили так, пожалуй, потому, что твои гуннские законоведы и заплечных дел мастера не всегда судят так справедливо и мудро, как ты думаешь, полагаясь на их добросовестность, и как

ты, без сомнения, желаешь. Императору больно выдать людей, которые стали под его державную защиту. Однако, я вижу, ты хмуришься. Значит, я не прав. Тогда будь по-твоему: государь выдаст тебе твоих подданных. Далее ты требуешь, кроме уплаты просроченной дани, ежегодного почетного приношения — взноса за год вперед, под угрозой немедленного нападения! Мы привезли шесть тысяч фунтов золота, а ты требуешь еще тысячу двести фунтов. Наш ответ замедлился по причине плохих путей сообщения в твоём государстве, ты же за это в мирное время осадил наши города: Виминациум, Ратиариум и многие другие, разграбил их и сжег. За каждого, по твоим словам, задержанного перебежчика ты требуешь по двенадцати солидов. Нам, к сожалению, дано полномочие, в случае крайности, соглашаться на все, но умоляем тебя: не настаивай на этом. Ты не можешь себе представить, до какого бедствия доведены все наши провинции, сколько вреда приносят жителям придунайских городов твои конные отряды, опустошающие кругом всю равнину, они, как стаи волков, делают набеги на одинокие хижины крестьян и целые города, не выпуская никого оттуда и перехватывая по дороге съестные припасы. А в то время, когда твои гунны представляют внешнюю язву для несчастных горожан, — внутренней язвой, чуть ли не худшей, — служат для них императорские сборщики податей. Для пополнения государственной казны они снимают с граждан последнюю рубашку, берут последнюю постель, так что многие ждут избавления от всех этих зол в самоубийстве. Твои посланники также привыкли — говорят, им так приказано, — по приезде в Византию... ожидать настолько щедрых почетных даров, что одни эти любезности способны разорить нас вконец. Говорят, будто бы ты именно с этой целью так часто достаиваешь нас чести принимать твоё посольство.

Смелость риторы, очевидно, потешала могучего владыку, и он довольно добродушно заметил ему:

— Пускай мои посланные позволяют подносить себе дары, только бы их не подкупали.

— Императору, — с грустью начал теперь Максимин, — пришлось для удовлетворения тебя просить сенаторские семейства продать с публичного торга наследственные драгоценности их жен, даже самую необходимую золотую и серебряную столовую посуду и дорогие вина, хранившиеся в их погребках...

— Я пью только воду из этого деревянного сосуда, патриций, — сказал Аттила, взял кубок со стола и выпил. — Вы жалуетесь, — продолжал он, вытирая толстые губы, — что ваша казна пуста. Но почему это? Потому что ваши императоры, с незапамятных времен, проматывая деньги на нелепые зрелища, на конские бега, на ненужную роскошь, на разорительные прихоти, или — из малодушного страха перед загробными наказаниями, которые вполне заслужили, — строили церкви. Неужели у вас недостаточно священных мест, где бы вы могли докучать своим святым визгливыми гимнами и вашим лицемерием! Положим, меня это не касается, — но народ, у которого не хватает железа для защиты от соседей, должен быть домовитым и копить для них свое золото, потому что оно принадлежит им по праву. Как смеете вы расточать мое золото в ваших сундуках? Впрочем, мудрый ритор Приск, я должен прервать твою основательную речь, как бестолковый варвар. Прости, благородный патриций... Мы, гунны, умеем только ездить на лошадях, но мыслить в строгой последовательности — не наше дело. Я всегда перепутываю государственные дела. Приступив к переговорам с вами, я забыл предварительно спросить моего посланника Эдикю о том, как он исполнил мои поручения и что с ним было в великолепном Византионе.

Императорские послы переглянулись с удивлением.

— Неужели он в самом деле не расспросил его? — прошептал Примут тоном сомнения.

— Разумеется, это неправда, — отвечал Приск, также тихо. — Слушай внимательно, Максимиан: сейчас откроется тайна Эдико.

27.

— Говори откровенно, — приказал хан, — не скрывай перед этими византийцами. Скажи все, без утайки. Ведь это наши друзья, а гунн не имеет тайн от своих друзей.

Эдико выступил вперед, низко поклонился и начал спокойным тоном:

— В несравненном Византионе я видел, слышал и испытал невероятные вещи. Справедливы слова готского короля, который, пробыв там несколько дней, воскликнул: «В этом городе множество возможных и невозможных вещей!»

Посланники, не без удовольствия, переглянулись между собой.

— Однако римское великолепие ослепило-таки этого варвара, — произнес тихонько Приск.

Максимиан сочувственно кивнул ему головой. Между тем Аттила переспросил с ударением:

— Даже невозможных?

— Суди сам, о государь, возможно или невозможно то, что я испытал, сравнительно с тем, что приходилось испытывать другим посланникам. Ты назовешь это невозможным, а я представлю тебе вещественные доказательства противного.

С живейшим любопытством вслушивались все присут-

ФЕЛИКС ДАН

ствующие в речи германца, который продолжал на латинском языке:

— Вигилий пришел за мной в дом, находившийся возле гавани, где мне отвели квартиру. Этот человек повел меня к Хризафиосу, могущественнейшему вельможе в византийском государстве. Дорога шла мимо целого ряда величественных дворцов — они составляют как бы отдельный городок, и в них живет придворный штат императора, первые сановники, а также находятся присутственные места. Я откровенно восхищался этими зданиями, без всякой задней мысли, но меня поразил при этом странный блеск в глазах моего спутника. В его взгляде был такой же огонь, как и в настоящую минуту, но теперь его черты выражают испуг. Впрочем волнение Вигилия объяснилось мне после. Едва мы предстали перед всесильным евнухом, как он — по-моему, совершенно некстати — передал ему в преувеличенном виде о моем восхищении царской пышностью.

Вигилий с напряженным вниманием следил за каждым словом Эдико.

— Безрассудный! — бормотал он сквозь зубы. — Что с ним такое делается? Но, может быть, он из хитрости прикидывается здесь моим врагом и противником?

— Вигилий прибавил даже, — хладнокровно продолжал между тем германец, — и это была чистейшая ложь! — будто бы я позавидовал обитателям Византии, что они могут вести такую богатую и роскошную жизнь.

— К чему он ведет эту речь? — все больше смущался про себя Вигилий.

— Тут Хризафиос сказал: «Ты хочешь, Эдико, добыть себе такой же дом, крытый золотой черепицей, и купаться в золоте, если захочешь».

«Когда же наконец перестанет он говорить правду и начнет хитрить? Какой безумный риск?» — думал Вигилий.

— Я удивился. «Для этого тебе нужно только переселиться к нам из земли гуннов», — продолжал Хризафиос.

«Наконец-то я дышу свободнее! Он начинает скрывать истину,» — мелькнуло в голове у Вигилия.

— Я онемел от изумления. — Тут Эдикко внезапно обернулся и указал рукою на Вигилия: — Вот этот человек вмешался в наш разговор.

— Он сошел с ума! — в ужасе произнес Вигилий, уже давно слушавший Эдикко с выпученными глазами и разинутым ртом. Холодный пот выступил у него на лбу, он завертелся туда и сюда, закутал голову плащом и бросился к двери.

Однако четверо гуннов, с самого начала незаметно пробравшиеся к нему и отделившие его от других посллов, схватили византийца за плечи своими железными руками и тем помешали ему упасть, потому что под ним подкосились ноги. Он принужден был остаться, дрожа всем телом и слушая, лицом к лицу с ужасным Аттилой, обличительную речь неумолимого Эдикко. Германец опять говорил совершенно хладнокровно и только к концу разразился гневом.

«Имеешь ли ты свободный доступ», — спросил меня Вигилий, — к самому Аттиле, в его палатку, в дороге и на охоте, а также в его спальню в постоянном лагере?» Я отвечал: «Когда обязанности наместника не задерживают меня в Пеонии, на берегах Савы, или когда государь не отправляет меня куда-нибудь в военное время полководцем, а в мирное — посланником, то я всегда нахожусь при нем и поочередно разделяю с другими знатными людьми высокую честь стоять на страже у его изголовья и подавать ему, утром и вечером, свежую воду для питья». Тогда евнух пропищал своим визгливым голосом: «Счастливец! Какое ожидает тебя благополучие, если только ты сумеешь молчать и выкажешь

немного мужества. Я сам предоставлю тебе несметные богатства и блестящее положение. Но нам нужно хорошенько переговорить между собой. Теперь я спешу в императорский дворец. Сегодня вечером приходи ко мне ужинать, но один, без своей свиты и спутников». Я все еще не угадывал гнусного замысла, полагая, что меня просто хотят задобрить, как влиятельного человека, который может способствовать заключению мира с Византией. Ничего не подозревая, я обещал прийти. Хризафиос махнул рукой. Вигилий вывел меня из комнаты, а сам остался. Вечером я пришел в назначенный час к ужину и встретил у евнуха только одного гостя — то был опять-таки Вигилий.

Тут византиец грохнулся об пол, несмотря на поддержку гуннов. Они грубо подхватили его с земли и пододвинули ему скамейку, на которую он сел, прислонившись спиной к одному из столбов. Между тем восемь дюжих рук держали его по-прежнему, как в тисках.

28.

Совершенно растерявшись, слушали остальные послы доклад Эдикко. Тот продолжал:

— После того как невольники унесли остатки ужина, Вигилий запер за ними дверь, предварительно убедившись, что никто из них не остался в соседней комнате. Потом оба византийца взяли с меня клятву, что я сохраню в строжайшей тайне наши переговоры, если даже не соглашусь на сделанное мне предложение, по их словам, крайне выгодное и несколько не опасное для меня. Я поклялся, потому что захотел во что бы то ни стало разоблачить замыслы византийцев.

— Так-то ты держишь клятву, подлый германец! — не

выдержал, наконец, Вигилий, в порыве бешенства и отчаяния.

— Я ее и не нарушаю, — сказал Эдик, не удостоив врага даже взглядом. — Я поклялся молчать спасением своей души и загробным блаженством, как клялись вы оба, но ваш христианский рай мне вовсе не нужен. После смерти, меня возьмет Вотан в свою Валгаллу*. — И германец прибавил после этого отступления: — Тогда первый советник императора хладнокровно сказал мне в лицо: «Убей Аттилу!»

Крик бешенства и ужаса, стон изумления потрясли стены громадной залы.

— «Убей Аттилу! Беги в Византию! Будь первым после меня по могуществу, богатству и блеску». — К счастью, по правилу византийского придворного устава, я должен был оставить свое оружие у порога. Если бы не так, то не сдобровать бы обоим злодеям, вероятно, я уложил бы их на месте. Но теперь я только вскочил с мягких подушек дивана, точно ужаленный змеей, и хотел выбежать вон, на свежий воздух. Но тут — не знаю, как это случилось, — вдруг передо мною встала окровавленная тень...

Глубокое внутреннее волнение прервало голос Эдик.

— Тень моего отца, — продолжал он, оправившись, — и я вспомнил ужасную клятву, данную ему. Ты знаешь ее, о государь?

Аттила утвердительно кивнул головой.

— И отец мой как будто сказал мне строгим голосом: «Вот самый удобный случай исполнить тебе страшную

* Валгалла находилась в Асгарде и служила временным пребыванием героев, павших в битве, до тех пор, пока, после крушения целого мира и возобновления его в лучшем, усовершенствованном виде, боги и умершие люди, достойные вечного блаженства, не переселятся в постоянный рай — «Гимли».

клятву: ты должен открыть позорный замысел императора перед целым светом».

Четверо римлян смотрели друг на друга, онемев от ужаса.

— Это... это... невозможно! — в смущении пробормотал маститый Максимин.

— Ты будешь иметь доказательства в своих руках, — спокойно отвечал Эдико.

— От Хризафиоса можно всего ожидать, — шепнул Приск сенатору.

— Вот почему, — начал снова германец, — я настоял на том, чтобы посольство сопровождал достойный из вельмож Византии, и выбрал тебя, Максимин, чтобы ты присутствовал при разоблачении гнусной тайны. Я заглушил голос оскорбленной чести и согласился на сделанное мне чудовищное предложение, но, желая иметь в руках верные доказательства, прибавил: для исполнения замысла нужны деньги, фунтов пятьдесят золота... чтобы... наградить воинов, которые будут стоять со мною на страже у палатки гунна. «Вот они!» — с жаром воскликнул евнух, вскочил с места, схватил маленькую шкатулку, спрятанную в мраморной стене, и собственноручно отсчитал червонцы в мешок из черной кожи.

Вигилий громко застонал, вырываясь из рук стороживших его людей.

— Хризафиос подал мне мешок, я заметил, что на нем вышита красным шелком надпись: «Собственность Хризафиоса». Нет, — сказал я, отстраняя рукою деньги, — я не возьму их, пока не заслужил. Сначала нужно исполнить обещание, а потом брать награду. Ведь, кажется, со мной вместе отправляется посольство к гуннам? — Да, — отвечал Вигилий, — и я назначен послом. Дай мне кошелек, Хризафиос, мой высокий покровитель. — Евнух повесил

ему на шею завязанный мешочек, который он носит с тех пор на груди под одеждой.

— Он и теперь на нем! — воскликнул Аттила. — Живей! Откиньте у него хламиду, шарьте под туникой! Поспеши, Хелхал!

Гунны сдавили византийца как в тисках. Хелхал принялся шарить у него под одеждой, дернул за шнурок, оборвал его, вытащил из-за пазухи злополучного посла черный кошелек, внес находку на помост и положил к ногам своего господина.

Ропот бешенства прошел по рядам гуннов.

— «Соб-ствен-ность Хриза-фио-са», — прочитал Аттила по складам, нагнувшись над мешком. Потом он отшвырнул его ногой и сказал: — Выньте червонцы и свесьте золото, точно ли там пятьдесят фунтов, как говорит Эдико.

— А хоть бы и так! — крикнул Вигилий, собираясь защищаться. — Все-таки Эдико нагло врет!

— Неужели? — насмешливо заметил Аттила. — Зачем же тебе было тайно вести с собой такую сумму?

— Господин... это для закупок в гуннской стране... для меня и моих товарищей... съестные припасы... корм для лошадей и мулов. Могли также понадобится другие выючные животные, если б эти пали в дороге...

— Замолчи лжец! Эдико сказал тебе еще в Византии, что от самой границы моих владений вы будете считаться моими гостями и будете получать все бесплатно. Вам даже было запрещено делать покупки, потому что византийские послы под видом этого устраивают подкупы и выведывают, что им нужно.

— Тем не менее все, сказанное германцем, пустая выдумка и обман.

— Даже и этот документ от императора тоже обман? — спросил Эдико, не устаивая Вигилия взглядом.

ФЕЛИКС ДАН

Он вынул свиток папируса из кармана в перевязи оружия.

— С византийскими мужами нужно быть осмотрительным. Я потребовал письменного заявления от императора, на тот случай, чтобы он не отрекся от своего подстрекательства к убийству, когда я совершу кровавый замысел и потребую награды. Желание твоих врагов убить тебя, государь, было так велико, что они сделали страшный промах и допустили перехитрить себя. Тотчас, несмотря на позднюю пору, Хризафиос с Вигилием повели меня в покои императора, разбудили Марциала, государственного канцлера, который уже спал, и отправились к Феодосию. Император не ложился, нетерпеливо ожидая, чем кончатся наши переговоры. Конечно, я не удостоился высочайшего приема в такой поздний час и остался ожидать в приемной. Здесь, в одиночестве, мне показалось, что я вижу все это во сне. Но вскоре царедворец вернулся и принес мне исписанный государственным канцлером документ, — внизу его стояла собственная подпись императора красными чернилами, которых никто не смеет употреблять, кроме него. Канцлер с гордостью заметил; что он сам составлял договор об убийстве, так как на его обязанности лежит составление всех государственных актов. Действительно, я увидел перед собою тщательно написанный форменный документ, разделенный на параграфы и скрепленный канцлерской подписью. — «Я всегда сам пишу государственные акты, — самодовольно повторил Марциал, заметив мое удивление. — Это составляет привилегию моего звания».

— Читай! — приказал Аттила.

— «Во имя Господа нашего Иисуса Христа! Император, Цезарь Флавий Феодосий, победитель над гуннами, готами, антами и славянами, вандалами и аланами, персами и парфеянами, благочестивейший, взысканный Богом, славный,

победоносный, непобедимый, достойный поклонения во веки веков, Август, одобряет и приказывает, чтобы Эдико совершил спасительный подвиг умерщвления нашего злейшего врага, что было предложено ему Хризофиосом и Вигилием. Пятьдесят фунтов золота выдали ему вперед, остальные он получит по исполнении дела в награду страже. Сам же он должен, после бегства в Византию, получить сан патриция, дом, крытый золотою черепицею, и годовое содержание в двадцать тысяч солидов». Затем следуют подписи: императора и государственного канцлера.

— Станешь ли ты теперь запираяться, собака?

— Сжался! Помилуй! — закричал Вигилий. — Пощади мою жизнь!

— На что мне твоя жизнь? Положим, недурно было бы украсить землю гуннов, повесив на сухом дереве, — по пути имперских легионов, — византийского посла, покушавшегося на жизнь государя, к которому он был послан! На грудь ему следовало бы повесить доску, обозначив на ней его преступление. Но будет гораздо лучше, когда другой посол, — достойный полного доверия, честный человек, — расскажет императору в Византии, перед лицом всего сената, виденное и слышанное им в лагере Аттилы. Благодарю тебя, Эдико, что ты придумал это и взял с собой Максимиана. А тебя, Максимиан, я прошу обличить гнусный замысел ради справедливости.

29.

Почтенный сенатор потупился, не смея поднять головы. Он как подкошенный упал на скамью и спрятал лицо в складки плаща. Напрасно Приск и друзья из западно-римской империи старались ободрить его. Но вдруг он порывисто вскочил на ноги:

ФЕЛИКС ДАН

— Я расскажу все, положишься на меня, повелитель варваров! Такие позорные поступки нескольких негодяев не должны порочить имени римлян. Я сделаю это! Сделаю! Хотя бы император велел казнить меня за правдивое слово. Он должен выслушать от меня всю истину, — он и весь сенат в полном составе.

— Хорошо. Ты нравишься мне, старик. Когда же вы поставите злодея перед императором и сенатом, тогда свяжите ему руки за спиной, а кошелек повесьте на грудь и спросите Хризофиоса: знает ли он этот мешочек? А Феодосию же скажите: Так говорит Аттила, сын Мундцука, повелитель вечерней страны:

— «Ты, Феодосий, и я, мы имеем между собой одно общее: от благородных отцов произошли мы оба, но Аттила сберег и еще более возвысил славу отцовского имени, а ты, Феодосий, напротив, омрачил величие унаследованного трона. Ты не только сделался слугою и данником Аттилы, но, как негодный раб, вступил в заговор с другими рабами и задумал убить Аттилу, своего господина».

Как низко упало величие Рима! Помню, бывало, в детстве, слова: — «Рим», «император», «цезарь» — устрашали целые народы, как отдаленные раскаты грома. Однажды я спросил отца: «Скажи, кто такой император, — цезарь?» — Он отвечал мне: «Тише, тише! Не поминай его так легкомысленно! Первый цезарь был бог, спустившийся на землю, и все его потомки унаследовали грозное могущество и славу. А слово: «император» означает владыку, которому принадлежит необъятная власть и который окружен несказанным великолепием».

А теперь... а нынче? Два императора униженно молчат в деревянном бараке гунна о мире и тайно стараются натравить меня один на другого. Они оплачивают мир грудами золота и ценою постыдной дани. И после того

эти римляне имеют дерзость писать картины, где они представлены господами, — гунны — их подданными. В дымящемся Милане поехал я по трупам, — там легло девять когорт — во дворец цезарей. Столовую дворца украшала картина, вся составленная из мелких пестрых камешков, очень искусно, — должен в том сознаться. И что же она представляла?.. Императора Валентиниана на троне в Равенне, окруженного величием победной славы, и девять варварских царей во прахе перед ним, повергающих к его стопам груды золота, как прилично покорным данникам. Двоих из них он попирал ногою, они были в одежде гуннов, и, когда я ближе присмотрелся к их лицам, то узнал себя и брата Бледу. Моим первым движением было разнести картину в куски мечем, но потом я одумался. Вот взгляните, римляне, как восстановлена здесь правда.

По его знаку слуги откинули один из пестрых ковров на стене, позади трона Аттилы, и глазам присутствующих представилась громадная мозаичная картина. Она также представляла поклонение подвластных царей своему владыке, но на троне восседал сам Аттила, а распростерты перед ним по земле данники были облачены в цезарские порфиры и как две капли воды походили лицом на императоров: Феодосия и Валентиниана.

Римские послы побагровели от стыда и гнева.

Аттила, видимо, остался доволен.

— Спустите ковер, — приказал он. — Истина, кажется, больнее режет глаза этим людям, чем мне тогда в Милане — глупое хвастовство. Но самая худшая, самая горькая правда еще не высказана мною. Одного из цезарей я представил перед целым светом подлым убийцей... Впрочем, нет, — он слишком труслив, чтобы пролить самому чью-нибудь кровь. Он был только подстрекателем наемного убийцы. И кого же задумал он подкупить? Самого

преданного из моих слуг. Но германец оказался слишком честен, слишком горд, и ему удалось перехитрить византийских умников! Не меня, а предателей предал он. Но кто же согласился помогать убийству? — Посланник императора. Цезарь злоупотребил древнейшим международным правом, которого не смеют нарушать даже дикие скифы. Слушайте, мои гунны! Слушайте германцы и славяне, и все народы земного шара! Бесчестен Рим! Низок римский император! Позорным словом сделалось имя цезарей! И как я плюю теперь себе под ноги, так выплевываю я из своих мыслей всякое уважение к Риму, так плюю я в лицо римской империи. Узнайте же теперь, посланники, на каких условиях я соглашаюсь избавить оба ваши государства от войны, то есть от неминуемой гибели. Я требую, чтобы к моим двумстам жен прибавили еще одну, — Гонорию, сестру императора. Ты отвечаешь на это, Максимин, что она уже замужем. Что ж за важность! Конечно, для меня это могло послужить причиной отвергнуть ее, но, если бы мне вздумалось отнять жену у самого императора, он уступил бы мне царицу из малодушного страха услышать ржание косматых гуннских коней у раззолоченных ворот своего дворца. Но, — прибавил Аттила с наглой усмешкой, — меня не прельщает супруга цезаря — говорят, она ужасно безобразна, ваша царица Василлиса. Другое дело, Гонория — сладострастная красавица. Еще несколько лет назад она прислала мне свой портрет и обручальное кольцо, предавая в мои руки брата с его царством, жалуясь на цезаря, что он заставляет ее отцветать в безбрачии, и предлагая мне жениться на ней. Знаю, что я не особенно красив и соблазнителен, и она знает это, но римлянка, в которой закипела кровь, готова выйти замуж за сатану из христианского ада. Итак, я хочу ее иметь, в браке или вне брака. Но я требую за ней также приданого, достойного меня.

Вы должны уступить мне всю страну по Дунаю, он моих пионийских границ до Новы по Фракии — в длину и на пять дней гуннской езды верхом — в ширину. Вы не должны больше вести торговлю по Дунаю, чтобы под видом этого не делать разведок в моих владениях. Границей здесь должен служить Наиссус.

На это Ромул с неудовольствием отвечал:

— Если б даже ты добился руки Гонории, то не можешь иметь притязаний на территорию государства. По римскому праву, женщины не наследуют земель.

— А по гуннскому, которым я управляюсь, женщины наследуют. Что мне в вашем праве? Впрочем, я еще не дошел до конца. Всех перебежчиков вы должны выдать мне головою. По моему счету, их у вас четыре тысячи девятьсот тринадцать. Вы уплатите потребованные раньше пять тысяч фунтов золота, выставите сто заложников сенаторского звания, сравняете с землею укрепления Византии, Рима и Равенны и не двинетесь с места, пока я, — когда растает снег этой зимы в германских лесах, — не завоюю всей страны от Понта до Британского моря, от Геркулесовых столпов до ворот Андрианополя. Если вы не исполните в точности всего этого, то горе вам, Византия и Рим! Вы стоите одиноко, не рассчитывайте, — как три года назад, — на помощь вестготов. Там трое братьев грозят друг другу мечом и кинжалом, оспаривая один у другого забрызганный кровью трон. А если тот из них, за кем останется победа, пойдет против моей воли, — мой добрый друг, Гейзерих, вандал, немедленно высадится с многотысячным войском у устьев Родануса. Суабы и аланы, которые тогда были против меня, теперь мои союзники; за меня будут теперь также франки, подкупленные золотом. Последнюю кучку бургундцев растопчут копыта моих коней; их лучшее войско, вместе с отважным королем Гундикаром, истреблено пятнадцать лет тому

назад в кровопролитном сражении под Вормсом. Аллеманы не смеют противиться моей власти; тюрингенцы отворят мне с трепетом, как и тогда, засады в своих зеленых рощах; маркоманов и квадов я пошлю вперед застрельщиками; остготов, гепидов, лонгобардов, герулов, ругов, скиров, моих гуннов из западной половины царства, — соберу в одно войско и поведу их к закату солнца на Рейн. Галлия и Италия достанутся мне; Испания и Британия — Гейзериху. Одновременно с тем хлынут к восходу солнца восточные орды моих гуннов, с антами и славянами, аварами, сарматами, скифами и другими народами, имена и неукротимая свирепость которых вам пока еще неизвестна. Многие из них считают человеческое мясо лакомее баранины и говядины. Всех их я двину на врагов в один и тот же день под предводительством моих сыновей, потому что сам хочу пожать руку Рейзериху на развалинах Тулузы. Мои полчища спустятся вниз по Дунаю и нападут на Феодосия. Ведь даже на дальнем западе и юге я вооружил против вас пароян, персов, исаврийцев, сарацин и эфиопов. Горе вам в тот день, когда парфянин и гунн весело помчатся один другому навстречу в византийском ипподроме!

Аттила умолк, наслаждаясь ужасом посланников. Он как будто ожидал возражений, до того пристально были устремлены на них его глаза.

Наступило продолжительное, робкое молчание.

Наконец впечатлительный ритор не мог дольше выдержать, жажда противоречий восторжествовала в нем над осторожностью, развязала ему язык; беззвучным, прерывающимся голосом возразил он царю гуннов, но его протест вылился в форму вопроса:

— А ... когда ты возьмешь у нас все это... то что же ты милостиво нам... оставишь?

— Души! — без запинки отвечал Аттила. — И еще кое

что. Первосвященнику — там, в Риме, лишенном своих укреплений, — оставлю гроб того иудейского рыбака, которого он так почитает. А вам всем — ваших матерей навсегда. Что же касается ваших жен, дочерей и сестер, то вы можете располагать ими, пока они не приглянулись мне. — Молчи, отважный Примут! Ни слова! Ни вдоха! Все должны вы мне уступить, хотя бы я захотел вымотать у вас заживо ваши внутренности. Вот какими беспомощными, обреченными на неизбежную гибель, лежите вы у моих ног! Вы не можете устоять против меня, если б даже у вас хватило на это мужества. Ступайте! Я вас отпускаю! Сегодня был великий день, потому что Аттила — меч бога войны, отомстил Риму за все народы, которые он топтал своей пятой в течение целых веков.

30.

Эдико отвел связанного Вигилия в одну из многочисленных деревянных башен, служивших темницами; они были снабжены крепкими дверями, плотно закрывающимися ставнями, и возвышались по углам улиц в лагере гунна. Их плоская кровля находилась в значительном расстоянии от соседних жилых домов, так что прыжок с высокой крыши на крышу ближайшего здания казался невозможным.

Посадив византийца под стражу, германец догнал остальных послов, которые медленно шли домой, понуриив головы.

Узнав его, Максимин остановился и проговорил тоном упрёка:

— Ты, германец, затоптал сегодня в грязь римское государство!

— Это сделал не я и не Аттила, — возразил Эдико, —

ФЕЛИКС ДАН

а ваш же император. Я только обнаружил бесчестный замысел...

— Да, — с досадой перебил Приск, — но я заметил при этом твое затаенное злорадование.

— Не стыдно тебе? — заметил Примут.

— Ведь ты не гунн, — упрекнул его Ромул.

— К чему ты стараешься еще сильнее увеличить безумное самомнение варвара? — спросил Максимин. — Аттила и так считает себя чуть ли не земным богом.

— И откуда у тебя взялась, — начал Приск, — эта неумолимая ненависть к нам? Казалось бы, такому человеку, как ты, германцу родом, Рим, должен быть ближе...

— Чем гунны, хочешь ты сказать, мудрый ритор. Так думал и я в былое время, так думал и мой отец. Но вы сами, римляне, излечили меня от этого безумия уже давно и навсегда. Гунны грубы, дики, свирепы, — вы образованы, деликатны, учены, но вы пропитаны ложью до мозга костей! К несчастью, я испытал это на себе.

— Говори дальше, чтобы мы могли тебя опровергнуть! — выкликнул Приск.

— Это было двадцать лет назад. Узкая полоса земли, населенная скирами, к востоку от страны рогов, становилась тесной для быстро возмужавшего населения, потому что с того времени, как мы сделали оседлым народом и стали прилежно возделывать плодородный чернозем по берегам Дуная, — Вотан и Фригга, Фрея и Донарь постоянно увеличивали наше число. Король Дагомут предложил рассудить это дело, и народ рассудил его, собравшись вместе. Было решено, что с наступлением весны третья часть мужчин, юношей и мальчиков, по жребию, отправится искать себе новое отечество. Жребий пал, между прочим, и на наш род, — самый знаменитый после королевского. Вотан указал нам дорогу. У отца было пятеро сыновей, способных носить

оружие. Я, самый младший, только что был посвящен королем Дагомутотом в звание воина. Вся наша семья, со свитой и вольноотпущенниками, направилась вниз по Дунаю. Мундцук, отец Аттилы, предложил нам поступить к нему на службу, предлагая необыкновенно щедрое вознаграждение, потому что скиры славились своей отвагой и силой, а отец мой, Эдигер, был знаменитый герой. Однако он отвечал Аттиле: «Император византийский раньше нанял нас, хотя за меньшую плату, но мне приятнее служить римлянам из чести, чем гуннам — за золото». Император поселил нас в Фракии; мы много лет сражались за Византию против гуннов, против Мундцука.

— Я знаю, — отвечал Максимин, утвердительно кивнув головою. — Вы отличались примерной верностью и приобрели громкую славу.

— А известно ли тебе, патриций, какую мы получили благодарность?.. Несколько лет спустя, кроме гуннов, Византии стали угрожать другие варвары, пришедшие с востока. То были роксоланы. Мы продолжали бесстрашно сражаться против обоих врагов, строго исполняя свой долг. Но как поступил с нами император? Он по своей мудрости рассчитал, что роксоланы были гораздо многочисленнее нас, и предательски выдал им скиров. Неожиданно, в ночное время, императорские полководцы напали на нас, перебили беззащитных во сне, продали пленных в рабство на византийских рынках, а возделанную нами землю и наше имущество подарили роксоланам. В эту ночь кровавой резни были убиты у меня два брата; двое других попали в плен; мой отец, раненый, бежал от врагов вместе со мною и кое с кем из нашей свиты. Приютом нам послужил пограничный лес в горах Родона. Тут нас окружили со всех сторон гунны той же самой орды, с которой мы воевали столько лет, стал-

квиваясь в кровопролитных сражениях, под византийскими знаменами. Нас взяли в плен и повели к Муидцуку; мы были уверены, что нам не миновать лютой казни. Между тем повелитель сказал: «Несчастье храбрых людей для нас священо. Теперь вы узнали честность римлян, — узнайте же и лютость гуннов». И он снял наши узы, подкрепил нас вином и пищей, и сам перевязал раны моего отца, который ссадил у него с лошади не одного храброго война! С тех пор мы стали служить гуннам и никогда в этом на раскаиваемся. Мой отец, умирая от римской стрелы, заставил меня поклясться на мече именем Эру, бога войны, ненавидеть Рим и Византию, и я всеми силами старался вредить им, пока жив. Мало того, он потребовал, чтобы я передал ту же клятву своим сыновьям и приказал передать ее своим внукам. Я обещал отцу исполнить его последнюю волю, потому что в душе уже давно поклялся в непримиримой ненависти к Риму.

Наступило долгое молчание. Наконец Максимин произнес, серьезно покачав почтенной головой:

— Так вот как? Ты передаешь свою вражду даже по наследству! У тебя есть сын?

— Да.

— И ты учишь его ненавидеть Рим! И ты заставил его повторить ту же клятву?

— Да, римляне, — раздался звонкий юношеский голос. — И я твердо сдержу свое слово.

Стройный красивый мальчик лет пятнадцати, незаметно шедший до сир пор позади Эдико и слышавший каждое слово, подскочил к отцу, обнял его и скрылся.

— Это был?..

— Мой сын. Как только он достигнет совершеннолетия, я заставлю его поклясться. И мой Одовакар не изменит данной клятвы.

31.

Поздно вечером в тот же день, окончив приготовления к отъезду, безотлагательно назначенному на другое утро, четверо друзей сидели у крыльца, желая подышать чистым воздухом после ужина. Невольники вынесли им скамьи и подножья, покрытые коврами.

Мрачное настроение римлян еще более усиливалось в душной атмосфере темной ночи. На небе не было видно ни звезд, ни месяца.

Поблизости дома, на углу широкой улицы, пылал костер, разложенный стражей. Около него лежали двое гуннских воинов, готовых, когда наступит очередь, сменить часовых у западных ворот.

Приск с участием взял руку маститого сенатора, который по временам вздыхал, опустив голову на грудь.

— Благородный друг, неужели ты страдаешь так жестоко? — спросил ритор.

— Я уничтожен! Какой позор! Что может быть хуже этого? Не знаю, как мне жить после того, что я был принужден выслушать сегодня от гуннов, не имея возможности опровергнуть их обвинений!

— Погиб Рим и вся вселенная! — мрачно продолжал Примут.

— Кто спасет их от гуннов? — вздохнул Ромул.

— Германцы! Готы! Франки! — раздались вдруг в темноте громкие голоса.

— Кто идет? — крикнули лежавшие у костра гуннские воины, вскакивая на ноги и направляя копьа в ту сторону, откуда шла прямая улица до самых западных ворот.

— Мы — Готы! Франки! Тюрингенцы! Аллеманы! Фризы! Саксы! Дорогу нам, если не хотите быть побитыми.

ФЕЛИКС ДАН

— Кто вы такие? — спросил начальник стражи.

— Посланники тех народов, которых мы назвали. Ваши часовые у ворот велели нам назвать себя, когда мы наткнемся на ваш караул. Ишь ведь какая темень! Мы должны говорить с повелителем гуннов.

— И с какой вестью пришли вы к нему? Скажите, если это не тайна, — спросил Приск. — Мы тоже посланники из Рима и Византии.

— Наша тайна скоро обнаружится, — расхохотался в ответ рыжий кудрявый франк. — Аттила воображает, что все должны повиноваться мановению его руки. Посмотрим, что он заговорит, когда узнает о цели нашего посольства!

— Ведь ты остгот, — сказал один из гуннских начальников стоявшему рядом в нем человеку. — Я знаю тебя, Витигиз. Наш государь нетерпеливо ждет вашего короля Валамера. Прибудет ли он сюда?

— А вот увидите. Гей, товарищи! Пойдем! — довольно дерзко отвечал остгот.

И вновь прибывшие направились дальше, звеня оружием. Их было двенадцать человек. Освященные сзади трепещущим пламенем костра, эти могучие фигуры казались еще выше. Шлемы и шапки чужестранцев были увенчаны орлиными крыльями, медвежьими мордами с оскаленными зубами, турьими и оленьими рогами. Длинные плащи из меха у этих исполинов дремучих лесов спускались с широких плеч, между тем как острые концы копий достигали как будто до самых туч, когда их освещала внезапная вспышка огня. Молча с удивлением смотрели им вслед римляне.

— Вот этих еще не сокрушили гунны! — заговорил Максимин. — Пойдемте-ка на покой. Если нам и не удастся заснуть, все таки тело требует необходимого отдыха.

32.

Когда на следующее утро посланники стали собираться в дорогу, они сильно удивились, увидев рядом со своими повозками, носилками и лошадьми еще несколько новых повозок и породистых коней, подведенных к крыльцу.

— Это дары Аттилы вам, — сказал Эдико и, откинув крышку одного из сундуков, указал на груды звериных шкур, прибавляя:

— Вот лучшие меха, которые носят самые знатные из наших вельмож. Но подождите. Вам приготовлен еще один подарок. Мне поручено позаботиться о нем, а также проводить вас для безопасности до границы.

— Где Вигилий?

— Отослан вперед, — отвечал подошедший Хелхал, которому также было приказано, хотя недалеко, проводить отъезжавших, в знак почета. — Государь нашел, что вам не может быть приятно ехать вместе с преступником, закованным в цепи.

— Этот варвар совершенно непостижим и полон противоречий, — тихо сказал Приску Максимин. Он жаден до золота хуже византийского фискала; иногда кажется, что вся его государственная мудрость и всесветное могущество направлены только к тому, чтобы собрать отовсюду как можно больше золота...

— Золото — громадная сила не в одной только Византии, патриций, — перебил ритор. — Веди и эти бесчисленные орды скифов приходится вознаграждать, подкупать, задобривать золотом или тем, что можно приобрести на него.

— А грабеж? — насмешливо произнес Примут.

— И наряду с такой жадностью, — продолжал сенатор, — Аттила проявляет самую бескорыстную щедрость.

ФЕЛИКС ДАН

Вот хотя бы относительно нас: он знает, что ему не удастся подкупить меня, да притом же Аттила во мне не нуждается, так как я не пользуюсь влиянием при дворе, что ему хорошо известно.

— Да, он знает твою честность.

— А между тем, когда я обратился к нему с просьбой, он выказал себя вполне бескорыстным. Вдова одного из моих друзей, префекта Силлы, взятая в плен в завоеванном городе Ротиарии вместе с детьми, умоляла меня выкупить ее. Когда же я предложил Аттиле пятьсот червонцев за несчастную семью, Он серьезно взглянул на меня и сказал: «Отдаю тебе этих пленников даром, без выкупа». Почему корыстолюбивый гунн поступил таким образом?

— Ты понравился ему, старец, — отвечал Эдикко, слышавший последние слова, — и он не хотел уступать тебе в величии души. У него есть свои недостатки, но повелитель гуннов не мелочен, он велик даже в своих пороках.

Разговаривая таким образом, посланники, в сопровождении Эдикко и Хелхала, миновали южные ворота. За стенами селения им встретилась большая толпа мужчин, женщин и детей, радостно приветствовавших римлян на их родном языке.

— Что это значит? — спросил удивленный Максимиан. — По языку и платью эти люди должны быть нашими соплеменниками.

— Да, это римляне, — отвечал Хелхал. — Тут их триста пятьдесят человек.

— Военнопленные, — продолжал Эдикко, — доставшиеся на долю государя. Он дает им свободу в честь тебя, Максимиан! Ты должен сам привести их обратно в отечество. Аттила рассудил, что такому почетному гостю, как ты, не может быть лучшего подарка.

— Слава великодушному Аттиле! Слава Аттиле! Слава ему и благодарность! — с восторгом кричали освобожден-

ные. И посланникам против воли пришлось вторить их энтузиазму.

— Удивительно, — сказал, после долгого молчания, Приск Максимино, — с проклятием чудовищу переступили мы его границу и с презрением...

— А он заставляет нас уезжать со словами благодарности. И сумел внушить к себе некоторое почтение...

— Демонический характер! В настоящее время нет человека могущественного его на земле.

— К сожалению, да. Где избавитель, который освободит нас от Аттилы и его страшного могущества? Я не вижу никого, кто бы мог сокрушить эту стихийную силу.

33.

Вернувшись с проводов домой, Хелхал нашел у себя посланного Аттилы: хан немедленно требовал его во дворец.

— Иди скорей! — торопил старика этот человек. — Государь принимал прибывших вчера послов. Он страшно разгневан, а те сейчас же ускакали обратно.

Неподвижный, точно выточенный из желтого дерева безобразный идол, с искаженным злобой лицом, стоял Аттила в кабинете своего деревянного дворца у железного стола, заваленного письмами и римскими географическими картами всего запада: Галлии, Германии, Реции, Виндилиции, Норикума и Паннонии.

Старик в тревожном ожидании взглянул на хана, угадывая, что в душе Аттилы бушевала целая буря страстей. Его члены тряслись, на лбу раздулись жилы. Ему как будто недоставало воздуха. Он захлебывался, и, прежде чем успел заговорить, губы у него передернуло судорогой. Хан откашлялся и плюнул на белый ковер, покрывавший

пол. На светлой ткани тотчас показалось большое кровавое пятно.

— Что с тобой? — воскликнул испуганный Хелхал, подбегая к Аттиле.

— Ничего, — хрипло произнес тот, — кровь прилила мне от сердца к горлу и стала душить. Но это пустяки: скоро польется страшными потоками чужая кровь. — Он остановился и продолжал, немного спустя: — Подумай, Хелхал... они осмелились... эти тюрингенцы!.. прямо в глаза отвечать мне отказом. Они готовы к сопротивлению. И знаешь из-за чего?

— Я догадываюсь.

— Ну, скажи!

— Из-за дани молодыми девушками, которой ты потребовал. Недаром я предостерегал тебя.

— Но я хорошо сделал, что не послушался предостережений. Теперь они, по крайней мере, обнаружили свою строптивость, которая их погубит. «Мы на все согласны, — сказал Ирминфрид, дерзкий тюрингенец, требуй, чего хочешь, и тебе не будет ни в чем отказа. Мы сознает свое бессилие. Отбери у нас всех рабов, коней, весь рогатый скот, драгоценности наших жен, но женщин мы тебе не уступим». — «А мне именно этого и надо, — отвечал я. — Что мне в вашем нищенском имуществе?» Тогда пусть лучше погибнет наш народ и имя тюрингенцев исчезнет с лица земли!» — ответил посланник и умолк, мрачно потупившись. Тут к нему подошел человек, стоявший вправо, и взял его за руку, говоря: «Утешься, тюрингенец, мы, аллеманы, ваши соседи. Поток гуннских полчищ едва задел наши поля и луга, мы живем в стороне от их ужасной дороги, но если вам предстоит сражаться за целомудрие ваших белокурых дев, то, клянусь Циу и Берахтой*, мы станем биться вместе с вами. Наши шестеро

* Берахта — богиня-покровительница женского хозяйства.

королей согласны поддержать вас, и я говорю это от их лица, перед грозными очами Аттилы». — Едва он кончил, я онемел от ярости и удивления, как к нему подошел другой и сказал: «И мы также, — хатты, с Логаны, и прибрежные жители среднего Рейна, и даже дальние салийцы с устья руки, — поспешим вам на помощь. Три года назад, франки воевали против франков, — могучий владыка принудил жителей восточной страны идти против своих соплеменников на западе. Даже и теперь его золото чуть не подкупило западных королей, но когда до них дошла весть о такой гнусности, о такой неслыханной дани, то они решили возратить Аттиле полученные подарки. И золото гунна, вместе с другими драгоценностями, находится теперь на пути сюда. Есть немало тюрингенских саг, в которых говорится о кровавых битвах между нашими и вашими предками на пограничной черте, но когда возмутительная весть достигла наших лесных деревень, то наши князья поклялись, как и десятеро франкских королей, забыть старую вражду. Копье хаттов и боевой топор франков не откажутся защитить вас от позора, чтобы лучезарные боги не видели такой мерзости на земле. Призываю в свидетели Вотана и Гольду* в том, что вы можете на нас рассчитывать. Меня уполномочили передать это государю Аттиле все хаттские судьи, а со мною прибыл вот этот человек — Хильдеберт, посланный от франкских королей». Наконец выступил вперед седой как лунь великан, походивший скорее на одного из готских идолов, выточенных из дуба, чем на обыкновенного смертного. Исполин вытащил из-за пояса длинный каменный нож, — трое моих князей в испуге подскочили к нему, — он сумел перехитрить моих приближенных, когда они отбирали у иностранцев оружие. Однако старик положил только пальцы правой руки на лезвие и сказал: «Клянусь за саксов, именем Саксота; меня, Горза-

* Гольд — все равно, что Фрейс.

ФЕЛИКС ДАН

вальта, посылают саксы с устья Визурги. Они говорят: «Пусть тюрингенцы и все их союзники в этой священной войне пришлют нам своих жен и дочерей: многие тысячи судов стоят у берегов Саксонии и страны фризов, потому что фризы также примкнут к нам». Вот Ритольд из племени азесов, стоящий здесь, подтвердит мои слова. «Отступайте, сражаясь с неприятелем, до нашего берега. Тут мы дадим гуннам решительную битву, подобную последней битве богов. Если мы будем побиты, то верные жители Киля возьмут наших жен и детей вместе с оставшимися в живых мужчинами и перевезут их за море на безопасные острова. Посмотрим, пустится ли за ними в погоню гуннская конница по морским волнам! Но перед бегством мы разрушим наши старинные плотины, освещенные богами оплоты твердой земли, и потопим неприятельских лошадей и всадников. Пускай наша страна делается дном морским, но будет свободна!» И тут они дружно взялись за руки: аллеман, тюрингенец, франк, саксонец, фриз, и смело вышли вон. Они стали действовать единодушно, — они, которые прежде жили в бесперывной вражде!

Аттила умолк в изнеможении, тяжело переводя дух.

— Я предупреждал тебя. Теперь слишком поздно. Уступать им ты не должен. Призови скорее гепидов и остготов.

Но Аттила злобно рассмеялся, кивая головой.

— Они отказываются прийти. Валамер прислал сказать, что он по завету совершает жертву богам в священном лесу и потому не может явиться. Низкий предатель! Я — его бог! Мне он должен приносить жертвы! Я знаю, в чем заключается его заветное желание: он хочет, чтобы я поскорее умер. Моим сыновьям он не приносил клятвы и считает себя вправе изменить им, как и гепид. Когда я возразил посланному Валамера, что братья короля, младшие князья: Теодимер и Видимер, послушают меня

скорее, чем брата, этот дерзкий отвечал: «Готы привыкли повиноваться только своему королю, и никому иному». — Тогда, вместо ответа, я рассказал ему историю Каридады, предводителя акациров, но лукавый самрат опять-таки отказался явиться ко мне. «Ни один смертный, — велел он мне передать, — не смеет смотреть на солнце. Как же я могу взглянуть в лицо величайшего из богов?» — Он велел предупредить, что скалистые крутые тропинки в его горах очень опасны для верховой езды и нашей коннице туда не добраться. Но это вздор. Наши лошади цепки, как дикие козы. «Отнеси», — приказал я посланному, — в подарок от меня королю Валамеру вон тот кожаный мешок, который висит на столбе против моей спальни. В нем спрятана голова одного коварного князя; ее принес мне мой сын, Эллак. Голова смотрит на Аттилу открытыми очами, но они мертвы и неподвижны».

— А что же гепид? — спросил Хелхал. — Ведь Ардарих верен тебе.

— Но он умен, он не хочет прийти сюда, чтоб я не заставил его поклясться в верности моим сыновьям. Он послал мне сказать, что собрал все свое войско и держит его наготове, так как утургуры собираются напасть на его владения. Это ложь! Ему нечего бояться: я сам защищаю моих слуг.

Гунн снова замолчал и на этот раз принялся в волнении мерить шагами комнату.

— Если это была правда, если хотят действительно научиться повиноваться только своим королям и жить в союзе между собою, тогда всему наступит конец! Нет, они не должны к этому привыкать, я не дам им опомниться! Скорее, Хелхал! Мы не станем выжидать будущей весны и выступим в поход сейчас же. Прежде всего я растопчу этих безумно-отважных германцев на западе, этих непокорных рабов, — начиная от Молдавы до самого Рейна.

Их жатвы, заборы их жилищ, самые жилища и их крепкие черепа, — все попадет под копыта моих лошадей или будет предано пламени. Негодные твари — тюрингенцы! А!.. Вам жаль дать мне триста дев? Хорошо!.. Тогда прежде чем листья опадут с деревьев, не останется в живых ни одной тюрингенской женщины: сначала их предадут растлению, а потом прямо в реку! А мужчин?.. Их пригвоздят к деревьям, целыми рядами. Страшные желуди будут висеть на дубах и буках их лесистых гор! И там, где шумят теперь зеленые вершины, должна быть пустыня, подобная нашим степям. Тогда их верные союзники опомнятся и разберут, что для них лучше: предать ли свою страну огню и мечу, или покорно лобзать мой кнут. А лукавого амалера должен мне привезти сюда его друг, генид; в противном случае головы обоих попадут в один и тот же кожаный мешок.

— Но когда же, господин, думаешь ты выступить против тюрингенцев, как их называют теперь. Когда я был мальчиком, их называли еще гермундурами. Когда?

— Завтра.

— Ты позабыл, послезавтра начинается праздник Дзривилы, великой богини коней, когда оружие должно оставаться в покое и кровопролитие не допускается даже в виде кары за самое ужасное преступление. Это великий грех. Кроме того, ты пригласил на этот праздник, — да еще заранее, — короля ругов, самовольно обручившего свою дочь, и всех его...

-Верных союзников, которым придется разделить судьбу Визигаста! — воскликнул повелитель, выпрямляя голову на короткой воловьей шее и поводя могучими, сутуловатыми плечами. Дикая радость сверкала в его противных глазах на выкате. — И правду ты говоришь. Хелхал, они очень кстати попадают мне в руки; я как раз готов к их приему. Во-первых, пылкий жених, а потом

невеста. Помнишь, как говорил тогда о ней оруженосец, который достался в пищу воронам, на том дунайском островке? — «Стройная, но роскошная, и такая беленькая!» — Я жду их всех с большим нетерпением.

34.

На следующий день, гуннские разведчики донесли о предстоящем прибытии короля ругов, с женихом и невестой, в сопровождении Эллака.

— Очень рад их приезду, — сказал Аттила, самодовольно кивая своей огромной головой и облизывая толстые губы. — Эллак?.. Ах, да! он везет королеву на брачный пир. Это как раз к нему подходит. Хелхал, ты должен приготовить все. Тебе я предоставляю принять этих верных германцев с дунайского островка; ты отведишь им лучшие помещения для гостей и пригласишь их к себе на завтрак на следующий день в третьем часу; а вечером они придут пировать в мой собственный дворец все вместе: и маститый король Визигаст, и музыкант-жених, и стройная невеста! А где же Визигант — герул, Ротарио — лонгобард, Банчио — маркоман и славянские князья: Дрозух, Милитух и Свентослав?

— Все приглашены, государь, и все находятся в дороге. Они еще не могли доехать сюда и придут только на днях, как донесли разведчики.

— Хорошо. Молодцы мои собаки-ищейки! Надо им дать в награду на разграбление какой-нибудь римский город! Однако пошли лучше навстречу дорогим гостям сильный отряд войска. Они, пожалуй, узнают, что произойдет здесь завтра, а между тем не надо выпускать их из рук. Они мне нужны все поголовно.

На следующий день, в лагерь прибыл король Визигаст

со своими. Хелхал разместил приезжих по разным домам: свиту отдельно; короля ругов с дочерью и служанкой в другом доме; Даггара в третьем — совершенно одного. Когда они в первый раз вышли пройтись по лагерю, навстречу им попался статный воин, окликнувший их на суабском наречии. Он ехал от южных ворот.

— Как, Гервальд, это ты? — спросил удивленный Визигаст.

— Что привело тебя сюда, муж совета и мудрой предусмотрительности? — не особенно дружелюбно спросил Даггар.

— Безрассудная неосторожность, которую мы зовем дружеской верностью! — воскликнул граф, соскакивая со своего взмыленного коня и передавая поводья одному из своей свиты. — Мне не сиделось дома, пока вы находитесь во власти лютого волка. Но все-таки я вам не товарищ в вашей безумной затее. Помните это. Еще раз предостерегаю вас: откажитесь от вашего плана.

— Я поклялся золотистыми кудрями Ильдихо осуществить его! — пылко воскликнул Даггар. — До тех пор она не будет моею.

— Значит, вы погибли. Но я буду стараться до последней крайности спасти вас, а в случае неудачи разделю вашу участь. Часто, когда я бывал в лагере, Аттила поручал мне сторожить пленников; может быть, он поручит мне и вас. Друг, непричастный вашей вине, не подозреваемый ни в чем, но твердо решившийся вас спасти, может сделать многое.

— Ты рискуешь своей жизнью, — заметил Визигаст.

— Король ругов, знаешь ли этот меч?

— Он был мой. Ты владел им геройски. Я дал его тебе при твоём посвящении в воины вместе с Ардарихом, от которого ты получил в подарок копьё! Всего двадцать зим прошло с того времени!

— Вот чего я никогда не могу забыть. Я спасу тебя или сам погибну. Пока прощай! Вон те гуннские воины уже смотрят подозрительно в вашу сторону. Эй вы, гунны! Проведите меня к своему повелителю! — крикнул он. — Вы, может быть, знаете, где стояли поблизости гепиды? Их войско выступило в поход.

Гервальд совершенно затерялся в густой толпе гуннских всадников.

— Я был несправедлив к нему! Какая честная душа! — воскликнул Даггар.

— Честен, как аллеман, — отвечал король, пристально смотря вслед своему другу.

35.

На следующее утро Хелхал доложил государю, что все исполнено и все готово, согласно полученным инструкциям.

Аттила кивнул головой, потом он спросил с мрачным видом:

— А где Эллак? Почему он не является к своему господину? Неужели этот глупец по-прежнему тает перед чужой невестой и не отходит от нее?

— Нет, господин! Твой сын даже не въезжал в лагерь. У самых ворот он столкнулся с Дзенгизицем, который передал ему твой приказ обоим сыновьям отправиться к перевозу через Тиссу, взять там заложников Болибутса, побежденного славянского князя, и привести их сюда. Эллак немедленно повиновался, но, очевидно, против воли, прибавил король рогов, от которого я узнал эти подробности.

— Да, да, — проворчал отец. — Он, конечно, хотел опять заступиться передо мною за этих троих. Кроме того,

ФЕЛИКС ДАН

оба брата терпеть не могут один другого. Потому-то я и посылаю их так часто куда-нибудь вдвоем. Они должны привыкнуть быть вместе и уживаться между собою. Ну, ступай! Третий час приближается. Ступай! Я пойду за тобою следом один.

— Государь, ты ничего не сказал мне о том, желаешь ли завтракать в моем доме?

— Иди. Молчи и иди. Ты должен сам отправиться за своими гостями и вести их в дом по главной улице лагеря. Живей! Я жду с нетерпением.

Когда Хелхал вел троих приезжих в свое жилище, в узком переулке на крыльце углового дома притаился человек в красновато-коричневом плаще. Капюшон был накинута ему на голову и закрывал весь лоб до самых глаз. Нижнюю часть лица закутывал он полой одежды и не двигался с места. Но вот показалась наконец Ильдихо. Незнакомец встрепенулся, и его сильное тело содрогнулось, как от удара молнии. Он пристально смотрел велед королевне, пока та не скрылась в воротах дома царедворца. Тогда человек в плаще отбросил капюшон: его желтое лицо пылало, глаза искрились, как у волка.

— Ах, — воскликнул он про себя, — никогда еще не видел я столько прелести! Никогда в жизни не испытал такой вспышки страсти. Вот она! Эта женщина подарит мне настоящего наследника — властителя вселенной!

36.

Наступил час пира. Всех приглашенных гуннов и чужестранцев набралось до трехсот человек, почти исключительно мужчин. Они уже заняли указанные им места в большой приемной зале, служившей также и столовой. Наконец

Хелхал ввел Визигаста, Ильдихо, Даггара и восемь человек их свиты. Графа Гервальда не оказалось между присутствующими. Напрасно оба германца искали его глазами, на их вопрос им сообщили, что Аттила велел пригласить суаба только на завтрашний пир. У порога их встретили кравчие, красивые мальчики в шелковых, расшитых золотом одеждах. Они поднесли гостям серебряные чаши, те должны были, по указанию Хелхала, прикоснуться к ним губами и громко пожелать здоровья Аттиле.

Самого повелителя увидали они вдаль, на противоположном конце залы, как раз против входа, посередине полукруга, образуемого стеной. Там находилось возвышение, похожее на галерею с резными перилами. Перед простой деревянной скамейкой, на которой сидел на корточках всесильный хан, стоял продолговатый стол из чистого золота на четырех низких ножках, представлявших фигуры драконов. Вместо глаз им были вставлены крупные рубины, горевшие как огонь.

Меж деревянных столбов, вдоль боковых стен, было поставлено сегодня множество столов, скамеек и подножий. Ошеломляющая, грубая, без вкуса нагроможденная роскошь всюду бросалась в глаза. Столы, сиденья были сделаны из серебра или из мрамора и дерева драгоценнейших сортов; скатерти, подстилки и подушки — из китайского шелка; блюда, тарелки, чаши, кубки, римские кувшины для разбавленного вина, германские рога для питья — ослепляли блеском золота, игрою драгоценных камней и жемчуга, которыми были унижены. Из трех частей света лились сюда рекой эти сокровища в течение целых десятилетий, под видом добычи, захваченной на войне, выкупа или вынужденных подарков. Столы и стулья тянулись рядами по стенам полукруглой залы, от входа до возвышения, где сидел Аттила. Почетными местами считались ближайшие к этой

эстраде, и сюда-то подвел Хелхал царственных гостей. Но их посадили не вместе; справа и слева короля Визигаста и Даггара сидело по двое гуннских князей; немного поодаль поместилась Ильдихо между пленницей, супругой римского военачальника, и заложницей, дочерью предводителя антов. Обе были великолепно одеты и увешаны драгоценностями, но печальны, как приговоренные к смерти. Юная, хорошенькая заложница с девическим станом не поднимала глаз, совершенно убитая горем; но римлянка, роскошная матрона с торсом Юноны, бросила тайком на красавицу Ильдихо красноречивый взгляд сожаления; она тяжело вздохнула и молча пожала ей руку. Это были единственные женщины, которых увидела в зале королева на ругов.

Свита короля Визигаста и королевича скиров была размещена по левую сторону залы, и также вся врозь. Когда трое гостей подошли к своим почетным местам, Хелхал велел им поклониться Аттиле, пристально смотревшему на них. Даггар склонил при этом свою гордую голову недостаточно низко, повелитель гуннов бросил на него уничтожающий взгляд; но королю Визигасту Аттила довольно милостиво кивнул головой. Когда же его глаза устремились на девушку, как будто теперь только замеченную им, — хотя он с первого момента втихомолку пожирал ее пламенным взглядом, — веки гунна закрылись, точно у крокодила, подстерегающего добычу; он сделал вид, будто не замечает Ильдихо, а между тем из-под его ресниц порою вспыхивали молнии.

Ильдихо увидела ужасного завоевателя в первый раз, однако она не испугалась и не пришла в ужас от его безобразной наружности. Гордо выпрямившись, смотрела девушка ему в лицо твердым, бесстрашным, угрожающим взглядом; в ее глазах было столько убийственной ненависти, что Аттила невольно зажмурился. Легкий озноб

пробежал у него по спине, и когда он снова поднял ресницы, то избегал встретиться взглядом с королевой; он любовался ее прелестным ротиком, великолепными белоснежными руками, но не осмеливался заглянуть в ее дивные голубые очи.

Насмотревшись вдоволь на троих приезжих, Аттила наконец сказал:

— Я доволен, что вы приехали. Сначала попируем, а потом поговорим о делах. Пожалуй, можно отпраздновать сегодня обручение, да и самую свадьбу, — заключил он с расстановкой.

Присутствующие были поражены таким милостивым, приветливым приемом. Визигаст с дочерью и Даггар также не знали, что подумать, и по знаку хана заняли свои места.

37.

Начался пир. Кравчий в богатом наряде опустился на колени перед Аттилой и подал ему тяжелую, дорогую чашу с вином, однако повелитель гуннов только коснулся ее губами, не выпив ни капли, и подал обратно кравчему, указав глазами на Хелхала. Старик поднялся с места и низко поклонился своему государю. Потом кравчий обошел по порядку всех присутствующих, сначала с правой, потом с левой стороны, разнося вино. Но, кроме того, позади каждого коста стоял особый прислужник, беспрестанно наполнявший его бокал. Гости помещались по трое и по четыре за длинным узким столом, так что им было удобно доставать со своего места многочисленные блюда, наполненные разнообразными произведениями гуннской, римской, германской и славянской кухни. Другие изысканные яства подавались особо: так, прежде

ФЕЛИКС ДАН

всего, слуга внес мраморное блюдо с жареной дичью; у птицы были оставлены головы, крылья и хвост. Каждое кушанье прежде всего подносилось Аттиле, но тот не брал ничего и ел из деревянной посуды одно мясо, нарезанное громадными кусками, кровавое и полусырое. Эту пищу хан уничтожал без хлеба и без всяких приправ. В то время как его гости ели на золоте и серебре, пили из драгоценных кубков благородные вина, Аттила запивал свою незатейливую еду ключевой водой из деревянного кубка.

После первой перемены блюд, по знаку Хелхала, присутствующие поднялись со своих мест, взяли в руки вновь наполненные кубки, осушили их вторично за здоровье Аттилы и снова сели. Это повторялось после каждой новой перемены кушаний, отличавшихся необыкновенным разнообразием.

Хотя было еще светло, но отверстия в потолке задернули занавесами и слуги зажгли смоляные факелы, воткнутые на железные крючья у деревянных столбов, по обеим сторонам залы. Тут гостей поразило необычайное зрелище: факелы горели попеременно темнокрасным, синим, зеленым, желтым, розовым, белым пламенем, которое фантастически переливалось на блестящих шлемах и панцирях присутствующих.

Вдруг неподвижные, точно окаменелые черты Аттилы оживились. Красивый мальчик, лет пятнадцати, показался на пороге залы; ловко пробравшись между скамейками, столами, колоннами и рядами прислуги, он взбежал на ступени эстрады, стал на колени перед Аттилой и прижался к грозному владыке прелестной головкой, окруженной волнами черных кудрей; его прекрасные темнокарие глаза с томным выражением устремились на хана. На лице грозного владыки промелькнуло что-то похожее на улыбку; с ласковым и нежным взглядом потрепал он

румяную щеку юноши, покрытую пушком, и приподнял его с колен.

После того хан взял пальцами самый лакомый кусок мяса из стоявшего перед ним золотого блюда и сунул его мальчику в рот; тот принялся аппетитно жевать подачку ослепительно белыми, ровными зубами.

— Кто этот очаровательный ребенок? — спросил Даггар Хелхала.

— Эрлак, любимый сын государя и прекрасной королевы, которая сама добивалась его любви.

— Значит, бедняжка была слепа? — с живостью возразил Даггар.

— Не так слепа, как ты!

Тон ответа был мрачен и суров.

— Батюшка, — говорил между тем избалованный мальчик, глядя рукой щетинистую бороду страшного человека, — мясо лося очень вкусно, но человеческое мясо вкуснее.

Отец с изумлением взглянул на него.

— Что ты такое говоришь?

— Правду, батюшка. Моя старая кормилица, Зданза... Помнишь ее? Ей позволяют еще приходить ко мне иногда, и она всякий раз приносит с собой гостинца. Вчера она принесла мне большой, отлично подрумяненный, кусок мяса; я съел его и начал просить еще. «У меня нет больше, мой светик», — отвечала старуха, — принесу другой раз. У человека только одно сердце, и твои хорошенькие зубки скоро справились с ним». — «Как, — спросил я, — то было человеческое сердце?» — И мне стало немного страшно, но я вспомнил, как оно было вкусно, и облизал губы. «Да, мой ненаглядный. Я выпросила себе труп молодого гота, которого сегодня колесовали за то, что он назвал нашего великого государя людоедом; я вырезала его еще трепетавшее сердце

ФЕЛИКС ДАН

и зажарила для своего красавчика. Теперь на тебя не подействует никакая отравка, и ты не будешь знать глупой жалости к людям». — Как смешно, батюшка, не так ли?.. Точно я до сих пор был когда-нибудь жалостлив! Моей лучшей забавой было всегда смотреть на казни. Когда я хорошо езджу верхом и мой учитель доволен мною, — я всегда выпрашиваю себе в награду или византийский пряник, или позволение стрелять вместе с воинами, когда расстреливают пленных! Дай мне пить, батюшка, — только вина, а не твоей жидкой воды. Сейчас дай мне вина! Нет, не желтого, а красного паннонского... Дай, не-то я заплачу, а слезы портят мои прекрасные глаза, говорит кормилица. Вот так, ах, как вкусно!.. Пьешь это красное вино, точно горячую кровь. Знаешь, батюшка, когда я займу наконец твой престол...

— А тебе не терпится? — спросил Аттила и бросил взгляд на Ильдихо.

— Тогда я буду пить только вино, а не воду. И, так как я теперь знаю вкус готских сердец, то каждый день велю убивать по одному молодому готу.

— А когда не будет никого приговоренного к смерти, сыночек?

— Тогда я нарочно приговорю.

— А за что? За какое преступление?

— За то, что он не сделал ничего, чтобы доставить своему государю хорошее жаркое! — отвечал юноша, заливаясь громким смехом, показывая белые зубы и встряхивая черными кудрями, в восторге от своей остроты.

Аттила нежно расцеловал сына в лоб и оба глаза.

Даггар переглянулся с Визигистом. Один из гуннов — князь Эцендрул — поймал этот взгляд.

— Что, тебе не понравилась шутка, молодой скир? — насмешливо спросил он. — Да, нечего сказать, мальчик растет на славу; он будет, пожалуй, еще почище князя

Дзенгизица. Радуйтесь, если попадете к нему по наследству.

И с этими словами он поднялся на эстраду.

Многие гуннские князья подходили в продолжение пира к избалованному любимцу Аттилы, гладили его по голове, целовали, совали ему в рот лакомые куски своими грязными пальцами; давали пить из своих кубков, причем Эрлак жадно набрасывался на вино. Но никто так не льстил мальчику, как Эцендрул; под конец он не выпускал его больше из своих объятий.

Аттила с неудовольствием следил за маневрами царедворца и, когда Хелхал подошел к нему с каким-то секретным докладом, хан прошептал старику, кивнув головою на князя:

— Если бы он знал, кто будет наследником моего царства, как увивался бы он теперь возле прекрасной Ильдихо.

38.

Даггар только что начал резко возражать на вызывающую речь Эцендрула, как его слова были заглушены громким шумом у входных дверей. Там раздалась брань: несколько голосов спорили, перебивая друг друга.

Аттила стал прислушиваться, вытянув шею, и спустил мальчика с колен, Эрлак свернулся клубочком у ног отца и продолжал втихомолку наливать себе вина из кувшина, стоявшего на низеньком столе возле него. Незаметно осушив несколько кубков, Эрлак раскраснелся, как пион; юноша сидел, поводя кругом осоловелыми глазами и мотая отяжелевшей головой.

Заслушав шум, воины бросились было к дверям: унять и наказать нарушителей тишины, но их грубо оттолкнула

ФЕЛИКС ДАН

чья-то сильная рука. Дзенгизиц ворвался в залу, дрожа от злости, с громким, бешеным хохотом. За ним шел князь Эллак, еще бледнее и печальнее обыкновенного.

Дзенгизиц, года на два моложе брата, был одет в ярко-красный, опушенный мехом плащ из шелковой материи, не доходивший ему до колен. Под ним виднелся короткий безрукавый камзол из дорогого меха, вышитый золотом, причем на левой стороне тела шкура была обращена волосом вниз, а на правой — наоборот, так что одежда выходила наполовину грязно-желтой, наполовину темно-коричневой. На спине юноши висел сверх плаща, на широкой темно-красной перевязи, унизанной жемчугом и драгоценными камнями колчан с загнутым концом; из него торчали тростниковые стрелы. В правой руке Дзенгизица были сломанные половинки длинного гуннского лука; крича и жестикулируя, он гневно потрясал им в воздухе. Молодой князь сильно походил лицом на Аттилу и отличался всеми признаками монгольской расы, но ему недоставало того величавого достоинства, которым все- сильный хан умел внушить к себе уважение даже врагам.

Некрасивые глаза навывкате дико блуждали у Дзенгизица во все стороны, а толстые губы подергивались от злобы.

— Убери прочь свои лапы, собака! — крикнул он последнему из воинов, стоявших у дверей, и так сильно ударил его по руке острыми обломками лука, что у того брызнула кровь.

— Кто смеет заграждать дорогу ханскому сыну! — продолжал он. — Я иду к своему отцу и судье. У меня есть жалоба к нему или, скорее, я здесь обвиняемый, которому нужно оправдаться! — заключил молодой человек с новым взрывом злобного хохота.

Он стоял уже против Аттилы, вскочив один прыжком на эстраду.

— Да, батюшка, готский выродок хочет на меня жаловаться. Будет гораздо лучше, если я сам расскажу тебе все, как было, и не допущу, чтобы старший брат чернил меня понапрасну. Он сам тоже виноват.

— Что это, ссора между моими сыновьями! Вы оба не правы! — сказал отец, но его сердитый взгляд обратился только на Эллака, медленно входившего в ту минуту по ступеням.

— О таких пустяках, право, не стоило бы и толковать, — снова начал Дзенгизиц. — Мы ехали по пыльной дороге, позади заложников. Мне стало ужасно скучно в этом пустынном, безлюдном месте и я, от нечего делать, вздумал биться об заклад с моим оруженосцем, что могу попасть стрелою без промаха несколько раз кряду между растопыренными пальцами человека, не нанеся ему ни малейшего вреда. — Ты можешь сколько угодно спорить о том, господин, — отвечал мне оруженосец, — потому что никто не согласится спокойно стоять перед твоим натянутым луком и выдержать такое страшное испытание. — А вот увидишь, — отвечал я и велел одному из заложников, с трудом тащившемуся по дороге под палящими лучами солнца как раз впереди меня, подойти к дереву и приложить к его стволу свою ладонь с растопыренными пальцами. Заложник был двенадцатилетний мальчик, сын побежденного сарматского князя. Ребенок исполнил мое приказание. Я предупредил его, чтобы он не оглядывался, но непослушный мальчишка обернулся в ту самую минуту, когда стрела готова была сорваться с тетивы. В смертельном страхе, негодный трус прижал растопыренные пальцы к лицу. Я хорошенько прицелился и попал, по уговору, между третьим и четвертым пальцем мальчугана.

— Прямо в его левый глаз! — договорил Эллак, дрожа от негодования. — А когда тот громко закричал

ФЕЛИКС ДАН

и стал проклинать Дзенгицица, твой сын пригрозил прострелить ему и другой глаз, если он не уймется. Он уже опять натянул тетиву. Тут я подскочил, вырвал у него лук...

— И сломал его о свое колено! — с бешенством воскликнул младший брат. — Вот тебе, отец, в доказательство обломки. — Он бросил куски дерева к ногам Аттилы. — Мой лучший лук! Из-за дрянного мальчишки! Из-за негодного заложника! Накажи сына готки, отец, или — клянусь богиней коней! — я расправлюсь с ним сам еще до наступления праздника.

— А где же мальчик? — спросил Аттила, не моргнув глазом во время рассказа обоих сыновей.

— Он остался на дороге! — коротко ответил Дзенгициц, пожимая плечами.

— Он умер! — воскликнул Эллак. — Умер на моих руках!

— Вот вам мое решение, неразумные сыновья, — сказал Аттила. — Ты, Дзенгициц, отвесишь отцу убитого столько золота, сколько весит труп ребенка, разумеется, из твоей собственной казны — не из моей. Ты же, Эллак, совершил ужасный проступок, сломав оружие своего брата. Всякий должен хранить и уважать оружие брата, как святыню, и кто ломает его, тот сделает это себе во вред. Ты должен подарить Дзенгицицу шесть луков такого же достоинства. Это твое легкое наказание, а твое строгое наказание — мое неудовольствие. Прочь с моих глаз! Вон отсюда! Ты, Дзенгициц, займи место рядом с королевичем скиров, с правой стороны. Слева от него сидит князь Эцендрул, который пусть там и остается. А ты, мой милый мальчик, позаботься угостить хорошенько юного героя, как прилично его сану.

Эллак бросил взгляд на отца, но напрасно старался встретиться с ним глазами. Наконец молодой князь низко

опустил голову и торжественной поступью спустился с эстрады.

Ему приходилось пройти мимо Ильдихо; он замедлил шаг, не желая, однако, останавливаться возле девушки. Между тем королева поднялась со своего места и плавным красивым движением протянула юноше белоснежную руку: он схватил ее в порыве признательности, молча поклонился и поспешил оставить залу пира.

Эта сцена не укрылась от пронизательных взоров хана. Он слегка мотнул головою, и его глаза свирепо сверкнули из под полуопущенных век.

39.

Еще во время рассказа Дзенгизица в дверях показался новый посетитель; стража почтительно расступилась перед ним. Это был знатный гунн в дорогой одежде, но его блестящее платье было покрыто дорожной пылью, а барашковую шапку обвивал зеленый венок.

Терпеливо дожидался он у порога, пока отец рассудит сыновей.

Потом пришедший торопливо протиснулся между рядами гостей, взбежал на возвышение и упал на колени перед ханом.

— Вставай, князь Дзенцил! Ты приносишь радостную весть о победе. Твой зеленый венок без слов говорит о том.

— Да, — воскликнул гунн, еще совершенно молодой человек, вскакивая с полу и гордо выпрямляясь. — Зеленая ветвь возвещает новую победу твоего оружия и гибель твоих врагов. Лугионов больше не существует: они стерты с лица земли.

Гунны подняли дикий крик радости, похожий на вой

ФЕЛИКС ДАН

волков, увидавших падаль; германцы, сидевшие в зале пиршества, обменялись между собой испуганными грустными взглядами. По знаку Аттилы предводитель войска начал свое донесение.

— Лугионы считали себя безопасными и неприступными за своими непроходимыми болотами; они осмелились отказать тебе в уплате просроченной дани. Мне ты предоставил честь наказать их. Мера этого наказания зависела от меня. Но я знаю, что тебе по сердцу, о великий государь, и сам также люблю молодецкую расправу. Поэтому мною было решено совершенно уничтожить непокорных. Пробраться через болота казалось нелегко, потому что лугионы затопили все переходы и засели в засаду с женами, детьми, стадами и всем имуществом, посреди своей страны, опоясанной со всех сторон водою. Однако, — тут Дзенцил погладил свою редкую бороду, громко захохотал и щелкнул зубами, — я устроил себе отличную переправу. Мы согнали вместе около двух тысяч антов и славян. Конечно, они не были ни в чем виноваты: напротив, они оказали нам помощь против своих германских соседей, лугионов, служа проводниками по незнакомым дорогам, доставляя мулов и съестные припасы. Но мы их перебили поголовно и положили трупы попарно, один на другой, поперек самых узких переходов через болота. Сначала наши лошади, конечно, боялись: им не хотелось наступать на неостывшие еще человеческие трупы. Но гуннская кобыла умнее греческого философа: лошадь способна учиться новому, тогда как философ знает все и нейдет дальше книги, написанной им. Мы положили мертвые тела ничком и посыпали овсом их спины. Наши brave кони скоро привыкли ступать по ним и в то же время лакомиться. Тут мы пустили в ход шпоры, нагайку и вскоре миновали топи. Нападение на вражескую засаду произошло ночью. Велик был ужас осажденных. Женщи-

ны и дети кричали в смертельном страхе. Веселая была музыка! Они подумали, что мы выскочили из-под земли. Куда ни бросятся, везде их настигает пламя, наши копья, нагайки или лошадиные копыта. Когда взошло солнце, ему не пришлось больше светить лугионам. Шесть тысяч воинов было там; да столько-же — если ни больше — неспособных носить оружие: женщин, детей и дряхлых стариков. — Велик ты, Аттила, сын победы!

— Велик ты, Аттила, сын победы! — громовым раскатом загремело под сводами залы.

Гунны кричали, гоготали, выли, потрясая воздух невообразимым гамом.

Их повелитель спокойно выслушал рассказ о бесчеловечной резне; ни один мускул не дрогнул у него в лице.

-Хорошо! — наконец произнес он ровным голосом. — Очень хорошо! Постой, Дзенцилушка, сыночек! Аттила разделит с тобой свой обед! На, бери!

Он порылся короткими толстыми пальцами в золотом блюде, которое стояло перед ним с кровавыми кусками конины, схватил громадный кусок, разорвал его на более мелкие части, так что оттуда брызнул кровавый сок, сунул князю большой обрывок в рот и съел сам остальное.

Глаза военачальника загорелись гордостью, он прижал руку к груди от избытка чувств, смакуя в то же время лакомое блюдо.

— Кроме того, ты должен сидеть сегодня рядом со мною на почетном месте, — прибавил Аттила.

По его знаку, слуги принесли стул, обитый пурпуровой материей, на шести серебряных ножках, с серебряной спинкой, и поставили его слева от скамьи хана.

В ту минуту что-то тяжелое грохнулось на пол возле Аттилы.

— Ах, это мой Эрлак, — рассмеялся отец, — он все еще и во сне прижимает к себе кубок. Воришка! Он

украдет больше, чем может снести. Уберите мальчика в его спальню. С завтрашнего дня он будет пить одну воду. Распну того, что осмелится принести ему вина, пива или меду!

40.

Лицо владыки, просветлевшее на минуту при взгляде на любимца, снова омрачилось и приняло еще более грозное выражение, чем раньше. Аттила откинулся назад, нахмурил густые щетинистые брови и заговорил, сильно возвысив голос:

— Слышали вы о новой победе моего меча, руги скиры и готы, сидящие здесь? Лугионы — также германцы или, точнее говоря, были германцами! Уже довольно много племен вашего лицемерного народа стер я таким образом с лица земли. Если вы и дальше будете изменять мне, то скоро люди не станут спрашивать: «куда девались лугионы?» А спросят: «куда девались германцы?» «Растаяли они», запоют тогда в палатках гуннов, в славянских хижинах, «растаяли, как снег на летнем солнце. Не осталось от них ни двоюродного брата, ни наследника. Погиб бесследно этот надменный род, ненавидевший все остальные народы. Нет больше гордых германцев!»

Повелитель гуннов замолк, снова принимаясь лакомиться полусырой кониной.

Тогда маститый король Визигаст поднял почтенную голову, взглянул ему в глаза и с твердостью произнес:

— Наши народы могут страдать — они страдают уже давно! — но они никогда не погибнут.

— А почему так? Ты говоришь слишком самоуверенно!

— Потому что боги, наши предки в Асгарде, хранят нас! — воскликнул юный Даггар.

— А кто хранит ваших богов? — с насмешкой спросил гунн. — Ведь и они со временем должны погибнуть.

— Да, при всеобщем конце, — отвечал Визигаст.

— Но тогда, — вмешался Даггар, — в те ужасные дни перед гибелью мира, когда начнется последняя кровопролитная война, за мрачность великанов преисподней будут стоять полуночные народы: финны, славяне, сарматы, и впереди их ты сам, Аттила! Я как будто вижу перед собою твою тень, государь, размахивающую кнутом, рядом с чудовищем Фенрисом*. Но на стороне наших предков, азов**, будем стоять мы с нашими щитами, рядом с эйнгериами***, спустившимися на землю из Вагаллы. Мы, германцы, метнем последние дротики и падем вместе с нашими богами.

— Тогда я хотел бы обратиться в того черного великана, который, по вашим поверьям, пожрет вас всех среди дыма и пламени...

— Но и сам погибнет с нами заодно при всеобщем крушении вселенной, — перебил Даггар. — А после того, новое светозарное небо раскинется над новым миром, где уже не будет гуннов и других народов мрака. Вотан станет опять управлять вселенной, омытой от греха, а вместе с ним и Фригга, белокурая царица, и благодатный Бальдур, их сын, бог мудрости, любимец богов и людей, и верный Донар! Но как обойдется победоносный отец без нас. По-моему, мы также нужны Вотану, как и он нам. Наверное, он сотворит новых германцев, на гордость и радость своему сердцу. Мужчину создаст он, — как было вначале, — из ясеня, а женщину из ольхи.

* Фенрис — чудовище в виде исполинского волка, рожденное от хитрого великана Лока и грозившее гибелью богам.

** Азы — боги, жившие в Астраде, но не наделенные бессмертием; их было двенадцать и один из них, Вотан, управлял ими и вселенной.

***Эйнгериары — люди-герои, павшие в битве и взятые за это в Вагаллу.

ФЕЛИКС ДАН

Юноша умолк. Ясные глаза его горели воодушевлением; прекрасные черты просияли. Как дивно хорош был в ту минуту молодой королевич! Печать поэтического творчества лежала на его высоком лбу. Он жадно ловил взгляд Ильдихо; наконец их взоры встретились. С горячей любовью и восхищением посмотрела девушка в лицо жениху.

Аттила тотчас заметил этот обмен взглядов и чувств.

— Вотан сотворил новую женщину из ольхи, говоришь ты? — начал он хриплым голосом. — Да, разумеется, без женщины нельзя обойтись. И, конечно, эта германка грядущего должна быть такой же светлоокой и златокудрой, как твоя невеста? Не так ли?

— Да, ты прав: без женщины мир был бы пустыней, — продолжал Даггар, уклоняясь от прямого ответа на вопрос, предложенный ему с оскорбительным издевательством. — Поэтому в нашем народе женская честь представляет высшее благо и неприкосновенную святыню. Всякая святость и непостижимые тайны богов ближе этим нежным существам, чем нам, грубым мужчинам. Наши женщины обладают даром высшей духовности и провидения. В них все свято: их красота и непорочность есть непостижимая, сладкая, волшебная сила, обновляющая нас. Это своего рода руническая надпись с сокровенным смыслом, исполненным тайной благодати.

Даггар бросил пламенный взгляд на Ильдихо. Она зарделась, но не опустила ресниц из ложного стыда. Напротив, королевна с нескрываемым восторгом твердо взглянула в глаза жениху. Аттила многозначительно кивнул Хелхалу и снова принялся за свои издевательства.

— Твоя речь обидна мужчинам, — заметил он Даггару. — Ты унижаешь их перед женщиной. Мы, гунны,

не таковы и прекрасно обойдемся и без наших жен, если б они вдруг исчезли с лица земли. Тогда мы преспокойно возьмем себе других, вот и все! Но, действительно, кудри твоей дочери несравненны, старый король! В них, может быть, также скрыта волшебная сила, как ты думаешь?

— Сила Ильдихо в ее непорочном любящем сердце, неведаящем страха даже перед лицом смерти! — отвечал Визигаст.

— Если ты хочешь, государь, то я докажу тебе, что даже и волосы наших женщин могут творить чудеса! — вмешался Даггар, терявший последнее самообладание.

Хладнокровные насмешки гунна доводили его до бешенства. Он едва сдерживался и в своем волнении встал с места, чтобы подойти к Ильдихо. Став за стулом королевны, жених любовно погладил рукой ее дивные косы.

— Ну, что ты там толкуешь! — вызывающим тоном возразил хан, недоверчиво качая головой.

— А вот послушай сам, — продолжал юный скир, стараясь успокоиться и тяжело переводя дух. — Наши женщины часто помогали нам одерживать победы не одним тем, что стояли в тесных рядах сражающихся и воспламеняли наше мужество священными песнями в самом разгаре битвы. Недавно маркоманки спасли своих мужей и самих себя и вырвали из рук врагов несомненную победу ни чем иным, как своим волосами.

— Правда, — подтвердил Визигаст. — Это славная история.

Ильдихо внимательно прислушивалась.

— Я никогда не слыхала об ней, — шепнула она жениху. — Как же это было?

— Зимы две тому назад вендские разбойники — чехами зовут эту курносую орду! — несметной силой хлынули

ФЕЛИКС ДАН

сюда с востока в Боиогемум (Богемия), в землю маркоманов, загроможденную горами. Жители восточной части этой страны укрылись с женами, детьми, слугами и служанками, со стадами и всем имуществом в крепкую засаду на высокой лесистой горе, над рекою Альби. Вскоре здесь окружили их со всех сторон дикие полчища вендов. Началась атака. Долго держались маркоманы, сильные, как медведи. Ночью и днем пылали у них костры на самой вершине горы. В темноте был виден оттуда из ближайших маркоманских селений огонь, а при солнечном свете — дым. По этому сигналу соседи узнавали, что осажденные еще не побеждены. Однако все реже и реже стали летать их стрелы в долину с укрепленной возвышенности и земляного вала. А между тем они ничем не могли лучше защищаться от разбойников, как этой меткой стрельбой, не дававшей промаха.

— Да, — подтвердил король Визигаст, — маркоманы слывут у нас лучшими стрелками. Этому научил их Ульр, царь зимы, искусный охотник, который вечно бродит со своим луком и стрелами.

— Луков и стрел было довольно у храбрых стрельцов, но у них не хватило тетив. Запасных они не приготовили, а старые лопались одна за другой. Чехи, беспрестанно рыскавшие, как волки, вокруг засады, держались теперь от нее в благоразумном отдалении, после того как маркоманы отбили четыре кровавых штурма с большим уроном для врага. Однако они скоро заметили, что осажденные ослабевают, что они перестали стрелять и бросают только камни и палки со своих укреплений. Вдруг у самого Горица, графа того местечка, также лопнула тетива; с проклятием бросил он о землю бесполезный лук. Между тем Мильта, его прекрасная, молодая супруга, не отходящая от мужа, подавая ему стрелы, в скором времени снова поднесла ему лук. Она обрезала острой бритвой

свои великолепные волосы до самого корня, свила из них крепкий шнурок и натянула вместо тетивы. Храбрый воин громко вскрикнул от радости, поцеловал свою супругу, схватил любимое оружие, прицелился и прострелил сквозь меховую шапку голову предводителю чехов, уже влезавшему на стену укрепления. Все женщины и девушки тотчас последовали примеру графини Мильты, и снова засвистали в воздухе меткие убийственные стрелы маркоманов, производя страшные опустошения в густых рядах осаждающих, которые, заранее уверенные в победе, слишком близко подошли к засаде. Они падали один возле другого, точно колосья, побитые градом. Вскоре все пространство вокруг укреплений покрылось трупами убитых; уцелевшие с проклятиями бежали вниз с крутой горы. Неприятель опять был отбит, и, прежде чем рассеянные в беспорядке полчища успели собраться вместе для нового нападения, с запада, с большой священной дороги Ирмина, прорезывающей Габретский лес, послышались звуки маркоманского рога! Сам король Гариогайс шел на выручку осажденным во главе войска с западной и северной окраин Боиогемума! Разбойники бежали к востоку, а вдогонку им пустилась королевская конница. Но волосы Мильты не посылали больше стрел в неприятельские ряды: граф Гориц благоговейно отвязал их от лука, поцеловал и повесил как драгоценное приношение на месте, посвященном Фригге. Вот как благородная Мильта спасла своими волосами целые тысячи народа от неминуемой гибели.

— И такой подвиг совершила женщина! — задумчиво произнесла про себя Ильдихо, пожимая руку Даггара. — Ее волосы сделали настоящее чудо.

Молодой скир немного успокоился во время длинного рассказа. Он отошел от королевны и занял прежнее место, опершись локтем о свою арфу.

41.

Наконец из густой толпы слуг и домашних хана выступил человек лет пятидесяти, настоящий гунн с головы до ног. Роскошна была его одежда; золотом блистал короткий ярко-зеленый шелковый плащ, наброшенный на плечи. Вокруг шеи три раза обвивались цепи из золотых кружков шириною в ладонь и квадратных пластинок. Они почти все были украшены драгоценными камнями посредине и висели каждая особо на коротких цепочках, болтаясь во все стороны и производя громкое нестройное брнчанье, которое, по-видимому, восхищало и обладателя странного украшения, и присутствовавших гуннов. По крайней мере, они единодушно приветствовали появление этого человека. Дзенгизиц тотчас послал ему с одним из слуг, в знак особой милости, большой кусок горячего свиного сала, вынув его пальцами из стоявшей на столе великолепной коринской вазы. Растопленный жир так и капал с княжеской подачи; польщенный гунн начал жевать ее с большим удовольствием. Тогда князь Дзенцил, сидевший возле Даггара, встал с места, подошел к человеку в зеленом плаще, поцеловал его с причмокиванием в обе щеки и дал ему выпить из своего черепахового кубка.

Гунн, удостоенный такой чести, громко чавкал, пережевывая сало, пил большими глотками предложенное ему вино и при этом отвешивал, чуть не до земли, низкие поклоны Атгиле.

— Ах, Друлсал, — благосклонно кивнул ему всемогущий хан. — Мой славный певец! Здорово! Добро пожаловать! Что я вижу: еще не все золотые пластинки жалованной цепи украшены у тебя драгоценными камнями? Значит, есть еще место для новых даров и тебе следует только заслужить их хорошенько. Смотри же, старайся!

— За каждую твою победу, воспетую мною, ты дарил мне по камню, о великий государь!

— Верно! Вскоре, надеюсь, мы с тобой постараемся оба занять все свободные места на твоих золотых бляхах. Я примусь вновь одерживать победы, а ты — петь. За что я дал тебе вон тот прекрасный смарагд? Напомни мне!

— За мою песню на взятие Виминациума.

— А тот пламенный рубин?

— За Аквилею, погибшую в пламени. Ты остался доволен мною, когда я воспел ее падение и твою славу.

— Недурно ты выбрал! Да, Аквилея стерта с лица земли. Трудно будет отыскать будущим любителям римских древностей то место, где когда-то возвышалась эта гордая имперская твердыня.

— Ну а теперь, великий государь, позволь мне воспеть твой предстоящий поход, который ты предпринимася будущей весной. Твои непобедимые войска помчатся ураганом с востока на запад и завоюют земли от Понта Эвксинского до островов Британии. Дозволь мне достойно прославить это победоносное шествие.

Аттила кивнул головой в знак согласия.

Двое рабов тотчас принесли на двух невысоких скамейках музыкальные инструменты певца-поэта. Друксал уселся против них на стуле посредине залы. Один из этих инструментов напоминал обыкновенные литавры, но только был увешан бесчисленными колокольчиками и утыкан по круглому деревянному борту стеклянными и медными шариками. Когда музыкант ударял по ним короткой деревянной палочкой, бывшей у него в левой руке, погремушки страшно звенели, бренчали и дребезжали, вторя глухому рокоту барабана. Другой прибор походил на гусли; по его струнам из овечьих жил он то ударял двузубой железной вилочкой сверху, то подцеплял их из-под низу.

ФЕЛИКС ДАН

Последний инструмент издавал необыкновенно высокие, пронзительные ноты.

Дикая музыка поразила Даггара. Он смотрел во все глаза на своего товарища-певца и чуть не хохотал. Однако вслушавшись в смысл песни, юный королевич перестал улыбаться. Его рука машинально потянулась к мечу. С нахмуренными бровями, едва удерживая свой гнев, слушал он хвастливое восхваление будущих подвигов Аттилы. Гуннский поэт пел на родном языке рапсодию без рифм и без ритмических ударений; он повторял только гласные двух последних слогов на конце, не обращая внимания на созвучия. В его песне, переложенной на обыкновенный стихотворный размер, говорилось приблизительно следующее:

Над Танаисом, над Истером смело
Носится смерть и зовет нас на бой.
«Черный товарищ, нам время приспело,
Братьев скликай и веди их с собой».
Вот он с горящими жадно очами
Голод иссохший, губитель людей.
«Нужен ты нам! Собирайся же с нами,
К делу пора приступить поскорей!»
Коршун войны, кровожадный, проснися,
Черные крылья свои ты расправь.
Мы уж готовы: кругом оглянися,
К западу быстрый полет свой направь.
Войны гунна Аттилы жестоки:
Ждет вас на западе лакомый пир.
Скоро польются там крови потоки,
Чтоб затопить обезумевший мир.
Знаменье грозное: в небе клубятся
Тучи свинцовые; в них разобраться
Можно, как кони крылатые мчатся,

Как надвигается грозная рать.
Вон исполины-драконы; чернеют
Когти и крылья чудовищных птиц;
Клювы широкие их пламенеют,
Мечут огонь полуночных зарниц.
Но по земле исполинским драконом
Рать беспощадная вьется грозней,
Стуком копыт и оружия звоном,
Видом своим устрасая людей.
В лагере гуннов владыка могучий
Только что в громкий свой рог затрубит,
Двинутся к западу страшную тучей
Полчища эти, и мир задрожит.
«Гунны, — он молвит, — кругом все живое
Предано в жертву мне богом войны;
Вам отдаю это право святое,
Род ненавистный сгубить вы должны».
«Вождь наш, Аттила! — раскатом громовым
Грянуло в сомкнутых гуннских рядах, —
Властным твоим окрыленные словом,
Мы непокорных повергнем во прах».
Чу! От Кавказа, от Черного моря
И до божьих зеленых высот
Стонет земля. На широком просторе
Двинулась конница гуннов вперед.
Стонет Европа: борьба закипела,
Блещут доспехи, оружие звенит,
Вражеской кровью земля заалела,
Враг побежденный от гуннов бежит.
Только напрасно: не зная пощады,
Лютым мученьям они предадут
Пленных своих; ожидая награды,
Дев за роскошные косы влекут.
«Что же, владыка, доволен ты нами?

Кажется, честно мы служим тебе.
Римлян войска мы рубили мечами,
Не устояли германцы в борьбе!»
Поднял Аттила с молитвою жаркой
Свой окровавленный меч к небесам;
Молвил он гуннам: «Кометою яркой
Путь нам указан к вечерним странам!
Вражеской кровью еще мы не сыты,
Двинемся к западу смело вперед!
Мстителям грозным пути все открыты,
И лучезарная слава их ждет...

42.

Гуннский Пиндар едва был в состоянии допеть свой хвалебный гимн до конца. По мере того как он пел, все сильнее и сильнее разгорались гордостью и отвагой отворачивающиеся, выпученные глаза его слушателей гуннов. По временам они принимались вторить певцу, издавая какие-то дикие животные крики, но к концу их одушевление едва сдерживалось даже робостью перед Аттилой. Наконец, когда раздался последний удар литавр и прозвучала последняя пронзительная нота гуннских гуслей, дикари разразились ликующим ревом, как будто три сотни дьяволов в преисподней торжествовали победу сатаны. Они бросились к певцу, принялись с ним громко целоваться, подняли его на плечи, предварительно чуть не задавив до смерти, и поставили его на эстраду перед Аттилой.

Тот давно уже подозвал к себе знаком слугу с большой продолговатой шкатулкой. Повелитель гуннов открыл крышку: крик удивления вырвался у жадного поэта.

— Государь, какое великолепие! Какая масса драго-

ценных камней! Я, право, думал, что и в целом свете не наберется их столько!

— Возьми себе, сколько захватишь! Твоя песня была прекрасна, потому что она справедлива. Она предвещает мне целую горсть побед. Бери же и ты целую горсть сокровищ.

Певец не заставил повторять себе это два раза; он запустил руку в шкатулку и пожалел, что у него не десять пальцев.

Оглушительный гам, поднявшийся в зале, еще не успел затихнуть; громкий говор на шипящем монгольском наречии стоном стоял под крышей деревянного дворца.

Но вдруг посреди воя и гортанных криков раздались мелодичные звуки, которые как будто исходили из царства светлых духов: чистые, ясные и вместе с тем отчетливые, как победоносные удары меча. То были гармонические аккорды арфы, звучавшие негодованием. Гунны стали прислушиваться; их певец вздрогнул, споткнулся и почти упал на плечи Аттилы. Гвалт тотчас утих. Всесильный хан подался немного вперед; он узнал арфиста и бросил на него уничтожающий взгляд.

— Теперь, Хелхал, — прошептал он старику, который только что помог торжественно унести Друксала с возвышения и вернулся обратно, — теперь дело идет к концу.

Выпрямившись во весь рост, стоял Даггар в своей гордой юношеской красе. Его серые глаза метали пламенные взгляды на Аттилу; щеки горели густым румянцем. Быстрым движением руки откинули со лба темно-русые кудри; искусные пальцы еще раз гневно пробежали по струнам арфы, украшенной головой лебедя. Королевич сделал шаг к Аттиле и заговорил; гунны слушали, затаив дыхание. Король Визигаст приложил палец к губам, но Даггар не заметил этого предостережения. Сердце Ильдихо сильно билось от ожидания и неопределенного стра-

ха, но также и от гордости. И могла ли она не гордиться этим царственным певцом, который принадлежал ей всецело?

— Мы слушали пение гунна, — начал Даггар ледяным тоном, — хотя нас, приглашенных гостей, не спросили, желаем ли мы этого. Славный голос! Он приятен, как вой шакала. После того я решил преподнести гуннам также непрошенное удовольствие: пусть они прослушают германскую песню, которая послужит им в то же время ответом. По-моему, старый гуслир воспел не тот поход гуннов, который Аттила еще намеревается предпринять. О нет! Он уже совершил его. Итак, почтенные гости, вы слышали от своего певца о выступлении Аттилы, послушайте теперь, чем закончилось это великое триумфальное шествие завоевателя. Постой же, как там сказано в конце?

«Кометою яркой

Путь нам указан к вечерним странам!»

И он запел на готском языке, хорошо знакомом гуннам, следующую песню:

В Галлии дальней, в Марнской долине,
Двое мужей заключали союз.

Молвил один из них в тяжелой кручине:

«Где же спасенье от вражеских уз?

Как допустить, чтобы мир задохнулся

В жалкой, постыдной неволе своей?»

Юный товарищ его усмехнулся,

Волны отбросив роскошных кудрей.

«Полно, Аэций, забудем былое!

Прежние распри свои прекратим.

Верь, что в союзе с тобою мы двое

Полчища гуннов, как львы, сокрушим.
К берегу Тибра отсюда скорее
Ты посылай своих быстрых гонцов;
В Галлию пусть соберутся живые
В латах стальных легионы бойцов.
А Торисмунд, твой союзник огненные,
Готов отважных своих соберет.
Не поддавайся, Аэций, кручине,
Мудрый Вотан нам победу пошлет.
Гуннов своих на косматых кобылах
Пусть к нам приводит воинственный вождь,
Но одолеть они будут не в силах
Римлян искусство и готскую мощь».
Вскоре в борьбе против гуннов жестоких,
Много легло златокудрых бойцов.
Ночью слетелась толпа светлооких
Юных валькирий — будить мертвецов.
Гневно очнувшись и грозны, и немые,
Тени убитых с земли поднялись;
Снова за дротик и шлем свой взялись.
Призраки бьются опять меж собою,
Местью пылая, отвагой полны;
Жаркая битва кипит над землею,
Блещут доспехи при свете луны.
Крикнул петух. И опять, недвижимы,
На поле труны убитых лежат,
Но их живые товарищи мимо
Идут на приступ, на битву спешат.
«Но отчего это в лагере хана
Тихо, не вьется дымок от костров»?
И к укреплениям вражьего стана
Ловко подкрасться зовут смельчаков.
Вот оно что! Свое ложе покинул,
Крадучись, ночью, воинственный хан;

ФЕЛИКС ДАН

В дальних степях своих снова он сгинул, —
Так сокрушил его бог наш Вотан!
Если не верите, пусть же он снова
Прежнюю мощь испытает на нас.
Готы с Аттилою биться готовы,
Близок возмездия грозного час!

Даггар закончил таким звучным ликующим аккордом, как будто сам Геймдал призывал богов к нападению на великанов при конце мира.

Тут между гуннами поднялся яростный рев еще огушительнее того, каким они приветствовали своего певца. Вся зала пришла в движение; ни один гунн не остался на месте. С дикой жестикуляцией бросились они со всех сторон на смелого юношу, который стоял, выпрямившись во весь рост, беззащитный, но не ведающий страха. В гордом спокойствии, прижав арфу левой рукой к груди, а правой упираясь в бедро, он оставался неподвижным. Против трехсот нападающих всякое сопротивление было немыслимо. Королевич возвышался целой головой над толпою гуннов, напиравших на него, он не моргнул даже ресницей, когда нож Дзегизица, пущенный в слепой ярости, пролетел мимо его лица, задев ему кудри. Но, несмотря на такую стойкость, гибель безумно отважного арфиста казалась неизбежною. Смертельно бледная Ильдихо увидала, как множество кривых ножей направились против него. Но вдруг — вся суматоха длилась только несколько мгновений — с эстрады раздался голос, напоминающий рев какого-то сказочного чудовища:

— Стойте! Иначе вы подвергнетесь моему гневу.

Триста гуннов тотчас остановились как вкопанные: искаженные яростью лица, руки, поднятые для удара, колени, согнутые для прыжка, занесенные кинжалы —

все это в одну минуту застыло, точно по мановению волшебства. Даггар опустил арфу и пошел на свое место.

— Однако они очень послушны, — заметил он небрежным тоном.

— Потому-то они и завоевали мир, певец. И они удержат его за собой, вопреки твоей арфе, твоему дротику и твоей ненависти, — возразил Аттила.

Он было привстал со своего низкого сиденья, но опять опустился на него.

— А вам, гуннам, — медленно продолжал повелитель, — не мешает помнить законы гостеприимства. Неужели вы хотите убить певца за одно слово? И притом справедливое слово! Ведь мы действительно в ту ночь отступили из своего лагеря. Зачем мы так сделали, о том, конечно, не догадывается белокурый мальчик. Это знают только Пуру, бог войны, и его избранник — Аттила. Тетива, спустившая первую стрелу, должна отдохнуть, чтобы вслед затем послать другую, на этот раз без промаха. Ну стоит ли наказывать скира за одно слово о прошедшем или за предсказание будущего? Тогда можно было бы подумать, что мы боимся его угроз. Пусть он будет наказан тем, что доживет и увидит, как ложно было его пророчество. Впрочем, пожалуй, он и не проживет еще так долго, — прибавил Аттила, — для меня это почти сомнительно. За его лично высказанное желание — уничтожить меня и мое царство — я также не покараю молодого королевича; ведь сотни тысяч людей желают того же! Неужели мне убивать их всех? Как это сказал один римский император? Его изречение понравилось мне больше всей римской мудрости, насколько я ее знаю! «Пусть они нас ненавидят, только бы боялись». Впрочем... — До сих пор Аттила говорил глухим, совершенно спокойным тоном, но теперь его голос стал постепенно возвышаться, как медленно приближающиеся раскаты

ФЕЛИКС ДАН

грома, и наконец перешел в оглушительное рычание: — Когда горячее желание и неукротимая месть, — продолжал он, — совокупившись на отвратительном ложе тайного заговора, произведут двух близнецов-клятвопреступление и замысел убийства, — тогда!..

Аттила вскочил и подошел к перилам эстрады. Князь Дзенцил стал около него.

— Это случилось двадцать дней тому назад, на дунайском островке, обросшем камышами, — заговорил опять хан. — Ночь была темная, и на небе вспыхивала зарница. Там двое из моих слуг перешептывались между собою. Только стары́е ивы — думали они — слышали их слова, но в дереве было дупло и в нем стоял я — Аттила, ваш государь, подлые вы собаки! Впрочем ты, роскошная невеста, не печалься: тебе во всяком случае сегодня ночью предстоит отпраздновать свадьбу. Пока твой юноша будет корчиться на кресте, ты сделаешься женою Аттилы. Схватите их всех, мои гунны!

Этот приказ был исполнен с быстротою молнии, и арестованные поняли, что здесь до мелочей все было подготовлено заранее. Всякое сопротивление оказывалось невозможным, каждый из восьми человек свиты, сидевших отдельно от своих господ и в значительном расстоянии друг от друга, был также моментально окружен целым роем гуннов.

Четверо гуннов бросилось на маститого короля ругов; Дзенгизиц, Эцендрул и четверо других мужчин — на Даггара. Между тем королевичу удалось отчаянным усилием на один момент освободить свою правую руку: он воспользовался этим, чтобы выхватить из-за пояса короткий меч и метнуть его в повелителя гуннов, нагнувшись к нему через перила. Аттила не пошевелился. Удар был направлен метко, и меч угодил бы ему прямо в лицо заостренным концом, но, увидав оружие в руках Даггара, князь Дзенцил

с громким криком бросился к государю, закрыв его своим телом. Меч вошел ему в горло, и молодой человек без стога покотился мертвым на пол.

Гунны снова успели овладеть Даггаром, он видел, как Визигаста опрокинули навзничь — Хелхал уперся ему коленом в грудь; он видел свою верную свиту поверженной на землю; некоторые из них были ранены. Наконец королевичу представилась еще более ужасная картина — на руки Ильдихо надели широкие золотые цепи. Тут он громко застонал.

— погоди, мальчишка! — крикнул Аттила, вытирая с лица кровь убитого князя. — За эту кровь ты мне заплатишься жестоко: старик будет только распят, а ты посажен на кол против моей спальни. Прелестная новобрачная услышит твои вопли, отдаваясь мне!

Молодая девушка молчала, но в ее широко распахнутых глазах было столько ненависти, что Аттила содрогнулся и невольно опустил веки. Он не мог произнести ни слова и только махнул рукой. Пленных вывели из зала.

43.

Едва опустела комната пира, — один Хелхал остался возле своего господина, — как шумно растворилась дверь и на пороге показался перепуганный человек.

— Эллак! — гневно крикнул ему отец. — Как ты осмелился?... Ведь я запретил тебе показываться мне на глаза. Разве я звал тебя?

— Нет, государь, но...

— Что ты здесь ищешь?... Или — кого?

— Отца.

— Ты хочешь сказать: государя?

ФЕЛИКС ДАН

— Да, великого владыку и справедливого судью.

— Конечно! Я знаю, что привело тебя сюда! Ты называешь меня справедливым судьей, я оправдаю это название, оправдаю ужасным образом! Не трудись заступаться за изменников.

— Разве их изобличили? Я слышал только неясный ропот гуннов. И их вина доказана?

Аттила молчал. Он онемел от гнева, зловещая краска залила его желтовато-бледное лицо. Но Хелхал сердито воскликнул:

— Еще бы не доказана! Мальчишка метнул мечом в твоего отца! Только гуннской верности обязан мир тем, что великий Аттила остался в живых. А старик? Они вдвоем, с целой шайкой других, сговорились затеять бунт и убить твоего повелителя. Но мы, — твой отец и я, — слышали все, спрятавшись в дупле дерева на дунайском острове.

Эллак зажмурил глаза от ужаса.

— А!.. Если так, — глухо промолвил он, — то суди их обоих.

— Они уже осуждены! — сказал Аттила.

— Убей предателей! Я не смею просить пощады им. Но неужели правда то, о чем говорят на улицах? Неужели Ильдихо... Ведь она невиновна.

— Нет, виновна. Она знала о заговоре, я видел это по ее глазам, едва она вошла сюда и посмотрела на меня. Она знала о злодействе и умолчала об этом перед своим государем!

— Неужели девушка должна была погубить отца и жениха?

— Она была обязана. Но я прощаю ей, потому что я справедливый судья и кроткий властелин, который охотно оказывает милость. Она не будет казнена.

— Но... отец... ведь это неправда, что толкуют?

— Что такое? — грозно и нетерпеливо спросил тот.

— Ты хочешь убить ее отца и ее возлюбленного, а между тем... Нет, это невозможно!

— Что невозможно для Аттилы?

Его сдержанный гнев все разгорался.

— Чудовище, — отвечал Эллак, вне себя. — Сатанинское! Ты не решишься, обагранный кровью Визигаста и Даггара, насильно овладеть этим чудным созданием, этой белокурой богиней, этой белоснежной...

— Клянусь моими черными богами, она будет моею! — разразился Аттила, давая полную волю своей ярости. — Это величайшая честь для каждой женщины, и она выпадет на долю твоей белокурой, белоснежной богини. Ильдихо будет принадлежать Аттиле!

— Никогда! Говорю тебе: она любит скира.

— Я не ревную к мертвецам!

— Но я скажу тебе более: она ненавидит тебя, ты ей противен.

— Ничего! Ильдихо скоро научится благоправию передо мной.

— Нет! Она не переживет позора. О мой государь и отец! — Эллак в диком отчаянии бросился к ногам Аттилы. — Позволь мне обнять твои колени! Умоляю тебя, сжался. Никогда, с тех пор как я, несчастный, родился на свет, у меня не хватало мужества обратиться к тебе с какой-нибудь просьбой. После моей победы над яцигами ты милостиво позволил мне выразить какое-нибудь желание, заранее обещая исполнить его. То было несколько лет назад. Но я ни о чем не попросил тебя. Теперь я умоляю пощадить обоих виновных ради Ильдихо.

— Согласен.

Эллак с восторгом вскочил с полу, но тотчас испугался, увидев мрачную насмешку на лице деспота.

ФЕЛИКС ДАН

— Я дарую королевскую величайшую милость: она должна родить мне сына.

Тогда Эллак закричал, как раненый зверь.

— Нет, отец, все, кроме этого! Ты не должен осквернять этой женщины, иначе я сойду с ума, я не переживу такого горя! Узнай же правду — я до безумия люблю ее!

— Я это знаю давно.

— Отец! Неужели Даггар в самом деле должен умереть?

— Неминуемо.

— Тогда отдай ее мне!

Хан захохотал.

— Ха-ха-ха! Ты действительно рехнулся. Значит, если она, любя мертвого арфиста, отдастся тебе, это не будет осквернением?

— Никогда не посягну я на нее. Клянусь в том тебе и ей! Я хочу только почитать ее, как мою супругу, и защищать.

— От меня? Ах ты, собака! — крикнул Аттила с пеной у рта и кривой нож сверкнул в воздухе. Но Хелхал схватил его руку обеими своими и повис на ней.

— Убей меня, отец, я буду тебе благодарен, что ты отнял у меня жизнь. Было бы лучше, если бы ты и не давал мне ее!

Эллак широко распахнул обе руки.

— Не хочу! — мрачно сказал Аттила. — Спасибо тебе, старик... Мальчишка не стоит того, чтобы пасть от моей руки. Пусть он живет, зная, что его «белокурая, белоснежная» находится вот в этих объятиях.

Аттила поднял руки, напрягая мускулы.

— Пусть это будет его наказанием!

В порыве отчаяния, Эллак повернулся и бросился к дверям.

— Ильдихо! — воскликнул он, изливая в одном этом

возгласе целое море сердечной муки, но, вместе с тем, в его голосе звучала твердая решимость. — Освободить ее? — Это было невозможно, но убить сначала любимую девушку, а потом — самого себя! Эта мысль мелькнула, как молния, у него в голове, когда он выхватил из ножен свой длинный меч и бросился к дверям. Но ему не дали уйти: гневный крик Аттилы привлек Дзенгизица и других воинов, которые стояли в немом страхе за порогом, во время ссоры отца с сыном.

— Держите его! — громовым голосом закричал Аттила вбежавшим людям. — Обезоружьте Эллака! Вот так, Дзенгизиц, мой удалой сын! А ты, Хелхал, запири его в ольховую башню, я буду судить его потом. Но до тех пор мне нужно отпраздновать свою брачную ночь.

44.

Наступали сумерки. Солнце, как это часто бывает в степях, закатилось за горизонт в тумане, в виде красного, тусклого шара. Облака густыми слоями скопились на западе, где необозримая, безотрадная пустыня сливалась с небом.

Аттила прохаживался по опустевшей зале, откуда были вынесены столы, скамейки и все принадлежности пира. Он вторично отослал от себя всех приходивших с докладом. Наконец вошел Хелхал и доложил, что все исполнено. Хан молча кивнул головой.

Погруженный в глубокое раздумье, он медленно снял широкий золотой обруч с семью зубцами со своей громадной головы и положил его в ящик с драгоценностями. Потом отстегнул застежку на левом плече и сбросил с себя плащ; теперь на нем остался только кафтан из матовой белой шелковой материи. Наконец Аттила рас-

ФЕЛИКС ДАН

пустил пряжки пояса, на котором висел кривой кинжал, и отдал оружие Хелхалу.

— Возьми ключ от спальни к себе, — сказал он ему.

— Я всегда делаю так, государь, — отвечал старик, вынимая ключ из опояски Аттилы, на которой висел меч.

— Запри дом снаружи.

— Ну а другой ключ? Ведь она будет пытаться бежать, как только ты уснешь.

— Не бойся. Он у меня висит на груди под кафтаном. Кроме того, шестеро гуннов будут сторожить всю ночь на пороге спальни.

— Все приготовлено. как обыкновенно, господин.

Старик ожидал теперь только приказа ввести невесту. Но хан по-прежнему мерил шагами большую приемную; вдруг он остановился в задумчивости и закрыл глаза. Так прошло несколько мгновений; наконец Аттила встрепенулся:

— Где Гервальд, аллеман? Я приказал привести его, когда изменников арестуют. Почему он не показывается?

— Его нигде не могли отыскать. По твоему желанию я велел следить за ним в том доме, где он остановился, и приставил к нему стражу под видом почетного караула. Между тем Гервальд напоил караульных, а сам исчез.

— Найти его и связать! Пусть он сегодня же присутствует при казни обоих германских князей; это послужит ему полезным уроком.

— Хорошо, государь, я арестую его. Только ты забыл в своем справедливом гневе, что мы не должны сегодня проливать крови. Канун праздника Дэривиллы уже наступил. Только по прошествии трех дней...

— Хе! Я верю лишь в одного Пуру; я смеюсь над этой лошадиной богиней в виде деревянной кобылы!

— Очень жаль. Но я и твои гунны думаем иначе. И сам ты не можешь нарушать закона. Завтра ты должен

принести великую жертву перед всем народом, как верховный жрец, без осквернения святыни, что послужило бы соблазном для твоих подданных.

— Это правда. Так пусть осужденные три дня терзаются в ожидании лютой казни!

— А что делать с Гервальтом, когда он отыщется? Неужели оставить его безнаказанным? Ведь он...

— Наказание ему за то, что он промолчал о заговоре, пусть назначит сам верный Ардарих, который также по-токал изменникам. А тех пьяниц, караульных, — после трех дней праздника, — на крест!

— Государь, это храбрые воины. Они в первый раз...

— Потому-то я и хочу помешать им согрешить во второй. Пусть пьянствуют германцы, а не мои гунны: вечно трезвым принадлежит мир.

Хелхал умолк. Погрузившись в задумчивость, Аттила снова начал прохаживаться по обширной зале и, наконец, остановился прямо против своего преданного друга.

— Со мной творится что-то странное, старик. Никогда еще я не испытывал ничего подобного ни перед одною женщиной. Это девственное лицо, эта неприступность, этот взгляд смертельной ненависти внушают мне неведомые чувства. С какой силой вспыхнула во мне страсть, когда я в первый раз увидел ее! Как мне захотелось в ту же минуту обнять роскошную красавицу, а между тем моя душа...

— Что же, государь?

— Моя душа трепещет перед нею. Это не страх... Смешно было бы даже и подумать! Ведь я мог бы раздавить ее в моих объятиях. Страх мне незнаком. Даже в ту роковую ночь на Марне он не посетил меня. Вестготы действительно перешли третий и последний ров перед моим лагерем, потому что тысячи гуннских трупов наполнили все рвы до краев. Тогда я приказал воздвигнуть

ФЕЛИКС ДАН

высокий костер пред моей палаткой, из седел и деревянных щитов, и полить его смолою. Забравшись на самую вершину, я лежал там с горящим факелом в руке, готовый лучше сгореть живым, чем отдаться в плен. Ледяное спокойствие решимости сделало меня бесчувственным, как живого мертвеца, — но я не ведал страха, нет! Между тем эта германская девушка... Видишь ли, она внушает мне не страх, а робость, которую я испытывал мальчиком, когда еще веровал в святыню. Влюбленный Эллак прав: когда она стояла перед мною, белее снега, с руками, связанными на спине золотою цепью, — как гордо поднималась тогда ее великолепная грудь! В ту минуту целомудренный взгляд королевы пронизал меня холодом до мозга костей.

Аттила боязливо оглянулся, опасаясь, нет ли в зале непрошенного свидетеля, и, близко подойдя к Хелхалу, шепнул ему:

— Слушай, старик, но не говори о том ни единому смертному. Мне нужно мужество, — впрочем, нет, — мне нужно дикое ожесточение против этой девственницы. Ты знаешь, уже сорок шесть лет, как я не пью ничего, кроме воды. А сегодня... Хелхал, поставь мне в спальню высокий золотой кувшин. Знаешь, тот?.. Из Аквилеи. Кувшина для разбавки водою не надо. Влей мне в золотой сосуд самого крепкого, неразбавленного газзатинского вина...

— Пощади, государь! Ведь этот напиток — настоящий огонь!

— Но ведь я же тебе сказал, что меня леденит ее взгляд? Я желал бы, если можно, влить пламя Везувия в свои жилы. Погоди, белоснежная богиня! И за этот мучительный озноб ты мне жестоко заплатишься; я заставлю тебя... Ступай же, старик, сходи за вином. Потом приведи мою непокорную невесту. Да сними ей цепи.

— Государь...

— Ну?

— Германская девушка очень сильна. Пусть она останется в цепях, пока не покорится тебе вполне, пока не уступит добровольно. Иначе...

— Пустяки, — расхохотался хан, вытягивал руки по своей любимой привычке и напрягая мускулы. — Но вот еще одно: под страхом смерти не смейте тревожить меня, пока я буду наслаждаться вином и любовью. Чтобы никто не смел стучать в дверь. Чтобы никто не смел входить, пока я сам завтра не выйду сюда. А до тех пор все донесения и известия пускай докладывают тебе. Распечатывай все письма на мое имя, потому что я надеюсь блаженствовать долго, долго... а потом сладко отдыхать!

45.

Скоро после того Ильдихо стояла посреди спальни. Хелхал сам провел ее туда через приемную залу, снял с девушки широкие золотые цепи и вышел вон. Она содрогнулась от ужаса, прислушиваясь к звуку запираемого замка. Неизбежная развязка приближалась. Ильдихо почувствовала на себе железную руку судьбы, и все ее члены дрожали, как в лихорадке.

Королевна торопливо оглянулась вокруг, отыскивая средства к спасению, к бегству, к обороне — напрасно! Только один выход, который сейчас заперли, вел из полукруглого деревянного здания такой же формы, как и зала для гостей, но в меньших размерах. Дверь из крепкого дуба, как и остальные стены, была завешана толстыми коврами, чтобы в спальню не проникал никакой звук извне. Однако девушке удалось расслышать лязг оружия с наружной стороны, когда она приложила ухо к замочной скважине: то гуннские караулы, как сторожевые собаки,

ФЕЛИКС ДАН

укладывались на пороге, чтобы провести здесь целую ночь.

Она принялась толкать дверь, но та не подавалась, хотя длинный и тяжелый железный засов, которым можно было запереться изнутри, не был задвинут. Окон в комнате не было: свет и воздух проходил, как и в зале пиршества, только сквозь отверстия в высоком потолке, которые были теперь плотно задернуты занавесами.

Середину комнаты занимало громадное ложе, постланное прямо на полу и состоявшее из мягких одеял, перин и подушек, вместо покрывала, на него наброшены различные меха: шкуры гирканских тигров, оленей с берегов Восточного моря, полярных медведей и нубийских львов. Возле постели возвышался металлический столик искусной работы; золотой кувшин трех футов высоты и маленький серебряный кубок красовались на нем. Верхняя доска стола была украшена художественным барельефом греческого мастера, представлявшим свадьбу Плутона с Персефоной; стол упирался на черное мраморное подножье.

Несколько деревянных сундуков с высокими выпуклыми крышками стояли по стенам вдоль комнаты; два-три низких дивана дополняли убранства спальни.

Напрасно пленница искала глазами по стенам трофеев, оружия или каких-нибудь приборов, которые могли послужить ей для обороны. Напрасно старалась она открыть сундуки, где могли находиться какие-нибудь острые инструменты. Крышки были плотно заперты, и пальцы Ильдихо скоро заболели от усилий открыть их.

Тогда ее взгляд упал на стройную колонну в половину человеческого роста, сделанную из прекрасного кедрового дерева, на ней стояла красивая серебряная курильница ажурной работы. Девушка бросилась к колонне, пытаясь поднять ее, но напрасно! Она была крепко привинчена к полу.

В отчаянии опустились руки Ильдихо; слезы подступали к ее глазам, но она не предалась женской слабости. Ей не следовало терять мужества.

Что если бы добыть огня?

Сжечь дом заклятого врага и сгореть самой? Однако в курильнице не нашлось горячих угольев, а лампа из прозрачного янтаря висела слишком высоко над потолком, чтобы можно было до нее добраться. Там в металлической чашечке горело масло, слабо освещая похожую на погребальный склеп брачную комнату. Пламя горело неровно; по временам оно вспыхивало ярче, и тогда из лампы поднимался желтоватый дымок: распространялся сладкий аромат. То был запах драгоценного аравийского ладана. Но невежественная расточительность гуннов выказалась также и здесь: вместо того чтобы положить в масло несколько крупинок душистой смолы, они бросили туда целую горсть: пламя ночника, опускаясь по светильне, захватывало все новые слои ладана, и в комнате становилось почти душно. Наконец девушка стала ощущать свое платье, в надежде, не найдется ли у нею под рукой чего-нибудь для своей защиты. Но нет! Предусмотрительный Хелхал вынул у нее из под косы даже острую длинную булавку и снял металлический пояс.

— А если при Аттиле будет оружие, — подумала она. — Тогда я вырву у него кинжал и заколюсь.

Это была ее последняя надежда.

Тут в спальне послышался шорох, как раз против единственной двери: здесь был повешен тяжелый занавес так искусно, как будто непосредственно покрывал собою деревянную стену, а между тем за ним находилась просторная ниша.

Ильдихо вздрогнула от испуга, ее глаза впелись в занавес, сердце билось учащенными сильными ударами; к ней приближался неумолимый палач.

Да, это был Аттила, и безоружный: она тотчас приметилла это. На нем не было даже пояса, чтобы задушить это чудовище.

Когда он дошел до половины комнаты, перепуганная пленница, как стрела, промелькнула мимо него в нишу позади занавеса, рассчитывая найти там дверь и выломать ее. Но в углублении не оказалось ничего, кроме крепкой дубовой стены без малейшего признака какого-нибудь выхода или лазейки.

Тогда надежда, мужество и сила оставили несчастную: она упала на колени, опираясь на стену судорожно сжатыми руками, и припала к ним прекрасной головкой.

Всесильный хан обернулся. Самодовольная, насмешливая улыбка играла на его чувственный губах. Это бессильное отчаяние, эта беспомощность бесконечно радовали деспота. Всякая робость в нем исчезла, и он понял, что победа, как это бывало уже сотни раз, не будет стоить ему больших усилий.

— Нет, птичка, — со смехом воскликнул он, — из этой западни нет лазейки. Образумься и не будь дурочкой. Ты и не подозреваешь, юное существо, какой великий жребий назначила тебе судьба. Выслушай правдивое пророчество и оно придется тебе по душе. Это предсказание, которого удостоилась иудейская девственница. Той было возведено ангелом, что она родит Бога. Она его действительно родила, но он кончил жизнь на кресте. Ты же родишь мне сына, который будет наследником Аттилы и царем вселенной.

Пристальный взгляд повелителя гуннов загорелся, но вдруг Аттила невольно вздрогнул от испуга.

Как будто невидимая сила заставила королеву вскочить на ноги и стряхнуть с себя всякое смущение.

— Я?... тебе?... сына?... — воскликнула она. — Да я размозжила бы голову этому чудовищу раньше, чем оно увидало бы свет.

Он остоленел, но старался, однако, овладеть собою.

— Тогда ты родишь в золотых цепях — продолжал гунн. — А теперь отдайся мне добровольно; не заставляй меня прибегать к насилию. Ты моя. Никакой бог не спасет тебя от рук Аттилы.

— Но мне поможет богиня! — возразила девушка в набожном порыве. — Моя богиня. Помоги мне, вторая мать, Фригга!

Королевна выпрямилась во весь рост и стояла перед своим мучителем без признака робости, гордая и угрожающая.

Пораженный такой внезапной переменой, Аттила в нерешимости отступил на один шаг назад. Ледяной озноб снова начал пробирать его, но он не дал заметить своего малодушия. Передернув могучими плечами, хан сказал с презрительной насмешкой:

— Посмотрим, как-то Фригга приникнет сюда спасать тебя!

— Она уже здесь! — с восторгом произнесла Ильдихо. — Я чувствую ее близость. Я ощущаю новую силу в своих руках.

И девушка протянула к нему обе прекрасные руки со сжатыми кулаками.

Аттила попятился еще немного к своей постели, его глаза моргали.

— Ты только увеличишь свои мучения, — упрямо возразил он. — Все женщины покорялись мне «под конец».

— Ну а я скорее умру! — воскликнула Ильдихо, наступая на страшного человека.

Ее тонко очерченные брови вздрагивали; блестящие глаза метали молнии смертельной ненависти. Ему казалось, будто бы самые волосы девушки поднимаются дыбом на голове и трещат, издавая искры в полутьме.

— Если ты до меня дотронешься, я тебя удавлю!

ФЕЛИКС ДАН

Аттила содрогнулся, лихорадочный озноб снова пробежал по его членам, он отвернулся в сторону, но тут его взгляд упал на столик с золотым кувшином.

— Вот кстати! Отлично! — прошептал гунн.

Он как бы в изнеможении опустился на постель, отодвинул прочь маленький кубок, схватил обеими руками тяжелый громадный сосуд, наполненный до краев, поднес его к губам и принялся пить.

Страшный человек пил, пил без конца, большими, жадными глотками не останавливаясь и почти опорожнил исполинский кувшин. Тяжелый запах густого, скорее черного, чем красного вина достиг до Ильдихо. Оставалось допить только подонки, но Аттила уже не мог одолеть их. Глубоко переводя дух, он хотел поставить кувшин обратно на стол, но его налившиеся кровью глаза бессмысленно устремились в одну точку. Аттила поставил сосуд мимо, он упал на шкуру полярного медведя, и остатки вина окрасили пурпуром яркую белизну меха.

Не обращая на это внимания, хан причмокнул языком, крякнул и облизал губы.

— А-а! — протянул он. — Как вкусно! Почти так же сладко, как поцелуи! Как глупо... что я так долго... сорок лет... даже более... лишал себя этого! Но я наверстаю потерянное. Правда, вино — точно жидкий огонь. Но... тяжело для головы! Теперь... Ильдихо! Приди ко мне, приди же! Иначе мне надоест твое упорство! Присядь ко мне. Не хочешь? Все еще не хочешь?

Молодая девушка смотрела широко раскрытыми глазами на бессвязно бормотавшего хана.

— Перестань! Не смотри на меня так убийственно! — продолжал он. — Я не могу этого... вынести. Я хочу закрыть... глаза... они закрываются сами собою. Не заснуть ли? Да, недолго, чтобы увидеть сладкие сны! А... когда я проснусь... то выпью еще вина и потом...

Аттила тяжело опрокинулся навзничь и его лохматая голова перевесилась за изголовье. В комнате раздался храп, походивший скорее на предсмертное хрипение. Лицо Аттилы побагровело, рот искривился, темные капли струились оттуда. Было ли то вино или кровь?

Ильдихо подошла к самой постели.

— О Фригга! Благодарю тебя. Теперь бы только достать оружие, — прошептала она в страстном порыве, хватаясь за голову.

Тут ее косы распустились сами собой и упали ей прямо в протянутые ладони.

Между тем на пороге брачной комнаты лежало пятеро гуннов со своим предводителем. Они чутко сторожили покой Аттилы.

На улице все было тихо, у ворот дома также стояли караульные, никого не пускавшие во двор.

Изнутри также не доносилось ни малейшего звука — полнейшая тишина.

Только однажды начальник стражи вскочил с места, приложил ухо к дверям и даже заглянул в замочную скважину.

— Вы ничего не слышали? — спросил он своих подчиненных. — Мне послышался подавленный крик, точно кто-то звал на помощь.

— Ничего не было, — отвечал другой.

— Ничего, — подтвердил со смехом и третий, принимаясь тянуть своего товарища вниз за полу плаща. — Полно тебе подглядывать.

— Да ничего и не видно, — сказал первый, укладываясь на прежнее место. — В спальне совсем темно, лампа выгорела.

— Кроме того, — ухмыльнулся второй, — если кому-нибудь там и приходится плохо...

— То уж никак не нашему господину! — подхватил третий.

Затем наступила полная тишина, караульные ничего не слышали больше.

Короткая летняя ночь прошла, звезды побледнели, и великолепное утреннее солнце победоносно выплыло на горизонт из багрянца зари. Так проходило время, наконец наступил полдень.

В брачной комнате никто не шевелился, ее дверь оставалась запертой.

46.

Еще до полудня старый Хелхал примостился на пороге спальни, терпеливо ожидая выхода Аттилы. Но прошло несколько часов, и старик начал беспокоиться, тем более, что в течение утра в лагерь прибыло с разных сторон немало гонцов с неутешительными и даже угрожающими известиями. Разведчики то и дело доносили, что германские короли и судьи тайно видятся между собою, устраивают сходки. Хелхал выслушал их всех; вскрыл несколько писем и теперь не знал, что предпринять.

Его беспокойство все возрастало.

Хотя он был способен безропотно просидеть целые сутки на жестком пороге, в угоду ханской прихоти, но положение дел не на шутку стало тревожить его. На границу требовали войска для подкрепления, что предвещало мало доброго.

Наконец в сердце верного слуги шевельнулось страшное предчувствие. Прислушавшись несколько раз у дверей, он убедился, что в спальне царствует мертвая тишина.

— Неужели они... так долго спят? Едва ли!

И, стараясь заглушить свои опасения, он опять со вздохом опустил на порог.

Но тут в лагерь примчался новый гонец, весь покрытый пылью. Его лошадь пала у крыльца. Этот человек подал Хелхалу письмо.

— Мы отняли его у одного гепида, посланного королем Ардарихом, — запыхавшись, сказал гунн. — Он вез известие к тюрингенцам и защищал его с таким упорством, что нам пришлось изрубить гонца в куски.

Хелхал разрезал шнуры, заглянул в свиток и тотчас принялся неистово стучаться в дверь рукояткой меча:

— Хотя бы мне пришлось поплатиться головой, но я должен разбудить тебя, Аттила! Вставай, поскорее вставай! Теперь не время спать, как не время пить и целоваться! Отвори, государь,пусти меня. Начинается бунт! Открытое сопротивление со стороны Ардариха! Он собрал... неподалеку отсюда... все свое войско. Суаб Гервальд убежал к нему. Германцы бунтуют!

Нет ответа.

Тут преданный человек крикнул в отчаянии:

— Тогда я сам отопру, несмотря на твой гнев.

Он вынул из поясного кармана данный ему ключ и отпер замок.

Но дверь не поддавалась, хотя старик толкал ее со всей силы руками и коленом.

— Внутренний засов задвинут! Нельзя ничего поделывать! Зачем государь вздумал запереться изнутри?

Караульные со страхом и любопытством ожидали, что будет.

— Уйдите вы отсюда прочь, зубоскалы! — набросился он на них.

Те попятились, точно побитые собаки.

— Аттила! Госпожа Ильдихо! Отворите же. Отодвиньте засов! Важные известия! Германцы готовят восстание!

Тут он услышал, как тяжелый засов медленно и с очевидным усилием отодвинули изнутри. Дверь раствори-

ФЕЛИКС ДАН

лась сама собою. Торопливо вошел в спальню Хелхал и снова захлопнул дубовую дверь.

Перед ним, выпрямившись, стояла Ильдихо, молчаливая, бледная... Это она отодвинула засов. Занавесы на окнах все еще были задернуты. Лампа давно потухла, поэтому, несмотря на яркое полуденное солнце, в комнате царствовал полумрак.

Хелхал пробирался ощупью вперед, стараясь приучить зрение к темноте.

Первое, что бросилось ему в глаза, был громадный золотой кувшин: он валялся, опрокинутый, на медвежьей шкуре; перед ним была багровая лужа. Сначала старик подумал, не кровь ли это, но узнал по сильному запаху крепкое газзатинское вино. Он обошел лужу, направляясь к широкой постели, где неподвижно лежал навзничь его повелитель.

Аттила казался спящим, но одно было страшно: пурпурное одеяло покрывало ему все лицо, кроме широко раскрытого рта.

— Спит он? — тихонько спросил Хелхал новобрачную.

Та ничего не отвечала, продолжая неподвижно стоять на одном месте. Тогда гунн подошел еще ближе и стащил одеяло с лица хана.

Крик ужаса вырвался у старика. Широко раскрытые, но остановившиеся глаза Аттилы были неподвижно устремлены на него. Застывшие черты были искажены судорогой или смертельной болью, все лицо вздуто, затекло кровью, как и белки глаз, почти совсем выкатившихся из орбит. Подбородок, шея и белый шелковый кафтан обрызганы чем-то красным... однако, на этот раз то было не вино. Хелхал не хотел верить тому, что видел пред собою.

— Государь! — крикнул он и стал трясти мертвеца за руку, которая безжизненно упала, когда ее выпустили. — Государь!

Старик с трудом приподнял тяжелое туловище — оно было еще совсем теплое.

— Аттила, проснись! Ведь это только сон.

— Нет, — твердо и спокойно сказала девушка. — Он умер.

— Умер? — дико вскричал старик. — Не может быть! — И он в испуге отскочил.

Полуприподнятое мертвое тело тяжело опрокинулось навзничь.

— Умер? В самом деле умер? О горе! Я вижу кровь. Он часто страдал кровотечением из горла. Это вино убило его!

— Нет, это я задушила твоего господина. Он заснул хмельной, но проснулся опять и хотел... овладеть мною. Тогда я задвинула засов, чтобы вы не могли прийти к нему на помощь и задавила его своими волосами.

— Убит женщиной! — в отчаянии воскликнул Хелхал, теребя себе волосы и бороду. — Молчи, несчастная! Проклятая! Беда, если гунны узнают это! Тогда они потеряют голову. О великий Аттила, павший от руки женщины! Его душа осуждена теперь навеки жить в теле презренного пресмыкающегося.

И старик, в диком порыве горя, бросился на колени перед трупом, покрывая поцелуями его лицо и руки. Молодая девушка напряженно вслушивалась в речи гунна: ей было известно, что гунны верили в переселение душ, и она поняла, какое важное значение может иметь для них род смерти Аттилы.

— Неужели это правда? — жалобно повторял между тем верный слуга, вскакивая с колен и снова бросаясь на труп хана; он так охотно усомнился бы в словах королевны.

— Неужели ты думаешь, что Ильдихо может лгать? Неужели ты полагаешь, что мне легко было прикоснуться

ФЕЛИКС ДАН

этими руками к чудовищу? Но борьба была непродолжительна: хмель сделал его почти беззащитным.

— Нет сомнения, — говорил про себя старик. — У него между зубов остались еще пряди желтых волос германки. О, какой ужасный вид! — Он взял большой ковер, служивший одеялом, и накинул его на лицо задущенного. — Я не могу на него смотреть! А ты, злодейка, погоди! Еще три дня защищает тебя великий праздник, а на четвертый ты будешь предана лютой казни вместе со своими...

И Хелхал передал караульным с приказанием заключить ее в одну из высоких деревянных башен с плоской крышей, которые красовались на каждом перекрестке в лагере и служили темницами.

— Смотрите — запереть ее одну, — скомандовал старик, — но не вместе с отцом и молодым скиром, а также не с Эллаком. Перед запертыми дверьми поставить трех караульных. Если ей удастся бежать, стража будет казнена.

По его знаку молодую девушку схватили и увели. С глубоким вздохом облегченья вышла она из брачной комнаты, сделавшейся комнатой смерти.

— Мы повинемся, князь, — заговорил начальник караула, с удивлением оглядываясь в комнате. — Но где же... ведь он не переступал через порог... Где государь?

— Вот он! — простонал старик, поддаваясь взрыву гора. — Он умер! — И Хелхал откинул ковер.

— Умер? Аттила?..

— Увы!

— Умер? Значит, убит!

— Но кем?

— Никто не входил сюда!

— Мы лежали на пороге.

— Значит, убит женщиной!

Так кричали гунны, перебивая друг друга.

— Нет! Не убит! — загремел Хелхал, выпрямляясь. — Как могли это подумать! Чтобы он поддался молодой девушке! Он, сильный, как вол, мужчина! Вот взгляните на этот громадный кувшин: вы знаете, господин никогда не пил вина, а сегодня он осушил этот сосуд залпом и умер от удара, блаженной смертью, упоенный вином и любовью. Завидный конец! Позовите сюда Дзенгизица, Эрлака и прочих князей; пусть они узнают и возвестят гуннскому народу, что наш славный вождь умер прекрасной смертью!

47.

Потрясающей, величественной в своей варварской дикости была печаль гуннов о потере могучего вождя, единственного великого человека, который вышел и должен был выйти из их среды. Все эти тысячи народа, по-видимому, инстинктивно сознавали перед трупом Аттилы, что в лице его уничтожен твердый оплот их могущества. Он служил крепким обручем, который один связывал между собою хрупкие, сами по себе, стрелы гуннских орд, и создал из них непобедимую силу. Гунны понимали, что мощь и слава их народа умерли вместе с Аттилой, что их счастливая звезда закатилась.

Взрывы отчаяния со стороны мужчин, женщин и детей, приходивших в спальню убитого, не знали границ. Всесильный хан не только внушал к себе страх и благоговение, как высшее существо, но, вместе с тем, несмотря на строгость, был любим своими подданными, служа совершенным в своем роде воплощением всех особенностей, достоинств и недостатков гуннского племени.

Все, приходившие поклонится своему умершему вла-

ФЕЛИКС ДАН

дыке, бросались ниц перед его брачным ложем, обратившись в ложе смерти, кричали и выли, колотя себя в грудь, теребя жидкие волосы и разрывали на себе одежду. Один из многих тысяч этих печальников, бросившись на труп властелина, не поднимался больше. Это был Зерхо, уродливый карлик, придворный шут, вызывавший всеобщие насмешки своим безобразием. Аттила десятки лет защищал его от обид и грубых шуток своих приближенных.

— Ты умер! — воскликнул он, рыдая. — Как будет теперь жить бедный Зерхо?

И он вонзил себе в сердце нож в ногах постели.

Долго, долго, безостановочно дни и ночи продолжался этот плач в опочивальне покойного. Дзенгизиц, Эцендруль, Хелхал и Эрлак поочередно вводили туда толпы простого народа. Красавчик Эрлак скорее всех осушил слезы. Князь Эцендруль вечно нашептывал ему что-то и, под влиянием этих внушений, мальчик напустил на себя важность и держал себя гордо даже с братом Дзенгизицем.

Эрлак, заключенный в деревянной башне, узнал от Хелхала о смерти отца. Он, очевидно, не поверил сказке старого гунна, утверждавшего, что Аттила умер от удара.

— А что случилось с Ильдихо? — был первый вопрос молодого князя. — Сделалась ли она супругой хана? Как ты намерен с ней поступить?

— Она останется в тюрьме до тех пор, пока не будет казнена вместе со своими.

— После этого я не могу поверить, что она была женой хана и что отец мой умер от паралича. Хелхал не стал бы убивать супруги своего государя. Ты сам выдаешь себя своею жестокостью. Ильдихо не вдова Аттилы, это она его...

— Молчи, если тебе дорога жизнь! — сердито пригрозил старый гунн.

— Выпусти меня хотя бы ненадолго на свободу, —

молил между тем Эллак. — Я хочу переговорить с королевой.

— Молчи, влюбленный глупец и неблагодарный сын! Ты останешься под стражей до тех пор, пока... пока твоя германка не будет больше нуждаться ни в чьей защите. Я сердился на Дзенгизица, который не соглашался выпустить тебя на свободу в такую минуту, когда весь народ Мунднука находится в смятении. Я всегда думал о тебе лучше, чем твой отец и брат. Но Дзенгизиц остался непреклонен: ты посажен в тюрьму отцом и тебя ожидает суд всех братьев и князей, которые одни только могут решить твою участь. Но я все-таки хотел освободить тебя, несмотря ни на что; теперь же, убедившись в твоём безумии, оставляю тебя здесь до тех пор, пока совершится мщение, в котором я поклялся на ухо великому мертвецу!

48.

Так прошел первый день великого праздника гуннов. Теперь они стали готовить торжественные похороны. Прежде всего, мужчины выбрали себе догола бороды с правой стороны, а женщины обрезали волосы, также с правой стороны головы; потом мужчины исполосовали себе обе щеки такими ранами, что в них мог войти палец. Женских воплей и слез было недостаточно, чтобы оплакать смерть великого вождя. Достоинство почтить ее могла только кровь мужчин.

После того на большой площади среди лагеря, на так называемом «круге», где происходили смотры войскам и собрания народа, а также военные учения, скачки и бега, была выставлена одна из величайших драгоценностей всей ханской орды — необыкновенно высокий и обширный шатер из чистого шелка темнопурпурного цвета. Эта редкость была прислана из Китая богдыханом в Тибет,

потом попала в Персию, там овладел ей, в лучшие дни Византии, римский полководец и привез ее с военной добычей в столицу. Аттила, узнав от своих посланников об этом сокровище, постарался овладеть им, поставив непременно условием одного из своих жестоких договоров, чтобы ему прислали эту роскошную вещь. Бесхарактерный император не смел отказать притеснителю.

Итак, этот шатер, где Аттила только изредка принимал иностранных королей, желая ослепить их своим блеском, был раскинут теперь на своих подставках из чистого золота посреди площади. Золотой дракон с подвижными крыльями, хлопавшими от ветра, с высунутым языком и закрученным хвостом, красовался на верхушке среднего шеста.

Внутри палатку снизу доверху украшало взятое в добычу от врагов оружие и конская сбруя, униженная жемчугом и драгоценными камнями. Сюда-то принесли покойника в золотом гробу; золотой гроб поставили в серебряный, а серебряный в железный. После этой церемонии Дзенгициц, Хелхал, все знатные вельможи гуннов и все простолюдины, владевшие конем, собрались в числе нескольких тысяч, выстроились рядами и стали объезжать вокруг шатра; сначала три раза шагом, потом три раза рысью, три раза галопом и три раза во весь карьер. Пешие сгруппировались возле самой палатки, в центре круга; при этом все присутствовавшие пели или скорее выли, причем их голос часто переходил в рыдания, погребальную песнь, нарочно сочиненную для этого случая любимым певцом Аттилы, Друлксалом, который получал такие щедрые награды от своего государя.

О великий сын Мундзука,
Повелитель храбрых гуннов,
Храбрых гуннов повелитель,
Всех племен земли владыка!
Ты мечом своим победным

Покорил себе сарматов,
Вендов вольных и германцев,
И под скипетром Аттилы
Много царств соединилось.
Городов ты много сотен
Взял себе у двух империй.
Пред тобою трепетали
Императоры на тронах,
И, спасти чтоб хоть остатки
Разоренных их владений,
Ежегодно посылали
Дань тебе беспрекословно.
Да, неслыханная слава
О тебе распространилась
Меж народами вселенной.
Пуру — бог войны всеильный —
Дал тебе свой меч победный
И тебя своим любимцем
Он нарек в ночном виденьи.
Дал тебе и бич он в руки,
Чтоб народы все покорно
Храбрым гуннам подчинялись.
И, окончив славный подвиг,
Умер ты блаженной смертью.
Неожиданно пресеклись
Дни твои не в поле ратном,
Не от вражьего булата,
Не от заговора близких,
Не от дряхлости, болезни:
Ты скончался без мучений
В упоении блаженства!
И народ осиротелый
Никаких не терпит бедствий.
Умер ты в расцвете силы

ФЕЛИКС ДАН

У красавицы в объятиях,
В вечность ты переселился
Безо всяких мук предсмертных,
И за мирную кончину
Никому не надо мщенья.
В золотом гробу положен
Славный витязь, потому что
Гордый Рим — покорный данник —
Нес Аттиле горы злата.
В серебре тебя хороним,
Потому что Византия
Серебром тебе платила.
А железный гроб последний
Означает, что железом
Сокрушал врагов Аттила.
И теперь твой дух великий
В величайшего героя
Перешел, чтоб трон Аттилы
Не утратил прежней славы.
И, твое занявши место,
Новый вождь, о сын Мундзука,
Поведет к победам новым
Твой народ великий — гуннов, —
И господства во вселенной
Никогда мы не утратим,
Вражьей силы не боимся...

Погребальная песня не была допета до конца.

Завывание гуннов было неожиданно прервано появлением отряда всадников, между которыми были самые знатные из свиты и домашних мальчика Эрлака. Они мчались сломя голову, точно спасаясь от преследования, и кричали в испуге: «На помощь!.. На помощь!.. К мщению!.. Гепиды!.. Король Ардарих ворвался в лагерь!»

Так действительно и было.

Гервальд привел сюда своего союзника.

Ускользнув из-под надзора «почетного караула», аллеман скрывался в самом лагере: попытка бежать отсюда ему не удалась. Но когда известие о внезапной смерти властелина поразило громовым ударом все население, поднялась такая суматоха, что даже стража, поставленная у ворот, бросилась к ложу смерти, которое сделалось магнитом, неудержимо тянувшим к себе всех. Гервальд отлично воспользовался удобной минутой, он захватил первую попавшуюся гуннскую лошадь и бежал через южные ворота, между тем как владелец коня катался по полу в опочивальне Аттилы, рвал на себе волосы и выл, точно голодный шакал.

Гервальд узнал, что король Ардарих находится поблизости во главе значительного войска, на юге от Тиссы и лагеря Аттилы, в пограничном лесу, который тянулся на далеком протяжении, разделяя собой землю гуннов и генидов.

Граф скакал во весь опор, пока не достиг форпостов генида. С большим волнением передал он королю Ардариху о страшном происшествии в лагере гуннов и заклинал его поспешить с освобождением пленных. Этого Ардарих мог добиться своим влиянием, а в случае крайности прибегнуть к силе. Ближайшею их целью было спасти друзей, приговоренных к страшной казни, но, вместе с тем, это могло послужить первым шагом к общему делу освобождения. Со смертью грозного владыки храбрый Гервальд потерял всякий страх перед могуществом гуннов.

Король Ардарих не колебался ни минуты. Вздохнув с облегчением, он заговорил:

— Настал великий, давно желанный час. Он пришел

раньше, чем мы надеялись, и не должен застать нас малодушными и медлительными. Я сейчас отправляюсь с тобою.

Гепид хорошо знал, как незначительны были собранные им силы против нескольких десятков тысяч гуннов в лагере; кроме того, он мог своевременно прибыть для спасения пленных только со своею конницей, состоявшей всего из двух тысяч человек, потому что в его войске, как и у всех германских народов, преобладала пехота. Тем не менее Ардарих даже не успел осушить свой рог, за который хотел приняться в момент появления Гервальда, и приказал своим всадникам садиться на коней, а чтобы удвоить их число, велел каждому из них взять по одному пехотинцу, который то ехал на лошади позади всадника, то бежал рядом, держась за ее длинную, развивавшуюся гриву. Ядро этого конного отряда составляла верная свита короля на отличных лошадях, снабженная превосходным оружием, полученным в дар от щедрого Ардариха. Но этих отлично вооруженных людей было не более двухсот.

— В дорогу, воины! — воскликнул король, усевшись на свою громадную боевую лошадь карей масти. Норны* призывают нас! Сама богиня судьбы, Урда, манит вас рукой. Аттила лежит мертвый. Скачите же так, как еще никогда не приходилось вам скакать: впереди вас ждет свобода!

И конница помчалась, звеня оружием, по старой, еще хорошо сохранившейся римской дороге, с юга от Дуная на север к Тиссе, на левом берегу которой стоял лагерь Аттилы.

Через несколько часов быстрой езды перед гепидами показались первые хижины гуннской столицы.

* Норны — богини времени и судьбы. Их было три: Урда — богиня прошедшего, Веранда — богиня настоящего; Скульда — богиня будущего. По имени первой получил название священный источник живительной воды.

Стража у ворот беспрепятственно пропустила Ардари-ха, который пользовался у хана величайшим почетом, наравне с амалунгом Валамером.

В самом лагере гепиды наткнулись прежде всего на страшную процессию. Приближенные молодого князя Эрлака, желая приобрести ему больше сторонников, возили мальчика по улицам в зубчатой золотой диадеме на черных волосах и в широком пурпурном плаще с золотыми блестками и шитьем. Это тяжелое царское одеяние совершенно не шло к несложившейся тонкой фигуре мальчика.

Великого завоевателя не успели еще похоронить, а между его многочисленными наследниками уже возникли распри из-за верховной власти. Сыновей у Аттилы было так много, что они, по словам современников, составляли сами по себе маленький народ. Многие из них были еще моложе Эрлака, а большинство взрослых находились в отсутствии. Они были рассеяны по всем областям обширного государства, где состояли, по назначению отца, чиновниками, наместниками, полководцами, предводителями войск и посланниками. Но несмотря на это, возле трупы Аттилы не было недостатка в сыновьях, которые, положим, не помышляли еще о немедленном разделении громадного наследства, — на это они рассчитывали потом, в виде награды за свои заслуги, — но уже составляли партии за Эллака, Эрлака, Дзенгизица и других братьев, выдававшихся своим значением. Таким образом возле одра умершего начались уже опасные распри, грозившие быстро перейти в кровавые междоусобия, что представляло для германцев удобный случай стряхнуть с себя иго всех этих претендентов на гуннский престол.

Воспитатель, оруженосец, домоправитель принца Эрлака, а в особенности князь Эцендруль, брат воспитателя, еще при жизни отца тайно распускали слух, как между населением лагеря, так и между ордами, кочевавшими в

ФЕЛИКС ДАН

провинциях, будто бы Аттила в присутствии гуннских сановников заклинал их быть свидетелями того, что он назначил красавца-мальчика своим единственным наследником; все же остальные сыновья должны царствовать лишь как подвластные Эрлаку короли и вполне зависть от него.

Немедленно после смерти хана приверженцами Эрлака были повсюду разосланы гонцы из лагеря с известием о предстоящем воцарении мальчика. В самой гуннской столице агитаторы не осмеливались действовать открыто, опасаясь жестокого и решительного Дзенгизица; Эллак же их не стеснял, потому что был лишен свободы отцом и не пользовался популярностью между гуннами за свое полугерманское происхождение. Но зато партия Эрлака делала все возможное, чтобы подготовить успех своего предприятия; она старалась возбудить в жителях столицы сострадание и привязанность к осиротевшему ребенку, который пользовался особой любовью отца, что было всем хорошо известно. Возвышение Эрлака, разумеется, сузило могущество и несметные богатства тем, кто стоял ближе всех к юному наследнику.

Таким образом устроилась полушутовская процессия с будущим властелином во главе; к ней примкнула масса народа. За мальчиком на белой лошади, с криками воодушевления ехали всадники и бежали пешеходы, прославляя доблести великого отца и красоту очаровательного ребенка.

Один из караульных у ворот оставил свой пост и помчался вперед доложить наследнику хана о прибытии Ардариха.

— Наконец-то он явился, ленивый германский пес! — воскликнул мальчик, поднимаясь на высоких золотых стремянах и заглядывая через головы своей свиты. — Я проучу его, как заставлял дожидаться своего государя!

В последнее время Аттила сделался слаб от старости и распустил народ.

Эрлак немилосердно хлестнул девятиконечной гуннской нагайкой по бедрам лошади, вонзил ей шпоры в бока, так что брызнула кровь, и поскакал вперед всех навстречу гепидам.

— Где ты так долго пропадал, Ардарих? — крикнул он неприятным пронзительным голосом королю.

Завидев князя, гепид натянул поводья и остановился как вкопанный, точно вылитая из бронзы статуя, на своем высоком боевом коне. Темный плащ спускался свободными складками с его могучих плеч, шлем осеняли два орлиных крыла, из-под него выбивались волной темнорусые длинные локоны с золотистым отливом, подернутые легкой сединой. Он опустил копье острием вниз, в знак мирных переговоров. Эта фигура — олицетворение царственного величия и сдержанной силы — должна была внушать всякому благоразумному человеку невольное почтение, робость и даже осторожность.

Но в Эрлаке славянская необузданность смешивалась с гуннской дикостью и дерзким самомнением будущего деспота.

— Где ты так долго пропадал, гепид? — продолжал он. — Мой покойный отец умер в гневе на тебя: ты заставил Аттилу дожидаться, и этого тебе никогда не простят. Я наследовал царство и вместе с тем право наказывать тебя. Нечего сидеть передо мной так гордо на лошади! Прочь с седла, заносчивый германец! На колени! Целуй мне стремя и жди моего приговора! — И он махнул по воздуху своим гуннским кнутом.

Ардарих молчал, не двигаясь с места, но его серые глаза, блестящие, как сталь, грозно обратились на дерзкого мальчика. Тот нетерпеливо пришпорил лошадь и подъехал ближе к королю.

ФЕЛИКС ДАН

— Ну что же! Скоро ли ты пошевелишься, низкий раб?

— Я не стану вести переговоров с ребенком, — ответил Ардарих, взглянув через голову мальчика на его свиту. — Но вы, гуннские князья, и ты, Эцендруль, выслушайте мои слова. Только Аттиле обязан был я верностью и повиновением, а не его сыновьям. Но в память великого отца я подам вам добрый совет: не заводите распри, которая может кончиться плохо. Пускай германцы предстанут на общий суд германцев и гуннов, и пускай...

— Молчи! Никто не спрашивает у тебя совета, дерзкий раб! — крикнул Эрлак. — Я — твой государь, и ты сейчас убедишься в этом.

— Никогда, князь Эцендруль, не стану я служить этому юноше: время подчинения прошло! Мы с амалунгом Валамером с этих пор свободны, и я советую вам, гуннские князья, предоставить свободу и другим германским народам. А если вы не захотите, то вас все равно принудят к тому силою.

— Нет! — закричал Эрлак. — Как баранов одного стада, как невольников одного поместья, поделят вас между наследниками вашего господина. Ваши народы будут рассеяны по разным странам: одна часть генидов достанется мне, другая — Дзенгизицу, остальные будут разделены по жребию между шестью братьями. Я покажу вам себя, германские собаки! — Он размахнулся и ударил кнутом королевского коня по голове, так что тот взвился на дыбы.

Ардарих тотчас усмирил его шпорами, но после того поднял опущенное к земле копьё.

— Берегись, предостерегаю тебя! Если ты ударишь еще раз...

— Посмотрим! — взвизгнул Эрлак. — Пленный иудей рассказывал мне недавно интересную историю про одного царского сына из своего народа. Подданные вздумали

роптать на него, а наследник престола сказал: «мой отец бил вас розгами, а я буду бить скорпионами». Пусть это послужит тебе уроком, германец.

И он взмахнул кнутом, собираясь ударить короля в лицо.

— Так умри же, ядовитый змееныш! — вскричал тот и, прищпорив коня, вонзил копье сквозь позолоченную кольчугу Эрлака прямо ему в грудь с такой яростью, что острое прошло между плеч.

Но жизнь самого Ардариха висела в эту минуту на волоске. Прежде чем он успел вытащить оружие из тела опрокинувшегося навзничь мальчика, князь Эцендруль был уже возле него и с криком: «смерть убийце ребенка!» взмахнул кривой саблей над головой гепида. Но рука гунна не успела опуститься для рокового удара, как ему попал в лоб меткий дротик, пущенный Гервальтом.

— Смелее, гепиды! Нас ждет свобода! — крикнул аллеман, выхватывая из-за пояса боевую секиру.

С криками торжества бросились всадники Ардариха на врагов, ошеломленных смертью своих обоих предводителей. Яростный натиск сильных германских коней заставил гуннскую конницу пуститься врассыпную. С диким воем помчались гунны обратно в лагерь, настигаемые торжествующими германцами.

50.

Беглецы и преследователи, конечно, должны были остановиться, достигнув площади, запруженной народом; здесь толпились тысячи конных и пеших гуннов вокруг пурпурного шатра своего умершего властелина. Но еще во время пути гепидов встретила неожиданная удача.

ФЕЛИКС ДАН

Когда Ардарих мчался со своим отрядом мимо высокого углового дома на повороте одной из улиц, караульные, стоявшие у входа, обратились в бегство, увидев происходившее. В ту же минуту раздался крик о помощи на готском языке и знакомые голоса окликнули короля гепидов по имени.

Гервальд в один миг спрыгнул с коня и прорубил секирой деревянную ставню, задвинутую железным болтом. Она закрывала окно подвала, оттуда тотчас вылезли Визигаст и Даггар со своею свитой. Их встретили радостными криками и немедленно снабдили оружием, после чего десятеро вооруженных узников присоединились к своим избавителям. Только теперь узнали они о смерти Аттилы, так как часовые тщательно скрывали от них это великое событие. Илькихо спаслась от позора, но, по словам Гервальда, была заключена в тюрьму неизвестно где.

По прибытию на площадь, германцы убедились, что положение их принимает критический оборот. Перед ними были бесчисленные массы гуннских воинов, конных и пеших, а предводители их, в том числе Дзенгизиц и Хелхал, расспрашивали запыхавшихся беглецов о кровавом происшествии у южных ворот.

Весть о смерти Эрлака и князя Эцендрула привела их в ярость. Они со своими подчиненными мерили глазами незначительные силы Ардариха, увлеченного за пределы благоразумия великодушным желанием спасти пленных. Гибель гепидов казалась неизбежной.

— Эрлак заколот! Эцендрул убит! — вскричал Дзенгизиц. — Клянусь тебе, отец мой Аттила, отомстить за них!

Роковая развязка приближалась.

Двухтысячному войску грозила неминуемая гибель гораздо раньше, чем к нему могла подоспеть на помощь пехота Ардариха, хотя бы даже для того, чтобы прикрыть неизбежное отступление.

Дзенгизиц, размахивая нагайкой, еще раз объехал первые ряды гуннов, ободряя и выстраивая их для атаки.

— Вперед, сыны Пуру! — воскликнул он. — Следуйте за мной! Ведь вы слышали от своих жрецов и сами пели вслед за ними погребальную песню по своему вождю? Там говорилось, что его великий дух, после блаженной кончины, переселился в другого настолько же великого героя. Я чувствую, что этот избранник — я сам! Следуйте за мной! Дзенгизиц поведет вас к победе, Дзенгизиц обратился теперь в самого Аттилу!

После воззвания молодого князя, наступила глубокая тишина. Гунны благоговейно склонили головы и скрестили руки на молитву, готовясь бесстрашно ринуться на неприятеля. Казалось, гепиды погибли безвозвратно.

Но тут произошло непредвиденное обстоятельство.

51.

Неожиданно, после грозного затишья перед бурей, раздался громкий возглас на гуннском языке: — Ложь! Все ложь!

Голос прозвучал откуда-то сверху, точно с неба.

Изумленные германцы и ошеломленные гунны взглянули вверх по тому направлению, откуда послышался крик.

На плоской крыше высокой деревянной башни увидели они женскую фигуру в светлой одежде; ее голову окружало как будто сияние. То была Ильдихо: волосы королевны отливали золотом при ярком блеске заходящего солнца. Заметив, что на нее обращено всеобщее внимание, молодая девушка заговорила громким, властным, далеко раздававшимся голосом, обращаясь к многотысячной толпе, которая слушала ее, затаив дыхание:

ФЕЛИКС ДАН

— Гунны, вам сказали неправду! Вас обманули! Аттила умер не от того, что изошел кровью. Он погиб от руки женщины: это я, Ильдихо, задушила его, хмельного, своими косами. Вот почему у него остались в зубах желтоватые волосы.

Эти слова произвели неслыханное действие на гуннов. Девушка в светлом платье, стоявшая на высоте с гордой осанкой, в ореоле золотых кудрей, показалась суеверной толпе каким-то сверхъестественным существом. Ее благородная фигура, мужество, доходившее до безрассудства, и правдивость, звучавшая в голосе, не допускали никаких сомнений в истине сказанного ею.

— Горе нам! Горе!

— Погиб от руки женщины...

— Как и его отец!

— Над ними тяготеет проклятие!

— Оно исполнилось над Аттилой!

— И будет продолжаться дальше...

— Из рода в род!

— Горе его сыновьям!

— Ах, он осужден навеки!

— Осужден пресмыкаться, как поганый червь.

— Горе нам! Горе!..

— Какой ужас!

— Побежим прочь от его проклятого трупа.

— Гибель приносит каждому близость такого покойника!

— Гибель и смертельное проклятие!

Эти вопли и крики потрясали воздух над площадью. Гунны, как безумные, кидались во все стороны, кричали, выли, бросая в своем безумстве оружие. Всадники немилосердно хлестали нагайками лошадей, спеша ускакать с проклятого места, обгоняя и даже давя под копытами пешеходов — женщин и детей.

Точно степной песок, гонимый ветром, неудержимо стремились эти несметные толпы подальше от площади, где в пурпурной палатке спал непробудным сном их великий вождь. Час назад они осыпали его почестями, а теперь этот труп стал для них предметом отвращения.

Ужас и отчаяние обратили тысячи народа в бегство.

Напрасно предводители войск и князя пытались остановить их; напрасно маститый Хелхал, собрав вокруг себя жалкую горсть людей, заклинал их не оставлять покойника в жертву неприятелю, а Дзенгизиц уложил не одного гунна ударами своей нагайки: его самого столкнули с лошади, сшибли с ног и он был затоптан сотнями людей, бежавших со всех сторон, не разбирая ничего. Молодой князь исчез под копытами лошадей, ему грозила верная смерть.

Тогда Хелхалу удалось взобраться на верхнюю ступень эстрады, на которой возвышался пурпурный шатер. Отсюда он крикнул шумевшей толпе:

— Неужели вы поверили германке? Ведь она лжет! Как, неужели и ты бежишь, храбрый Дзортильц! Ведь она лжет!

И он схватил обеими руками за плечи дюжего воина, бежавшего мимо. То был начальник стражи, который вместе с Хелхалом обмывал труп и обряжал его. Но Дзортильц, обезумев от ужаса, вырвался от старика и закричал:

— Нет, она не лжет! Пусти меня! Бегите, друзья, бегите от этого проклятого мертвого тела! Я видел своими глазами желтоватые волосы у него в зубах, и тогда еще у меня мелькнуло подозрение. Германка сказала правду: она задушила его своими косами. Бегите!

Он со всех ног бросился прочь от шатра, и всюду, куда достигал его голос, паника возрастала.

Только небольшая кучка преданных рабов и двое-трое

ФЕЛИКС ДАН

домашних хана, сдавших на угрозы и мольбы Хелхала, остались охранять мертвеца. Старик боялся, что германцы, ворвавшиеся в лагерь, предадут поруганию покойника.

Между тем германцы и не помышляли об этом. Спасенные почти чудом от неминуемой гибели, они еще не знали, на что решиться. Кроме этого, им ежеминутно приходилось защищаться то с той, то с другой стороны. Хотя гунны не думали ни нападать на них, ни мстить за убийство Эрлака, но в своем безумном бегстве они бросались на гепидов с целью проложить себе дорогу сквозь их ряды к южным воротам и ускакать из лагеря, причем сыпали удары направо и налево, не щадя ни своих, ни чужих. Таким образом там и сям происходили мелкие схватки, которые не причиняли вреда германцам, потому что гунны действовали бессознательно, и гепидам удалось скоро оттеснить их совсем, причем никто из войска Ардариха не был убит в общей свалке.

Однако Визигаст, Даггар и двое человек из их свиты напрасно старались пробраться с южной стороны через площадь к северо-восточному ее углу, где находилась тюрьма Ильдихо. Протиснуться сквозь густую толпу всадников и пешеходов, женщин и детей, было слишком трудно. Между массой бегущих носились также лошади, потерявшие седоков.

Даггар уложил на месте коротким копьем не одного гунна, преграждавшего ему дорогу, и продолжал с трудом продвигаться вперед, не спуская глаз с плоской кровли, где виднелась высокая фигура Ильдихо. Молодая девушка много раз пыталась отворить дверь своей темницы, прежде чем страх и волнение, вызванные возроставшим шумом на площади, заставили ее подняться по приставной лестнице на крышу, чтобы видеть оттуда происходившее. Все окна в доме, как и единственная дверь, были закрыты снаружи ставнями и задвинуты железными засовами.

Даггар постепенно пробирался к башне, очищая себе путь гневными ударами направо и налево, между тем как Ардарих выстроил своих гепидов, ожидая нападения Хелхала, которому удалось-таки собрать вокруг себя достаточные силы, чтобы напасть на врагов.

Вдруг Визигаст громко крикнул:

— О Даггар, взгляни навверх: Ильдихо погибла! Вон там на крышу к ней подбирается гунн.

Даггар остановился и поднял голову.

— Дзенгизиц! — простонал он. — О, вот они борются!..

Продолжая наносить страшные удары встречным беглецам, Даггар быстро подавался вперед, хотя понимал, что ему невозможно поспеть на выручку невесты. Борьба между остервеневшим злодеем и молодой девушкой была слишком неравна, но королевича окрыляла жажда мести и отчаяние. Он так и сыпал удары, бешено размахивая оружием.

52.

Сбитый с ног, затоптанный конскими копытами, Дзенгизиц не был, однако, убит. С невероятными усилиями удалось ему подняться с земли. Платье князя было все в клочках, копье и нагайка изломаны в куски, все тело мучительно ныло от множества ушибов и ссадин, кровь текла ручьем по лицу: в общей свалке кто-то распорол ему острой шпорой правую щеку сверху донизу. Дзенгизиц и всегда был олицетворением гуннского безобразия, но теперь, вывалявшись в грязи, растрепанный, оборванный, покрытый кровью, с лицом, искаженным от бессильного бешенства, он походил на дьявола.

Поднявшись на ноги, гунн пошатнулся: его силы были истощены отчаянной борьбой, смертельным страхом и

ФЕЛИКС ДАН

болью от раны. Заметив стоявшую рядом с ним лошадь без седока, Дзенгициц удержался за ее гриву, приник головой к ее спине, закрыл глаза и перевел дух. Новая толпа подскакавших беглецов опять грозила смять его, но передние всадники узнали князя и постарались удержать остальных.

— Это ханский сын, — крикнули они. — Дзенгициц!.. Стойте, не раздавите его!

Под таким прикрытием Дзенгициц собрал остаток сил и вскинул глаза на крышу, где стояла Ильдихо.

Большая толпа бегущих гуннов, теснимая Даггаром с юга, отделяла его от тюрьмы королевны.

— Пропустите меня! — крикнул он хриплым голосом. — Я прошу вас! Слышите ли? Дзенгициц просит.

В этой мольбе было столько убедительности, что стоявшие поблизости расступились в смущении и растолкали других.

— Дзенгициц просит! Этого никогда не бывало!

— Дорогу ханскому сыну!

— Чего ты желаешь, господин!

— Также бежать?

— Нет, отомстить! — отвечал князь, скрежеща зубами.

Он растолкал последние редкие ряды беглецов, отделявшие его от башни, выхватил кривой нож из-за пояса и бросился к двери. Но она была крепко заперта, это до сих пор спасало Ильдихо, так как многие гунны, несмотря на беспорядочное бегство, пытались отомстить за своего государя дерзкой убийце, громко хвалившейся своим злодейством.

Караульные, стоявшие у входа, бежали еще вначале всеобщего смятения, а некоторые были увлечены бегущими против воли. Между тем дверь темницы была заперта, кроме засова, еще на замок, а часовой, имевший при себе ключ, исчез вместе с другими. Таким образом

ни один гунн напрасно старался проникнуть в тюрьму и должен был отказаться от своей попытки, спеша спастись бегством.

Поэтому Дзенгизиц нашел железный засов уже отодвинутым, но, попробовав выломать тяжелую дубовую дверь ногою, разразился проклятиями. Замок также не подавался под ударами его кулака и кинжала.

— Топор, секиру! Целый дом, полный золота, за секиру!

— Вот, Дзенгизиц, тебе секира! — крикнул один из гуннов, бежавших мимо. Он выхватил оружие из-за пояса и бросил князю; тот поймал его налету.

— Га, я проучу тебя, подлый трус! — гаркнул сын Аттилы вслед беглецу, и тотчас разможил ему голову добытой им секирой.

Через минуту он опять стоял у дверей, разбивая замок могучими ударами. Стук его топора заглушал дикий вой женщин и мужчин; немудрено, что его услышали в соседних домах.

Угловое здание напротив было также крепко заперто снаружи и стража от него разбежалась. Действия Дзенгизица привлекали внимание человека в подвале, который стал присматриваться к происходившему сквозь щели ставней.

Вдруг эти любопытные глаза исчезли.

53.

Ильдихо заметила сверху магическое действие своего смелого признания с гордостью и восхищением, которые, однако, скоро сменились испугом.

Она слышала отчаянный вой гуннов, видела страшную суматоху, поднявшуюся между ними, наконец, беспорядочное бегство врагов и стычки с германцами. Она узнала

издали Даггара и отца, которые с невероятными усилиями пробирались к ней, прокладывая себе дорогу оружием. Гунны падали вокруг них, но они все же слишком медленно подвигались к цели.

От исхода отчаянной борьбы, происходящей у нее на глазах, зависела участь Ильдихо, и она напряженно следила за кровавой драмой на площади. Нагнувшись через перила плоской кровли, девушка не смущалась, когда стрела, пущенная наудачу одним из беглецов в ненавистную убийцу хана, вонзалась у ее ног в деревянную стену или пролетала над ее головой.

Поэтому оглушительный стук топора у двери тюрьмы также не показался ей подозрительным. Ее взгляд был устремлен на площадь, а не на улицу сбоку.

Вдруг Ильдихо услышала, что ее назвали по имени. Она оглянулась и увидела на плоской крыше соседнего дома напротив, человека, кричавшего ей так громко, что его голос заглушал крики гуннов и стук топора.

— Ильдихо! Ильдихо! Беги, он тебя убьет! Спустись с крыши в подвал и спрячься. Он может ворваться каждую минуту.

— Эллак! Ты здесь? — крикнула девушка. — Что с тобой?

— Не спрашивай. Спрячься, мне слишком далеко до тебя!

Он измерил тревожным взглядом пространство, разделявшее обе крыши. — Нет, я не могу перепрыгнуть! Спасайся, он убьет тебя!

— Кто?

— Мой брат! Дзенгизиц! Он выламывает дверь внизу и сейчас поднимется по лестнице! О боги, он уже там.

Действительно, в узком люке, выходящем на кровлю башни, показалась в эту минуту отвратительная голова гунна с окровавленным искаженным лицом. Топор он

бросил вниз у выломанной двери, а нож держал в зубах, чтоб скорее подняться на приставную лестницу, держась за перекладины обеими руками.

Дочь Визигаста обладала редким мужеством, однако при виде Дзенгизица она вскрикнула от ужаса и одно мгновение была готова перепрыгнуть через перила на улицу, только бы не попадаться ему в руки. Но один взгляд с высоты вниз вызвал у нее головокружение. Прыжок с башни был бы смертельным. Не падая духом, Ильдихо бросилась к двери люка, в надежде помешать злодею взобраться на крышу... Поздно! Отвратительный гунн уже стоял перед нею, устремив на свою жертву сверкающий взгляд, точно волк, готовый броситься на беззащитную лань.

— Даггар! — закричала девушка. — Даггар, скорей на помощь!

— Кричи сколько хочешь! — злобно зарычал Дзенгизиц, замахиваясь ножом. — Никто не спасет тебя от моей руки. Горе тебе, убийца прекраснейшего из людей! Жаль, что мне нет времени натешиться над тобою, понемногу вымучить тебе душу из трепещущего тела! Но ты должна умереть. Ты должна...

Тут она бросилась к нему с решимостью отчаянья.

Германка была сильна и бесстрашна.

Нередко случалось ей схватить за рога взбесившуюся корову и принудить к повиновению. Она не хотела позволить гунну зарезать себя, как беззащитного ребенка, и решила, по крайней мере, дорого продать свою жизнь.

Ильдихо вцепилась обеими руками в поднятую правую руку врага, в которой он держал нож, и не допускала его ударить себя или перехватить оружие в левую руку. При этом девушка толкала Дзенгизица обратно к открытому люку.

Одну секунду он стоял, ошеломленный неожиданным

ФЕЛИКС ДАН

отпором, но это длилось недолго. Превосходство мужской силы тотчас дало себя почувствовать. Свободной левой рукой Дзенгициц схватил Ильдихо за горло и, несмотря на отчаянное сопротивление, стал толкать ее к низким перилам крыши. Здесь он надеялся справиться с нею и, по крайней мере, сбросить германку с башни, если не удастся зарезать ее.

Молодая девушка чувствовала, что ей приходится уступать шаг за шагом, хотя она боролась с врагом, насколько хватало сил; но ее руки ослабевали... Вот она у самых перил, гунн старается опрокинуть ее на них... У Ильдихо потемнело в глазах. «Фригга, заступись!» — успела крикнуть королевна...

Но тут с площади и боковой улицы раздался такой оглушительный, потрясающий крик сотни голосов, что Дзенгициц выпустил горло своей жертвы, вырвал сильным движением свою правую руку из ее рук и отскочил назад, прислушиваясь и оглядываясь во все стороны. В то же мгновение позади него послышался громкий стук: какой-то человек перепрыгнул через перила на крышу башни. Злодей узнал в нем своего брата Эллака.

54.

Видя перед своими глазами неминуемую гибель Ильдихо, Эллак рискнул перепрыгнуть с одной кровли на другую. Его попытка была до такой степени отчаянной, что вызвала у свидетелей этой сцены единодушный крик испуга и удивления. Ему удалось, однако, уцепиться левой рукою — на правой у Эллака не доставало кисти — за решетку, окружавшую крышу, и повиснуть в воздухе. Переведя дух после ужасного прыжка, он притянулся на левой руке всем корпусом кверху, оперся правым локтем

о перила и перекинулся через них. Конечно, при этом Эллаку пришлось упасть на плоскую кровлю, но он тотчас вскочил на ноги и бросился между братом и молодой девушкой.

— Беги, Ильдихо! — крикнул он королевне. — Спустись по лестнице. Твои близко. Даггар...

Однако Дзенгизиц с быстротою молнии бросился назад к люку и загородил его, с угрозой поднимая нож.

— Несчастный! Проклятый гот. Ты защищаешь убийцу своего отца? Хорошо же! Вы оба должны...

— Ее следует судить, а не убивать!

Эллак бросился к брату, схватил его за руку и старался оттащить от люка, чтобы очистить дорогу девушке.

Действительно, ему удалось с неимоверными усилиями достигнуть этого.

— Спасайся, Ильдихо! — крикнул он еще раз.

Королевна бросилась к отверстию, подобрала платье, присела на край, спустила вниз ноги и, нащупав приставную лестницу, соскользнула по ней вниз на спине, придерживаясь только руками за продольные брусья. Она уже твердо стояла на ногах в верхнем этаже башни, как вдруг услышала у себя над головой глухой стук, как будто от падения тяжелого тела. Вслед за тем Дзенгизиц быстро спустился вниз. В руке у него был окровавленный нож.

— Презренный пес лежит мертвый, и ты последуешь за ним! — крикнул злодей, схватывая Ильдихо за ее развевавшиеся волосы как раз в ту минуту, когда она стала спускаться по широкой, удобной лестнице во второй этаж.

Девушка громко вскрикнула от боли и смертельного страха; ей показалось, что холодная сталь ножа уже скользнула по ее затылку, она закрыла глаза, ожидая своей последней минуты.

— Даггар! — воплем вырвалось у нее имя любимого человека.

— Я здесь, — раздалось снизу лестницы.

И в ту же минуту Ильдихо почувствовала, что рука Дзенгизица выпустила ее волосы. Нечеловеческий крик, раздавшийся позади, заставил девушку открыть глаза. Возле нее стоял Даггар. Она оглянулась на своего преследователя и увидела гунна, лежавшего на полу в предсмертных корчах. Он хрипел и бился, пронзенный в грудь метким дротиком германца.

Тут измученная Ильдихо упала без чувств на руки жениха.

55.

Горячие поцелуи Даггара скоро заставили очнуться бесчувственную девушку. Переступая порог темницы, молодые люди столкнулись с королем Визигастом и его свитой. Эта горсть отважных храбрецов разогнала последних гуннов. Спасенные, все вместе беспрепятственно направлялись через площадь на южную сторону лагеря, где Ардарих вел переговоры с Хелхалом.

Оба предводителя стояли один против другого, впереди своих выстроенных и готовых к бою дружин.

Ардарих опирался рукой на свой высокий щит, доходящий ему до локтя, орлиные крылья на шлеме бросали тень на его мужественное лицо, правая рука обвивалась вокруг древка копья, и эта гордая фигура героя была проникнута истинно царским величием; он кивнул Визигасту и Даггару, чтобы те стали рядом с ним, возле графа Гервальда.

Перед грозным и величавым королем гепидов стоял Хелхал в простом, даже бедном одеянии, какое носили

гунны в старину: оно состояло из лошадиных шкур, сшитых в виде рубашки без рукавов, жесткий шерстяной плащ покрывал его плечи. Голова старика была обнажена; спутанные седые волосы спускались редкими прямыми прядями на грудь и спину; он опирался на гуннский лук, высотой в человеческий рост; разорванная тетива развевалась по ветру; из шеи Хелхала сочилась кровь: его слегка задела дротиком. Несчастный князь, по-видимому, совершенно упал духом, он согнулся как дряхлый старик, и его седая голова сама собою клонилась на грудь, как будто в смертельном изнеможении. Горькие жгучие слезы, какие может проливать только человек в зрелом возрасте, медленно струились крупными каплями по его морщинистым впалым щекам и смешивались на жидкой бороде с кровью из раны.

Он упорно смотрел в землю, избегая торжествующего взгляда германского короля. Ардарих громко, но спокойно, говорил на гуннском языке, так что его могли свободно слышать воины Хелхала:

— Ты сам видишь теперь, верный и честный слуга Аттилы, что меня нельзя упрекнуть в измене: только покойному хану принес я торжественную клятву верности и никогда с тех пор не поднимал против него меч, но его сыновьям я не намерен подчиняться. Вы должны наконец понять, гуннские мужи, что после того, как наши боги наслали ужас на ваши несметные полчища, — они говорили устами прекрасной девы, королевны Ильдихо...

— Убийцы! — перебил Хелхал, бросая яростный взгляд на дочь Визигаста.

— Нет, она защищала себя в минуту страшной опасности и имела полное право убить врага, отстаивая свою честь, — сказал Ардарих. — Итак, — продолжал он, — когда наши боги обратили в бегство многие тысячи гуннов правдивыми словами Ильдихо и рассеяли их, как дым,

ФЕЛИКС ДАН

ты, храбрый Хелхал, и та немногочисленная дружина, которую тебе удалось собрать вокруг себя, вздумали оказать нам отпор. Но, предупреждаю вас, вы слишком малочисленны и не можете помешать гепидам прорваться сквозь ваши ряды, чтобы опрокинуть и истребить роскошный шатер вместе с останками вашего повелителя. Помните, что скоро прибудет сюда моя пехота, ровно восемь тысяч войска!

— Осмелся только, попробуй! — грозно отвечал Хелхал с мрачным отчаянием в голосе. — Мы заслоним дорогой нам прах своими трупами.

— Успокойся: мы и не покушаемся на осквернение могилы хана. Мы чтим вашу непоколебимую верность своему вождю, мы уважаем мертвых. Не мщения, а свободы добиваются германцы!

Ардарих повторил последние слова на готском языке.

— Свобода! Свобода! — раздались торжествующие крики в рядах гепидов.

— Выслушай же меня, почтенный князь, — снова заговорил Ардарих. — Ты поставил мне при начале наших переговоров неразумное требование. Тебе хотелось, чтобы я выдал гуннам короля Визигаста, Даггара и его невесту Ильдихо; за это ты обещал с миром отпустить нас. Но ведь я рисковал своей жизнью, явившись сюда именно для их спасения! Если гунны хотят получить обратно освобожденных царственных пленников, то пускай возьмут их с оружием в руках!

Стон бессильной ярости вырвался у Хелхала, он окинул нерешительным взглядом своих оробевших воинов.

— Вот видишь: ты сам осознаешь свое бессилие, — продолжал король гепидов. — Лучше согласишься добровольно на то, что я предлагаю тебе от чистого сердца, из признательности к умершему хану. Мы не станем нападать на вас и удалимся, не сделав никакого вреда, но пускай

все германцы в лагере, как мужчины, так и женщины, которые пожелают последовать за мною, будут беспрепятственно отпущены в свое отечество. Вы же, гунны, оставайтесь в мире и оплакивайте своего повелителя, а вместе и ним и падение гуннского царства. А сотням сыновей Аттилы передайте такой привет от германцев: «Валамер, амалунг; Ардарих, внук Вотана; Визигаст, руг; Дагомут, скир; Фара, король герулов; Гильдивальд, туркилинг; Гельмихис, лонгобрад; Гариогас и Сидо, короли маркоманов и квадов; Гервальд и Гортарн, аллеманы; Ирнфрид, тюрингенец; Арно, предводитель хатитов; Маркомер и Сунно, предводители побережных франков — все эти короли народов, графы, начальники, заключили между собою священный союз, подтвержденный клятвою, и решили свергнуть с себя иго своих притеснителей, гуннов».

— А мы, — грозно отвечал Хелхал, — принудим вас к повиновению, как непокорных рабов, или все ляжем костью!

— Значит, вам придется испытать на себе второе: и ты, старик, и все сыновья Аттилы падут в неравной борьбе. Пусть сами боги рассудят, кто из нас прав, кто виноват в кровопролитной битве. Они решат, кому должен принадлежать мир: сынам ли Аттилы, или же сынам Асгарда. А теперь, по старинному геройскому обычаю нашего народа, назначим время и место великого сражения: в четыре месяца и мы успеем собрать все наши народы. В Паннонии протекает прекрасная река, называемая Нетадом; она извиляется по широким полям — вот отличное место битвы. Туда приглашаю я тебя и всех сыновей Аттилы со всеми военными силами гуннов на кровавый пир. Согласны ли вы?

— Согласны! — твердо ответил Хелхал, гордо выпрямляясь.

Он сделал знак своим приближенным, и те разослали

гонцов по всем улицам гуннского лагеря с воззванием к германцам — постоянным жителям и пленным — что они могут, по желанию, уходить с Ардарихом или оставаться. Потом верный слуга Аттилы обратился еще раз к своему противнику, королю гепидов, и сказал:

— Уходите скорее от этого священного места и не оскверняйте своим присутствием прах великого умершего!

— Мы пойдем, — воскликнул Даггар, — но свидимся с тобою снова, четыре месяца спустя. Тогда Нетад потечет кровью. Тогда мы заставим вас вернуться обратно в ваши родимые степи на дальнем востоке, и освобожденный мир стяхнет с себя ярмо гуннов.

— Свобода! Свобода! — разносилось между тем по всем улицам лагеря, куда только достигало воззвание Хелхала.

Тут Ильдихо подошла к отцу и жениху, подняла прелестную головку, зардевшись легким румянцем, и стала перешептываться с ними.

Оба закивали ей в знак согласия, и Визигаст заговорил:

— Князь Хелхал! Кроме добровольного освобождения живущих здесь германцев, мы просим тебя еще об одном: уступи нам одного мертвеца — Эллака! Он пал от гуннского ножа, спасая мою дочь. Его труп не должен быть осквернен вашим мщением. Мы возьмем его с собою...

— И воздвигнем высокий курган над могилою этого потомка амалунгов, по старинному готскому обычаю! — перебил Даггар.

Хелхал сделал утвердительный знак головой.

— Эллак не принадлежал нам при жизни, — с горечью произнес старик, — и не должен принадлежать нам по смерти... Возьмите себе этого выродка!

Даггар с помощью своих скиров снял тело молодого князя с крыши и положил на носилки.

Гунны молча стали расходиться, бросая мрачные, но несмелые взгляды на гепидов, и окружили густой толпой

пурпурный шатер с останками Аттилы. Последнее, что бросилось в глаза Ардариху, когда он готовился пуститься в обратный путь, была иссохшая фигура Хелхала. Старик с трудом взошел на деревянное возвышение, на котором поднималась палатка, и упал без чувств на верхней ступени.

56.

Гепиды направились к южным воротам, увозя с собою труп Эллака. У ворот они остановились, поджидая освобожденных германцев, стремившихся к ним со всех сторон. Мужчины, женщины, дети спешили к своим освободителям, кто пешком, кто верхом, кто на повозках, окруженных домашним скарбом. Каждая семья захватила с собою и свой домашний скот.

Всего собралось народу несколько тысяч. Одни жили здесь более или менее продолжительное время в качестве заложников, пленных, просителей, искавших правосудия, или обвиняемых, привлеченных к ответственности; другие же составляли часть постоянного населения столицы гуннов.

Прошло более часа времени, пока герольды гепидов, трубя в рога, объехали все улицы обширного лагеря, предлагая германцам следовать за королем Ардарихом; наконец они вернулись с известием, что нигде нет больше ни одного германца и ни одной германки: ни одна душа не пожелала остаться в неприятельском гнезде.

Мало-помалу громадный поезд был приведен в порядок стараниями обоих королей, графа Гервальда и Даггара, и шествие тронулось в путь через южные ворота.

Вечернее солнце, только изредка выглядывавшее из-за туч в продолжение долгого летнего дня, ярко осветило

ФЕЛИКС ДАН

окрестность перед самым закатом. Его косые лучи заиграли на шлемах, концах копий, на панцирях и щитах отъезжавших германцев, придавая этой движущейся картине золотисто-огненный колорит.

Король Ардарих, вместе с другим предводителями, остановил своего коня, выехав за ворота, и бросил прощальный взгляд на лагерь Аттилы.

— Смотрите! — вскричал он вдруг. — Что это вспыхнуло там багровым пламенем?

— Да, — подтвердил Даггар, — а под пламенем клубится черный дым, точно исполинский траурный флаг!

— Вслушайтесь! — заметил Гервальд. — Какой ужасный рев, какой крик и завывание!

Один из освобожденных германцев, при первом возгласе Ардариха, влез на высокий тополь у самых ворот и закричал:

— О господин, какое зрелище!

— Что там происходит?

— Шатер! Шатер с покойником! Со всеми сокровищами! Гунны подожгли его, и он пылает с четырех сторон! А теперь — о, какой ужас!!!

— Что ты видишь?

— Они бросают в огонь живых людей. Мне ясно видно это отсюда... Я узнаю их! Это рабы, которые устанавливали шатер и строили деревянное возвышение.

И германец в ужасе поспешил спуститься с дерева.

— Понимаю, — заговорил король Визигаст, — гунны предчувствуют, что им придется вскоре покинуть эту страну: гордая столица хана опустеет и останется беззащитной. Поэтому никто не должен знать, где погребен Аттила, чтобы человеческое корыстолюбие не потревожило его праха в могиле.

— Поедем скорее, дорогая дочь моя! — прибавил он, подводя Ильдихо оседланную лошадь.

Но королева робко приблизилась к жениху, который взял в эту минуту из рук одного скира свою арфу, вынесенную из тюрьмы.

Девушка вытянула вперед свою руку, пристально взглянула на нее и прошептала:

— О мой Даггар, не страшно ли тебе будет прикоснуться к этой руке? Ведь ею совершено убийство!

Но юноша порывисто схватил руку невесты с красивой узкой кистью и стал покрывать горячими поцелуями ее длинные белоснежные пальцы.

— Это рука богини! — воскликнул он с жаром. — Сама Фригга укрепила ее и направила к общему спасению!

Он ударил по струнам арфы и запел:

Слава вам, о златокудрые герои,
Готы храбрые, отважные гепиды!
Всем привет, спасенным от неволи,
От ярма постылого Аттилы!
Пойте песни радости под арфу:
Наконец погиб наш притеснитель,
Божий бич у народов ужас — Этцель!
Не мечом, не дротиком германским
Поражен он был на поле ратном,
Нет, в ночной тиши, ехидне злобной
Раздавила голову пятою,
Растоптала в благородном гневе
Королева, царственная дева.
И спасла ее неустрашимость
От тиранства многие народы,
И она тот подвиг совершила,
Честь свою девичью охраняя.
Вторьте вы певцу под звуки арфы
И прославьте все мою невесту:
Красотою сияет лучезарной

ФЕЛИКС ДАН

И мужей геройством превосходит.
Жребий ей завидный в жизни выпал —
От чудовища вселенную избавить.
Имя этой девы непорочной
Перейдет к потомкам отдаленным.
Слава деве, доблестной Ильдихо,
Слава в век прекрасной королевне!

И сотни тысяч людей, протягивая руки к дочери Визигаста, которая стыдливо склонила голову на грудь жениха, с восторгом повторили вслед за певцом:

Слава, слава деве благородной,
Слава ей, прекрасной королевне!

Феликс Дан
ГЕЛИМЕР

ПЕРЕД ВОЙНОЮ

Глава 1

«**К**орнелию Цетегу Цезарю — друг.
Пишу это собственно тебе, а не для кого иного.
Почему?

Прежде всего, я не знаю, где ты в настоящее время и, вероятно, письмо это пропадет где-нибудь. Да это, пожалуй, было бы и лучше, так как попадись эти строки здесь, в Византии, в одни маленькие, изящные, нежные ручки, то весьма вероятно, что эти прелестные ручки грациозно дадут знак отрубить мне голову; ушли же я всю высказанную здесь правду куда-нибудь подальше на запад, то не так легко будет там добраться до нее этим ручкам, способным разыскать в нашей столице всякую тайну, если только они примутся за розыски.

Не знаю, где ты теперь: в своем ли доме у подножия Капитолия, или в Равенне у регентши? Посылаю это письмо в Рим, так как туда стремится дух мой, там ищет он Цетега.

Ответа от тебя не жду. Цетегу я не нужен; зачем бы стал мне писать Цетег? Но, быть может, я скоро услышу твои мысли лично от тебя. — Ты удивляешься?

ФЕЛИКС ДАН

Да, быть может, я скоро приеду к тебе в Италию...

Сдается мне, что затеваемая нами война с вандалами в Африке есть только пролог к борьбе с вашими повелителями — остготами.

Ну вот, я и написал роковое слово, великую тайну, которую знают здесь пока очень немногие.

Жалкий, слабый, смертный бог! Попадешь ли ты в цель? Не отскочит ли стрела твоя обратно в тебя?

Полубог Юстиниан и полубогиня Феодора сковали эту молнию; орел Велисарий понесет ее. Мы вторгаемся в Африку. Война с вандалами!

Итак, ты теперь многое узнал, о, Цетег! Но все-таки ты не все знаешь, по крайней мере, из того, что касается вандалов. Узнай же все от меня. Я это знаю, потому что мне за это платят. В последние месяцы я должен был читать «полубогам» и «орлу» об этих белокурых.

Итак, начинаю. Вандалы, двоюродные братья ваших милых владык остготов. Сто лет тому назад они в числе пятидесяти тысяч человек прибыли из Испании в Африку. Страшный человек предводительствовал ими. Звали его Гейзерих. Это был достойный собрат Аттилы. Он разбил римлян, взял Карфаген, разграбил Рим. Он был непобедим. Корона передается в его роде, в роде Асдингов. Старейший в роде вступает на престол.

Потомки Гейзериха наследовали его скипетр, но не величие.

Православных они, ариане, преследовали в своем королевстве беспощадно. Это было скорее глупо, чем несправедливо, так как они оплачивали только католикам за законы императора против ариан. Но глупо это потому, как может повредить нам в империи горсть находящихся в ней ариан? Зато многочисленные католики в вандальской империи могут низвергнуть эту самую империю, если только восстанут. И мы грядем, чтобы их поднять.

Победим ли мы? За это говорит многое. Король вандалов, Хильдерих, долго проживал в Византии и тайно перешел, как говорят, в православие. Он приятель Юстиниана. Этот правнук Гейзериха ненавидит войну. Он сам нанес тяжкий удар своему королевству, превратив в смертельную вражду прежнюю дружбу с остготами в Италии. Мудрый Теодорих Равенский заключил дружеский и родственный союз с вандальским королем, предшественником Хильдериха, Тразимундом. Он выдал за него свою прекрасную, умную сестру Амалафриду и дал за ней в приданое, кроме многих сокровищ, весьма важные для вандальского царства Лилейные горы в Сицилии, лежащие напротив Карфагена. Кроме того, обещал постоянную помощь против мавров и против нас. Когда Хильдерих стал королем, вдова Амалафрида затеяла против него заговор и была приговорена к смерти.

Если этот заговор не дело Юстиниана и Феодоры — плохо я знаю моих господ! Я видел улыбку, с какой они приняли известие о том из Карфагена: это было торжество итицелова, затягивающего сеть с попавшимися в нее птицами!

Готам, сопровождавшим Амалафриду, удалось освободить ее из заточения и помочь бежать. Она хотела искать защиты у мавров. Но во время бегства была настигнута обоими племянниками короля. Верные готы пали, почти все шесть тысяч; королева была взята в плен и умерщвлена в тюрьме. С тех пор — ожесточенная ненависть между обоими народами: Готы отняли назад Лилейные горы и оттуда бросают мстительные взгляды на Карфаген. Это единственное правительственное деяние короля Хильдериха! С тех пор он вполне убедился, что для его народа всего лучше подчиниться нам. Но он уже почти старик, а его двоюродный брат — к сожалению, единст-

ФЕЛИКС ДАН

венный законный наследник престола — наш злейший враг.

Это — Гелимер.

Он не должен царствовать в Карфагене! Он слывет оплотом и героем, душой вандалов. Он побил туземцев, мавров, тех самых сынов пустыни, которые постоянно били слабых преемников Гейзериха!

Но этот самый Гелимер... Я никак не могу из тех противоречивых сведений, какие о нем имею, составить себе ясное о нем понятие... Неужели в самом деле у германцев могут уживаться такие противоречия в характере и уме? Ведь все они, в сущности, настоящие дети, несмотря на свой семифутовый рост: это великаны с душой ребенка! У них у всех почти без исключения одно только в мыслях: или они враждуют, или мирятся, и при этом пьют и пляшут. Но этот Гелимер... Однако, посмотрим!

Впрочем, и обо всем вандалском народе доходят сюда противоречивые показания.

По словам одних, они страшны в борьбе, как и все германцы; по другим — они успели уже изнежиться в продолжение трех поколений, проживши под горячим солнцем Африки с нашими провинциалами, самым развратным и испорченным сбродом.

Велисарий, конечно, презирает этого врага, как и всех.

Мне поручили «боги» вести тайную переписку, которая должна подготовить успех нашего предприятия.

Теперь я поджидаю важных вестей: от многих мавританских вождей, от вандалского наместника в Сицилии, от влиятельнейшего сенатора в Триполи, даже от одного высшего духовного лица, которое — трудно поверить — само принадлежит к еретической церкви.

Последнее — дело мастерское... Конечно, он не вандал, а римлянин. Но все же арианский священник в союзе с нами!..

Я приписываю это обстоятельство искусству наших «богов»! Ты знаешь, как сильно порицаю я управление нашей империи. Но где дело идет о высшем «государственном искусстве», то есть о том, чтобы найти предателей в среде доверенных советчиков других властителей и перехитрить хитрейших, тут я преклоняюсь перед этими двумя богами хитрости.

Сейчас получил письмо от Велисария; он зовет меня в золотой дворец:

«Скверные вести из Африки! — пишет он. — Война снова под большим сомнением. Мнимые тамошние предатели изменили не вандалам, а самому Юстиниану. Вот что выходит из всех этих хитростей. Помощи, совета! Твой Велисарий».

Как? Я полагал, что тайные письма из Карфагена привозятся только мне, и уже потом от меня переходят к императору... Так наказал он строжайшим образом. Сам я читал приказ. И вот оказываются еще секретнейшие вести, о которых я узнаю только случайно!

Твое это дело, о, Демонодора!»

Глава 2

Карфаген под властью вандалов был все еще гордый, пышный город, все еще блестящая «Colonia Julia Carthago», которую Август выстроил по плану Цезаря на месте разрушенного Сцинионом города.

Конечно, он уже не был, как сто лет тому назад, самым населенным после Рима и Византии городом империи, но его внешний вид, его здания мало пострадали; только стены, которыми его обвели для защиты от Гейзериха, были во многих местах разрушены во время штурма вандалов и доселе не везде исправлены.

Старая финикийская крепость «Бирта», называющаяся теперь Капитолием, по-прежнему гляделась в голубое море, со своими двумя пристанями, которые были укреплены и загорожены башнями и железными цепями.

Выше на площадях и широких улицах города кишел народ, суетясь и лениво лежа на ступенях базилик, вокруг амфитеатра, пропилей, бань с их цветочными клумбами, садами, пальмовыми группами. «Нижний город», спускавшийся к морю, был заселен беднейшим людом, полон лавок с предметами, необходимыми для моряков. Улицы в нем были узкие и все шли по направлению с юга на север, из внутреннего города в гавань.

Самой обширной площадью нижнего города был форум святого Киприана, у базилики этого святого. Широкая улица вела на запад, в предместье Аклас и к «Нумидийским воротам», а другая, довольно круто шедшая в гору, шла на юго-восток, к верхнему городу и Капитолию.

На эту площадь в один жаркий июльский вечер валила пестрая толпа от западных «Нумидийских ворот».

Среди этой шумной толпы не видно было только римлян из высших слоев. Католический священник, спешивший с напутствием к умирающему, торопливо свернул в первый попавшийся переулок с выражением страха, отращения и тревоги на бледном лице.

Толпа праздновала новую победу вандалов.

Впереди возвращавшихся полков сновала чернь, с шумом, криками, по временам оглядываясь назад и останавливаясь. Многие теснились к воинам, прося милостыни или подарка.

Воины ехали на породистых конях — помесь привезенных из Испании знаменитых лошадей с туземными.

Лучи заходящего солнца врывались в широкие «Запад-

ные ворота», заливали «Нумидийскую» улицу, ярко сверкали на песчаной почве и белых домах и, как искры, пробегали по гордым отрядам и их богато изукрашенным золотом и серебром каскам, щитам, широким браслетам на голых руках, каменьям рукояток мечей и перевязям, на которых висели пики.

Позади войск шли несколько захваченных на войне верблюдов, нагруженных награбленным оружием, и сотня пленных мавров, мужчин и женщин. Они шли с закрученными назад руками, прикрытые только белыми полосатыми плащами, босоногие и с открытой головой. Их, как и животных, подгоняли ударами копий их белокурые конвойные.

На ступенях базилики и на широких перилах лестниц, которые вели в гавань, особенно была густа толпа любопытных. Отсюда всего удобнее было смотреть на блестящее шествие.

— Кто этот белокурый молодец? — спрашивал человек средних лет, с виду моряк, стоявшего рядом старика.

— Про кого спрашивает друг Гегелох? Ведь все они белокурые.

— Правда! Я впервые попал к вандалам. Мой корабль всего лишь несколько часов назад прибыл в гавань. Ты мне все покажи и объясни. Я спрашиваю вон про того, что на белом жеребце: он держит в руках красное знамя с золотым драконом.

— А! Это Гибамунд, «красивейший из вандалов», как его зовут женщины. Видишь, как смотрит он на окна княжьего дома, что в Капитолии? Среди женщин, которые оттуда глядят, я знаю, он ищет только одну.

— Но, — и вопрошающий как бы вздрогнул, — кто вот тот... по правую его руку, на буланой лошади? Я просто удивился, взглянув на него, до того он похож на этого юношу, — только годами постарше...

ФЕЛИКС ДАН

— Это брат его, Гелимер! Благослови его, Господи!

— А! Это, значит, нынешний герой? Я часто слышал его имя в Сиракузах. Значит, это он победитель мавров?

— Да, он опять поколотил этих дьяволов. Слышишь, как его приветствуют карфагеняне? Мы, граждане, также благодарны ему: от оттесняет от наших вилл и полей этих разбойников.

— Ему лет пятьдесят? Волосы у него совсем седые.

— Нет, ему и сорока не будет!

— Смотри, Евгений: он соскочил с лошади... Что он делает?

— Разве не видишь? Римский ребенок упал перед его лошадью; он его поднимает и берет на руки. Дитя невредимо; оно улыбается; ухватилось за его блестящую шейную цепь.

— Странно! Он снимает цепь и отдает ребенку.

— Он его целует и передает на руки матери.

— Слышишь, как ревет народ от восторга! Вот теперь он опять вскочил на лошадь.

— Да, мастер он заискивать народную любовь!

— Неправда! У него просто доброе и благородное сердце. Он то же сделал бы, если бы его никто не видел. Да ему нет и надобности искать народной любви: она давно принадлежит ему.

— Среди вандалов?

— И среди римлян. Конечно, сенаторы, какие еще остались в Африке, все ненавидят самое имя вандала: да и недаром... Нас Гелимер жалеет; он помогает, сколько может, и охраняет даже от своих соотечественников, которые почти все вспыльчивы и, когда взбесятся, ужасно жестоки. Лично я тоже признателен Гелимеру.

— Ты почему?

— Видел ты мою дочь Евгению?

— Конечно, премиленькая девушка.

— Гелимер спас ей жизнь и честь. Великан Тразарих, самый необузданный из вандальской знати, схватил ее раз у самого моего дома. Она отчаянно кричала, но я не мог его догнать. Гелимер явился к нам на помощь. Варвар не выпускал Евгению. Гелимер повалил его на землю ударом кулака и вернул мне мою дочь.

— А что же Тразарих?

— Тот встал, отряхнулся и сказал Гелимеру: «Ну, Асдинг, ты молодец. У тебя здоровый кулак»... Но с тех пор...

— Ну, что?

— Да, представь себе: с тех пор вандал упорно ищет руки моей дочери. Он — самый богатый и знатный человек среди своего народа и напрашивается ко мне в зятя.

— Ведь это выгодная партия!

— И княгиня Гильда, покровительница моей девочки, часто призывает ее к себе в Капитолий и дорого платит ей за ее искусные вышивки. Госпожа Гильда сватает ее. Но я... я колеблюсь... Я вовсе не хочу принуждать дочь, а Евгения...

— Ну, что ж Евгения?

— Ох, хорош этот варвар! Думаю... просто боюсь! — что он ей нравится. Но почему-то она от него сторонится. Кто разберет девические чувства?.. Вон, погляди, всадники сходят с коней перед базиликой.

— Странно. Он победитель, имя его далеко гремит по белому свету, а между тем он выглядит таким печальным.

— Да, теперь опять. А заметил ты, как весело было его лицо, когда он успокаивал ребенка?

— Да, конечно. Но теперь...

— Вот это бывает с ним: вдруг словно черная туча

ФЕЛИКС ДАН

омрачит его. В народе болтают разное. Одни говорят, что в нем демон сидит; другие, что на него порча находит. А попы наши думают, что совесть его мучит за тайные злодеяния. Этому я никогда не поверю.

— Всегда он был такой?

— В последние два-три года стал хуже. Говорят, что в уединении пустыни (спаси нас, святой Киприан!) ему явился сам дьявол. С тех пор он стал еще набожнее. Гляди, вон приветствует короля у базилики его лучший друг.

— Священник? Он арианин.

— Да, — сердито ответил карфагенец. — Это Вер, архидиакон. Проклятие предателю!

— Предатель? Как так?

— Ну да, или, если хочешь, вероотступник. Он происходит из старинной римской senatorской фамилии, из которой вышел не один епископ. Его двоюродный дед был епископ Лаэт из Непты, претерпевший мученическую смерть. Также и отец его, и мать, и семь его сестер претерпели жестокие пытки при прежних королях и предпочли смерть отречению от святой веры. А вот этот самый Вер, ему тогда было лет двадцать, был пытаем до тех пор, пока не упал замертво. И когда пришел в себя, то отрекся от правой веры: он стал арианином, поступил в священники, негодяй! И так как сатана наделил его большим умом, то вскоре он стал любимцем Асдингов, любимцем двора и даже другом благородного Гелимера, который долго относился к нему холодно и с пренебрежением. И двор дал ему эту базилику — нашу величайшую святыню — храм святого Киприана, который, как и все почти церкви в Карфагене, еретики у нас отняли.

— Но смотри, победитель преклоняет колена на верхней ступеньке храма и снимает шлем.

— Он посыпает прахом с мраморной лестницы свою голову.

— Что это, он целует руку священника?

— Нет, ковчег с мощами великого святого. Он очень набожен. И необыкновенно кроток духом. Он целые дни проводит среди кающихся монахов и бичует себя...

— Странный герой варварского племени!

— В бою дает себя знать его геройская кровь. Вот он поднимается. Видишь, как его шлем изрублен ударами меча? И даже одно из черных ястребиных перьев на шлеме перерублено. Но всего страннее то, что этот воин вместе с тем и буквоед, мечтатель, гоняющийся за мистической премудростью; он слушал философов в Афинах. Он богослов и...

— К тому же музыкант, как кажется! Смотри, вон вандал подает ему лиру.

— Это арфа, как они ее называют.

— Слушай, он перебирает струны! Он поет, но только я не разберу слов.

— Он поет по-вандалски.

— Кончил. Как орут его германцы! Ударяют копьями по щитам. Он сходит со ступеней. Как? И в церковь не заходит?

— Да. Он дал обет, что после того, как прольет кровь, три дня не переступит порог храма. Ну вот, всадники опять садятся на коней.

— А где же пехота?

— Вот то-то и беда! У них нет пехоты, или почти нет. Они стали так изнежены, что презирают пехотинцев. Только самые бедные, самые ничтожные из них соглашаются служить в пехоте. Масса пехоты состоит из мавританских наемников, которые набираются для всякого нового похода из соседних дружеских мавританских племен.

— Да, вон я вижу мавра между воинами.

— Это люди из гор Паппуа. Гелимер привлек их на свою сторону. Долго и они также грабили наши границы. Гелимер напал на их лагерь, взял при этом в плен трех дочерей их вождя Анталла и вернул их отцу без обиды и без всякого выкупа. Тогда Анталл пригласил к себе в палатку Асдингов; они заключили дружеский союз, самый священный у мавров — и с тех пор служат нам верными союзниками, даже против других мавров... Процессия кончилась. Видишь, ряды разомкнулись. Вожди отправляются в Капитолий передать королю Хильдерику отчет о войне и добычу. Народ расходится. Пойдем и мы. Евгения дожидается нас к ужину. Пойдем, Гегелох.

— Иду, мой гостеприимный друг. Боюсь, что долго буду надоедать тебе своим присутствием. Сделки с хлебо-торговцами потребуют немало времени.

— Что же ты остановился? На кого глядишь?

— Иду, иду. Я хотел только еще раз взглянуть на лицо Гелимера. Трудно оторваться от этого удивительного лица! Оно занимает меня, как и все, что ты говоришь о нем.

— Загадочен он, «daimonios», как говорят греки. Ну идем, сюда, налево... вниз по ступенькам.

Глава 3

Высоко в Капитолии (кремле) города виднелся королевский дворец Асдингов. Это не один дом, а целый ряд строений. Он сооружен Гейзерихом и его преемниками.

Узкая тропинка вела вверх от гавани к узким, крепко построенным, с высокой башней крепостным воротам.

Эти ворота вели на четырехугольную, похожую на обширный двор, площадь, окруженную со всех сторон зданиями, принадлежащими ко дворцу: северная сторона, обращенная к морю, была занята королевским домом; подвалы его находились глубоко под землей и часто служили темницей для преступников.

На восточной стороне от королевского дворца, отделенный от него узким пространством, находился княжеский дворец; напротив — цейххауз. Обращенная к городу южная сторона была укреплена стеной с воротами и башней.

Нижний этаж княжеского дома образовал просторный, богато убранный зал, поддерживаемый колоннами.

Посредине на столе стояли большой железный, богато позолоченный кувшин с красным вином и несколько кубков различной формы. Возле стояла скамья-кушетка, покрытая шкурой зебры, а на ней сидели, нежно обнявшись, «красивейший из вандалов» и не менее красивая женщина.

Нежно глядя ему в лицо, она отвела своими белыми ручками длинные волосы с его висков и весело взглянула в его радостные глаза.

— Какое счастье, что ты опять со мной, — сказала она.

— Милая Гильда! — и он прижал ее к сердцу и покрыл жаркими поцелуями глаза, щеки и пухлые губки.

— Как я скучал по тебе! Как рвался к тебе день и ночь...

— Ты ведь целых пятьдесят дней не был дома!

— Да... И они показались мне ужасно длинными.

— Тебе все-таки было легче. Но каково мне было сидеть в своей комнате, сидеть, ткать и ждать? Я бы желала лучше сражаться вместе с тобой, и если нужно,

ФЕЛИКС ДАН

вместе пасть на поле битвы. За геройской жизнью — геройская смерть!

Говоря это, она вскочила. Чудно блеснули ее голубые глаза, рассыпались ее роскошные волосы, и руки простерлись вперед. Муж нежно привлек ее к себе.

— Ах, ты, моя героиня, — смеялся он. — мудро дед твой назвал тебя именем предводительницы валькирий. Как я благодарен за это старику Гильдебранту, оружейнику великого готского короля! Вместе с именем к тебе перешли и его свойства, а воспитание и уроки довершили остальное.

Гильда кивнула головой.

— Родители мои рано умерли, и я их едва помню. Я была на попечении белобородого героя. Во дворце в Равенне он тщательно охранял меня в своих покоях от общества благочестивых сестер, монахинь и священников, которые воспитывали всех моих сверстниц, в том числе и красавицу Матасвинту. Я росла вместе с его другим воспитанником, чернокудрым Теем, таким же сиротой, как и я. Тей учил меня играть на арфе, метать копье и дротик. Потом, так как король, а тем более его дочь Амаласвинта, настаивали, чтобы меня отдали в науку к монахиням и попам, как сердился дедушка и с каким ворчанием расспрашивал меня по вечерам, чему меня днем учили монахини! Когда я говорила ему латинские стихи и молитвы, — дальше начала я никогда не могла их запомнить, — засмеялась она, — он качал головой, гладил белую бороду и всегда, бывало, скажет: «Пойдем-ка, Гильда, со мной! Пойдем к морю, там я расскажу тебе про старых богов и старых героев нашего народа». И уводил он меня далеко, далеко от гавани, в такое пустынное место, где летали чайки и дикий лебедь гнезвился в прибрежном тростнике. Там мы садились на песок, и в то время, как белые волны разбивались

у наших ног, он рассказывал мне. И как рассказывал старик Гильдебрант! Я просто заслушивалась его. Иногда он не говорил, а пел. И когда кончит, бывало, погладит меня по голове и скажет: «Ну вот, я опять проветрил твою душу от их глупых святостей, как северный ветер выдувает в открытые церковные окна запах ладана». Но святости и без того не крепко сидели во мне, — смеясь прибавила Гильда.

— Значит, ты росла полухристианкой, полуязычницей, как тебя называет Гелимер, — сказал муж, шутливо грозя ей пальцем. — Но зато и вышла героиней, которая ни во что не верит, кроме величия своего народа...

— И в твое, а также и в твою любовь! — нежно проговорила она, целуя его в лоб. — Хотя, правду говоря, если бы вы, вандалы, не были близкой родней моим готам, я не знаю, могла ли я полюбить тебя, когда деверь Гелимер посылал тебя свататься ко мне. Но увидев тебя, не полюбить было невозможно. И Гелимеру я обязана своим счастьем. Это я всегда буду помнить: оно привязывает меня к нему; хотя, — прибавила она медленно и задумчиво, — многое другое меня от него отталкивает.

— Брат хотел посредством этого брака рассеять неприязнь, которая разделяет оба царства со времени кровавого деяния Гильдериха. Это не удалось! Только нас соединил он, а не наш народ... Гелимера тревожат тяжкие заботы, осаждают тяжелые думы.

— Да, я часто думаю, что он нездоров, — сказала Гильда, покачивая головой.

— Он? Самый сильный человек в нашем войске?! Только он да, может быть, еще брат Цацо могут согнуть мою вытянутую руку.

— Он болен не телом, а духом... Но тише: вот он идет. Посмотри, как он печален, как мрачен! Такое ли лицо, такой ли вид у победителя?

Глава 4

Между колоннами, которые вели из внутренней части дома под открытую арку сеней, показалась высокая фигура, медленно приближавшаяся.

Это был мужчина без шлема, лат и меча, одетый в темное платье, на котором отсутствовали украшения.

Он часто, точно в раздумье, останавливался на ходу, заложив обе руки за спину; голова его была опущена вниз, как бы под тяжестью дум, высокий лоб изрыт морщинами; в темных волосах и бороде сильно проглядывала седина и шла вразрез с его еще молодой наружностью. Глаза упорно глядели в землю. Под колоннами он снова остановился и вздохнул.

— Привет тебе, Гелимер, победоносный герой! — радостно воскликнула молодая женщина. — Прими, что я тебе приготовила, когда узнала, что вы сегодня должны возвратиться.

Она взяла роскошный венок из свежих лавров, лежавший на столе, и хотела надеть его на голову Гелимера.

Он ласково, но твердо отстранил ее руку.

— Не венками украшать голову грешника, — глухо произнес он, — пеплом, пеплом!

Огорченная Гильда печально отложила венок.

— Грешника? — повторил ее муж недовольно. — Ну, конечно, мы все грешники перед Господом. Но ты, право, менее всех нас. Неужели же нам нельзя и радоваться?

— Радуйся, кто может.

— О, брат, ты тоже можешь! Когда геройский дух охватывает тебя, когда веселый шум битвы окружает тебя с радостным гиканьем, — я сам это слышал, и сердце мое радовалось за тебя! — с громким криком бросаешься ты вперед, в толпу мавританских всадников. И весело, и

радостно вскрикнул ты, когда вырвал знамя из рук поверженного наземь знаменосца; твой конь одним прыжком перескочил через него.

— О, как это было хорошо! — воскликнул Гелимер, внезапно поднимая голову. И из-под темных длинных ресниц блеснул огонь его больших карих глаз.

— Не правда ли, мой буланный конь великолепен? Он всех опережает. Он несет с собой победу...

— Когда на нем сидит Гелимер! — раздался рядом звучный голосок, и почти мальчик, — его еще нельзя было назвать юношей: на его девическом нежном лице и розовых щеках едва пробивался легкий пушок, — мальчик, как и Гибаmund, очень похожий на Гелимера, в белой шелковой тунике и светло-голубом плаще, перепрыгнул через порог и подбежал к Гелимеру.

— Ах, братец, как я тебя люблю! И как я тебе завидую! Когда будет еще поход на мавров, ты непременно, слышишь, непременно должен взять меня с собою! А не то я отправлюсь без твоего позволения.

Он обоими руками обнял брата за шею.

— Милый мой Амнат, сокровище мое! — произнес тот тепло и нежно погладил золотистые кудри мальчика. — Я привел тебе коня, белого, как снег, и быстрого, как ветер. Я тотчас же о тебе подумал, как только увидел его. А ты, милая невестка, извини меня. Я был неласков с тобой, когда вошел. Тяжкие заботы гнетут меня. Потому что я пришел...

— От короля, — сказал густой, сильный голос из-под колоннады, и в залу быстро вошел человек в полном вооружении. По фамильному сходству в нем можно было тотчас же признать четвертого брата.

Продолговатые благородные черты лица, большой, но тонко изогнутый нос, высокий лоб и под нахмуренными бровями глубоко сидящие карие огненные глаза были

ФЕЛИКС ДАН

отличительными чертами всех этих царственных Асдингов, происходивших от Фрейя, бога Солнца.

У одного только Гелимера взор был обыкновенно потухший, как бы рассеянный, во что-то углубленный. Но когда этот взор оживлялся гневом или восторгом, тогда огонь его пугал; да еще тонкий овал лица, который и у всех братьев не отличался полнотой, у Гелимера производил почти впечатление худобы.

Последний вошедший был несколько ниже ростом, но гораздо шире в плечах.. Гордо закинутая вверх голова сидела на мощных плечах и была покрыта густыми, коротко остриженными, курчавыми волосами. Лицо поражало здоровьем, радостным выражением, но в настоящую минуту оно горело гневом. Хотя он был всего лишь на один год моложе Гелимера, но казался еще юношей сравнительно с братом.

С сильной досадой бросил он на стол тяжелый шлем, увенчанный крутыми рогами африканского буйвола, и вино расплескалось от этого в кубке.

— От Гильдериха, — повторил он, — неблагодарнейшего из людей. Какая была награда герою за новую победу? Недоверие! Страх возбудит зависть в Византии. Трус! Прекрасная невестка, в одном твоём мизинце больше храбрости, нежели в сердце и в руке этого короля вандалов! Дайте мне кубок с вином, чтобы залить досаду.

Гильда налила кубок вином и подала его, говоря:

— Пей, храбрый Цацо, многие лета тебе и всем героям, и...

— К черту Гильдериха, — закричал пылкий Цацо и разом осушил кубок.

— Тише, брат! Какой грех! — предостерег Гелимер, и лоб его нахмурился.

— Ну, так пусть он будет вознесен на небо! По-моему,

ему там скорее место, нежели на престоле морского короля Гейзериха.

— Ты сказал ему этим великую похвалу, — отвечал Гелимер.

— Ненамеренно! Когда я стоял там и видел, как он немилостиво тебя принял, я бы охотно... Но ругать его бесполезно. Надо действовать. Я по важной причине оставался на этот раз дома, хоть и тяжело мне было отпустить тебя одного на войну! Я зорко следил за ним, за этой лисой в пурпуре, и напал на след... Отошли-ка эту нежную парочку, им есть о чем переговорить между собой: ведь всего год как женаты! Да и Аммата тоже. И выслушай мои подозрения и жалобы не только на короля, но и на других.

Гибамунд вышел, нежно обхватив талию жены, а мальчик выбежал из залы прежде их.

Глава 5

Гелимер прилег на скамью, Цацо стал перед ним, опершись на длинный меч, и сказал:

— Слушай! Как только ты выступил в поход, Пуденций прибыл из Триполи в Карфаген.

— Опять?

— Да, он очень часто теперь торчит во дворце. По целым часам беседует с королем наедине. А если не с ним, то с его наглыми племянниками, Эдагом и Гоамером, нашими любезными двоюродными братцами. Последний, глупая голова, не умеет молчать, когда пьян. Он, напившись, все и выболтал.

— Но не тебе, конечно.

— Не мне! Рыжему Тразариху.

— Этому кутиле?

ФЕЛИКС ДАН

— Я не стою за его нравственность, — засмеялся брат, — хотя он стал гораздо смиреннее с тех пор, как вздумал присвататься к хорошенькой Евгении. Но он никогда не лжет и готов умереть за вандалский народ, а в особенности же за тебя, которого он называет своим воспитателем! В роще Венеры...

— Пресвятой Девы, хочешь ты сказать, — перебил Гелимер.

— Если тебе это приятно, изволь! Но только ей мало в том чести, пока старые обычаи берут верх. Ну, так вот: во время пиршества там в одном гроте Тразарих хвалили тебя и говорил, что ты обновишь славу вандалов, когда станешь королем. Гоамер яростно закричал: «Никогда не бывать этому! Византия этого не позволит. Гелимер — враг императора. Когда мой дядя умрет, я буду королем, или же император назначит Пуденция наместником. Так между нами условлено и решено».

— Это спьяну сказано.

— В вине и вином высказывается правда, как говорят римляне. Тут вошел в грот Пуденций: «Эй ты! — закричал ему пьяный Гоамер. — Твое последнее письмо от императора стоило дорого. Подожди только, когда я стану королем, я тебя награжу: ты будешь экзархом императора в Триполи». Пуденций сильно смутился и мигал ему, чтобы он замолчал; но тот продолжал: «Нет, нет! Ты этого вполне заслужил!» — Все это мне Тразарих рассказал, прибежав прямо с пира. Но слушай, что было дальше! Этот Пуденций... кстати, ты считаешь его нашим другом?

— О, нет! — вздохнул Гелимер. — Его деды, его родители были жестоко умерщвлены нашими королями за то, что оставались верны своей вере. Как может их внук, их сын любить нас?

Тут Цацо приблизился к брату, положил ему тяжелую руку на плечо и медленно проговорил:

— А Вер может любить нас, как, по-твоему? Разве ты позабыл, что вся его семья...

Гелимер с тяжелой скорбью покачал головой:

— Могу ли я забыть это?.. Я...

Он вздрогнул и закрыл глаза. Затем, с усилием стряхивая с себя ярмо мрачных дум, продолжал:

— Вечно ты носишься со своим призраком! Вечно подозреваешь того, кто из всех друзей самый преданный.

— Брат, я не упрекаю тебя. Твой светлый ум ослеплен этим попом! Право, тут чудо какое-то действует.

— Да, тут действует чудо, — перебил Гелимер, глубоко тронутый, и набожно поднимая глаза к небу.

— Но что ты скажешь о том, что Пуденций, которому ты не доверяешь, впускается в город ночью, тайком, и кем бы ты думал? Вером, твоим преданнейшим другом.

— Но правда ли это?

— Я сам видел. Побожусь в том при самом попе. Ах, если бы он был здесь.

— Он обещал мне скоро прийти. Он первый из вас встретил меня по возвращении! Он говорил, что ему необходимо меня видеть, необходимо переговорить со мной. Я назначил ему прийти сюда... Он хотел быть, как только я буду отпущен королем... Да вот и он сам идет.

Глава 6

Это был высокий, худой арианский священник, казавшийся несколькими годами старше Гелимера; он медленными шагами входил в залу.

Темно-коричневое, широкое одеяние, вроде плаща, ниспадало с его широких плеч; вся фигура, и в особенности голова, производили впечатление непреодолимой силы; черты лица были слишком резки, чтобы их можно было

ФЕЛИКС ДАН

назвать прекрасными; но кто их раз видел, тот не мог забыть. Строго нахмуренные, широкие черные брови нависли над пронизательными черными глазами, которые всегда были опущены вниз и, как это было очевидно, нарочно. Орлиный нос, крепко сжатые тонкие губы, впалые щеки, бледный с желтизной цвет кожи — все это, вместе взятое, придавало его лицу очень выразительный характер. Щеки и подбородок были гладко выбриты, а черные волосы были сильно подернуты сединой, хотя ему было всего сорок лет.

Каждое движение его было так тихо, так сдержанно, что выдавало долголетнюю, непрерывную дисциплину, с которой этот непроницаемый человек управлял собой и другими.

Голос его звучал глухо, как бы от глубокой печали или от изнурения. Но можно было догадываться, что эта сдержанность его искусственна; очень редко удавалось поймать взгляд его глаз, но порою они неожиданно сверкали, и тогда в них можно было прочесть глубоко спрятанную страсть. По внешности этого человека нельзя было угадать, что происходит в его душе; только чуть заметное подергивание тонких, сжатых губ выдавало порою, что эта неподвижно застывшая, бледная маска не была ликом мертвеца.

Гелимер вскочил с места, завидя священника, поспешил ему навстречу и горячо обнял его, причем тот все время оставался неподвижным, с опущенными руками.

— Вер, мой Вер! — вскричал он. — Ты мой ангел-хранитель! И тебя, тебя хотят они сделать подозрительным в моих глазах. Право, брат, скорее звезды падут с небес, чем этот человек изменит мне.

И он поцеловал его в обе щеки. Тот дал себя поцеловать, не шевелясь.

Сердито смотрел на них Цацо.

— Больше любви, больше сердца у него для этого римлянина, иноплеменника, чем... — ворчал он про себя, поглаживая длинные усы. — Говори, отец, можешь ли ты отрицать, что в прошлое воскресенье, после полуночи, Пуденций (ага! У тебя затряслись губы...)... Пуденций из Триполиса тайком был впущен тобою в калитку восточных ворот и затем отведен в твой дом, около базилики? Ну, говори!

Гелимер отошел в сторону; взгляд его с любовью покоился на друге, и он, тихо улыбаясь, покачал головой.

Вер молчал.

— Говори, — повторил Цацо. — Отрицай, если смеешь. Ты не подозревал, что я присматривал за тобой из башни после того, как сменили ночной караул. Я давно уже не доверял привратнику; он был когда-то рабом Пуденция, продан тебе и тобою отпущен на волю. Видишь, брат, он молчит! Я сейчас же арестую его. Мы обыщем его дом, все потайные места, алтари и саркофаги его церкви, даже его одежду.

Тут вдруг черные глаза сверкнули; затем взгляд их быстро скользнул по лицу Гелимера и снова спокойно опустился в землю.

— Ну, что же, ты отрицаешь?

— Нет, — слышался чуть слышный ответ сквозь едва раздвинувшиеся губы.

— Слышишь, брат?

Гелимер шагнул к Веру.

— Я потому и просил о немедленном свидании, — сказал тот, поворачиваясь спиной к Цацо, — чтобы сообщить тебе об этом.

— Вот, это значит находчив! — громко засмеялся Цацо. — Но чем ты это докажешь?

— Я принес тебе доказательство, что Пуденций измен-

ФЕЛИКС ДАН

ник, — продолжал Вер, не обращая никакого внимания на своего обвинителя. — Вот оно.

Он медленно распахнул плащ, засунул руки в складки нижнего платья и достал, пошарив в складках, крошечный кусочек свернутого папируса. Он подал его Гелимеру, который поспешно развернул его и прочел:

«Несмотря на твое предостережение, дело стоит на том же. Велисарий, быть может, уже на полпути. Передай это королю».

Оба вандала вздрогнули с сильным испугом.

— Это письмо?.. — начал Гелимер.

— Написано Пуденцием.

— Кому?

— Мне.

— Слышишь, брат? — вскричал Цацо. — Он предал.

— Предателей, — договорил Вер. — Да, Гелимер, я действовал в то время, как ты сомневался, грустил, а этот глупый храбрец спал или шумел. Помнишь: я давно уже предупреждал тебя, что король и его племянники ведут переговоры с Византией.

— Это правда, брат? — спросил живо Цацо.

— Да, правда.

Цацо встряхнул с удивлением и недоверием темными кудрями и затем проговорил решительно:

— В таком случае, извини меня, Вер, если я действительно был неправ.

— Пуденций, — продолжал тот, не отвечая, — был, как я и подозревал, посредником. Я снискал его доверие.

— То есть ты обманул его, как, может быть, обманываешь теперь и нас! — опять усомнился Цацо.

— Молчи, брат, — приказал Гелимер.

— Мне ведь не трудно было убедить его. Ведь моя семья так же, как и его, погублена вашими королями...

Он не договорил начатой фразы и продолжал:

— Я часто изливал ему свою печаль, жаловался на вашу жестокость...

— И справедливо! Горе нам, справедливо! — стонал Гелимер, приложив ко лбу сжатый кулак.

— Я говорил ему: моя дружба с Гелимером не так сильна, как мой гнев на всех вас за гибель моих близких. Он посвятил меня в свою тайну. Я испугался: ведь если бы Господь не совершил чуда и не ослепил его, царство вандалов погибло бы безвозвратно! Я предостерегал его, чтобы выиграть время до твоего возвращения, указывая на жестокую месть, которая ждет всех римлян, если восстание будет подавлено. Он колебался... он обещал мне еще раз хорошенько обдумать все, прежде чем вступить в переговоры с королем. Вот эта записка, переданная мне сегодня неизвестным в базилике, содержит в себе решение. Действуй немедленно! Иначе будет поздно.

Гелимер безмолвно глядел в пространство.

Цацц же схватился за меч и хотел выбежать вон.

— Куда? — тихо спросил его Вер и удержал за руку, и притом с такой силой, что вандал не мог высвободиться.

— Куда? К королю! Перебить изменников и их сообщников и затем созвать войско и... да здравствует король Гелимер!

— Стой, безумец! — закричал Гелимер, как бы испугавшись, что открыли его сокровенное желание. — Ни с места! Неужели ко всем грехам, без меры тяготеющим над вандалским народом, над нашим родом, ты хочешь еще присоединить низложение короля, его убийство, убийство родственников? Где доказательство вины Гильдери-ха? Быть может, моя подозрительность есть только плод... или предлог моего собственного нетерпеливого желания взойти на престол? Пуденций мог солгать, преувеличить. Где доказательства, что измена замышляется?

ФЕЛИКС ДАН

— А ты хочешь ждать, пока она увенчается успехом? — спросил Цацо.

— Нет, но наказать за нее только тогда, когда она будет доказана.

— Вот слова христианина, — похвалил священник. — Но доказательства должны быть как можно скорее собраны. Слушай, я имею основания думать, что Пуденций и сегодня находится тайком в городе.

— Мы должны захватить его, — закричал Цацо. — Где он теперь? У короля?

— Так открыто они не действуют. Он лишь ночью прокрадется во дворец. Но я знаю, где он скрывается. В роще Пречистой Девы — в термах.

— Пошли меня, брат!

— Ступай, — согласился Гелимер.

— Но не убивай его, — закричал ему вслед священник.

— Нет! Ни за что на свете: мы должны захватить его живым!

И он скрылся под колоннадой.

— О, Вер! — вскричал Гелимер страстно, — дорогой друг! Неужели я тебе обязан спасением не только моей жалкой жизни, но и моего народа?

И он хотел взять его руку, но священник не дал ее.

— Ты должен благодарить и за себя, и за свой народ Бога, а не меня! Я только слепое орудие его воли с тех пор, как облекся в это священническое платье. Но выслушай: я только одному тебе могу открыть самое главное, а не то твой сорви-голова брат все испортит своей необузданностью. Твоей жизни угрожает опасность! Это не испугает героя! Но ты должен жить для своего народа. Умри, если нужно, на поле битвы — от меча Велисария, но не от руки убийцы.

— Убийцы!.. Но кто же?..

— Король! Пуденций сознался мне в том; племянники

вырвали у него на то согласие, хотя он и не хотел его давать. Они знают, что пока ты жив, их планы неосуществимы; не они, а ты должен стать королем вандалов.

Он украдкой взглянул на собеседника и снова опустил глаза.

— Увидим! — гневно вскричал Гелимер. — Я хочу быть королем и горе... — Но тут вдруг он умолк и тяжело перевел дух. После минутного молчания он, овладев собой, спросил совершенно уже спокойно:

— Брат мой! Честолюбие — грех?

Тот невозмутимо отвечал:

— Ты имеешь право на корону. Если ты умрешь, то за Гильдерихом в силу закона о престолонаследии Гейзера последует Гоамер, как старший в роде после тебя. Поэтому они уговорили короля в день твоего возвращения пригласить на тайное совещание тебя одного во дворец и там убить.

— Не может быть! Я уже был у короля: он принял меня очень немилостиво, но... — засмеялся он, — ты видишь, я жив.

— Ты был у короля окруженный всеми своими полководцами в полном вооружении. Но увидишь, он пригласит тебя сегодня еще раз — и уже одного.

— Это было бы удивительно. Мы обо всем переговорили, о чем следовало.

В эту минуту в сенях послышались шаги. Негр-невольник принес Гелимеру письмо.

— От короля, — сказал он и удалился.

Гелимер сорвал шнурок с восковой печатью, развернул письмо и побледнел.

— В самом деле! — сказал он и прочел вслух:

«Приходи сегодня в десятом часу в мой спальный покой, без провожатых. Мне надо в тайне с тобой поговорить. — Гильдерих».

ФЕЛИКС ДАН

— Видишь...

— Нет, нет, не верю. Это простая случайность. Гильдерих слаб, он меня ненавидит, но он не убийца.

— Тем лучше, если Пуденций солгал. Но обязанность друга предостеречь. Не ходи к королю!

— Я должен идти! Мне бояться?! Вер меня плохо знает.

— Ну так не ходи один. Возьми с собой Цацо или Гибамунда.

— Невозможно. Вопреки приказу короля! На тайную беседу к королю ходят без оружия.

— Хорошо, но, по крайней мере, надень под платье кольчугу. И разве ты не можешь спрятать в рукав или в пояс кинжал?

— Подозрительный друг! — засмеялся Гелимер. — Но из любви к тебе я надену под платье кольчугу.

— Этого для меня недостаточно! Но... пусть так... я знаю средство прийти к тебе на помощь в случае беды... Ну, иди.

— Что ты хочешь сделать?

— Тише! Стану молиться, чтобы исполнились мои желания. Но и ты, брат, тоже помолись. Ты идешь навстречу большой опасности... мы все идем... и только Господь видит это...

Тут он вдруг умолк, схватился обеими руками за голову и с громким криком упал на кушетку.

— Вер, Вер! — вскричал Гелимер. — Он без памяти! — Поспешно схватив кувшин с водой, он полил из него на лицо бесчувственному и стал тереть ему руки. Тут священник открыл глаза и с трудом приподнялся:

— Оставь! Все прошло! Я чересчур взволновался... Я теперь пойду... Нет, помощи мне не надо... В базилику молиться... Пришли ко мне туда Цацо, как только он вернется... раньше, чем пойдешь к королю, слышишь?.. Боже, услышь мою молитву!..

Глава 7

«Цетегу — друг.
Война с вандалами отложена! И по какой жалкой причине!

Ты знаешь, я всегда находил, что гораздо было бы полезнее, если бы наши повелители заботились более о благе родной страны, т. е. о нас, римлянах, чем о варварах. Пока длится это нестерпимое бремя налогов и эти злоупотребления административной власти, до тех пор всякое новое завоевание, всякое приумножение наших подданных только увеличивает число несчастных.

Если же мы раз задались мыслью отвоевать обратно Африку, то не следовало отказываться от этой мысли из глупой трусости!

Я написал это гадкое, но, к несчастью, справедливое слово!

Кто же трусит? Только не женщина, только не Феодора. Истинно так: трусость не входит в число пороков этого красивого женственного создания. Два года тому назад, когда страшная борьба «зеленых» и «синих» победоносно разлилась из цирка по всему городу, когда Юстиниан струсил и хотел бежать, тогда мужество Феодоры удержало его во дворце и обеспечило за ним верность Велисария. Но и не императора упрекаю я на этот раз в трусости: трусит римское войско, и в особенности флот!

Конечно, рвение Юстиниана тоже значительно охладело от того, что его прекрасный план разрушить царство Гейзериха без войны, с помощью одного лишь «искусства» — или, как называют эти наивные люди, предательства, не удался. Король Гильдерих должен был в условленное время отправить все свое войско внутрь страны, в поход против мавров, а тогда наш флот с войском вошел бы в незащищенные гавани Карфагена, мы заняли бы

город и назначили бы Гильдериха, Гоамера и одного сенатора из Триполи заместителями императора во вновь завоеванной провинции Африки. Но на этот раз оказалось, что нас перехитрили. Наш приятель из Триполи пишет, что он ошибся в том арианском священнике, о котором думал, что привлечет его на нашу сторону. Этот последний, сначала сильно к нам расположенный, стал потом как бы колебаться, хитрить и вряд ли даже не выдал всего плана вандалам. Таким образом оставалось произвести открытое нападение. Это, конечно, нравилось Велисария, но не императору. Он отступил!

Тем временем (Бог весть, каким образом!) слух о предстоящей войне с вандалами разнесся при дворе, в городе, между войском и флотом, и — о позор! — почти все высокопоставленные сановники, полководцы, солдаты и матросы выразили страх и ужас. Всем припомнился последний поход против этих страшных врагов, при императоре Льве, когда все силы великой империи пошли в дело. Западный римский император одновременно напал на вандалов из Сардинии и из Триполиса. Но Византия тогда превзошла самое себя. Груды золота были употреблены в дело; на тысяче кораблей вел Василиск, зять императора, сто тысяч воинов на берега Карфагена. И в одну ночь все погибло. Гейзерих напал на тесно стоявшие друг подле друга триремы у мыса Меркурия, поджег корабли и окружил одновременно лагерь своими быстрыми, как ветер, всадниками. Флот и войско погибли от огня и меча. Вот теперь префект претории и казначей заныли: «И теперь то же будет с нами, как тогда, — кричат они, — последние деньги из нашей почти пустой казны будут выброшены в море!» Полководцы же, кроме Велисария и Нарзеса, — удивительные герои! — каждый боится, как бы император не выбрал именно его! «Если даже преодолеть опасности моря, то как высадиться на чужой берег и принудить туземное население восстать против страшных германцев?» Солдаты, только что вернув-

шиеся из персидского похода, недостаточно еще отдохнули. Они кричат на улицах: «Не успели вернуться с крайнего востока и опять иди на крайний запад, к Геркулесовым столбам, биться с вандалами и маврами. Морская война нам дело неподходящее; мы к ней и не привыкли; нас не за тем нанимали, и мы к тому не обязаны». Префект претории представлял императору, что для того, чтобы достичь Карфагена сухим путем через Египет, потребуется полтораста дней, между тем как море будет непременно ограждено непреодолимым флотом вандалов. «Не суйся, — говорил он, — в это осиное гнездо! Разбойничьи корабли станут опять грабить наши берега, как и во дни Гейзериха». Слова его повлияли. С той поры император стал нерешителен. О, как негодует и сердится наш герой Велисарий!

Гневается и Феодора, но молчит, как ни страстно желала она этой войны! Я, право, не из ее любимцев, так как все еще слишком независим, слишком самостоятельно мыслю, да и совесть слишком часто упрекает меня за неискренность. А у Феодоры самая покойная или, вернее сказать, самая уступчивая совесть: она никогда не испытывает угрызений; ей все равно... Даже я получал не раз маленькие, маленькие сверточки из папируса с печатью скорпиона, окруженного пламенем, в которых разносятся ее тайные приказания, и она в них настоятельно рекомендовала мне «проповедовать войну», если я не хочу окончательно лишиться ее благоволения...»

Глава 8

«С тех пор, как я несколько дней тому назад писал тебе из Африки, снова получены новые и очень важные вести.

Там произошли серьезные перемены, которые, быть

ФЕЛИКС ДАН

может, принудят колеблющегося императора к войне. То, чего мы именно не желали и для предотвращения чего прибегали к тончайшим и неустаннейшим ухищрениям государственного искусства, то самое, несмотря, а быть может, как раз благодаря нашим стараниям, и совершилось.

Гелимер стал королем вандалов!

Архидиакон Вер (теперь можно называть все имена) в самом деле интриговал против нас, а не за нас. Он все открыл Гелимеру. Пуденций из Триполи, тайно находившийся в Карфагене, должен был быть захвачен. Вер выдал его убежище. Удивительно при этом то, что Пуденций незадолго перед тем успел ускакать из Карфагена на лучшем коне самого же Вера.

В тот же день во дворце короля произошло загадочное событие, из которого ясен только его исход, его успех, так как Гелимер — король вандалов! Но как это случилось, какие тому были причины, об этом повествуют различно. Одни говорят, что Гелимер хотел убить короля, другие, что король — Гелимера. Иные рассказывают (так, по крайней мере, пишет Пуденций) про тайное предостережение, полученное королем: какой-то незнакомец письменно известил его, что Гелимер намеревается при первом же тайном свидании с ним зарезать его. Для его обличения королю следует немедленно пригласить его на тайное свидание; убийца или откажется прийти, потому что у него совесть нечиста, или же придет, но, вопреки строгому придворному этикету, тайно вооруженный: поэтому Хильдерику тоже следует тайно вооружиться панцирем и кинжалом и спрятать поблизости стражу. Король так и сделал.

Несомненно опять, что он в тот же день вечером призвал Гелимера для переговоров в свой спальный покой в нижнем этаже дворца. Гелимер пришел. Король обнял его, нащупал при этом панцирь под его одеждой и позвал

на помощь. Из бокового покоя выбежали племянники короля: Гоамер и Эуаг с обнаженными мечами, чтобы умертвить убийцу. Но в то же время из сада вскочили в низкое окно два брата Гелимера, которых Вер спрятал в кустах. Король и Эуаг были обезоружены и заключены в тюрьму; Гоамер успел бежать. Он поспешил во двор Капитолия и стал призывать вандалов к оружию, чтобы освободить короля, на которого изменнически напал Гелимер. Варвары медлили: Хильдерих нелюбим народом, а Гелимер, напротив, его любимец. Гелимера народ считает неспособным на такое злодеяние. Вслед за Гоамером явился на площадь и Гелимер, уличая Гоамера во лжи и в свою очередь обвиняя Хильдериха и его племянников в попытке к убийству. Чтобы решить вопрос, он вызвал Гоамера на поединок перед всем народом и сразу убил его. Вандалы громко выразили свое одобрение и немедленно объявили Хильдериха низложенным, а королем провозгласили Гелимера, который и без того был законный наследник престола. Ему с трудом удалось умолить народ пощадить жизнь обоих узников.

Про Вера же слышно, что он сделан протонотарием, или канцлером, и главным советником Гелимера, которому спас жизнь. Каким образом? Это всего лучше известно нам, обманутым! Мы знаем, какой ценой поп заслужил почести, — ценой измены нам!

Но я предвижу, что эта перемена на престоле вызовет войну, так как честь Юстиниана обязывает его освободить из темницы своего приятеля или, по крайней мере, отомстить за него. Я уже сочинил красноречивое послание к «тирану» Гелимеру, заключающееся такими словами: «Следовательно, вопреки праву и долгу ты держишь в цепях своего двоюродного брата, законного короля вандалов и, как узурпатор, лишаешь его короны. Посади его снова на престол или знай, что мы пойдем на тебя. И

ФЕЛИКС ДАН

этим (это место мне продиктовал буквально сам творец Пандектов) мы не нарушим вечного мира, заключенного с Хейзерихом, так как будем не сражаться с его законным наследником, а только мстить за него». Ты замечаешь юридическую тонкость! Император больше гордится этой фразой, чем Велисарий своей великой победой над персами при Даре.

Если Гелимер в самом деле сделает то, чего мы от него требуем, то мы попадем впросак, мы, мстители за право! Мы ведь хотим войны: то есть мы хотели завладеть Африкой задолго до совершения преступления, за которое собираемся теперь отомстить, если только, конечно, не просидим спокойно дома!

Получили и ответ от вандала. Для варвара, для тирана он, можно сказать, пишет по-царски!

«От царя Гелимера царю Юстиниану (он употребляет то же слово: «*Basileus*», для обозначения и императора, и короля — дерзкий!)

Не насилем взял я скипетр в свои руки и не виновен в измене своему родственнику. Народ вандалский низложил Хильдериха за то, что он строил злые козни против рода Асдингов, против законного наследника престола и против нашего царства. Меня, как старейшего в роде Асдингов, посадил на престол закон о престолонаследии. Тот правитель поступает законно, о, Юстиниан, который хорошо управляет своей собственной страной и не вмешивается в чужие дела. Если ты нарушишь мир, в котором поклялся, и нападешь на нас, то мы мужественно вооружимся и призовем на помощь Бога, карающего клятвопреступление и неправду».

Отлично! Ты мне нравишься, король Гелимер! Особенно меня радует, что царю юристов сказано, что ему нечего совать свой нос туда, где его не спрашивают: правило, представляющееся мне верхом государственной мудрости.

Насчет небесной кары за неправду у меня, конечно, свое мнение...

Юстиниан крепко рассердился на письмо варвара, — это служит новым доказательством, что варвар прав. Но кажется, что мы так же спокойно положим этот ответ в карман, как вложим меч в ножны; император громко говорит против тирана, но войско еще громче вопит, что не хочет драться. А Феодора... молчит.»

Глава 9

Тем временем король Гелимер деятельно готовился к войне. Много, очень много предстояло ему сделать.

Удерживая в своих руках верховное управление делами и всюду вмешиваясь, где только было нужно, король предоставил Цацо устроить флот, а Гибамунду — армию.

Вечером в душный августовский день принимал он их доклады. Все три брата сидели в большой тронной и оружейной зале королевского дворца, куда переселился Гелимер: в раскрытые окна открывался чудный вид на гавань и на море; северный ветерок приносил живительную прохладу.

Эта часть старой крепости была заново построена вандалскими королями и приспособлена к потребностям жизни при германском королевском дворе.

Против стены, обращенной к морю, воздвигнута была эстрада с пятью ступенями, ведущими к трону Гейзериха. Ступеньки были очень широки: они предназначались для колоссальной свиты короля, для паладинов и военачальников, сотников и тысяцких, которые размещались на них, согласно рангу и милости короля. Когда все они в богатом, фантастическом полугерманском-пол-

ФЕЛИКС ДАН

уримском одеянии и вооружении плотными рядами теснились к королю, под сенью вандалских знамен из пунцового шелка и когда с высокого пурпурного трона поднимался могущественный морской король и грозно размахивал семипрутовой тростью, подаренной ему приятелем Аттилой, то не один посол императора путался в своей речи.

Самым богатым украшением громадной залы служило бесчисленное оружие всякого сорта и всех народов: германское, римское, мавританское, со всех островов и берегов доставленное разбойничьими кораблями морского короля, развешанное по стенам и столбам.

Большой стол из белого мрамора был завален свертками из пергамента и из папируса со списками войсковых сотен и тысяч, чертежами кораблей, картами вандалского царства, морскими картами бухты Гадеса и Тирренского моря.

— Ты сделал невозможное, Цацо, в эти две недели, когда я был в отсутствии на западе, чтобы привлечь оттуда вандалов, — сказал король, кладя на стол восковую доску, на которой он писал цифры. — Хотя, конечно, число и сила наших кораблей далеко уступают тому, чем были мы, когда «вандалское страшилище» устрашало все приморские страны; но для защиты собственных берегов, для предотвращения неприятельской высадки этих полутораста кораблей будет совершенно достаточно, если на них, да и на самом берегу будет находиться достаточное число воинов.

— Не вздыхай, Гибамунд, — молвил Цацо, — брат знает, что не ты виноват, если войска нет, если оно не таково, как...

— Ах! — гневно возразил Гибамунд. — Все напрасно. Как я ни стараюсь, они не хотят служить! Они хотят пить и пировать, ездить верхом, смотреть на игры в цирке и

губить в проклятой роще Венеры все силы своей души и тела.

— Но со вчерашнего дня этому безобразию положен конец, — перебил король.

— Ты многое можешь сделать, Гелимер; ты уже сделал невозможное с тех пор, как надел эту тяжелую корону, но очистить рощу Верены...

И Цацо с сомнением покачал головой.

— Не очистить, а запереть! — отвечал строго король. — Со вчерашнего дня она заперта.

— Я должен пожаловаться на многое и на многих, в особенности на знать, — продолжал Гибамунд. — Она отказывается сражаться не на коне и участвовать в военном учении вместе с простым народом. Ты знаешь, мы терпим страшный недостаток в пехоте; но знать ссылается на привилегии, дарованные ей королями. Она говорит: нам нет никакой нужды самим вступать в отряды пехоты. Хильдерих позволил каждому вандалу выставить вместо себя двух наемных мавританских или иных пехотинцев.

— Я отменил эти привилегии.

— Да, конечно! И мятеж вспыхнул во время твоего отсутствия; кровь лилась на карфагенских улицах. И все из-за этого, — ворчал Цацо.

— Но хуже всего, что все эти изнеженные вельможи и богатые вольноотпущенники в самом деле не могут больше (и, к сожалению, это справедливо) выносить тяжелых шлемов, панцирей, щитов и копий, не могут метать тяжелые дротики, которые я вынул из хранилищ Гейзериха.

— Они обязаны вооружиться собственным оружием, — перебил Цацо. — Почему же они...

— Потому что они большей частью продали старое победоносное оружие или променяли его на украшения, вино, лакомства и невольниц, или же на такое оружие,

ФЕЛИКС ДАН

которое скорее служит для забавы, чем для боя. С этими игрушками я никому не позволю вступать в ряды. А до тех пор, пока они вооружатся как следует, царство может пропасть. Это верно. Оружия Гейзериха они больше носить не в силах. Они падают под его бременем. Они говорят, что в эту жаркую часть года как раз...

— Что ж, не прикажут ли нам известить неприятеля: вандалы, мол, сражаются только зимою, — засмеялся Цацо.

— Чтобы пополнить ряды нашей пехоты, я завербовал уже несколько мавританских племен, — сказал озабоченно король. — Конечно, это плохая замена германских сил. Эти сыны пустыни так же подвижны, так же непостоянны и переменчивы, как пески их родины. Тем не менее я нанял двадцать вождей и приблизительно десять тысяч воинов.

— Что, престарелый Кабаон находится в их числе? — спросил Гибамунд.

— Нет. Он все еще не дает решительного ответа.

— Жаль. Он самый могущественный из всех! Его чтут, как пророка, все мавританские племена, — сказал Цацо.

— Ну, у нас будут получше союзники, чем мавританские разбойники! — утешал Гибамунд. — Храбрые вестготы из соседней Испании!

— Ты получил ответ от их короля?

— И да, и нет! Король Теудис — умная, осторожная голова. Я настоятельно убеждал его (я собственноручно написал ему письмо, не поручил этого Веру), что не нам одним грозит Византия, что императорские войска легко переплывут из Цеуты через узкий морской пролив в случае, если мы будем побеждены. Я предлагал ему оборонительный союз. Он отвечал уклончиво: он должен, мол, сперва убедиться в том, насколько мы сильны. Я писал вторично и еще убедительнее. Жду ответа на днях.

— А что же остготы? — спросил Гибаmund. — Что они отвечали?

— Ничего.

— Это плохо.

— Я писал регентше: указывал на то, что не виноват в вероломстве Хильдериха. Предостерегал ее от Юстиниана, который угрожает ее царству так же, как и нашему, напоминал о близком родстве наших народов...

— Неужели ты унился до просьб? — спросил Цацо недовольным тоном.

— Ничуть. Я ничего не просил. Я требовал, как права, чтобы остготы, по крайней мере, не помогали нашим врагам. До сих пор я еще не получил никакого ответа... Но хуже недостатка в союзниках, худшее из всего — это бессмысленное, неразумное презрение к неприятелю в нашем собственном народе, — заключил король.

— О, да! Они говорят: к чему мы будем трудиться и мучиться с учениями и приготовлениями? Греки не посмеют напасть на нас! А если и нападут: милости просим! Внуки Гейзериха точно так же побьют внуков Василиска, как Гейзерих сокрушил самого Василиска.

— Наши юноши развращены хуже самых порочных римлян. К жестокости предков, — вздохнул глубоко король, — присоединяется сладострастие потомков, пьянство, изнеженность. Как может жить такой народ? Он, конечно, погибнет...

— Но мы, Асдинги, — перебил Гибаmund, выпрямляясь во весь рост и сверкнув глазами, — мы чисты от этих пороков.

— Чем виноваты мы — ты, мы двое — что заслуживаем погибели? — подхватил Цацо.

Снова глубоко вздохнул Гелимер; лоб его омрачился, он опустил глаза:

ФЕЛИКС ДАН

— Мы? Разве над нами не тяготеет проклятие... Но довольно! Ни слова об этом, по крайней мере, теперь! Последняя моя надежда это то, что я, король, ношу корону беспорочно. Если бы я и в этом ошибался, — горе мне! Ах!.. Это ты, Вер? Ты меня испугал...

— Вползает всегда неслышно, как змея! — проворчал Цацо про себя.

Священник (он и в звании канцлера носил духовную одежду) вошел никем незамеченным, и как давно, никто не знал. Его глаза были устремлены на Гелимера. Он отнял руку, которую было положил на обнаженную руку короля.

— Да, мой государь, берегись отягчать свою совесть! Береги душу от греха! Я знаю тебя: удрученная совесть раздавит тебя.

— Не пугай брата, — закричал Цацо.

— Что общего между ним и грехом, — сказал Гибамунд, обнимая короля.

— Он слишком добросовестен; он великий мечтатель, — продолжал Цацо. — Право же, и ты, Гелимер, не годишься больше в вандалы Гейзериха! Ты также заразился, но не римскими пороками, а римскими, или греческими, или христианскими фантазиями, — как бы это назвать помягче: гностикой, теософией или мистицизмом? Я ничего этого не понимаю и даже не могу себе представить! Как я рад, что отец не поручал моего воспитания попам и философам! Да, он рано заметил, что крепкому лбу Цацо лучше носить шлем, чем перо за ухом. Но ты — иное дело. Мне всегда казалось, что я входил в темницу, когда я навещал тебя в твоём мрачном, обнесённом высокими стенами монастыре, в уединении пустыни. Много, много лет промечтал ты там над книгами... Все это потерянные годы.

— Нет, не потерянные, — отвечал Гибамунд, — не

потерянные, если он успел стать первым героем своего народа. В нем вся надежда вандалов.

— Во всех нас, Асдингах! Мы не запятнаны, — заключил король. — Но может ли один род, хотя бы и властвующий, остановить падение народа?

— Трудно, — покачал головой священник. — Да и кто же может о себе сказать, что он чист от греха? Но, кроме того, грехи отцов... -- начал он, пристально взглянув на Гелимера.

— Довольно! — как-то болезненно вскричал король. — Прочь эти мысли теперь, когда надо действовать...

И он взялся руками за голову.

— Да, и в настоящем грех слишком велик в народе, — не унимался Вер. — Он громко взывает к небу об отмщении! Вот и теперь я должен был напугать умирающего...

— Он, будучи и канцлером, не пренебрегает обязанностями священника! — заметил Гелимер братьям.

— Иду я у южных ворот, слышу из той проклятой рощи греховный шум, адский крик, бесстыдные песни...

— Как? — гневно вскричал король и ударил кулаком о мраморный стол. — Они все еще смеют бесчинствовать? Ведь я приказал перед отъездом в Гиппо прекратить все эти игры и пиры! Ведь я назначил вчерашний день последним сроком, когда роща должна быть очищена и все увеселительные дома в ней закрыты. Я послал туда три сотни копьеносцев исполнить мой приказ: что же они делают?

— Когда не пьют и не пляшут, то спят, устав от бесчинства, опьянев от вина, как и все, кто там. Я видел кучку их у ворот: они лежали и спали.

— Я их разбужу по-своему, — закричал король. — Неужели же грех бесповоротно опутал нас?

— Ту рощу не искоренишь, — сказал Цацо.

— Чего меч не осилит, с тем справится огонь, — пригрозил король. — Я явлюсь среди них, как Божий гром. Братья, за мной!

И он быстро вышел из залы.

— Поскорей собери человек двести всадников, Гиба-мунд, — посоветовал Цацо, поспешая за братом, — дворцовых всадников под начальством преданного нам Маркомира. Ведь вандалы не послушают слов короля, если не блеснет его меч.

Медленным шагом, покачивая поникшей головой, вышел вслед за Асдингами и архидиакон.

Глава 10

«Нижнее предместье» Карфагена находилось на севере, у гавани; к западу лежало предместье Аклас, «нумидийское»; на востоке «триполитанское предместье», а к югу, тотчас за воротами города, тянулась упоминавшаяся выше «роща Венеры», или «Святой Девы». В длину она — на два часа ходьбы; в ширину — на один час. С древнейших времен она была местом сборища для тех пиршеств и удовольствий, которые вошли в поговорку в Римской империи, где слово «африканский» употреблялось для выражения всего распущенного, необузданного.

По императорскому приказу и в продолжение целого ряда столетий эта роща превратилась в прекрасный парк, украшенный искусством и всею роскошью эпохи цезарей.

Главным образом здесь росла финиковая пальма. Она превосходно прижилась здесь, ее стройные стволы достигли пятидесяти футов вышины. Ни один солнечный луч не проникал под ее зеленые вершины, тихо раскачиваемые ветром.

Но пальмы росли на таком расстоянии друг от друга,

что в промежутки проникали и свет и воздух. Менее высокие деревья, а также кусты и цветы процветали под защитой их гигантских вершин. Рядом с пальмами здесь росли платаны, пластические пинии, кипарисы, лавр, оливки, гранаты, фиговые, абрикосовые, персиковые, миндальные, фисташковые, олеандровые и миртовые деревья.

Ветер разносил с бесчисленных клумб семена цветов. Со всех сторон из травы поднимались цветы самых ярких, жгучих расцветок, какие только создает африканское солнце. В теплом воздухе носился сладкий, сильный, почти опьяняющий аромат.

Среди этого мира деревьев, кустов и цветов, благодаря расточительности императоров, часто проживавших здесь в прежнее время, наместников и еще более благодаря пожертвованиям богатых карфагенских граждан, в этой роще красовалось множество зданий разного рода. Поэтому, кроме могильных памятников, возвышавшихся по обеим сторонам пересекающей рощу с севера на юг, прямой, как стрела, улицы Легионов, повсюду виднелись бани, пруды, маленькие озера с фонтанами, с мраморными набережными и красивыми пристанями для увеселительных судов, цирки, амфитеатры, открытые сцены, стадионы для работы атлетов, ипподромы, пропилеи, храмы со всеми их многочисленными и обширными постройками.

Афродите и Венере была первоначально посвящена эта роща, поэтому статуи этих богинь все еще попадались чаще всего на зеленых лужайках. Правда, ревность христиан у многих из них поотбивала головы, носы или руки.

Многие из языческих храмов были со времен Константина превращены, с необходимыми переделками, в христианские оратории и церкви, но отнюдь не все, и некоторые языческие храмы превратились в последние двести лет, со своими отдельными садами, беседками и гротами, просто в убежища разврата, азартной игры,

ФЕЛИКС ДАН

пьянства и того хуже. Боги были изгнаны, место их заняли черти.

Из сотни зданий, возвышавшихся в этой роще, два находились поблизости «южных ворот» города; это были «старый цирк» и — почти рядом — «амфитеатр Феодосия».

Второй цирк был построен в цветущее время Карфагена, обширные размеры его и число мест в нем (восемьдесят тысяч) были рассчитаны по тогдашнему громадному населению города.

Снаружи цирк был окружен аркадами с бесчисленными входами и наружными лестницами близ ниш, из которых последние служили лавочками, тавернами, винными погребками, лавками с овощами и съестными припасами. Здесь всегда днем и ночью толпился разный сброд. Из более просторных помещений, скрытых занавесами от глаз прохожих, доносились звуки кимвалов, прищелкивания руками и кастаньетами. Немудрено было догадаться, что там за медные гроши пляшут сирийки и египтянки.

К югу от цирка лежало большое озеро с проведенной из залива морской водой, и вся эта масса воды могла отводиться и заливать арену прилегающего к нему амфитеатра.

Глава 11

Зной африканского летнего дня все еще наполнял рощу, хотя солнце давно уже погрузилось в море, и короткие сумерки сменились темной ночью. Но вот вошла полная луна над вершинами пальм и озарила таинственным светом деревья, кусты, луга и воды, мраморные статуи, фантастически выглядывавшие из-за

темной зелени кустов, и самые здания, стены которых были выложены большей частью белым или желтым мрамором.

В отдаленных частях рощи царили один лишь кроткий, серебристый лик Дианы да глубокая, целомудренная тишина; но вблизи ворот, в двух больших главных зданиях, на лужайках и в садах стоял гул от собравшейся сюда многотысячной толпы.

Все известные в то время инструменты звучали нестройно, дисгармонично. Крики пьяных, бешеные возгласы ссорящихся раздавались на римском, греческом, но более всего на вандальском языке. Большая и самая буйная часть «гостей рощи» принадлежала племени завоевателей, растрчивавших здесь все свои силы.

Через южные ворота вышли на широкую дорогу, которая вела к цирку, два человека в чисто германской одежде. Это бросалось в глаза, так как вандалы почти все променяли национальный костюм и оружие на все римское.

— Что за дикие крики! Экая толкотня и сумятица! — говорил старший из них, среднего роста, окидывая умными глазами все окружающее.

— А всего неистовее орут и беснуются не римляне, а наши любезные соплеменники, — отвечал другой.

— Ну, разве я не прав, друг Тейдигизель? Здесь, среди самого народа, мы лучше узнаем то, что нам нужно; в одну ночь получим больше сведений, чем из многомесячной переписки с этим ученым королем.

— Просто невероятно, что видишь здесь!

В эту минуту их поразили громкие крики. Два голых негра, опоясанные лишь передниками из павлиньих перьев, размахивая позолоченными палками вокруг своих курчавых голов, старались расчистить место для какого-то шествия.

ФЕЛИКС ДАН

— Дорогу, — кричали они, — дайте дорогу Модигизелю, знатному господину!

Но расчистить дорогу им никак не удавалось, потому что крики их только увеличивали толпу любопытных.

Наконец, следовавшие за ними еще восемь, подобно им, голых мавров опустили с плеч свою ношу — богато вызолоченные полуоткрытые носилки. Они были обнесены решеткой из резной слоновой кости, обложенной пурпурными подушками; с верхушки столбов из слоновой кости развевались белые страусовые и розовые фламинговые перья.

— Эге! Любезный друг, — обратился младший из чужеземцев к хозяину носилок, белокурому вандалу лет двадцати восьми в блестящем белом, богато вышитом золотом и драгоценными камнями шелковом одеянии, — что, у вас каждую ночь идет такое веселье?

Господин, к которому обращались, был видимо удивлен, что с ним осмеливаются так бесцеремонно разговаривать.

Он с трудом раскрыл сонные глаза и повернулся к своей спутнице. Теперь только можно было заметить, что около него находится молодая женщина необыкновенной красоты, но чересчур полная, в богатом, но безвкусно пестром костюме. Ее белая матовая кожа отливала желтизной, выражение строго правильного, точно резцом выточенного сфинксообразного лица было без всякой души или ума и только говорило об утомленной, но ненасытной чувственности: она была похожа на удивительно красивого, но весьма опасного зверя.

— Послушай, Астарта! — пролепетал ее спутник чуть не шепотом (он слышал от греко-римского щеголя из Византии, что хороший тон велит говорить так тихо, чтобы ничего не было слышно). — Какие пугала эти два!

Он приподнял толстый венок из роз, который со лба

спустился ему на глаза, и при этом вздохнул от напряжения.

— Вот таким точно рисуют Гейзериха и его седую бороду! Погляди-ка, у одного из них волчья шкура вместо плаща; другой держит на руках (это в роще Венеры!) огромное копьё! Эй вы, чучела гороховые, вас бы следовало показывать за деньги в цирке!

Младший из чужеземцев с гневом схватился за меч:

— Если бы ты знал, кто...

Но старший многозначительно кивнул ему, приглашая молчать.

— Вы, должно быть, в самом деле прибыли издалека, — продолжал вандал, которого чужестранцы, очевидно, забавляли, — что задаете такие вопросы. В роще богини любви каждую ночь идет пирование. Только сегодня немного веселес обыкновенного. Богатейший вельможа празднует сегодня свадьбу и пригласил к себе весь Карфаген.

Тут роскошная женщина, лежавшая рядом с ним, слегка приподнялась:

— Зачем тратишь ты время с этими лешими? Погляди, озеро уже озарилось красным светом: Катанье в лодках уже начинается. Я хочу поскорее увидеть красавца Тразариха.

И когда она произнесла это имя, неподвижные черты ее лица оживились, большие, темные, как ночь, непроницаемые глаза устремились вдаль с пламенным нетерпеливым выражением; затем она опять опустила длинные ресницы и прислонилась головой к пурпурной подушке; черные, как смоль, волосы были взбиты на голове и образовали целую башню, но эти роскошные волосы по толщине отдельных волосков слишком походили на лошадиную гриву.

— Изволь довольствоваться пока таким же красавцем

ФЕЛИКС ДАН

Модигизелем, ненасытная, — закричал ее спутник уже во всю глотку, позабыв в сердцах о модном шептанье и всяком манерничанье, — еще увидим! Ты становишься слишком дерзка, Астарта, с тех пор, как я отпустил тебя на волю.

И он толкнул ее локтем в бок. Он хотел быть нежным, но у карфагенянки чуть заметно дрогнула верхняя губа, и открылись маленькие белые острые зубки. Это движение напомнило больших, злых кошек ее отчизны, тем более что она при этом сильно сузила глаза, как рассерженный тигр, и приподняла вверх великолепную круглую голову, словно мысленно изрекая клятву отомстить.

Модигизель этого не заметил.

— Повинуюсь, божественная владычица, — снова промямлил он с модной ужимкой. — Вперед!

И так как бедные негры не расслышали его — его тон был слишком нежен — то он заревел, как медведь:

— Вперед, собаки, говорят вам!

И с силой, какую нельзя было предположить в таком изнеженном сибарите, ударил кулаком в спину ближайшего раба, так что тот повалился на землю. Не произнеся ни звука, поднялся он опять на ноги, ухватился с семью другими за позолоченные палки носилок, и скоро последние исчезли в толпе.

— Видел ты эту женщину? — спросил младший из чужеземцев, в волчьей шкуре.

— Да. Она похожа на черную пантеру или вообще на здешний край — красивый, знойный, обольстительный и смертоносный. Пойдем, Тейдигизель! Отправимся и мы к озеру! Там собралось много вандалов.

— Стой, не споткнись, господин! Что это лежит поперек дороги?

— Воин в полном вооружении, вандал.

— И спит, как мертвый, в этом шуме!

— Он, должно быть, очень пьян.

Старший толкнул спящего тупым концом копья.

— Эй, кто ты?

— Я?.. Я?..

И лежавший приподнялся на локте.

— Я... думаю... я... Гунтамунд, сын Гунтариха...

— Что ты здесь делаешь?

— Ты сам видишь: сторожу... Чего вы смеетесь? Я сторожу, чтобы в роще не было больше никаких кутежей и пиров... Но где же остальные? Нет ли у вас вина? Мне страшно пить хочется.

И он опять повалился на мягкую траву.

— Так вот какова стража у вандалов! Что, мой храбрый герцог, то ли ты посоветуешь теперь, что советовал там, дома?

Молча покачав головой, последовал за ним спутник.

Они скрылись в толпе, со всех сторон стремившейся к озеру.

Глава 12

На южном берегу этого озера, вокруг которого густо рос кустарник, напротив красивой, выложенной мраморными плитами пристани, находившейся на северной его оконечности, была поставлена высокая эстрада, покрытая дорогами пестрыми коврами и предназначенная для избранных гостей, которых насчитывалось несколько сотен; для самых знатных из них оборудован был далеко выдающийся в озеро, обтянутый пурпурным шелком балкон.

Из-за стен выплыла при звуке флейт и кимвалов целая флотилия челноков, лодок, гондол, фантастически построенных в виде то дельфина, то акулы, то гигантской

ФЕЛИКС ДАН

морской птицы, чаще же всего в виде дракона, красовавшегося на знаменах вандалов.

На палубе каждого корабля картинно размещались под мачтами и около руля на нескольких ступеньках группы вандальских мужчин и юношей в причудливых, частью заимствованных у различных национальностей, костюмах возле красивых девушек и мальчиков. Белокурые или рыжие кудри вандалов спускались на черноволосые затылки девушек и перемешивались с их черными локонами.

Музыка играла на каждом корабле; невольники и невольницы наливали в кубки вино из прекрасных кувшинов, которые они держали на головах.

Вдруг среди них появился и поплыл вперед будто бы без помощи гребцов (гребцы-негры были спрятаны под палубой) большой, все другие суда затмивший своей фантастической, роскошной отделкой свадебный корабль. Его влекли восемь сильных лебедей, которые были попарно скованы золотыми цепочками, обвивавшими их длинные шеи. Великолепные, хорошо дрессированные птицы величественно плыли прямо к балкону на южной стороне.

На палубе, густо, в целый фут толщины, усеянной розами, был устроен вокруг мачты навес из виноградной лозы, под ним лежал огромного роста человек почти семи футов, это был жених. Густые красные волосы его были увиты без всякого вкуса виноградными листьями и красными розами; на плечи накинута шкура пантеры, пурпурный передник повязан был около пояса, в правой руке он держал тирсовый жезл; к его груди прижималась тоненькая миниатюрная девушка.

Лица ее не было видно, так как на покинутую Ариадну была накинута вуаль римской невесты; кроме того, девушку, очевидно, пугал весь этот шум: она со страхом прятала свою головку под шкуру пантеры, выброшенную

на плечи великана. По временам она робко заглядывала ему в лицо, но он этого не видел, так как голый мальчик лет двенадцати, с золотыми крыльями за спиной, с луком и колчаном на золотом шнурке через плечо, беспрерывно наливал ему вино в огромный кубок, и жених то и дело опустошал его. Это отвлекало его внимание от невесты.

В головах брачной четы картинно раскинулась на подушках, опершись благородной головой, на которой темные волосы с золотистым отливом собраны были в простой греческий узел, прелестная девушка лет восемнадцати: она была несравненно изящнее карфагенской Астарты, облагороженная эллинско-пластическим спокойствием и эллинскими формами. Два ручных белых голубя сидели у нее на правом плече. На ней была надета белая легкая туника, доходившая до колен и служившая больше украшением, нежели прикрытием наготы. Прозрачная шелковая ткань придерживалась у талии золотым широким прекрасной работы поясом, с которого спускался финикийский пурпурный передник, обшитый тяжелой золотой бахромой. К золотым сандалиям приделаны были из белого и серого плотного шелка «морские волны», которые доходили до щиколотки «из пены рождённой» и на которых виднелось по две большие жемчужины.

Когда влекомый лебедями корабль показался на виду у многотысячной публики, последняя приветствовала оглушительными криками это чудное явление.

Как только корабль выплыл из полутьмы на свет, Афродита стала торопливо и отчаянно искать, чем бы прикрыться, и схватив большой грубый парус, лежавший рядом, завернулась в него с головы до ног.

— Какое варварское вступление! — шепнул на ухо один римлянин, стоявший под эстрадой напротив гавани, другому на грубом африканском гортанном языке:

ФЕЛИКС ДАН

— Это, вероятно, должно изображать Бахуса.

— И Ариадну.

— Однако Афродита мне очень нравится.

— Еще бы! Ведь это красавица Главка с Ионических островов. Ее не так давно похитили из Милета морские разбойники. Говорят, она дочь хороших родителей. Ее на гаваньском форуме продали Тразабалу, брату жениха. За нее отдали, говорят, два поместья.

— Как она грустна.

— Но покупатель и господин носит девушку на руках и влюблен в нее до безумия.

— Верю. Она удивительно, чудно хороша.

— А этот медведь, этот буйвол из Скифии разыгрывает Диониса!

— С ловкостью слона...

— С рыжей огромной бородой.

— Он забыл побриться, потому что вообразил себя богом.

— О! Вандальские вельможи думают, что они выше и богов и святых!

— А были и есть конокрады и разбойники.

— Смотри! Он привесил сверх виноградных листьев германский меч у пояса!

— Это для приличия, — смеялся другой.

— Видно, варвар стыдится изображать голого бога!

— Значит, не совсем стыд потерял! — громко сказал человек, по-видимому, понявший слова собеседников. — Пойдем, Тейдигизель!

— Понял ты, что он сказал? Вон тот, с копьем. Ведь это не по-вандальски.

— Но очень похоже на вандальский язык. В Испании говорят так. Я слышал, когда был в Гиспалесе.

— Слышишь, как ревут на кораблях!

— Это, должно быть, гимн Гименею! Брат жениха

сочинил его: ведь варварские вельможи сочиняют теперь латинские и даже греческие стихи. Ну их!..

— О, Лавр, ты завистлив, — засмеялся другой, — как соперник их по ремеслу. Ты сам ведь сочиняешь стихи по случаю всяких торжественных случаев; даже победы вандалов над маврами воспевал ты и (Господь тебя прости!) «Храбрый меч короля Гильдериха». Да, в честь варваров ты даже охотнее пишешь стихи, чем в честь римлян.

— Разумеется! Варвары понимают хуже, требуют меньше и платят больше. По тем же самым причинам и ты тоже, друг Виктор, должен желать, сидя в своем винном погребке, чтобы вандалы оставались властителями в Карфагене.

— А что, ты ведь, пожалуй, прав.

— Еще бы, варвары так же мало смыслят в хорошем вине, как и в хороших стихах...

— Ну вот, и все корабли на виду! Бесстыдство, Виктор, чистое бесстыдство! Кроме украшений, ведь на Афродите ничего нет.

— Это не ее вина, бедняжка! Наглый мальчишка Амур отнял у нее парус, в который она была завернута, и бросил в озеро. Посмотри, как она конфузится. Вот она просит у невесты шелковый платок, который лежит у ее ног.

— Они сейчас пристанут к берегу! Как мне жаль бедную невесту. Стыд и срам. Она ведь дочь свободного римского гражданина, хотя и греческого происхождения. А отец...

— Где же Евгений? Его не видно на корабле.

— Верно, ему стыдно присутствовать на жертвоприношении его же детища. Он задолго до свадьбы уехал со своим сицилийским приятелем, хлебным торговцем, в Аттику и по возвращении оттуда отправится вместе с

сиракузцем в Сицилию. Он принес в жертву свою Евгению.

— Однако, говорят, что она сама пошла за варвара! Она любит рыжего громилу. Да он и в самом деле недурен, даже можно сказать красив.

— Варвар. Черт бы их побрал!.. Ах, виноват...

Лавр поспешно извинился перед пьяным вандалом, который наткнулся было на него и, по-видимому, не заметив, помчался дальше.

— А варвар-то чуть тебя не раздавил, Лавр, — заметил Виктор.

— Что ж прикажешь делать? В их руках меч и власть! А, чтоб им всем провалиться!

Глава 13

Тем временем корабли подплыли к берегу. Их приветствовали музыка и крики с эстрады. С судов спущены были лестницы, покрытые богатыми коврами. Невольники усыпали ступеньки цветами. Новобрачные и гости сошли на берег и стали строиться для процессии. Юноша вандал в крылатой каске на белокурой голове и крылатых сандалиях озабоченно бегал взад и вперед, размахивая кадуцеем из слоновой кости, увитым золотыми змеями.

— Кто это? — спросил Виктор. — Верно, владелец прекрасной Афродиты. Он кивнул ей, она улыбнулась.

— О, да! Это Тразабад, — проворчал Лавр, сжимая кулаки. — Чтоб ему святой Киприан послал сто скорпионов в постель! Туда же — поэт! Только хлеб у меня отбивает, у меня — ученика великого Лукзория!

— Ученика? А я думал, что ты был...

— Его раб, а затем вольноотпущенный. Целые ослиные кожи я исписал ему стихами...

— Но ведь не как ученик...

— Ты, братец, ничего в этом не смыслишь! Стихотворство состоит из десятка, другого небольших фокусов; их всего лучше выучиваешь, когда переписываешь, потому что они постоянно повторяются. А этот варвар трудится даром! Конечно, он рад и тому, что его слушают.

— Он ведет процессию, как Меркурий. Смотри, он дает знак. Все направляются к цирку. Пойдем и мы.

Меркурий протянул руку Афродите, чтобы помочь ей сойти на землю.

— Вот ты и опять со мной! — нежно прошептал он ей. — Целых два часа провел вдали от тебя, моя милая. Я так люблю тебя!

Она благодарно улыбнулась и с любовью поглядела на него.

— Это и причина тому, что я еще жива, — прошептала она и печально опустила глаза.

— Но как ты закуталась, моя Афродита!

— Я не Афродита! Я твоя Главка!

Под руку с нею Тразабад открыл шествие, не без труда протискиваясь в толпе народа.

В цирке многочисленные рабы указали места гостям.

Когда суета улеглась и все гости уселись на своих местах, в главной ложе, где, кроме человек двенадцати мужчин и женщин, уселся также и Модигизель со своей красивой приятельницей, появился Меркурий, поклонился новобрачным и начал:

— Дозволь, божественный брат, сын Семелы...

— Постой, малый, — перебил его жених (Меркурий был вершка на два ниже Бахуса, но все же с лишком шести футов ростом). — Ты, должно быть, опьянел от того вина, которое я выпил, что городишь такую чепуху. Нашего храброго отца звали Тразамером, а не Семелой...

ФЕЛИКС ДАН

Поэт, смущенный, засмеялся, переглянулся с Афродитой и продолжал:

— Позволь мне перед началом игр прочитать тебе мои свадебные стихи...

— Нет, нет, братец, — перебил жених, — лучше не надо. Стихи...

— Недостаточно гладки? Но что ты в этом понимаешь?..

— Ровно ничего! Но ты был так добр, что уже три раза читал мне их.

— А мне пять раз, — тихо проговорила Афродита, улыбаясь, — пять раз! Я умоляла его сжечь их. Они не хороши и не красивы, так что же в них?

— По содержанию, — продолжал Тразарих, — они, сказать попросту, бесстыдны...

— Я писал по лучшим римским образцам, — проворчал поэт.

— Может быть! Но поэтому-то именно мне стыдно было их слушать. Мне не хотелось бы при всех этих женщинах...

Тут в ушах его раздался едкий смех.

— Ты смеешься, Астарта?

— Да, прекрасный Тразарих, я смеюсь! Вы, германцы, неисправимы, вы — стыдливые дети огромных размеров.

Невеста с мольбой взглянула на него. Он этого не видел.

— Стыдливы? Мне кажется, напротив, что я потерял всякий стыд. Мне противна эта роль полуголого бога. Как я рад буду, Евгения, когда кончится вся эта суета!

Она благодарно пожала ему руку.

— А завтра, не правда ли, ты пойдешь со мной к Гильде? Она желала в первый же день поздравить меня.

— Разумеется. И ее поздравление принесет нам счастье! Она прекраснейшая женщина. Ее брачная жизнь

с Гибамундом впервые научила меня верить в женщин, в любовь и счастье. Она... чего тебе, малый? Ах, да, игра! Гости! Я все позабыл. Ну, дальше, подавай знак: пусть начнут там внизу.

Меркурий подошел к белой мраморной балюстраде, окружавшей ложу, и два раза махнул в воздухе кадуцеем; ворота по правую и по левую руку от конюшен растворились; на арену выступили — с правой стороны одетые в голубое, а слева — в зеленое — трубачи и оглушительно протрубили о начале представления.

Модигизель дернул жениха за шкуру пантеры.

— Послушай, — прошептал он, — моя Астарта поожительнее пожирает тебя глазами. Я думаю, что ты давно уже нравишься ей больше, чем я. Я хотел было убить ее из ревности, но... мне слишком жарко, а потому лень и ревновать, и убивать.

— Кажется, она больше не раба твоя? — спросил Тразарих.

— Я отпустил ее на волю, но удержал за собой право ей приказывать. Я все-таки убил бы ее, но мне здесь так жарко... Знаешь, что я тебе скажу?.. Мне она надоела, а твоя Евгения мне нравится. Что, если бы нам поменяться?

Тразарих не успел ему ответить.

Еще раз прогремели трубы, и колесницы выехали на ристалище. Пять голубых колесниц медленно выехали из правых ворот, а пять зеленых — из левых. Все на них было голубое или зеленое: сами колесницы, упряжь лошадей, вожжи и туники возниц. Первые три колесницы каждой партии были запряжены четверкой, обычным числом коней, и только четвертая — пятериком. Когда же показались последние колесницы каждой партии, запряженные даже семью лошадьми, то с верхних мест раздались крики удивления и восторга; то были худшие места, и хотя многие лучшие ряды оставались пустыми,

ФЕЛИКС ДАН

вандалские сторожа все-таки загнали наверх римских мелких граждан.

— Смотри-ка, Виктор! — прошептал Лавр соседу.

— Это цвета византийских партий.

— Да. Эти варвары все перенимают.

— Как обезьяны передразнивают игру на флейте!

— В цирке следовало бы появляться только в тоге.

— Как мы, — ответил самодовольно Виктор.

— А эти — кто в панцире, кто в одних легких туниках!

— Конечно! Им никогда не сделаться южанами! Он так и останутся северными варварами.

— Но погляди, какая роскошь, какая расточительность! Колеса, даже спицы — все посеребрены и перевязаны голубыми или зелеными лентами.

— А колесницы! В них сверкают сапфиры и изумруды.

— Откуда у Тразариха все эти сокровища?

— Награблены, приятель, у нас же награблены! Я уж тебе говорил. Но не самим Тразарихом, конечно (эти разбойники стали слишком ленивы), а еще его отцом Тразамером, в особенности его дедом Тразафридом! Он был правой рукой Гейзериха, а уж в драке или в грабеже ему не было равных.

— Какие чудные лошади, в особенности рыжий пятерик! Он не африканского происхождения.

— О, нет, африканского, но с испанской помесью из Кирены. Это лучшие лошади.

— Да, в особенности, когда у них есть еще примесь мавританской крови, знаешь, как знаменитый жеребец мавританского вождя Кабаона? Говорят, он достался какому-то вандалу.

— Не может быть, такого коня не продаст ни один мавр.

— Бега кончились. Теперь они пойдут рядом около белого шнура. Сейчас...

— Нет еще! Смотри: вон один зеленый и один голубой подходят к правому и левому столбу, на которых протянут шнурок. Слушай, что такое провозглашает Меркурий?

— Призы для победителей. Слышишь: 15000 сестерций — второй приз за упряжную четверку; 25000 сестерций — первый приз за упряжную четверку; 40000 — за лучший пятерик и 60000 — за семерик.

— Гляди, как зеленый семерик стучит копытами о землю! Возница — Геркулес! Он уже выиграл пять призов.

— Но погляди-ка! Его соперник — мавр Калхас, у того семь знаков отличия, бросает бич и приглашает Геркулеса сделать то же самое и править без бича. Но тот не решается.

— Нет, видишь, решается. Бросил бич на песок. Я бьюсь об заклад за Геркулеса! Я держу пари на зеленых, — кричал Виктор, горячась.

— А я за голубых! Но, стой! Что ж это такое: мы, римские граждане, бьемся об заклад за наших тиранов?

— А что ж такое? У тебя нет храбрости или денег?

— Побольше, чем у тебя. Сколько? Семь сестерций?

— Двенадцать!

— Хорошо, идет!

— Гляди, шнур опущен.

— Теперь они тронутся.

— Славно! Зеленый уже у второй цели... Вот и у следующей... Славно!

— Держись, Калхас! Так! Голубой, вперед! Эге! Калхас обогнал.

— Скорей, Геркулес, скорей, ленивая скотина! Правее, правее, говорят тебе! Ах!

— Ага! Хвала святому Киприану! Зеленый полетел и растянулся на земле! Точно раздавленная лягушка! Мы победили! Голубой взял! Ну, раскошеливайся, приятель! Где мои денежки?

— Это не идет в счет. Я не заплачу. Голубой нарочно толкнул дышлом лошадь на правом крыле. Это обман!

— Как? Ты позоришь мои цвета и не хочешь платить?

— Ни одной сестерции.

— Вот как? Ах ты, негодяй! Ну, так я разделаюсь с тобой!

Раздался звук здоровой пощечины.

— Тише вы там, под облаками! — закричал Меркурий, — Не беспокойся, прелестная невеста! Ничего особенного не случилось: два римских гражданина подрались. Эй, вы там, вандалы-приятели, выбросьте их обоих вон... обоих! Вот так! Ну, теперь будем продолжать игры. Вынесите зеленого в печальные ворота! Что он — мертв? Да? Ну, прочь его! Призы будут раздаваться потом. Если король прибудет из Гиппо до срока... беда!

Глава 14

— **Ч**то! — заметил сосед Модигизеля, вельможа задо- рного вида и уже не первой молодости, с гордой, самоуверенной осанкой. — Ужели нам его бояться? Мы, Гундинги, такой же древний род. Я не преклоню головы перед Асдингами. Всего менее — перед этим хитрецом.

— Ты прав, Гундомар, — согласился другой, более молодой. — Не позволим тирану командовать нами.

Тут огромный Тразарих медленно повернул голову и проговорил тихо, но внушительно:

— Послушайте, Гундомар и Гундобар, вы мои гости, но все же не говорите худо о Гелимере, иначе я с вами поступлю, как с теми двумя римлянами. Хоть у меня и шумит в голове, а Гелимера не смей порочить! Я этого не позволю. Он добрейшая душа. Тиран! Это что значит?

— Значит, узурпатор!

— Как ты это понимаешь? Он — старейший из Асдингов.

— После короля Гильдериха! А разве справедливо он низложил и заточил его? — спросил Гундомар.

— Разве все это была не подстроенная заранее комедия? — подхватил Гундобар.

— Но не Гелимер же ее подстроил?! — заревел Тразарих.

— Нет! Но, может быть, Вер.

— Правда, болтают. Говорят, он получил письменное предостережение...

— Все равно, если твой любезнейший король узнает про этот пир...

— Тогда беда! Он и с тобой поступит, как...

— Как тогда, когда ты хотел без попа жениться на твоей невесте, — засмеялся Модигизель.

— Что он тогда сбил меня с ног, за это я ему благодарен до конца дней. Таких женщин, как Евгения, приобретают в жены не увозом, но заслужив ее любовь.

Он наклонился к девушке, схватив ее головку в свою огромную лапу, и прижал к груди. Счастливый взгляд больших темных, как у сэрны, глаз был ему наградой.

Модигизель заметил этот взгляд и с восхищением посмотрел на Евгению. Та приподнялась и что-то шепнула на ухо жениху.

— Хорошо, мой цветочек, птичка моя! — отвечал тот. — Если ты обещала, то должна сдержать обещание! Проводи ее, брат, к выходу. Данное слово должно быть так же свято, как жизнь.

Невеста, окруженная толпой подружек, под руководством Тразабата направилась к одному из бесчисленных боковых выходов из цирка.

— Куда она идет? — спросил Модигизель, глядя ей вслед разгоревшимся взглядом.

ФЕЛИКС ДАН

— В церковь, которая устроена в маленьком храме Весты. Евгения обещала отцу помолиться в ней до наступления полуночи: ведь ей придется обойтись без церковного благословения, так как она выходит замуж за арианина.

Модигизель снова пристал к Тразариху:

— Уступи мне свою малютку и возьми мою толстуху!.. Ты выгадаешь при этом, по крайней мере, сто фунтов мяса лишку. Ты говоришь, она свободная римлянка? Ну так что ж? Я тоже женюсь на ней. За этим дело не станет.

— Сохрани свою роскошную богиню и оставь мне мою малютку. Для такого промена я еще недостаточно пьян.

Тут вдруг заговорила Астарта:

— У нее только кожа да кости.

И чудные губы ее, раскрывшись, показали острые белые зубки.

— А глаза-то! Какие глаза! — воскликнул Модигизель.

— Да, они больше лица, точно у вылупившегося цыпленка! — насмеялась Астарта. — Что в ней такого особенного?

И круглые глаза зажглись недобрым огнем.

— Ее душа карфагенская, — отвечал жених.

— У женщин нет души, — заметила Астарта спокойно и важно. — Так учил один отец церкви или философ. У одних, как у этого пигмея, вместо души — вода. У других — огонь.

Она умолкла и тяжело перевела дух. Она была теперь хороша, волшебной прекрасна: точно отлитая из мрамора; ее твердые, как у сфинкса, щеки горели.

— Огонь! — повторил Тразарих, отворачиваясь от ее пламенных взглядов. — Огонь есть также и в аду.

Астарта молчала.

— Она так прекрасна, потому что чиста и целомудренна, — со вздохом произнесла Афродита, слышавшая часть

разговора. Она печально поглядела вслед невесте и опустила глаза.

— Немудрено, что ты так крепко за нее стоишь, — насмеялся Модигизель. — После того, как тебе не удалось увезти ее, ты стал за ней ухаживать, как простой ремесленник за дочерью соседа башмачника или пекаря.

— Верно, — вмешался Гундомар, — зато свадьбу с ней он справляет с таким великолепием, как если бы женился на дочери императора.

— Великолепие свадьбы ему больше нравится, чем сама невеста, — заметил Гундобад.

— Нет, неправда, — медленно проговорил Тразарих. — Хотя оно, конечно, верно... с тех пор, как я знаю, что она моя, что она будет моей... с тех пор моя бешеная страсть к ней... Но нет! И это не то! Я ее все-таки очень люблю! Все это от вина, от жары! А главное, от вина!

— От вина может вылечить только вино, — смеялся Модигизель. — Эй, рабы, налейте Бахусу еще раз!

Тразарих выпил.

— Хочешь, — прошептал Модигизель, — я дам тебе впридачу к Астарте мой рыбный садок со всеми муренами возле королевской виллы?

— Я не обжора, — ответил с досадой Тразарих.

— Прибавлю еще и виллу в Дециуме. Правда, я ее отдал Астарте, но она согласна уступить ее. Не правда ли?

Астарта молча кивнула головой.

Тразарих потряс кудрявой головой.

— У меня больше вилл, чем мне нужно... Послушайте, вот опять трубят! Верно, начались скачки. Эй, братишка! Его нет здесь. Кони, вино и кости — вот три высших блага. Я бы отдал спасение души за лучшего коня в мире. Но...

И он снова отхлебнул вина.

ФЕЛИКС ДАН

— Но лучшего коня я лишился по собственной глупости. Десять Евгений отдал бы я за него.

Астарта тихонько прикоснулась ледяным пальчиком к обнаженной руке Модигизеля; тот взглянул на нее, она шепнула ему что-то; Модигизель радостно кивнул ей в ответ.

— Лучшего коня? Как его зовут? Как ты его лишился?

— Зовут его... У него мавританская кличка, не выговоришь. Мы прозвали его Стикс. Это трехгодовалый вороной жеребец, помесь испанской породы с мавританской, воспитанный в Кирене. Недавно, когда король стал вооружаться, мавров известили, что нам, вельможам, требуются хорошие кони. В Карфаген в числе многих других прибыл также и внук престарелого Кабаона Серсаон. Он-то и привел лучших коней.

— Видели! Помним! — подтвердили вандалы.

— Но лучший из них был Стикс, вороной жеребец. Трудно описать его. Я просто плакать готов от досады, что упустил его. Мавр, который ехал на нем, почти еще мальчик, говорил, что он не продажный. А я пристал к нему. Он, скаля зубы, потребовал невозможную цену, не помню, сколько! Я засмеялся ему в лицо. Но, поглядев еще раз на коня, приказал рабам идти за золотом и передал мешок мавру. Много других коней стояло там, наши копыеносцы сидели верхом и осматривали лошадей. Когда торг был окончен, я со вздохом сказал брату: «А жаль, конь-то ведь не стоит таких денег!» — «Он стоит дороже! Ты это сейчас увидишь!» — закричал мавр, вскочил на коня и поскакал к городским воротам и мешок с золотом захватил с собой.

— Ловкий парень! — сказал Модигизель.

— Эта дерзость взорвала нас всех. Мы поскакали за ним; нас было человек двадцать лучших всадников на самых хороших конях. На повороте улицы он был еще

так близко, что Тразабад бросил в него дротиком, но не попал. Хотя на наши крики со всех соседних улиц сбегались люди, удержать мавра не было возможности. Стража у южных ворот бросилась к воротам, хотела запереть их, но чудный конь, как стрела, пронесся мимо них. Мы гнались за ним еще с полчаса, но он так опередил нас, что мы видели лишь пыльное облачко в пустыне. Ругая бессовестного мавра, медленно вернулись мы домой на утомленных лошадях. Приезжаем и видим этого мавра: он стоял, опершись на своего вороного. Он въехал в город через западные ворота. Мавр бросил мне золото в ноги и сказал: «Ты теперь знаешь цену моему коню! Возьми свое золото. Этот конь не продажный!» И, бросив мне мешок, гордо выехал из города. Так я и лишился Стикса, лучшего в мире коня! Что это? Или я опьянел? Там... внизу... на арене... возле других скаковых лошадей...

— Это Стикс, — спокойно ответила Астарта.

— Кому же принадлежит эта прелесть? — спросил Тразарих.

— Мне, — отвечал Модигизель.

— Ты купил его?

— Нет. Во время последнего похода коня захватили вместе с другими конями и верблюдами.

— Не ты же? — заревел Тразарих. — Ты ведь сидел дома со своей Астартой.

— Я выставил вместо себя тридцать наемников: они захватили коня в лагере мавров, а что наемник захватит...

— То принадлежит тому, кто его нанял, — подтвердил Тразабад, который опять вошел в ложу.

— Итак, тебе, тебе принадлежит это чудо? — вскричал Тразарих с завистью.

— Да, и тебе, если ты захочешь.

Тразарих залпом выпил тяжелый кубок вина.

ФЕЛИКС ДАН

— Нет, нет! — закричал он. — По крайней мере, не так, не по моей доброй воле! Она ведь свободна, она не раба, которую я могу подарить, даже если бы захотел.

— Передай мне только свои права на нее. За деньги найду предлог к расторжению брака.

— Она католичка, он арианин, — шепнула Астарта.

— В самом деле! Этого достаточно. И затем предоставь мне действовать. Гелимер не сможет всякий раз выручать ее из рук похитителя.

— Нет! Молчи! Не надо так. Можно разыграть ее в кости. Тогда кости будут виноваты, случай, не я; а я... я не могу больше думать. Если у меня очков выйдет больше, пусть каждый остается при своем; если же меньше, то... Нет, нет, не хочу! Оставьте меня!

И, отяжелев от вина, он опустил на руки свою большую голову, увенчанную розами, и, несмотря на шум, заснул.

Модигизель с Астартой переглянулись.

— Тебе какая от того выгода? — спросил Модигизель. — Ведь он согласен променять ее на коня, а не на тебя.

— Ну, хоть то, что он не достанется этой противной кукле! А потом придет и мое время.

— Когда я тебя выпущу.

— Ты выпустишь.

— Не знаю.

— О да, выпустишь! — ласкалась она, закинув голову и закрыв глаза.

После кратковременного усыпления жених был разбужен братом.

— Вставай! — крикнул он. — Евгения вернулась. Пус-ти ее на место...

— Евгения! Я не проиграл ее в кости! Я не хочу коня! Я ничего не обещал...

Он испугался: перед ним стояла Евгения вместе с

ионяшкой; большие, глубокие темно-карие глаза внимательно, пытливо, тревожно глядели на него.

Она молчала, только была бледнее обыкновенного. Он спросил себя: что она слышала, что поняла?

Рабыня Тразабата смиренно посторонилась перед ней.

— Благодарю тебя, Афродита!

— Ах, не называй меня этим именем позора! Называй меня, как меня звали мои родные, пока меня не увезли, как добычу, как товар.

— Благодарю тебя, Главка.

— Скачки не будет, — объявил Тразабат, которому вольноотпущенник только что сообщил эту весть.

— Почему же?

— Потому что никто не хочет состязаться с вороным, которого привел Модигизель. Это Стикс, ты его знаешь.

— Да, я его знаю! Я ведь ничего не обещал тебе, не правда ли, Модигизель? — спросил он тихо.

— Нет, обещал: играть в кости. Вспомни!

— Не может быть!

— Ты говорил: выкину я больше очков, то пусть каждый остается при том, что у него есть; если же меньше...

— О, Боже мой! Да!.. Ничего, малютка! Не обращай на меня внимания...

Он повернулся к Модигизелю.

— Отдай мне мое слово назад! — прошептал он.

— Никогда.

— Ты можешь его нарушить, — засмеялась Астарта.

— Змея! — закричал он, сжимая кулак, но сдержался. И великан, как беспомощный, как медведь, пойманный в сети, стал умолять Модигизеля:

— Отпусти меня!

Но тот покачал головой.

— Я уведу вороного с ипподрома, — громко проговорил

он Тразабату. — С меня довольно славы, что никто не решается состязаться с ним.

— Значит, скачки могут состояться, но в конце! Прежде два сюрприза, которые я вам приготовил в другом месте. Пойдем, Главка! Твою руку! Вставляйте, идите за мной, все гости Тразариха, идите за мной... в амфитеатр!

Глава 15

Трубачи повторили это приглашение во всеуслышание, и огромный цирк благодаря превосходному устройству и множеству выходов быстро опустел.

Торжественной процессией двинулись тысячи народа при звуках флейт в близлежащий амфитеатр, который представлял собой овальное здание, длина оси внутреннего эллипсоида имела двести сорок футов. Помещение походило на устройство цирка: круглая наружная стена в два яруса с полукруглыми арками. Каждый ярус был украшен статуями и колоннами. Здесь поднимались вверх с гладкой, круглой арены по ступенькам на места с перпендикулярными перегородками; каждый ярус был разделен на треугольники с помощью лестниц, которые вели к выходу.

Хозяин и знатнейшие из гостей заняли места в высокой галерее, примыкающей непосредственно к арене, тот самый «rodium», который в прежние времена предоставлялся карфагенским сенаторам.

Амфитеатр был соединен под землей с прилегающим озером.

Из отгороженных решетками и занавесами погребов, устроенных с одной стороны арены, доносился до публики рев разных животных; лишь изредка затихал этот шум,

когда из отдаленнейшего погребца долетало мощное, грозное рыканье льва, перед которым затихали его слабые соседи.

— Страшно тебе, моя голубка? — спросил Тразарих Евгению, которую вел под руку. — Ты дрожишь?

Когда почетные места были заняты, Тразабад снова появился и, поклонившись, сказал:

— Хотя издавна уже римские императоры запретили бой гладиаторов и травлю зверей, но мы не римляне. Однако наши короли, в том числе и король Гелимер, возобновили это запрещение...

— А как он узнает? — сказал Тразарих.

— Его ждут только завтра... Да если он вернется и раньше, хотя бы и теперь, то слух о празднестве не достигнет его ушей. А мы ему завтра ничего не скажем.

— А гладиаторы?

— Тоже не скажут. Мертвые не говорят. Мы оставим их драться до тех пор, пока все падут.

— Брат, уж это слишком по-римски!

— Да! Только римляне и умели жить, а наши медведи умели только умирать. Неужели ты думаешь, что я изучал только стихи римлян? Нет, я могу похвалиться, что изучил также и их нравы. Скажи, Гундомар, следует нам бояться короля Гелимера?

— Мы, вандалские вельможи, не позволим запрещать себе то, что нам нравится. Пусть попробует изгнать нас отсюда!

— Для свадьбы моего брата можно и должно сделать исключение. Поэтому я потешу вас староримской «травлей» и староримским боем гладиаторов.

Шумный восторг был ответом на это сообщение. Тразабад исчез, чтобы распорядиться.

— Откуда добыл он зверей — немудрено знать, — за-

ФЕЛИКС ДАН

метил Гундомар. — Африка — их колыбель. Но гладиаторы?..

— Он мне проговорился, — сказал Модигизель. — Частью это рабы, частью захваченные во время последнего похода в плен мавры. Скоро белый песок арены обAGRится кровью...

— Как приятно! — проговорила Астарта.

Она почти всегда молчала, и при этом восклицании ее Модигизель не без ужаса взглянул на нее.

— Гладиаторы! — повторил Тразарих смущенно. — Евгения, хочешь уйти?

— Я закрою глаза и останусь. Оставь меня рядом. Не отсылай от себя!

Послышался звук литавр, и крик удивления тысяч людей пронесся в амфитеатре.

Арена вдруг разделилась на два полукруга: каждый полукруг исчез сбоку, втянутый в стену; на двадцать футов под исчезнувшей ареной оказалась новая, покрытая песком площадь, и на нее со всех сторон с шумом и пеной ринулась вода. Вскоре арена превратилась в озеро. Справа и слева растворились настежь ворота, и из них выплыли на середину образовавшегося озера два красивых корабля с высокими мачтами. В виду отсутствия всякого ветра, на них не было парусов, а у борта стояли стрелки и копейщики.

— Ага, наумахия! Морское сражение! Прекрасно! — вопили зрители.

— Смотри, византийская трирема!

— И вандалский разбойничий корабль!

— А на мачте-то золотой дракон!

— Вандалы атакуют. Где же весла?

— Их не видно. Они скрыты под палубой. Наверху возле бушприта выстроился экипаж с копьями, дротиками и топорами.

- Вон, византиец поплыл ему навстречу!
- Но вандал быстро увертывается от столкновения.
- Вон, полетели копья!
- Гляди: римлянин падает на палубу!..
- Другой свалился за борт.
- Он еще плавает...
- Вынырнул из воды.
- Ну вот, пошел ко дну!
- Вокруг него вода окрасилась кровью! — радостно сказала Астарта, перевешиваясь за балюстраду.
- Пусти меня, пусти, уйдем со мной! — молила Евгения.
- Дитя, не теперь! Теперь ты должна остаться. Я должен это видеть, — отвечал Тразарих.
- Ну вот, вандал стал подле византийца...
- Наши вскакивают к нему на борт... Победа! Победа! Вандалы победили!
- Но, Тразарих, ведь это переодетые рабы!
- Все равно — у них наше знамя! Победа, победа вандалов! Смотри, какой жестокий бой! Как трещат щиты! Как сверкают топоры! Ах, беда! Предводитель вандалов упал! О, если бы я был на этом проклятом корабле!
- Вот еще один вандал упал! Из трюма выбегает толпа римлян! О, горе, какое предательство!
- Перевес на стороне римлян! Еще два вандала пали!
- Они хитростью заманили наших на корабль.
- Брат! Тразабат! Где ты?
- Вот он плывет на лодке возле сражающихся кораблей, — проговорила Главка тревожным тоном.
- Это ни к чему не приведет. Вандалы побеждены, они бросаются в воду!
- А те, которые остались на римском корабле?
- Вот, римляне бросают огонь на наш корабль! Он загорается!
- Мачта пылает, как факел!

ФЕЛИКС ДАН

— Кормчий и гребцы бросаются в воду!

— Где же Тразабад?

Меркурий снова появился в подиуме.

— Послушай, брат, это дурное предзнаменование.

Тразабад пожал плечами.

— Военная удача. Я не должен был вмешиваться. Насчет исхода боя мы не улавливались. Убитых: пятеро римлян, двенадцать вандалов! Довольно с нас этой истории! Прочь море!

Он махнул кадуцеем. С ревом устремилась вода под землю вместе с мертвыми телами. Римский корабль выплыл в ворота, через которые вошел в озеро, но пустой горящий вандальский корабль, захваченный водоворотом, быстро вертелся, огонь на нем гас, мачта наклонялась направо все больше и больше; наконец, весь корабль упал на бок и исчез в бездне. С ревом и клокотаньем последовала за ним остальная вода.

— Озеро исчезло! — вскричал Тразабад. — Вместо него появится пустыня, и начнется бой диких зверей!

В самом деле, на том месте, где только что была вода, появилась арена, покрытая белым песком. Рабы в одних передниках — белые, желтокожие мавры, негры — появились в большом числе и отдернули занавесы, которыми были прикрыты решетки звериных клеток.

Вдруг среди общей тишины раздался страшный рев, и огромный тигр с такой яростью прыгнул от задней стены своей длинной клетки вперед, что перекладыны решетки погнулись; осколки деревянного пола, в который они были вбиты, полетели на арену.

— Брат, — шепнул Тразарих, — клетка слишком длинна. Берегись! Зверь может в ней отлично разбежаться. И дерево пола слишком гнило! Тебе страшно, Евгения?

— Ведь я с тобой! — спокойно отвечала та. — Но люди сражаются, умирают — это тяжело.

— Еще только последняя жертва в заключение: пленный мавр...

— Откуда ты его добыл? — спросил Модигизель.

— Нанял, как и всех остальных. Только этот последний был приговорен к смертной казни. Он убил своего господина, который хотел его высечь. Красивый, стройный малый, но страшно упрямый: не говорит ни своего имени, ни откуда он родом. Брат и наследник убитого дешево уступил мне его для наумахии, а если выживет, то и для борьбы с тигром. Его нельзя было никакими ударами принудить участвовать в морском бою. Но теперь он поневоле возьмется за оружие: мы спустим на него тигра, которого уже два дня не кормили.

— Славно! Славно! — послышалось со всех сторон.

— Но, — продолжал Меркурий, — прежде нужно подкрепить свои силы: вашему Меркурию нужны амброзия и нектар. Прежде, чем смотреть на дальнейшие зрелища, закусим. Пойдем, прекрасная Главка!

Не дожидаясь ответа, он махнул кадуцеем, и вот, как бы по волшебству, опустились толстые каменные отвесные стены, отделявшие подиум и места на высших рядах амфитеатра от арены, и превратились в каменные ступени, которые вели на арену.

В то же время чьими-то невидимыми руками с обеих сторон арены воздвиглись длинные столы, покрытые дорогими скатертями и уставленные великолепными амфорами, кружками, чашками и кубками из серебра и золота и широкими плоскими блюдами, полными чудных фруктов и сладких печений. Посредине арены выдвинулся алтарь, украшенный венками из цветов. Появилось около сотни сатиров и вакханок, и начался мимический танец под звуки кимвалов и литавр. Сквозь этот гвалт прорывался свирепый рев гирканского тигра; шум приводил его в бешенство.

Глава 16

Многие гости — те же, которые были на подиуме, все без исключения — сошли на арену, стали наливать себе вина в кубки и есть фрукты и печенье. Другим пестро одетые невольники подносили угощение к тому месту, где они сидели.

Когда исчезли стены, отделявшие зрителей от арены, гости стали свободно по ней расхаживать; они то сходили вниз, то опять усаживались на свои места; другие смешивались с танцующими сатирами и вакханками; многие вандалы, обхватив рукою вакханку, вместе с ней кружились и кричали.

Движение становилось все беспорядочнее; щеки разгорались сильнее; белокурые и черные волосы перепутывались в дикой пляске; музыканты играли все быстрее и быстрее.

Всех пьянее был Тразабад. Один кубок за другим опустошал он и бросал на мягкую шкуру леопарда, раскинутую вокруг стола; Главка, которую он держал за руку, все тревожнее и тревожнее поглядывала на него, но не решалась сделать замечание.

Тразарих заметил ее взгляд.

— Послушай, малый, — предостерег он брата, — берегись! Распорядитель праздника должен быть трезв; ты же в особенности должен остерегаться вина: оно развязывает язык.

— Не... не бойся! — отвечал тот, уже с трудом ворочая языком. — Сюда, Ириса! С богом любви!

Он махнул жезлом, но тот выпал у него из рук. Главка подняла жезл и положила возле.

Вдруг раскрылся потолок большого шелкового шатра, раскинутого на арене; дождь цветов, большей частью роз и лилий, полился над алтарем, над накрытым столом и

пляшущими. Из невидимых трубочек доносился влажный душистый пар, чуть заметный, как самый легкий туман над ареной и над рядами зрителей. На заднем плане арены высоко над головами выступил из серого облака солнечный диск с золотым сиянием.

— Гелиос улыбается сквозь дождь, — закричал Тразабад. — Ириса недалеко.

При этих словах яркая радуга раскинулась над ареной, и на золотом облаке пролетела молодая девушка, держа над головой шарф, окрашенный всеми цветами радуги.

Когда она исчезла, радуга и солнце потухли; прежде, нежели умолкли крики удивления, из шатра показалась толпа амуров — хорошеньких мальчиков и девочек от четырех до девяти лет — и разместилась на ступеньках алтаря, под укутанной фигурой, привлекавшей любопытные взоры.

Тут Тразабад выскочил из-за стола и, держа Главку за руку, подбежал к алтарю, крики одобрения совсем вскружили голову тщеславному юноше; он заметно пошатнулся, когда взбирался на верхнюю ступеньку алтаря, продолжая тащить за собой сопротивлявшуюся Главку.

— Взгляни сюда, брат! — вскричал он. — Вот мой свадебный подарок тебе! В вилле сенатора близ Цирты — как бишь его звали — он был сожжен за то, что упорно держался католической веры... Все равно! Я купил у казны секвестрованную виллу; она построена с царским великолепием; чудные мозаики, картины, изображающие охоту, с оленями, собаками, лошадьми, с красивыми женщинами под пальмами! И вот там при перестройке одного погребка под разбитыми колоннами нашли эту статую; ей, по крайней мере, уже лет пятьсот; эта жемчужина из лучших времен греческого искусства, так говорит мой вольноотпущенник, который знает толк в этих вещах. Афродита! Покажись, царица Наоса! Тебе, брат, дарю я ее!

ФЕЛИКС ДАН

Он взял широкий нож, лежавший на пьедестале, перерезал какой-то шнурок и бросил нож на землю; покрывало спало, и перед взорами публики предстала дивная Афродита из белого мрамора.

Амуры преклонили колени у ног статуи и обвили венками ее колени. В то же время сверху упал ослепительный белый свет и озарил не только алтарь и богиню, но и всю арену, которая вообще была довольно тускло освещена светильниками.

Крики тысячной толпы стали еще оглушительней, еще неистовее завертелись плясуны, еще громче заревели литавры и кимвалы. Но вместе с усилившимся шумом лучи ослепительного света упали на открытую решетку клетки тигра, тот неистово заревел, сделал прыжок к решетке — одна из ее перекладин упала на белый песок. Никто этого не заметил, потому что как раз в эту минуту вокруг алтаря богини разыгралась новая сцена.

— Благодарю тебя, брат! — вскричал Тразарих. — Поистине, это самая прекрасная женщина, какую только можно себе представить.

— Да, — согласился Модигизель. — Что скажешь, Астарта? Ты смеешься? Что ты можешь против этого возразить?

— Это вовсе не женщина, — отвечала карфагенянка ледяным тоном, едва раскрывая губы. — Это камень. Подите к ней и поцелуйте ее, если она вам кажется прекраснее...

— Астарта права, — вскричал пьяный Тразабад. — Да, она права! К чему служит Афродита из камня? Мертвая, мраморно-холодная богиня любви! У нее вечно сложены руки на груди. Она не может обнять ими счастливого смертного. И с какой строгостью глядит она, — точно ее любовь какое-нибудь высокое, святое дело! Нет, мрамор-

ная статуя, не ты — прекраснейшая женщина! Прекраснейшая женщина гораздо прекраснее тебя, это моя Афродита. Вы сейчас в этом убедитесь и позавидуете мне! Я хочу, чтобы вы мне завидовали. Все вы с этим согласитесь!

И он силой втащил наверх гречанку, сопротивлявшуюся изо всех сил, поставил ее на широкий пьедестал статуи и разорвал мягкую ткань, которой Главка окутала плечи на корабле.

— Пусти, пусти меня! Не срами меня перед всеми людьми! — умоляла, с отчаянием вырываясь из его рук, девушка. — Пусти... или, клянусь Богом...

Но вандал не владел собой и с хохотом кричал:

— Долой завистливые одежды!

Он опять рванул платок и тунику, которыми она прикрывалась. В эту минуту сталь сверкнула в воздухе, гречанка подняла широкий нож с пьедестала; красная горячая кровь фонтаном брызнула ему в лицо. Обливаясь кровью, Главка упала к ногам мраморной статуи.

— Главка! — закричал Тразабад, вдруг отрезвев.

Но в это мгновение в амфитеатре раздался грозный военный клич, покрывший звуки музыки, под которую кружились сатиры и вакханки. То были вандалские рожки, и от входных ворот до самых верхних сидений пронесся крик ужаса:

— Король! Король Гелимер!

Со страхом кинулись тысячи людей к выходам. Тразарих встал с места, взял на руки Евгению и стал продираться сквозь толпу.

Голоса распорядителя празднеств уже не было слышно; у ног мраморной богини лежал Тразабад, обняв обеими руками мертвую красавицу Главку.

Вскоре он один остался с нею в громадном опустевшем

здании. За его стенами вдали раздавался шум удалявшихся шагов. Не в амфитеатре стояла мертвая тишина. Тигр уже умолк, словно удивленный внезапно наступившими тишиной и пустотой.

Время было за полночь.

Поднявшийся ветерок играл шелковой тканью шатра и сдувал розы, которыми засыпана была арена.

Глава 17

На большой поляне стояли гости Тразариха, бежавшие из амфитеатра; большинство из них имели вид провинившихся детей, пойманных учителем во время запрещенной шалости.

Последние винные пары вылетели из головы Тразариха.

— Король! — шептал он и со смущением приподнял венок из роз на курчавой голове.

В эту минуту к нему подошел Гундомар и дерзко сказал, держа меч в руке:

— Ты всегда был чужд страха, сын Тразамера. Теперь настала минута противиться тирану. Докажи, что ты не боишься его.

Но Тразарих ничего не ответил, он только качал головой и повторял, обращаясь к Евгении:

— Стыдно мне короля.

— Бедная Главка! — вздохнула Евгения. — Но, может быть, ей можно позавидовать.

В эту минуту раздались уже гораздо ближе рожки вандальских всадников. Король, который скакал по прямой улице Легионов, выехал на поляну, опередив всю свою свиту. Только несколько рабов с факелами не отставали от него; братья же, собиравшие отряд всадников,

оставались далеко позади. Перед самым Тразарихом и окружающими его вельможами король осадил коня так, что тот поднялся на дыбы.

— Так вы исполняете королевский приказ! — крикнул Гелимер. — Вы, верно, хотите навлечь на себя также и небесный гнев? Кто дает праздник? Кто им распоряжается?

— Я даю его, король, — отвечал Тразарих, выступая вперед. — Накажи меня, но пощади брата: он по моему приказу распоряжается... он...

— Бесследно исчез вместе с мертвыми, — вступился Гундобар. — Я хотел его позвать, чтобы он вместе с Гундингами выступил защитником нашего общего дела перед королем... Эта минута, — продолжал Гундобар, — должна решить, будем ли мы рабами Асдингов или свободными людьми.

— О, да, мне надоело, чтобы мной распоряжались! — подхватил Модигизель.

— Кровь наша такая же благородная, как и твоя, — кричал Гундобад.

Короля уже окружила толпа приверженцев Гундингов, из которых многие были вооружены.

Тразарих хотел продрасться вперед, но его окружила толпа рабов, его собственных и брата.

— Господин! — кричали они. — Тразибад исчез! Куда он делся? Праздник...

— Кончен!

— А скачки в цирке?

— Не будут! Отведите коней домой! Возвратите их владельцам.

— Я приму вороного только после того, как ты сыграешь со мной в кости! — закричал ему Модигизель. — Злись сколько душе угодно. Я требую, чтобы ты сдержал свое слово.

ФЕЛИКС ДАН

— А как же быть с дикими зверями? Они ревут от голода.

— Оставьте их на месте и накормите.

— А пленный мавр?

Тразарих не успел ответить, как раздался крик:

— Мавр пленный убежал! Держите, держите!

Тразарих обернулся. Он увидел молодого мавра, бегущего изо всех сил. Руки и ноги у него были связаны веревками, но ему удалось разорвать веревку, связывающую ноги; руки не удалось освободить, и со связанными руками ему трудно было пробираться сквозь толпу.

— Пустите его, пусть бежит! — крикнул Тразарих.

— Нет, — кричали преследовавшие, — он сбил с ног своего господина! Господин приказал его поймать. Тысячу сестерций тому, кто его поймает!

Камни и копья летели вслед беглецу.

— Тысячу сестерций! — закричал римлянин своему приятелю. — Друг Виктор, помиримся и вместе добудем их.

— Идет, разделим пополам, друг Лавр.

Беглец быстро несся прямо к Тразариху. Стройная фигура приближалась все ближе и ближе. Красивое, юное лицо было гневно.

Но вот возле самого Тразариха Лавр схватил за веревку, которой связаны были руки юноши, дернул ее изо всех сил, и юноша упал. Виктор схватил его за руку.

— Тысяча сестерций наши! — кричал Лавр и потянул веревку к себе.

— Нет! — закричал Тразарих и, выхватив меч, перерезал веревку. — Беги, мавр!

В одно мгновение тот вскочил, бросил благодарный взгляд на вандала и бросился к лошадям, которых вели из цирка.

— Ах, мой вороной! — завопил Модигизель.

Но мавр уже сидел на благородном коне, шепнул ему что-то в ухо, конь взвился на дыбы... Толпа с криком расступилась, и конь, и всадник уже неслись по улице к Нумидийским воротам и вскоре исчезли под покровом ночи.

— Мой вороной! — кричал Модигизель. — Я лишен теперь возможности выиграть в кости красотку!

Тем временем вельможи с угрозой теснились вокруг короля.

— Мы не позволим тебе угнетать нас! — кричал Гундомар.

— Мы не дадим лишать себя радостей жизни! — вопил Модигизель. — Завтра — хочешь ты этого или нет, — друзья, я приглашаю вас на праздник. Мы снова сойдемся на этой арене под шелковым шатром.

— Этого не будет, — спокойно отвечал король, взял из рук раба горящий факел и швырнул его в шелковый шатер, который тотчас загорелся.

Громкий рев донесся из клеток.

— Как ты смел?! — кричал Гундобад. — Это не твой дом! Он принадлежит вандальскому народу! Как смел ты разрушать его удовольствия только потому, что не сочувствуешь им?

— А почему ты им не сочувствуешь? — продолжал Гундомар. — Потому, что ты не муж, не настоящий вандал.

— Ты мечтатель, а не король над народом героев.

— Быть может, тайное преступление тяготеет над тобой...

— Увидим, не струсишь ли ты, когда придется...

Тут раздался оглушительный крик ужаса. Сквозь этот крик толпы чуть слышно донесся как бы радостный рев.

— Тигр! Тигр выскочил из клетки!

И в ужасе толпа женщин, детей и мужчин понеслась к городу. Люди толкались, падали, давили друг друга.

ФЕЛИКС ДАН

Вверху, в первом этаже амфитеатра, прямо против короля, волоча за собой оторванную цепь и приготавливаясь к прыжку, хлопая себя хвостом и широко раскрывая пасть, показался страшный зверь.

Голод победил в нем страх. Взгляд его упал на одну из скаковых лошадей и словно прирос к ней. Хотя целая толпа людей отделяла зверя от нее, хотя расстояние было громадное, но тигр одним прыжком бросился через головы людей к избранной добыче; он промахнулся на каких-нибудь два локтя; лошадь разорвала узду и унеслась.

Тигр никогда не повторяет прыжка. Как бы пристыженный, этот тоже хотел отступить, но, вытягивая правую лапу, коснулся чего-то теплого, живого.

То был ребенок, четырехлетняя девочка в пестром костюме амура. Девочка, сбита толпой, лежала, уткнув лицо в песок; розовое тельце ее просвечивало сквозь легкую одежду. Тигр поднял лапу и собирался схватить девочку за шею, но вдруг отскочил с диким ревом, выразившим и страх, и ярость. Он увидел нового врага, который шел на него, оспаривая добычу. Тигр подобрался, готовясь к прыжку, которого не выдержит ни один человек; но, прежде чем он успел прыгнуть, враг его стоял уже около него и воткнул в раскрытую пасть зверя вандальский меч, насквозь пробивший позвоночный хребет тигра.

Над убитым тигром на секунду склонился человек, увлекаемый силой падения зверя, но тотчас же вскочил на ноги, отступил назад и поднял с земли ребенка.

— Гелимер! Да здравствует король Гелимер! Да здравствует герой!

— Король, ты не ранен? — спросил Тразарих.

— Нет, — спокойно отвечал король и передал малютку на руки дрожащей женщине, которая целовала край мантии короля, омоченной кровью зверя.

Гелимер вытер окровавленный клинок о мягкую шкуру тигра и вложил его в ножны, затем сел на коня, привстал на стременах, подняв высоко голову в шлеме. Шлем был прежний — с черными ястребиными перьями, к нему только была прикреплена зубчатая корона Гейзераха. Грустным, презрительным взглядом он окинул толпу...

С треском обрушился на землю горящий остов шатра. Пламя в последний раз ярко вспыхнуло, прежде чем погаснуть.

Глава 18

К месту действия в это время прискакали братья короля во главе отряда всадников. Издали они видели разыгравшуюся сцену. Оба бросились к Гелимеру и с жаром пожимали ему руки.

— Что с тобой, брат? — спросил Гибаmund. — Ты не похож на победителя!

— Ах, брат! — вздохнул Гелимер. — Пожалейте меня: мне противен мой народ! И это мне так тяжело!

— Да! Ведь это лучшее, что у нас есть, — согласился Цацо.

— На земле... — мечтательно промолвил король. — Но не грех ли так жарко любить это земное? Все земное — суэта сует! Может быть, также и народ, и отечество?

И он задумался.

— Король Гелимер, очнись! — вскричал дружеский голос из толпы.

То был голос Тразариха. Его удивила эта внезапная перемена в короле. Он тоже хотел сразиться с тигром, но король, первый заметивший появление зверя, предупредил его — его... и еще кого-то другого.

ФЕЛИКС ДАН

Старейший из двух чужеземцев спокойно приготовился к нападению и держал копьё наготове.

— Хороший удар, Тейдигизель! — шепнул он. — Посмотрим, чем-то кончится. Этот король упускает самый удобный момент.

Так, кажется, оно и было.

Тем временем вандалские вельможи успели опомниться от неожиданности; не так дерзко, как прежде, но все же нахально выступил вперед Гундомар, говоря:

— Ты — герой, король! Было бы подлостью сомневаться в том, но тебя не поймешь. Но все-таки, хотя бы и герою, но мы не хотим больше служить и повиноваться, как служили и повиновались наши предки медведю Гейзериху.

— Это больше и не нужно, и невозможно, — добавил Модигизель.

Он начал было, по римской моде, шепотом, но вскоре позабыл ломанье и заговорил громко.

— Мы больше не варвары, как те соратники морского короля. Мы научились от римлян жить и наслаждаться. Избавь нас от тяжелого оружия! Нам неотъемлемо принадлежит эта страна, где можно только пользоваться жизнью, а не трудиться. Наслаждение, наслаждение и наслаждение! Только для этого и стоит жить. Со смертью наступит всему конец, а потому, пока я жив, я хочу пить и любить, а не драться. Я хочу...

— Быть рабом Юстиниана, — гневно перебил король.

— А! Что нам греки! Они не посмеют на нас напасть.

— Пусть только!.. Мы всех их потопим.

— Если бы королевству грозила опасность... Гундинги знают, что честь вандалов — в их оружии.

— Но никто нам не грозит войной.

— Никто не собирается напасть на нас.

— Асдингам нужен только предлог, чтобы властвовать

над благороднейшими из вандалов, как над мавританскими наемниками или рабами.

— Мы не дозволیم... — Модигизель не докончил: громкий звук рога и лошадиный топот покрыли его голос. Во главе нескольких всадников на вороном коне подскакала белая фигура.

Двое людей с факелами неслись по правую и по левую руку и с трудом сдерживали коней. Длинные золотистые локоны развевались по ветру, и широкий белый плащ окутывал всадницу и коня.

— Это Гильда! — вскричал Гибамунд.

— Да! Гильда и война! — отвечала она радостным голосом, удерживая ретивого коня. Глаза ее сверкали; в правой руке она держала пергамент. — Война, король вандалов! И мне пришлось первой возвестить тебе это священное слово, призывающее тебя и всех Асдингов на поле чести и победы!

— Что за прелесть! — сказал Тразарих Евгении.

Та кивнула головой.

— Мне нужен плащ! — продолжал он. — Она, Гильда, не должна видеть меня в этом глупом, шутовском наряде. Одолжи мне свой плащ, друг Маркомёр!

Он, сорвав с себя шкуру пантеры и отбросив тирс, завернулся в темный плащ предводителя отряда всадников.

— Каким образом ты, женщина, явилась с таким известием? — спросил Гелимер, беря из ее рук пергамент.

— Вер прислал меня. Корабли, которых он ждал, вошли в гавань. Он сам хотел доставить тебе это письмо, но вслед за этим ему принесли другие письма, еще более важные и пространные, между прочим, и от короля вестготов. Тогда он приказал разбудить меня и велел отвезти тебе этот пергамент.

ФЕЛИКС ДАН

Гелимер развернул его и, позвав одного из факельщиков, стал читать громким голосом:

«Гелимеру, называющему себя королем вандалов...»

— Кто этот дерзкий? — перебил Цацо.

— Года, бывший наместник, а теперь король Сардинии.

— Года? Негодяй! Я никогда ему не доверял! — закричал Цацо.

«Так как ты оклеветал короля Хильдериха, лишил его престола и держишь в заточении, то я отказываю тебе, узурпатору, в повинении. Вы, легковерные глупцы, забыли, что я — остгот. Я же никогда этого не забывал. Единственное, что мне оставалось после убийства моих единоплеменников, — это помышлять о мести. В слепом доверии ты поручил мне наместничество в Сардинии, но я привлек сардинцев на свою сторону и отныне буду править этой страной, как король. Если ты осмелишься на меня напасть, то знай, что я просил покровительства у великого императора Юстиниана и получил его: лучше буду я служить могущественному императору, чем вандальскому тирану. — Года, король Сардинии.»

— Да, это война! — сказал Гелимер серьезным тоном. — Конечно, с Сардинией, но, может быть, также и с Византией. Хотя последние письма оттуда толковали о мире. Слышали? — обратился он с царским величием к вельможам. — Слышали, вельможи и народ вандальский? Должен ли я, узурпатор, написать императору: бери и делай с нами, что хочешь; внуки Гейзериха боятся тяжелого меча? Желаете вы долее веселиться в цирке или...

— Войны, войны! — закричали все вельможи и всех громче Модигизель.

Один только Гундомар колебался с минуту, но и тот сказал, наконец: — Я не верил в войну. Я думал, что это выдумки короля, чтобы помешать нам жить в свое удовольствие и принудить взяться за оружие. Но дерзость

Годы и обещанная ему помощь лживого императора... нет, этого нельзя вынести! Действительно, нужно бороться за наше королевство. Король Гелимер, ты был прав! Прости меня!

— Прости всех нас! — кричали вельможи, теснясь к королю.

Последний, сильно тронутый этими словами, протянул им обе руки, которые они с жаром пожимали.

— О, Гильда! — проговорил Тразарих. — Тебя кстати разбудили: это отчасти твое дело.

И прежде, нежели она успела ответить, он вывел Евгению из-за миртового куста, за которым она скрывалась.

— Ты узнаешь эту девушку, король Гелимер, не правда ли? Я взял ее себе в жены по доброй воле! Священник благословил наш союз... Благослови и ты нас перед всем народом по старому королевскому обычаю.

Король улыбнулся невесте.

— Охотно! Пусть ваш брак будет символом примирения обоих народов!

Перед тем к Евгении протиснулась высокая женская фигура в пурпуровой мантии и что-то шепнула ей на ухо.

Евгения побледнела. Фигура указала рукой на нумидийскую дорогу, по которой ускакал вороной конь.

— Неужели! — простонала невеста и во время речи короля хотела отойти от Тразариха, но ноги у нее подкосились, и она упала без чувств на землю.

Гильда подняла ее и, оттолкнув Тразариха, бросившись ей на помощь, сказала, что увезет Евгению к себе.

Тразарих в последний раз взглянул на нее и скрылся в толпе.

Модигизель поспешно подошел к Астарте.

— Змея! — вскричал он, позабыв обычное шептанье. — Демон, что ты сказала на ухо бедняжке?

ФЕЛИКС ДАН

— Правду.

— Лжешь! Он ведь на это вовсе не соглашался. Да и вороной ускакал к черту. Я проиграл игру.

— А я — нет.

— Не смей этого говорить! Я стыжусь самого себя...

— А я — нет! — коротко ответила она, глядя вслед Тразариху.

— Слушайся, рабыня, или...

Он поднял руку, как бы собираясь ударить ее. Она откинула назад красивую голову и так поспешно, что великолепные черные волосы выскочили из золотого обруча и рассыпались по прелестным голым плечам. Она закрыла глаза и на этот раз очень заметно скрипнула маленькими белыми зубками.

Модигизель не осмелился ударить это злое создание.

— Подожди, ты! После, дома...

— Дома мы помиримся, — засмеялась она, сверкнув глазами.

Это была насмешка, и он вздрогнул: ему стало страшно.

— Дозволь мне, брат и король, наказать Году! — вскричал Цао. — Флот готов к отплытию, отпусти меня. Дай мне только пять тысяч человек...

— Мы, Гундинги, отплывем вместе с тобой, — объявил Гундомар. — И я обещаю тебе, что после одного сражения приведу Сардинию к повиновению и привезу тебе голову предателя.

Гелимер задумался.

— Отпустить флот как раз в эту минуту и с ним цвет пехоты?.. Теперь, когда каждую минуту нам может угрожать император? Об этом надо еще подумать. Я должен посоветоваться с Вером...

— С Вером? — повторила Гильда. — Я забыла тебе передать, он велел сказать, чтобы ты немедленно по

возвращении в Капитолий отрядил флот с Цацо в Сардинию.

— Если Вер это советует, то так тому и быть; хорошо, Цацо, пусть будет по-твоему.

— На корабли! На корабли! В путь! Война, война! — завопили тысячи голосов.

И в воинственном возбуждении вандалы бросились из роши Венеры в Карфаген и в гавань.

С удовольствием глядели им вслед римляне. Настоящему поколению еще не случалось видеть своих изнеженных властителей в таком воинственном азарте. Двое незнакомцев тоже вышли из лавровых кустов, из-за которых они наблюдали происходящее.

— Ну, что теперь скажешь, государь? — спросил младший. — Ты не переменил своего мнения?

— Нет!

— Неужели? Но ведь ты видел это...

И он указал на мертвого тигра.

— Видел и слышал их воинственный клич! Жаль мне храброго короля и его дом! Идем на корабль! Они все погибнут!

Глава 19

На другой день флот уже отплыл из карфагенской гавани. Отборные войска были посажены на корабли и отправились вслед за ним.

Вечером того дня Гибамунд, Гильда и канцлер Вер собрались у Гелимера в большой оружейной палате дворца, из высоких полукруглых окон которого было видно море.

Гелимер стоял у мраморного стола, покрытого письмами.

ФЕЛИКС ДАН

Глубокая забота омрачала благородные черты его лица.

— Ты, друг Вер, хотел сообщить мне и Гибаунду важные известия, полученные тобой вслед за тем, как отплыл Цацо: должно быть, это что-нибудь очень важное, судя по твоему лицу. Говори — я готов все выслушать.

— Да, — начал Вер, — небесная кара тяготееет над тобой, король Гелимер.

Тот вздрогнул и закрыл глаза.

— Канцлер, — сердито заметил Гибаунд, — брось эти загадочные, страшные речи. Ты словно нарочно терзаешь душу короля.

— Молчи, Гибаунд! — перебил король и велел Веру говорить дальше.

— Дурная весть за дурною, — начал тот. — Одновременно с известиями из Сардинии пришло длинное письмо от вестготского короля. В нем пространно объяснял король (письмо это прислано было из Гиспалиса), что должен зрело обдумать и узнать, насколько мы способны к войне.

— Как это он узнает из Гиспалиса, желал бы я знать! — проворчал Гибаунд.

Но Вер продолжал:

— Вскоре затем, после отплытия нашего флота, незнакомец принес это письмо во дворец. Оно гласит: «Королю Гелимеру от короля вестготов. — Пишу тебе из гавани Карфагена...»

— Что такое? Не может быть! — вскричали все.

«...которую тотчас же покидаю. Я хотел видеть все собственными глазами. Три дня пробыл я среди вас неузнанным. Тейдигизель, мой храбрый полководец, сопровождал меня, и когда ты будешь читать это письмо, он вернется со мной в отечество. Король Гелимер! Ты — настоящий король и герой: я видел ночью, как ты убил тигра. Но змею вырождения ты не вырвешь из среды своего народа. Твои стражи спят; твои вельможи ходят

голые или в женских нарядах. Я видел, конечно, как они вспыхнули при слове «война!», Но это огонь из соломы. Он скоро погаснет, и им не исправить в две недели то, что напорчено в продолжение двух поколений. Кара за грехи не замедлит. (Гелимер тяжело вздохнул.) Горе тем, кто соединит свою судьбу с осужденными на погибель! Не союз, но убежище предлагаю я тебе. Если ты успеешь убежать в Испанию, когда проиграешь битву (к тому я охотно дам тебе все средства), никакой Велисарий, никакой Юстиниан не достанут тебя у нас. Будь здоров!»

— Увертка трусости! — заметил Гибамунд.

— Этот человек не трус, — вздохнул Гелимер, — он только мудр. Что ж? Мы будем драться одни!

— И пригласим мудрого короля вестготов в гости на наш победный пир, в эту палату! — вскричала Гильда.

— Не искушай небо преждевременной похвальбой! — заметил ей Гелимер. — Но довольно! Пусть вестготы отрекаются от нас, за нами все же остаются остготы и Сицилия...

— Сицилия, — перебил Вер, — если дело дойдет до войны, послужит тем мостом, по которому неприятель перейдет в Африку.

Король широко раскрыл глаза. Гибамунд собирался что-то сказать, но Гильда, страшно бледная, перебила его.

— Как? Мой народ?

— Сейчас пришло это письмо от регентши. Кассиодор сочинял его: я узнал бы это по ученому слогу, если бы он себя не назвал. Она пишет: «... будучи слишком слабой, чтобы отомстить собственными средствами за кровь сестры своего брата и нескольких тысяч готов, она с радостью увидит, как ее друг, византийский император, совершит эту месть, в которой она усматривает кару неба...»

— Кару неба!.. Словно все они сговорились между собой! — тихо произнес Гелимер.

ФЕЛИКС ДАН

Гибамунд вспыхнул:

— Но я этому не верю! Покажи, где это написано?

Он вырвал письмо из рук канцлера и пробежал его.

«Сицилия будет открыта для византийских войск... Юстиниан — ее единственный друг, покровитель и милостивый защитник!...»

— О! — вскричала горестно Гильда. — И это пишет дочь великого Теодориха!

— Но где же тут говорится о небесной каре? — продолжал с удивлением Гибамунд. — Тут нет ни слова об этом...

— Не по букве, но по смыслу, — отвечал Вер и, взяв письмо, спрятал его в складках своей рясы.

Король этого не заметил, он ходил по палате и рассуждал сам с собой. Но вот, подойдя к столу, подавленным голосом спросил:

— Дальше что? Ты ведь не кончил... Хотя и близок конец, — прибавил он так тихо, что другие не услышали.

— Твой вестник, король, которого ты посылаешь в Триполис призвать к суду Пуденция, вернулся.

— Когда?

— С час тому назад.

— Без Пуденция?

— Он отказывается повиноваться.

— Но ведь я дал сто всадников вестнику, чтобы в случае нужды силой овладеть Пуденцием!

— Их встретили стрелами с городским ворот. Пуденций заперся в городе, вооружил граждан. Город, очевидно, отпал от тебя. Но и вся страна, вся триполийская область возмутилась! Она рассчитывает, конечно, на помощь Византии. Пуденций крикнул твоему вестнику с городской стены: «Вот когда Немезида ополчилась на вас, кровавых вандалов!»

Король сделал движение рукой, словно обороняясь от невидимого врага.

— Немезида! — вскричал Гибаунд. — Да, она покарает изменников. И в то самое время, как вблизи нас кроется такая опасность, мы услали наше лучшее оружие... флот и цвет нашего войска, и героя Цацо в отдаленную Сардинию! Как мог ты посоветовать это, Вер?!

— Разве я всеведущ? — отвечал тот, пожимая плечами. — Я говорил, что всего час тому назад пришли вести из Триполиса.

— Надо вернуть Цацо! Надо послать за ним вестовое судно!

— Поздно! — сказал Гибаунд, подошедший к окну. — Погляди, как высоко ходят волны на море, да и ветер противный, с севера. Никакое судно не нагонит флота.

— О, Боже! — вздохнул король. — Даже стихии против нас! Но кто знает: быть может, мы преувеличивает опасность, и Юстиниан не посмеет напасть на нас.

Тут вошел диакон из Базилики и передал Веру с низким поклоном запечатанное письмо.

— Это письмо привезло только что вестовое судно из Византии, — объявил он.

Вер сломал печать и прочитал: «К вам будут гости в Африку; корабль с хлебным зерном уже нагружен. Капитаном на нем персидский купец».

— Это условный язык моего шпиона в Византии, — объяснил Вер. Темно-красный шнурок, которым обмотано послание, означает: война решена. «Гости» — это войска; «корабль с хлебным зерном» — военный флот; «персидский купец» — Велисарий.

Король бросил письмо на стол. Его лицо было серьезно, но спокойно.

— Если бы это письмо попало мне в руки только днем

ранее — все было бы иначе. Благодарю тебя, Вер, за то, что ты хоть сегодня сообщил это известие.

Едва приметная улыбка искривила тонкие, бескровные губы священника.

— Пусть идут! Право на нашей стороне, — продолжал король. — Это моя единственная, лучшая опора.

— Право? — повторил Вер. — Кто может считать себя правым перед Господом? Господь видит вину, которой мы не замечаем, и карает не только за настоящие грехи, но и за...

Король поник головой при этих словах; в глазах его потухла решимость. Но Вер не успел договорить: в сенях раздался шум спорящих голосов.

Глава 20

— Я узнаю этот голос, — сказал Гелимер озабоченно, направляясь к двери.

— Это наш юнец! — вскричал Гибамунд. — Он что-то очень сердит.

Действительно, в палату вбежал юный Амнат, таща за собой мальчика в богатой тунике, который старался от него вырваться. Темные глаза, резкие черты лица, круглая короткая голова обличали римское происхождение его противника.

— Что случилось, Амнат? В чем дело, Публий Пуденций?

— Нет, нет, я тебя не выпущу! — кричал Амнат. — Повтори перед королем то, что ты сказал! Пусть король сам накажет тебя за ложь! Послушай, брат! Мы играли в сенях. Мы боролись. Он встал и со злостью говорит:

— «Это не считается. Тебе помогает бес, демон вашего дома».

— «Кто? — спросил я. — «Ну да, Гейзерих, сын погибели. Вы, Асдинги, хвалитесь тем, что происходите от языческих богов, но диакон учил нас, что эти боги — демоны. Оттуда и ваша удача, ваши победы». — Правда ли это, брат?

— Конечно, правда! — подхватил молодой римлянин. — Правда также и то, что Гейзерих был так жесток с беззащитными, безоружными, как демон! Рассердясь на неудачный штурм Тенара, он пристал к берегу в Цакинте, захватил в плен пятьсот вольных, благородных мужей и жен и велел изрубить их при себе в куски и бросить в море — все пятьсот человек.

— Брат, ведь это неправда? — закричал Амнат, откидывая волосы с разгоряченного лица. — Как? Ты молчишь? Ты отворачиваешься? Неужели...

— Нет, он не может этого отрицать! — дерзко вскричал Пуденций. — Видишь, как он побледнел? Гейзерих был демон. Вы все вышли из ада. Его преемники совершали страшные жестокости над нами, римлянами, католиками. Но подождите. Вам отомстят! Это так же верно, как Бог свят! Над головой вашей разразится кара. В писании сказано: «Грехи отцов взыщут в третьем и в четвертом колене»!

Король глухо застонал, пошатнулся, упал на кушетку и, рыдая, закрыл голову складками пурпуровой мантии.

Испуганный Амнат глядел на него. Гильда подозвала Амната и юного римлянина.

— Уходите! — шепнула она. — Помиритесь! Вы должны жить в мире и согласии. Разве это дело мальчиков? Говорю вам, помиритесь!

Амнат добродушно протянул руку римлянину, но тот неохотно взял ее.

— Вот, — сказал вдруг Амнат, нагибаясь, — какой случай!

ФЕЛИКС ДАН

И он поднял кусочек темно-красного шнура, на котором висела небольшая восковая печать.

— Да, — отвечал Пуденций, удивляясь, — это та самая печать, которую не хотел нам подарить Вер для нашей коллекции печатей и оттисков.

— Какая странная печать: скорпион, окруженный пламенем.

— На прошлой неделе, когда я видел на его столе распечатанное письмо и возле него печать и шнурок, как я просил его отдать мне печать! Он ударил меня по руке, когда я хотел было ее взять. Я тогда подумал: должно быть, дорогая печать. А сегодня она валяется на полу.

— Он мог бы нам ее и тогда подарить, после того, как распечатал письмо.

— Ну, пойдём.

С этими словами мальчики вышли из оружейной. Они, по-видимому, помирились. Но надолго ли? Их болтовни никто не слушал.

Гибамунд наклонился к брату:

— Полно, Гелимер, успокойся! — грустно сказал он. — Неужели слова ребенка...

— О! Он прав, он прав! Это мучение моей жизни! Это тот червяк, который гложет мое сердце. Устами детей истина говорит. Бог, грозный Бог карает нас за грехи отцов!

— Да нет же, нет! — вскричал Гибамунд. — Вер, успокой короля! Ты его друг, ты его духовный отец! Ты видишь, как король мучается, и стоишь безучастный, как истукан!

Но священник мрачно отвечал:

— Я не могу опровергать короля. Ты юноша и рассуждаешь, как мирянин, как германец, почти как язычник. Король же, как зрелый человек, усвоил себе духовную мудрость отцов церкви и светскую мудрость философов.

Кроме того, он набожный христианин. Гелимер прав, а ты неправ.

— В таком случае я рад, что молод.

— А я рада, что я язычница! — заметила Гильда.

— Следует обдумать, — медленно проговорил Вер, — не надо ли заточить вместе с остальными заключенными сына Публия Пуденция, который в своем последнем бегстве не успел захватить его с собой.

— Ребенка? К чему это? — с упреком спросила Гильда.

— Ваши короли из благоразумной предосторожности всегда привлекали к себе на дворцовую службу сыновей знатных римлян под предлогом оказания почести отцам, на самом же деле, в качестве заложников.

— Неужели же добрый король Гелимер будет карать невинного сына за вину отца, как твой жестокосердный Бог? — закричал Гибаmund.

— Я ни за что этого не сделаю, — отвечал Гелимер.

— Это хорошо известно предателю, — заметил Вер. — Он рассчитывает на твою мягкость, а потому и возмутился, хотя его сын находится в твоих руках.

— Отпустить бы всех детей к их родителям!

— Это невозможно. Они уже настолько велики, что могли все слышать и запомнить о наших приготовлениях и о слабых пунктах. Они могут нам повредить своей болтовней. Пусть остаются в городе. Прощайте, однако; мне некогда.

— Постой, Вер! Последнее слово. Узник, низверженный король, и его брат опять просили аудиенции. Они хотят оправдаться. Эта просьба...

— Выполнена. Я сам их выслушал.

— Ну, и что же?

— Ничего; все, что они говорят, я уже знал раньше. Ведь ты своими руками ошупал броню, которую Хильдерих надел и сам вырвал у него из рук меч.

ФЕЛИКС ДАН

— К сожалению, да. Но он говорит, что получил в тот день письмо, предостерегающее его от меня. Он говорит, что в этом письме — его оправдание. Ты ведь искал это письмо, Вер?

— Конечно, — отвечал Вер, и его каменное лицо как будто стало еще неподвижнее. — Все это выдумки: никакого письма не было. Я сам осмотрел казнохранилище Гейзериха, куда его будто бы положил Хильдерих.

— А никто не мог его оттуда взять? — спросил Гелимер.

— Только ты да я имеем ключи от него. Однако я должен вас оставить, — повторил священник. — Мне надо нынче написать много писем. Будьте здоровы.

— Благодарю, Вер. Ты, как ангел-хранитель, бодрствуешь надо мной.

Священник на минуту закрыл глаза, потом, медленно раскрыв их и улыбнувшись, сказал:

— Аминь!

Тихими шагами вышел он из палаты.

Глава 21

Гильда поглядела ему вслед и тихо покачала хорошенькой головкой.

— Не сердись на меня, — сказала она, обращаясь к Гелимеру, — если я спрошу тебя: отчего ты, король вандалов, любишь этого мрачного римлянина больше всех своих близких?

— В этом ты ошибаешься, прекрасная невестка, — засмеялся король, погладив ее по руке.

— Ну да, — поправилась она, — ты любишь больше Аммата, это твой любимец.

— Отец, умирая, поручил мне его; я полюбил и вос-

питал его, как родного сына. А с Вером меня связывает не любовь, но благодарность и почтение вместе с уверенностью в том, что он мой ангел-хранитель на земле. Мне было об этом откровение, чудо...

— Чудо! — повторила Гильда.

— Откровение? — переспросил Гибаmund недоверчиво.

— И то, и другое, — объявил король. — Но, чтобы понять, вы должны все узнать. Вы, мои близкие, должны знать, что я выстрадал и какие сомнения удручали и удручают мою совесть. В раннем детстве отец говорил, что я был не похож на ребенка: мечтал, задавал недетские вопросы. Потом, конечно, наступили веселые отроческие годы; оружие, оружие и оружие было единственной игрой, единственным занятием, единственным учением... Вдруг пришел этому конец. Благодаря болезни сотника, командовавшего отрядом, меня, шестнадцатилетнего юношу, назначили присутствовать с отрядом при жестокой казни римлян-католиков, не хотевших отречься от своей веры. Я и прежде слышал об этих вещах, но мне пришлось своими глазами увидеть это ужасное зрелище, пришлось командовать палачами! Ужасно! Ужасно! Казни было обречено около ста человек — женщин, стариков, а также мальчиков и девочек, моложе меня самого. Я хотел освободить несчастных... «Мы повинемся приказу короля», — объявил арианский священник. Увы! В числе казнимых было все семейство Вера. Я хотел оторвать от позорного столба его престарелую мать, но мои собственные воины схватили меня за руки и удержали. «По приказу короля!» — твердили они. Я боролся, метался, наконец, закрыл глаза, чтобы не видеть больше всего этого ужаса. Но тут...

Он остановился, с трудом перевел дух и вытер лоб.

— Вдруг услышал я свое имя. Невольно открыл я глаза и увидел как раз перед собой вытянутую руку старухи:

ФЕЛИКС ДАН

«Будь проклят Гелимер на земле и в аду! Прокляты будьте все Асдинги, проклят и весь вандалский народ и вандалское царство! Господь да покарает вас всех от мала до велика! Будь проклят, проклят убийца Гелимер!» Тут я не выдержал и упал без чувств. Когда я пришел в себя, я был уже не юноша, а старик. Все мне опостылело. Слова проклятия постоянно звучали в ушах. Я искал утешения в святом писании. Нам говорили, что Господь в Библии изрекает нам свои оракулы. Я воззвал к Господу: «Боже, неужели ты покараешь меня за грехи отцов?» — и, мечом перевертывая страницы, наугад проткнул одно место, и вышло мне как раз: «Ибо Я, Господь твой, Бог ревнивый, и караю грехи отцов на детях и до третьего и четвертого колена...» Я омертвел от ужаса. Закрыв Библию, и снова меч мой, перевертывая страницы, остановился на изречении: «Все суета сует и всяческая суета, что происходит на земле». Я пришел в совершенное отчаяние; значит, все: и народ, и государство, и геройские дела, как их понимали наши предки, — все это суета и грех в глазах Господа!

— Это просто случайность, — заметил Гибаmund.

— И глупо в нее верить! — вскричала Гильда. — Ах, Гелимер! Внук Гейзериха! Неужели каждое биение твоего сердца не говорит тебе, что ты жестоко заблуждаешься?

— Тогда и на долгие годы отлетела от меня всякая радость жизни и всякое увлечение оружием и воинскими подвигами, — продолжал Гелимер. — Я заболел. После второго библейского гадания со мной опять сделались конвульсии и часто потом возвращались. Отец уступил моим просьбам и отпустил в пустыню, в монастырь. Там жил я много лет. И тогда-то я сжег все написанные на нашем языке геройские песни, которые я сочинил.

— Какая жалость! — прошептала Гильда.

— Но некоторые сохранились в памяти наших воинов, — утешил Гибамунд.

Гелимер помолчал с минуту, затем продолжал:

— Вместо вандальских стихов я писал латинские покаянные молитвы. Я всячески убивал плоть и искал премудрости в книгах. Я все перечитал, что только было в монастырской и карфагенских библиотеках. Я попросил отца послать меня в Александрию, в Афины, в Византию, чтобы слушать тамошних учителей. Я стал ученым, но ни на волос умнее против того, каким оставил монастырскую школу. Наконец, отец вызвал меня из монастыря к своему смертному одру и поручил мне Аммата. Я стал жить для этого юноши. Тогда зашла речь о моей женитьбе: король, весь наш род желали этого. Она была из рода вестготских королей и приехала погостить в Карфаген. Она была хороша собой, умна и благородна; она мила была и сердцу моему, и глазам. Но я поборол и сердце, и глаза и сказал себе «нет!»

— Чтобы жить только для Аммата? — спросила Гильда.

— Не только для того, но и потому, что боялся, чтобы проклятие старухи не перешло на моих детей.

— Какое мрачное заблуждение! — прошептал Гибамунд. — Тогда-то ты и сочинил свои покаянные стихи, отвергающие всякую любовь, как тяжкий грех?

— Это неправда! — заметила Гильда, целуя мужа.

Но Гелимер продолжал:

— Что правда и что нет — это мы узнаем в день судный. Как бы то ни было, а попечения о юноше исцелили меня, и я опять взялся за оружие, к которому меня призывал долг.

— Перед народом и отечеством, — сказала Гильда.

— Да, — подтвердил Гибамунд. — В ту пору мавры были нашими непримиримыми врагами. Наши границы

из года в год опустошались ими; Гелимер разбил их и оттеснил назад, в глубь пустыни.

— Да простит мне Небо, если я был слишком жесток в бою! — грустно проговорил Гелимер. — Часто мысль: «А ведь это грех!» — останавливала мою руку среди боя! А в ушах беспрестанно звучали пророческие слова: «Все грех, все суета сует и всяческая суета». Но вот наступил день, когда мне пришлось пережить жесточайшие мучения, и кто же явился тогда моим избавителем, кто? Никто иной, как Вер. Я так же не доверял ему тогда, как все вы! Так как король Хильдерих, друг византийцев, сильно благоволил к Веру, то, казалось мне, нельзя ему верить. Однако дела доказали, что я был к нему несправедлив. Узнайте же теперь и вы то, что знает один Цацо. Слушайте и дивитесь премудрости Божьей и Его чудесному промыслу.

Глава 22

То было три года тому назад. Мы опять отправились против мавров; на этот раз на юго-восток, против племен, которые разбивают шатры у подножья гор Аурас. Прошли мы проконсульство, затем Нумидию и оттеснили неприятеля от Типазы к подножию крутой горы. Там на высотах укрылся неприятель. Мы стояли на равнине, рассчитывая голодом принудить его сдаться. Проходили дни, недели. Мне было ужасно скучно. Объезжая гору, искал я, нет ли удобного подъема, чтобы взять неприятеля приступом. В один из таких объездов я уехал очень далеко от лагеря и, наконец, заблудился в пустыне. Солнце уже клонилось к западу. Вдруг слышу страшный рев. Испуганный конь взвился на дыбы. Вижу, громадный лев готовится прыгнуть на меня. Со всех

сил бросил я в него копьё. Но в то же мгновенье мой конь, испугавшись, опрокинулся и упал, придавив меня. Сильная боль в ноге была последним моим ощущением. Я лишился чувств. Когда пришел в себя, солнце заходило. Конь лежал неподвижным: он сломал себе спину. Я хотел было высвободиться из-под давившей меня лошади, но напрасно: я не мог пошевелить сломанной ногой. Мне удалось только, опираясь правой рукой в песок, слегка приподняться и заглянуть через голову коня. Каков же был мой ужас, когда я увидел перед собою льва! Он лежал в нескольких шагах от меня на брюхе; рукоятка копья торчала у него из груди. Он не был убит: слабое, но сердитое рычание послышалось из полуоткрытой пасти. Он тряхнул гривой, хотел встать, но не мог и остался лежать на прежнем месте, только зарыл глубже в песок лапы и не спускал с меня сверкающих глаз. А я? Я не мог отодвинуться от него! Страх охватил меня и я закричал: «Помогите!» Но тотчас же пожалел об этом! Мой голос пробудил ярость раненого зверя: лев отвечал мне таким страшным ревом, что у меня дух захватило. Когда все затихло, сердце стучало во мне, и думал я: «Что ждет меня здесь, в пустыне?» И в ушах моих прозвучал грозный ответ из священного писания: «Я взыщу прегрешения отцов на детях их, до третьего и до четвертого колена». В ужасной тоске взывал я к Господу: «Не оставь меня, спаси меня, о, Боже!» И когда я кончил молиться, то почувствовал какое-то облегчение. Вдруг слышу стук коня. Я собрал все силы, повернул голову и увидел в нескольких шагах от себя человека, который соскочил с коня и схватился за рукоятку меча, поглядывая то на меня, то на льва. Он колебался.

— Кто ж это был? Вандальский воин?

— Нет, не вандал.

— Мавр? Враг?

— То был Вер, священник! «Спаситель мой, ангел-хранитель!» — воскликнул я и лишился чувств. Вер рассказывал мне потом, что, осторожно приблизившись ко льву и увидев, как глубоко у него засело копьё, он вырвал его из раны; кровь хлынула ручьем, и зверь околел. Тогда он вытащил меня из-под убитой лошади, с большим трудом поднял на своего коня и медленно повел его.

— И ты никогда об этом никому не рассказывал? Гелимер покачал головой.

— О чудесах Господних не разглагольствуют! Я попросил у него от всего сердца прощения за свое прежнее недоверие. Он великодушно простил меня. Только вам одним повторяю я это, потому что мне больно видеть ваши сомнения. Нет, Гильда, не качай головой! Не надо никаких возражений. Они только ожесточают меня! Ведь он еще раз спас меня! Неужели вам, маловеерам, надо еще третье знамение? Но поздно. Верьте и молчите!

И он вышел из палаты. Гильда задумчиво глядела ему вслед, пожимая плечами.

— Случай! — сказала она. — И суеверие! Как могли такие бредни овладеть его душой?

— Обыкновенно такие души всего скорее впадают в них, — заметил ее муж. — Я предпочитаю мой слабый ум.

— И здоровую душу, — прибавила Гильда, нежно обняв его.

Глава 23

Спустя три дня, ранним утром на женской половине сидели Гильда и Евгения. Обе оживленно разговаривали, что не мешало им вместе с тем усердно работать.

Гильда сидела на подушках и, будучи высокого роста,

легко могла видеть в окно, что делается на дворе. Она заметила, что Евгения также не раз вытягивала свою хорошенькую шейку, стараясь выглянуть во двор, но это ей не удавалось: она сидела слишком низко на полу, и когда Гильда взглянула на нее в то время, как она повторила свою неудачную попытку, то та покраснела от стыда.

— Ты уже подрубила нижнее полотнище, — дружески произнесла Гильда. — Положи подушку на скамеечку. Тебе будет виднее работать, если будешь сидеть ближе к окну.

Гречанка торопливо и с удовольствием исполнила приказание и мельком заглянула на двор. Но длинные ресницы печально опустились, а иголка с золотой ниткой еще быстрее замелькала по красному сукну.

— Скоро придут новые сотни, — сказала Гильда.

Евгения молчала, но лицо ее просветлело.

— Ты была так прилежна, — продолжала Гильда, — что мы скоро кончим. Вечернее солнце озарит старое знамя Гейзериха, когда оно, обновленное, будет развеиваться над крышей дворца. Золотой дракон вышит заново.

— Мы бы давно его кончили, если бы ты не велела вышивать вдоль рубца эти маленькие странные знаки...

— Молчи, — перебила Гильда, — чтобы он об этом не узнал.

— Кто?

— Ну, конечно, благочестивый король. Ах, мы никогда не пойдем друг друга!

— Почему он не должен знать?

— Потому, что это победные руны, древние руны нашего народа. Мой прадед Гильдебрант выучил им меня. И, как знать, может быть, они и помогут нам!

И она тихо запела:

ФЕЛИКС ДАН

«Древние руны,
Священные руны,
Чудные знаки, —
Неситесь, волнуйтесь
Со знаменем нашим
Над храброй дружиной!»

— Да, — заметила она, кончив песню, — Амалунгам это старое заклинание часто помогало; почему бы ему не помочь и Асдингам? Гей! Опять теперь дракон полетит! Он обновился и снова расправил крылья.

Она встала, взяла полотно знамени в обе руки и подняла его над головой. Глаза ее блестели таким чудным героическим вдохновением, что Евгения бросилась целовать ее.

— Ах, княгиня, как ты счастлива! Часто смотрю я на тебя и кажешься ты мне Палладой-Афиной, и страшно мне, когда вижу, как любишь ты своего мужа, то ты делаешься близка мне, как... как...

— Как сестра, моя Евгения, — добавила Гильда и, увлекшись воспоминаниями родной поэзии, стала рассказывать ей саги о верности жен, о силе любви, побеждающей самую смерть.

Но вдруг Гильда остановилась. Она говорила с таким одушевлением, что не обращала внимания на свою слушательницу, и вдруг услышала тихое всхлипыванье.

— Евгения, что с тобой?

— Ах, Гильда, это так хорошо! Какое блаженство так любить и быть так любимой!

— Но ведь и тебя любит твой жених?!

— Нет, нет!

— Ах, сестра, не верь тому, что сказала тебе та женщина на ухо. Я ведь видела, но я и знать не хочу, что это такое...

— Я никогда не скажу! — закричала Евгения.

— Говорю тебе, что я и знать не хочу. Как бы он ни был виноват, но христиане говорят: любовь все терпит и все прощает.

— Ну нет, — перебила Евгения, — вот уже три дня, как он не показывается. Где он теперь?

— Не очень далеко. Вон я вижу его во дворе. Он говорит с Гибаmundом. Муж дает мне знак. Он идет сюда. Тразарих идет за ним.

Евгения быстро ускользнула в соседнюю комнату.

Глава 24

Гильда бросилась навстречу мужу.

— Ты одна? — спросил он. — Кажется, в окне я видел твою маленькую антилопу.

Гильда молча указала ему на соседнюю комнату; тот кивнул ей в ответ.

— К тебе идет гость, — сказал он громко. — Тразарих желает переговорить с тобой о чем-то важном.

— Очень рада.

— А! Знамя готово уже! — И рассматривая его, проговорил: — Я повешу его на самую высокую башню, чтоб далеко грозило оно врагу. — Затем посмотрел на вещицы руны, поцеловал их и, взяв на плечи знамя, поспешно вышел.

Провожая мужа, Гильда на пороге встретила Тразариха.

— Здравствуй, Тразарих! — приветствовала она гостя. — Вот это мило! В полном вооружении! Как это идет тебе! Я слышала, что ты назначен на место Цацо начальником многих тысяч. С чем пожаловал ко мне?

Тразариху страшно хотелось заговорить о Евгении,

ФЕЛИКС ДАН

расспросить о ней, но он боялся, не зная, разделяет ли взгляд невесты ее подруга на его тяжкий, тяжкий грех. И воин, не боящийся выйти против армии Велисария, робел перед женщиной и не мог найти, что говорить.

— Коня привел.

— Коня? Для чего? — спросила Гильда.

— Чтобы ездить.

— Еще бы! — засмеялась Гильда. — Это я знаю. Но кому принадлежит конь?

Тебе! Я дарю его тебе. Гибаmund позволил. Он сказал, что ты примешь его от меня. Слышишь, он сказал, он позволил.

— Хорошо, хорошо. Я только не совсем понимаю... Очень благодарна тебе. Что же это за конь?

— Лучший в мире, — выпалил тот.

— А! Это, должно быть, скакун Кабаона.

— Именно!

— Да он принадлежит Модигизелю!

— Нет уже.

— Почему?

— О, по многим причинам! Во-первых, он теперь принадлежит тебе; во-вторых, он в ту ночь был похищен у Модигизеля; в-третьих, Модигизель умер и, в-четвертых, конь стал моим.

Гильда глядела на него и не понимала.

— Модигизель умер? Не может быть!

— Но это совершенно верно. И в сущности, в этом нет большой беды — разве для него только. В ту ночь я помог бежать молодому мавру. Что мавр при этом воспользуется скакуном, я не мог предвидеть. Но когда это случилось, то был очень рад. Сегодня рано утром приводит ко мне мавр (не тот, что бежал, а другой) этого самого скакуна. Бежавший мавр был Серсаон, внук Кабаона. Кабаон прислал мне в подарок драгоценного коня. Я приказал отвести

его к Модигизелю. Но раб скоро вернулся с известием: Модигизеля нет уже на свете.

— Как это могло случиться? Возможно ли? Да ведь вчера еще он был здоров.

— Вероятно, Астарта. Ты не знаешь этой твари. Это была его вольноотпущенница и любовница. Она жила во флигеле его дома. Это очень странная история. Рабы рассказывали, что, вернувшись из рощи Святой Девы... — и Тразарих попутился... — Они ссорились. То есть она не кричала, никогда не бывало, чтобы она кричала, но в сотый раз просила, чтобы он совсем отпустил ее на волю. Модигизель не соглашался, кричал, топал ногами, говорят, даже побил ее. Вчера они словно опять помирились. Астарта и Гундинги ужинали у него. После ужина пошли гулять в сад. Астарта при всех сорвала четыре персика с дерева. Три персика съели она и двое Гундингов, а четвертый — Модигизель. И только он съел его, тотчас и умер.

— Отрава?

— Как доказать? Персик рос на том же дереве, что и другие. Гундинги так показывают, а они не солгут. Да и карфагенянка спокойна, как всегда.

— Что за женщина!

— Не женщина, а чудовище, только очень красивое. Конь остался в моих руках, хотя мне не хотелось владеть им. Но я вспомнил, какая ты прекрасная наездница, и вот, попросил Гибаmunда позволить мне подарить коня тебе. Он позволил. Смотри, конь у тебя на дворе.

— Прелестное животное! Благодарю тебя... А где же твой брат? — спросила Гильда.

— Исчез, к сожалению. Везде я искал его. Пропал бесследно с мертвым телом ионянки, которая умерла в ту ночь. На этих днях много кораблей отходило из гавани... Думаю, что он отплыл в Сицилию. Говорят, много женщин отплыло в Сиракузы, — прибавил он, глядя в глаза Гильде.

ФЕЛИКС ДАН

— Сколько мне известно, одна только, — спокойно отвечала та.

— Значит, это правда! — вскричал он вдруг в совершенном отчаянии. — Она уехала! Она отправилась к отцу в Сиракузы! Я потерял ее! Ах, Евгения! Евгения!

И в глубокой горести он оперся локтем на окно и закрыл лицо рукой.

Он не заметил, как в это время раздвинулась портьера соседней комнаты.

— Но я сам виноват! — снова заговорил он и стал изливать перед Гильдой свое горе о потере горячо любимой женщины и винить себя за свое легкомыслие.

— Ты не виноват, вино виновато! — отозвался ему радостный голос, и к груди его стыдливо прижалась Евгения.

— Евгения! — закричал пораженный великан. — Ты все слышала? Ты простила? Ты любишь меня?

— До смерти! До гроба! Нет, даже за гробом! Я лягу с тобою в могилу, если потеряю тебя! С тобою и в жизни и в смерти, потому что люблю тебя!

— И это навеки, — сказала Гильда, ласково погладив молодую женщину по голове, и оставила счастливую чету наедине с их счастьем.

ВОЙНА

Глава 1

«**К**орнелию Цетегу — Кесарий Прокопий из Кесарии. Нет более смысла и нет причины скрывать свое имя. Птица видна по полету. Да, теперь я почти уверен, что эти листки не попадут никому в руки в Византии, так как мы уплывем по синему морю.

И там — война с вандалами!

Императрица добилась своего.

Она очень холодно, почти презрительно обращалась с супругом, пока он колебался. Это на него действует.

Какую причину она придумала для войны — в аду это доподлинно известно, на небе же не вполне, а я так ровно ничего о том не знаю.

Быть может, кровь сретиков должна опять смыть с нее несколько пудов греха. Или же у нее разгорелись глазки на сокровища, хранимые в карфагенском Капитолии и награбленные Гейзерихом. Ведь и иерусалимская казна находится там же.

Короче сказать: ей хочется воевать, и мы воюем.

Благочестивый епископ одного азиатского города по имени Агафон прибыл в Византию. Императрица пригласи-

ФЕЛИКС ДАН

сила его на тайное совещание. Знаю я это через Антонину, супругу Велисария, которая там присутствовала. Императрица показала ему его же письмо к персидскому царю. Епископ от страха пал к ее ногам. Она толкнула его узким носком своих золотых башмачков: «Встань, Агафон, божий человек, — сказала она, — и постарайся, чтобы сегодня ночью тебе приснилось то, что я тебе скажу. А если завтра рано поутру ты не расскажешь императору этого сна, то я передам ему твое письмо, и завтра вечером, святой отец, тебя казнят».

Епископ ушел и увидел сон, вероятно, не смыкая глаз. На утро, раньше, чем Юстиниан успел принять ванну, он попросил у него аудиенции и рассказал ему в крайнем возбуждении (которое было, несомненно), что ночью ему явился во сне Христос и сказал: «Иди, Агафон, к императору и укоряй его за то, что он малодушно отказался от намерения отомстить за меня еретикам. Скажи ему: так глаголет Господь; встань, Юстиниан, и не бойся. Ибо я, Господь, буду с тобой в бою и покорю Африку и сокровища ее твоему владычеству!»

Тут Юстиниан более уже не медлил, и война была решена. Строптивный префект Преторий низложен и сидит в тюрьме. Велисарий назначен главнокомандующим. Во всех византийских церквях и соборах возвещают народу о сонном видении благочестивого епископа. Солдат водят сотнями в церковь, где им проповедают быть храбрыми. Чиновники оповещают о сонном видении на улицах, в гавани, на кораблях. По приказанию императрицы Мегас, ее придворный лейб-поэт, изложил сон греческими и латинскими стихами. Стихи ужасно плохи, хуже даже чем те, какие обыкновенно пишет наш Мегас, но легко запоминаются, а потому солдаты и матросы дни и ночи режут их на улицах и в кабаках, словно дети, которые в потемках поют для храбрости, так как в

сущности ведь нашим героям куда как не мил этот священный поход в Карфаген!

Итак, мы поем непрерывно:

«Христос явился к благочестивому епископу! Христос внушил Юстиниану:

«Отомсти за Христа, Юстиниан, презренным арианам!

Сам Христос побьет вандалов и подчинит тебе Африку!»

Императрица говорит (а она должна это знать), что их внушил Мегасу святой Дух. В таком случае в стихах, продиктованных свыше, как и в обыкновенных, попадаются хромые.

День и ночь кипит у нас работа. По улицам Византии рыщут маленькие косматые лошадки гуннов; в их числе находятся шестьсот превосходных конных арбалетчиков, гуннские вожди Айган, Бледа, Эллак и Бала предводительствуют ими. Прибавь к ним шестьсот герулов, предводительствуемых Фарой. Эти германцы на жалованье у Юстиниана, так как, по словам Нарзеса, только бриллиант режет бриллиант: германцы против германцев — вот наша любимая политика.

Но и другие варвары, которых мы называем своими союзниками (это значит, что мы «дарим» им деньги или хлеб, а они платят нам за это кровью своих сынов), целыми толпами проходят по улицам: исавры, армяне и другие под предводительством вождей своего племени. Из народов империи лучших воинов поставляют Фракия и Иллирия.

Войско постепенно сажают на корабли; 11000 пехоты, 5000 всадников на пятистах судах с 20000 матросов. В том числе лучшими боевыми кораблями считаются 102 быстроходных дромона с 2000 византийских гребцов; на других судах матросы — египтяне, ионяне, киликийцы.

В общем, это очень красивая и воинственная карти-

ФЕЛИКС ДАН

на, на которую мне приятнее глядеть, чем ее описывать. Но всего прекраснее сам герой Велисарий, окруженный телохранителями, оруженосцами и латниками, испытанными в бою людьми, выбранными из всех народов земли.

«Мы уже на полпути к Африке. Пишу тебе из Сиракуз.

Доселе все шло удивительно счастливо; богиня, которую латинцы называют Фортуной, сопутствует нам.

К концу июня войско все было посажено на корабли.

Тогда корабль, на котором должен был плыть Велисарий, был подведен к берегу перед императорским дворцом. На корабле показался александрийский епископ Епифаний. Последним на корабль посажен был один арианец, которого он только что выкрестил в католическую веру. Затем он благословил корабль Велисария и всех нас, также и язычников гуннов; сошел в лодку, и корабль полководца при восторженных криках многих тысяч народа поплыл вперед, а за ним последовал весь флот. Мы очень благочестивые люди, то есть все те, кого императрица и сновидец-епископ с Юстинианом посылают искоренять ересь.

«Это священная война. Мы сражаемся за Христа!» — так часто мы повторяли это, что наконец сами поверили.

Из Перинфа — его называют теперь Гераклея — мы поплыли к Абидосу. Тут пьяные гунны затеяли ссору, и двое из них убили своего земляка. Велисарий тотчас велел немедленно повесить обоих на холме, лежащем за городом.

Гунны, в особенности родственники казненных, подняли бунт. По их законам смерть, причиненная в драке, не наказывается убийством. Я полагаю, что другое право гуннов предоставляет наследникам убитого шить на счет убийц вместе с ними до тех пор, пока все не свалится на землю; а когда проснутся, то перецелуются, — и дело с

концом. Гунны ведь еще большие пьяницы, чем германцы! И вот они утверждают, что обязаны драться за императора, состоя на его жалованье, но судить их по римским законам император не имеет права. Велисарий собрал гуннов под виселицей, на которой оказались их соплеменники, окружил их верными себе людьми, и принялся ругать гуннов. Не думаю, чтобы они поняли его латынь, то есть, собственно говоря, мою, так как я сочинил ему речь, но он часто показывал им на виселицу; это они поняли и стали кроткими, как агнцы.

Затем мы поплыли на Сигеум, Тенарум, Метону.

Там у нас погибло очень много людей от того, что обер-интендант византийский вместо того, чтобы хорошо пропечь солдатский хлеб, велел вымочить тесто в общественных банях (хоть и не аппетитно, но зато бесплатно) и затем, насыщенное водой, поджарить снаружи на горячих листах. От этого хлеб стал гораздо тяжелее (император платит за него по весу), и на каждый фунт пришлось несколько золотников лишку. Но зато в настоящее время этот хлеб превратился в вонючую кашу, и от нее перемерло уже пятьсот человек. Императору донесли об этом, но Феодора заступилась за бедного провиантмейстера, который уплатил ей за ее христианское заступничество сумму, в десять раз превышающую ту, которую он нажил. Он отделался только выговором. Так, по крайней мере, нам сообщили. Из Метоны путь наш лежал через Закинф в Сицилию, где мы простояли две недели в древней гавани. Это место называется Каукапой, около Этны.

Но теперь героя Велисария стали осаждать запоздалые тяжелые думы! Он так воинствен, так слепо бросается туда, где ему покажут неприятеля! Но затем являются разные заботы...

Никто из многочисленных, лазутчиков задолго до на-

ФЕЛИКС ДАН

шего отплытия из Византии посланных в Карфаген, не возвратился ни в Византию, ни на одну из станций, лежавших на нашем пути. Таким образом, полководец столько же знал о вандалах, сколько о жителях Луны.

Что это за люди, кто их вождь, как с ними действовать — об этом ровно ничего неизвестно! Вдобавок солдат обуял старинный страх перед флотом Гейзериха, а на кораблях у нас нет императрицы, которая бы снова заказала кому-нибудь сонное видение! Стихи лейб-поэта распеваются все реже и реже; само пение их опротивело: если один затянет, другие на него за это накидываются. Только гунны да герулы, к стыду римлян, воздерживаются от громких жалоб! Они мрачно молчат, наши же воины не стыдятся громко роптать.

Но Велисария всего больше мучает неизвестность насчет планов неприятеля. Куда девался этот грозный флот? Чем-то зловещим представляется то, что его не слышно и не видно. Не скрывается ли он за ближайшими островами? Или же сторожит нас у африканских берегов? Но где? И где нам придется высадиться?

Я вчера заметил, что об этом следовало бы раньше подумать.

Но Велисарий проворчал что-то себе в бороду и попросил меня исправить его оплошность.

Я должен плыть в Сиракузы и там, под предлогом закупки припасов у вашего остготского графа, разузнать об этих вандалах все, что ему нужно и чего он не знает.

Итак, со вчерашнего дня я в Сиракузах и расспрашиваю встречных и поперечных о вандалах. Все смеются мне в глаза и говорят:

— Но если сам Велисарий не знает, так как же мы-то будем знать? Мы с ними не воюем. Но, кажется, они правы, нахалы этакие!»

Глава 2

« **П**обеда, Цетег! Всегдашняя удача и на этот раз не оставила Велисария! Сами боги ослепляют вандалов! Они отнимают у них разум: они, должно быть, желают их гибели. Гермес расчищает нам путь, устраняет опасности и препятствия с дороги.

Флот вандалов, страшилище для наших храбрецов, плывет безобидно из Карфагена на север, в то время как мы на всех парусах — восточный ветер хорошо дует — летим из Сицилии по голубым волнам, окруженные дельфинами, на запад к Карфагену.

Спешим мы, словно на праздник, прорезывая мирные волны! Ни врага, ни лазутчика кругом нас на всем далеком пространстве, который мог бы помешать нам предупредить неприятеля о нашем приближении, и мы, как метеор с неба, налетим на него грозю.

Если все это стало известно нашему полководцу и если он мог немедленно воспользоваться полученными сведениями, то это заслуга Прокопия, или, вернее говоря, слепого случая, той трудолюбивой богини Фортуны, которая, как мне кажется (конечно, ведь я не философ), гораздо более, чем Немезида, руководит судьбою народов.

Я писал перед этим, что бессмысленно и навлекая на себя насмешки шутников, бегал по улицам Сиракуз и расспрашивал, не видали ли вандалов? Наконец, один человек — на этот раз это был один готский граф — сказал мне, пожимая плечами (его зовут Тотилой, и он так же хорош собой, как и дерзок): Вам, кажется, самим следует разыскивать неприятеля. — Я бы охотнее отправился вместе с вандалами за вами в поиски и еще охотнее потопил бы вас. — И тут я не мог не подумать, как правильно понял этот юный варвар выгоды своего народа и глупость регентши, и вот, когда я, недовольный богами

ФЕЛИКС ДАН

и самим собой, а всего более Велисарием, шел по улице, то столкнулся с каким-то прохожим. Оказалось, что это Гегелох, мой школьный товарищ из Цезареи, который — как мне было известно — поселился где-то в Сицилии и завел хлебную торговлю; но только я не знал, в каком именно городе.

— Чего ты здесь ищешь? — были его первые слова после того, как мы поздоровались.

— Безделицу, — отвечал я со смущением, потому что уже видел явную усмешку на его лице. — Я ищу всюду полтораста или двести вандальских военных кораблей. Не знаешь ли, где они находятся?

— Знаю, — отвечал он, смеясь. — Они стоят в гавани Карали, в Сардинии.

— Всеведущий зерноторговец! — вскричал я, вытаращив глаза от изумления. — Откуда ты это знаешь?

— Из Карфагена. Я всего три дня как оттуда вернулся. Ну тут уж я закидал его вопросами.

Итак, нам нечего, решительно-таки нечего бояться для нашего флота вандальских кораблей. Варвары еще и не подозревают, что мы идем на них во всеоружии. Отборная военная сила их отослана на грозных галерах в Сардинию.

Во время нашего разговора я охватил приятеля рукой за шею и спросил его, не хочет ли он пойти вместе со мной в гавань Аретузы и поглядеть на мой корабль, который там стоит на якоре? Это быстроходное судно новой конструкции. Торговец согласился; но как только я заманил его на корабль, то немедленно выхватил меч, пересек канат, привязывавший нас к железному кольцу гавани, и приказал матросам как можно скорее плыть в Каукапу.

Гегелох испугался, стал ругаться и грозиться. Но я успокоил его.

— Прости за это похищение, друг: мне, безусловно,

необходимо, чтобы Велисарий услышал от тебя самого, а не получил сведения через меня. Он один знает, как воспользоваться всем этим. Ты должен пересказать полководцу все, что говорил мне; ты должен сопровождать наши корабли в Африку, мало того — руководить ими. И одно это недобровольное твое путешествие в Карфаген принесет тебе более богатые плоды из сокровищницы вандалов, чем если бы ты сто раз проплавал с грузом пшеницы туда и обратно. И при этом уж я не говорю о том сокровище, которое ты уготовишь себе на небесах, помогая нам искоренить еретиков.

Он улыбнулся, успокоился и рассмеялся.

Но еще веселее улыбнулся Велисарий, герой, когда увидел перед собой человека, прибывшего незадолго перед тем из Карфагена, которого он мог обо всем расспросить. Как он меня хвалил за эту случайную встречу! Приказ к отплытию был отдан. О, как взвились паруса! Как гордо выступили наши корабли! Горе тебе, Вандалия и высокобашенная крепость Гейзериха!

«Мы быстро проплыли мимо островов Гаулоса и Милиты. Около Милиты поднялся ветер, точно по заказу Велисария, еще более попутный, нежели сильный юго-восточно-южный, который уже на следующий день пригнал нас к Капут-Ваде на африканском берегу, в пятидневном пути от Карфагена. Велисарий приказал спустить паруса, бросить якорь и созвал всех военачальников на свой корабль держать военный совет. Теперь следует решить: высадить ли войска и идти сухим путем на Карфаген, или же мы на кораблях подойдем к Карфагену и постараемся взять его с моря. Мнения на этот счет разделились.

Решено: мы идем сухим путем на Карфаген.

Правда, квестор Архелай указывал на то, что у нас нет гавани для кораблей без экипажа и никакой крепости для

ФЕЛИКС ДАН

экипажа без кораблей. Каждая буря может их угнать в открытое море или же разбить о береговые утесы. Он указывал также на недостаток воды и съестных припасов, ожидающие нас на сухом пути. Он советовал спешить к Карфагену морем, занять там гавань Стагнус, где поместится весь флот и которая в настоящее время совсем беззащитна, и оттуда напасть на город, который можно будет взять при первом же приступе, если справедливо, что король с войском находится внутри страны на расстоянии четырех дней пути от морского берега.

Но Велисарий сказал:

— Господь исполнил наше самое жаркое желание: он дозволил нам достичь Африки, не наткнувшись до сих пор на неприятельский флот. Неужели же нам опять плыть морем и, быть может, натолкнуться на те корабли, от которых наши люди грозят убежать? Что касается бури, то пусть лучше корабли потонут без нас, нежели с нами. Теперь у нас есть то преимущество, что мы можем застигнуть неприятеля врасплох. Каждое промедление даст им возможность вооружиться. Поэтому я говорю: мы высадимся здесь! Вал и окопы вокруг лагеря заменят нам крепость. Насчет продовольствия нечего беспокоиться. Если мы побьем неприятеля, то завладеем всеми его запасами.

Так говорил Велисарий. Я нашел, по обыкновению, его доводы весьма слабыми, а мужество очень твердым. Дело в том, что он всегда избирает кратчайший путь к битве.

Военный совет разошелся. Воля Велисария свершилась.

Мы выгрузили на берег лошадей, оружие, багаж, боевые машины. Около 14000 воинов и 19000 матросов взялись за лопаты и стали копать землю, вбивать частокол в горячий, сухой песок. Только тысяча воинов расставлена

была на сторожевые посты, и тысяча матросов осталась на кораблях. Полководец первым взял в руки заступ и последним выпустил его из рук: пот обильно оросил африканскую землю; и, подстрекаемые его примером, все так усердно работали, что до наступления ночи уже весь лагерь был окопан и окружен валом и полисадом. Только по пяти стрелков оставалось на ночь на каждом корабле.

До сих пор все шло хорошо. Благодаря остготскому гостеприимству в Сицилии, объемистые корабли наши хранили еще большой запас провианта. Всем, что нужно для людей и коней, эти глупцы (неудобный Тотила, не друживший с нами, был немедленно отозван) снабдили нас по приказу регентши и без всякого вознаграждения, а на наши удивленные вопросы отвечали цитатой из ученого Кассиодора: «Вы заплатите тем, что отомстите за нас вандалам».

Однако в воде начинает ощущаться недостаток. Та, что мы привезли с собой, плоха: отдает гнилостью. А каково-то будет для людей и коней маршировать несколько дней кряду под африканским солнцем без воды? Чем все это кончится?

Теперь я сам начинаю верить, что мы — любимцы богов: мы, воины Юстиниана правосудного и Феодоры целомудренной!

Или же, наоборот, народ и король вандалов навлекли на себя такой тяжкий небесный гнев, что непрерывные чудеса происходят варварам во вред, а нам во спасение!

Вчера вечером все мы, начиная от полководца и до последнего верблюда, страдали без воды. Сегодня рано поутру раб Агнелл (он — твой земляк, о, сын рыбака из Стабии!) принес мне в палатку целую амфору чудеснейшей родниковой воды. И ее достаточно не только для питья, но и для омовения! Наши герулы откопали на восточной окраине лагеря сильный, большой источник воды, забив-

ФЕЛИКС ДАН

шей фонтаном, — вещь неслыханная в визаценской провинции!

И так богат этот источник водой, что люди и звери пьют, варят пищу, купаются и, вылив испорченную воду из корабельных бурдюков, заменяют ее превосходнейшей!

Я поспешил к Велисария и поздравил его с удачей не только потому, что такая находка для нас неоценима, но и потому, что с нею связано предсказание о победе. — Тебе навстречу бьет вода фонтаном в пустыне, о, полководец! — вскричал я. — Это означает, что ты без труда одержишь победу: ты — любимец неба и его избраннык!

Он улыбнулся. Такие вещи всегда приятно слышать.

Он поручил мне сочинить приказ по войскам, который будет прочитан каждому отряду перед его выступлением.

Десятка два наших любезных гуннов поскакали на конях в глубь страны и, опустошив поля, вернулись с награбленной добычей: вследствие этого возник у них неприятный разговор с римскими колонистами. Так как гунны понимают только такую латынь, которая сопровождается ударами копий, то разговор окончился двумя убитыми, — само собой разумеется, со стороны глупых мужиков, которые не хотели, чтобы гунны стравили лошадям лучшую пшеницу. Наши любезные гунны отрезали головы благополучно освобожденным ими из-под вандальского ига римлянам, привесили их к седлам и привезли полководцу на ужин.

Велисарий взбесился. Он часто бесится. А когда Велисарий бесится, Прокопий должен греметь.

Так и теперь. Я написал приказ по войскам, что мы, будучи скорее освободителями, спасителями и благодетелями провинциалов, вовсе не считаем их поля своими и не намерены травить их лошадьми, а их головы — пригодными для игры в шары. «В настоящем случае, — писал я весьма убедительно, — такие поступки не только пре-

ступны, но и глупы. Если мы решили высадиться в таком незначительном числе, то только потому, что вперед предвидели: провинциалы, ненавидя вандалов, будут помогать нам». Я обращался затем весьма убедительно не к чести наших героев и не к их совести, а к их желудку. «Вы с голоду умрете, безумные, — писал я, — если крестьяне не станут возить нам провианта. Если вы их перебьете, то мертвецы не станут ничего продавать нам, а живые — тем более. Вы заставляете провинциалов быть союзниками вандалов, не говоря уже о том, что навлекаете на себя гнев и немилость Господа!»

Мы пошли вперед. О варварах — ни слуху, ни духу. Куда они делись? Где спит этот король вандалов? Если он не скоро проснется, то проспит свое царство!

Мы двигаемся все дальше и дальше. Удача следует за удачей.

На расстоянии однодневного перехода от пункта нашей высадки при Капут-Ваде, на западе, на пути в Карфаген, лежит недалеко от моря город Силлектум. Старинный городской вал разрушен еще во времена Гейзериха, но жители для защиты от мавров привели весь город в оборонительное состояние. Велисарий послал своего телохранителя Борайса вперед с несколькими копьеносцами попытаться взять город врасплох. Это вполне удалось. Люди прокрались с наступлением ночи к городским воротам, но нашли их заложеными и охраняемыми. Они провели ночь в старинном городском рве, потому что в городе могли быть вандалы. Утром подъехали крестьяне с фургонами: день был рыночный. Наши пригрозили им смертью, если они их выдадут, и принудили спрятать их в своих фургонах. Сторожевые пропустили нетерпеливо ожидаемые фургоны. Тут наши выскочили из них, завладели городом, почти не вынимая меча (ни одного вандала

ФЕЛИКС ДАН

в городе не было), заняли курию, форум, призвали католического епископа и благороднейших граждан Силлектума и объявили им, что они свободны и счастливы, потому что будут теперь подданными Юстиниана! Вместе с тем гости с обнаженными мечами потребовали у них завтрака. Сенаторы Силлектума передали Борайсу ключи города; к сожалению, нет ворот, которые бы эти ключи отворяли: последние давно сожжены вандалами или маврами. Епископ угощал их в сенях базилики.

Борайс говорил, что вино было очень хорошим. В заключение епископ благословил Борайса и пригласил его как можно скорее восстановить истинную веру. Борайс — гунн по происхождению и, к сожалению, язычник, поэтому он плохо понял, чего от него ожидают. Но он несколько раз повторил мне, что вино было очень хорошим. И вот, таким образом, мы уже спасли один африканский город. Вечером мы все вступили в него. Велисарий рекомендовал строжайшую дисциплину. К сожалению, при этом много домов было предано пламени.

«Вслед за Силлектумом нам опять улыбнулась удача.

Высший чин всей королевской вандальской почты уже несколько дней тому назад был отправлен королем из Карфагена со всеми лошадьми, множеством фургонов и невольников развезти королевские указы во все концы его царства. Он услышал по дороге на восток о нашей высадке и со всем, что было при нем, явился к нам.

Все письма, все тайные распоряжения вандалов — в руках Велисария. Целый фургон, который мне придется прочитать!

Конечно, мы не узнали из этих писем о том, что для нас всего важнее, а именно: где находится король с войском; но мы узнали, наконец, то, что побудило его отправиться из Карфагена на границу «пустыни». Он

заклучил со многими мавританскими племенами денежные договоры и выговорил себе столько тысяч пехотинцев, сколько у нас почти всего войска! В Нумидии, в равнине Буллы, собираются все эти вспомогательные отряды. Это далеко, далеко на запад от Карфагена, поблизости от пустыни. Неужели же вандал отдаст нам без боя свою столицу и всю землю и будет ждать нас там, у Буллы?

Велисарий отправляет теперь (какая игра случая!) с вандальской королевской почтой объявление войны от Юстиниана Гелимеру и во все концы страны к вандальским вельможам, военачальникам и чиновникам приглашение отпасть от Гелимера (хорошо приглашение! Я сам его сочинил!): «Не с вандалами веду я войну и не нарушаю заключенного навеки мира с Гейзерихом. Мы хотим только низвергнуть вашего тирана, который преступил право и заключил в оковы вашего законного короля. Поэтому помогите нам. Свергните иго вероломной тирании, чтобы воспользоваться благодеяниями свободы, которую мы вам несем. Тому Бог свидетель!»

(Прибавление, сделанное по окончании войны: «Странно! Ведь красноречиво сказано! И однако ни один вандал не был привлечен во время нашего похода этой приманкой на нашу сторону. Они изнежились, эти германцы. Но предателей между ними не было».)

Глава 3

Много дней перехода пути на запад от дороги, по которой византийцы шли в Карфаген, и довольно далеко на юге от Авразийских гор — этой крайней границы вандальского царства в Африке — уже внутри великой, настоящей песчаной пустыни, которая распространялась на необъятные пространства к югу, в глубине

ФЕЛИКС ДАН

неисследованной жаркой части света, лежал небольшой оазис.

Колодец с годной для питья водой, окруженный несколькими финиковыми пальмами, под сенью которых растет степная трава солончакового вкуса, — желанная пища для неприхотливых верблюдов, — вот и все.

Почва кругом плоская; только там и сям согнанные ветром волнообразные кучи желтого рыхлого горячего песка вне оазиса образовали собой как бы складки на земной поверхности. Нигде ни кустика, ни деревца, ни холмика; насколько только мог видеть глаз, нигде не находил он, на чем отдохнуть.

Была уже ночь. Чудной, несравненной представлялась безмолвная пустыня, когда над ней на неособозримое пространство раскинулось высокое темное небо, покрытое бесчисленными яркими звездами.

Вокруг колодца были разбиты низкие палатки кочевников-мавров, палаток насчитывалось не более дюжины, так как не все племя было в сборе. Верные верблюды, спутанные по ногам и покрытые одеялами, лежали, зарывшись глубоко в песок, вытянув длинные шеи. Посредине маленького лагеря составлены были кони в круг, обведенный канатами, укреплявшимися на воткнутых копьях. На круглой вершине одной из палаток возвышалось длинное копьё, и с него спускалась львиная шкура: то была палатка вождя. Ночной ветер приносил с северо-востока свежесть далекого моря и играл гривой мертвого царя пустыни.

Фантастические тени ложились кругом на светлый песок; месяц высоко стоял в небе, но звезды светили так же ярко.

Глубокая, торжественная тишина царила кругом. Вся жизнь, даже и звериная, забылась сном. Только у четырех больших костров, которые для охраны от диких зверей

разложены были со всех четырех сторон, изредка раздавались односложные возгласы караульных.

Долго, долго длилась эта торжественная тишина. Наконец послышалось конское ржание, звякнуло оружие около одного из костров, и тотчас же послышались тихие, легкие шаги, направлявшиеся к центральной палатке с львиной шкурой.

Шаги стихли: стройный юноша остановился перед входом в палатку.

— Как? Ты лежишь, дед, у палатки? — спросил юноша, удивленный. — Спал ли ты?

— Я сторожу, — отвечал тот тихо.

— А я шел разбудить тебя. На небе стоит знаменательное светило. Видел я, как оно появилось, и тотчас же поспешил к тебе. Боги возвещают нам свыше свою волю! Но мне, неопытному, непонятны их знамения. Ты же мудр! Посмотри вон там направо, правее последней пальмы... Ты не видишь?

— Я давно уже вижу. Я ждал знамения уже много ночей... да много лет.

Благоговение и трепет охватили юношу.

— Много лет!.. Ты знал о том, что должно совершиться на небе? Ты мудрый человек, Кабаон!

— Не я! Мой дед передал это моему отцу, отец — мне. Это было лет сто с лишком. Они пришли с полуночи, через море, белолицые чужеземцы, на многих кораблях. Вел их страшный король, именем которого пугают наших детей, когда они заупрямятся.

— Гейзерих! — тихо, с ненавистью проворчал юноша.

— Тогда появилось на небе с той же стороны, что и корабли, страшное светило кровавого цвета, похожее на пламенный бич с многочисленными концами, грозно повисшими над землей и народом.

И дед мой, видевший страшного короля в гавани

ФЕЛИКС ДАН

Изоциума, сказал моему отцу и нашему племени: «Навьючите верблюдов, седлайте коней и уходите на юг внутрь пустыни! Король битв и его войнолюбивый народ — вот что предвещает страшное светило. Гибель всем на многие, многие годы и десятки лет, кто будет против них: римские войска, византийские корабли будут рассеяны этими полудночными великанами, как облака, которые вздумали бы противиться страшному светилу». Так и сбылось: сыны нашего племени, хотя им бы приятно было угостить острыми стрелами белокурых великанов, последовали совету старца, и мы ушли в спасительную пустыню.

Вонифатий — так звали римского полководца — был убит. Дед предсказал это в пророческом изречении: «Г. истребит В. Но, — прибавил он, — пройдет сто лет, новое страшное светило взойдет с востока, и тогда В. уничтожит Г.».

Другие племена нашего народа, которые захотели вместе с римлянами обороняться от пришельцев, были так же, как и римляне, разбиты Гейзерихом, сыном ночи. И когда они явились с воплями об убитых к нашим палаткам и звали нас на войну мести, дед, а потом отец говорили:

«Нет, еще рано! Их еще нельзя одолеть! Два или три поколения пройдут, и никто не будет в силах им противиться: ни римляне на море, ни мы, сыны пустыни, на суше. Но им, сынам мрака, не ужиться в стране солнца. Многие из них, приходившие в нашу родную землю, чтобы покорить нас, правда, нас покорили, но не покорили нашей земли, нашего солнца, нашей пустыни. Песок, солнце и сладкая нега лишили их силы, убили в них волю. Так будет и с этими высокими голубоглазыми великанами. И тогда... тогда мы снова обретем наследие отцов».

Так было предсказано, так и случилось.

Многие годы наши стрелки и копейщики не могли устоять перед грозными пришельцами, но затем сила их

ослабла, и часто мы прогоняли их прочь, когда они проникали в святую пустыню.

«Когда появится другое такое светило, — предсказал дед, — тогда пройдет время этих пришельцев. Наблюдайте и помните, что снова взойдет светило с бичом, и с той же стороны, откуда взойдет оно, придет враг, который низложит желтоволосых».

С востока взошла сегодня звезда; с востока придет и победитель Гейзериха! Мы получили известие, что император идет войной на вандалов, что его войско высадилось на дальнем востоке!

Но другие знамения не совпадают! Конечно, белокурого короля зовут Гелимер, — значит, Г.; но Юстиниан, так зовут римского императора, — Ю., не подходит. Не слышал ли, как зовут римского полководца?

— Велисарий.

Старик вскочил на ноги.

— В. победит Г. : Велисарий победит Гелимера! Видишь, каким кровавым светом горит звезда Бич? Это означает кровь, которая прольется в сражениях. Но мы, сын моего сына, не протянем руки между римским копьем и вандальским мечом, когда они будут скрещиваться. Битва легко может проникнуть к подножию Авразийских гор: мы уйдем вглубь пустыни. Пусть пришельцы истребляют друг друга. Римский орел тоже недолго загостится здесь. И для них так же, как и для этих великанов, взойдет звезда гибели. Чужеземцы приходят и уходят, а мы, сыны страны, остаемся. Страна солнца остается достоянием сынов солнца. И как песок пустыни покрывает и засыпает гордые каменные строения чужеземцев, так и мы, постоянно возвращаясь, глушим чужую жизнь, проникающую в нашу страну, чтобы она не могла внедриться. Мы отступаем, но всегда опять возвращаемся.

ФЕЛИКС ДАН

— Но бледный король завербовал десять тысяч наших воинов. Как им быть?

— Пусть возвратят деньги и оставят войско покинутых Богом вандалов! Пошли завтра утром гонцов во все племена с этим приказом, кому я могу приказывать, и с советом, кому я могу советовать.

— Твой совет — приказ в пустыне. Но мне больно за человека с грустными глазами! Многим из наших он делал добро; у многих из наших племен гостил, как друг, оказывал и им гостеприимство.

— Гостеприимством у нас он будет пользоваться до самой смерти! Но мы не должны биться в его битвах и делить с ним добычу. Но если он придет к нам искать помощи и защиты, будем делить с ним последний финик, прольем последнюю каплю крови, обороняя его. Пора, взнуздай верблюдов! Мы тронемся в путь, прежде чем солнце взойдет. Распутайте верблюдов!

Старик поспешно встал. Юноша ударил кривой саблей по медному котлу, висевшему на двери палатки.

Словно куча встревоженных муравьев, засуетились смуглые мужчины, женщины и дети.

Когда солнце взошло высоко над горизонтом, оазис был пуст, безлюден, и в нем царила мертвенная тишина.

Далеко, далеко к югу неслось облако пыли, которое северный ветер гнал все дальше и дальше внутрь страны.

Глава 4

«Цетегу — от Прокопия.
«Мы подвигаемся все вперед, словно в дружественной стране. Наши герои, даже гунны, благодаря немногим моим приказам по лагерю поняли, что при всех стараниях им не набрать столько провианта, сколько

его добровольно привезут поселяне, если им станут за него платить. Велисарий привлекает всех провинциалов на свою сторону дружелюбием и добротой. Поэтому со всех сторон стекаются колонисты к нам в лагерь (который мы вечером, если должны переночевать в поле, тщательно окапываем), и продают нам по дешевой цене все, что требуется.

А когда можно, ночуем даже в городах; так, например, в Лепте и Андромеде. Епископ с католическим духовенством выходит к нам навстречу, как только покажутся наши всадники-гунны. Сенаторы, именитейшие из граждан, следуют за ними. Но эти последние охотно ждут «принуждения», то есть ожидают, чтобы мы появились на форуме, на тот случай, чтобы если мы будем сброшены в море невидимым врагом прежде, нежели достигнем Карфагена, они могли бы оправдать свое дружелюбие к нам нашим жестоким насилием.

Доселе, за исключением двух-трех католических священников, я еще не встретил в Африке римлян, достойных уважения. Мне кажется, что они, освобожденные, еще испорченнее нас, освободителей.

«Мы проходим ежедневно средним числом миль десять.

Сегодня пришли из Андромеды через Хоррею в Грасс, находящийся в сорока четырех милях от Карфагена. Восхитительная страна! Наше удивление растет с каждым днем. Роскошь здешней природы выше всякого описания, выше всех ожиданий. По правде говоря, не изнежитья под этим небом, среди этой природы — это превыше сил человеческих.

Ах, этот Грасс! Вот загородный дом или, вернее, гордый, с белыми мраморными колоннами дворец вандалского короля, окруженный садами, подобных которым я нигде не видел: ни в Европе, ни в Азии!

ФЕЛИКС ДАН

Кругом фонтаны воды, проведенной издалека или из колодцев. Какая роскошь растений! Среди деревьев нет ни одного, ветви которого не гнулись бы под тяжестью великолепнейших плодов! Все наше войско расположилось в этих фруктовых рощах; каждый солдат наедался плодами и наполнял ими свой кожаный ранец. Завтра утром мы выступаем; но опустошений, произведенных войсками, заметить нельзя.

И какое обилие винограда!

Здесь лучшее вино во всей Африке; говорят, вандалы пьют его из шлемов, не разбавляя водой! Я только прикоснулся к темно-красной влаге, которую Агнелл разбавил наполовину водой, и уже чувствую опьянение.

Не могу больше писать!

Спи спокойно, Цетег, в далеком Риме! Спите, мои соратники! Еще полкубка вина: оно очень вкусно!

Спите спокойно! Вино придает благодушия! Спите и вы, варвары!

Ах, как здесь удобно! Комната, отведенная мне, красиво расписана. Постель мягка и покойна; с моря доносится в открытые окна свежий ветерок.

Еще четверть кубка разрешаю себе. Но сегодня ночью прошу вас, любезные варвары, воздержитесь от нападения. Спите спокойно, вандалы, чтобы и мне можно было выспаться! Мне кажется, что мною уже завладела африканская болезнь: страх всякого усилия.

«Мы в четырех днях пути от Грасса и ночуем под открытым небом. Завтра достигнем Дециума, который отстоит всего лишь на девять миль от Карфагена. И до сих пор не видели ни одного вандала!

Поздно. Лагерные огни зажжены. Как красиво! Что-то пророческое носится в темных сумерках. Ночь быстро сходит. Там звучат рога наших гуннов. Я вижу, как скры-

ваются в темноте их белые овчинные плащи. Они стоят на карауле со всех трех сторон лагеря. Справа, к северо-востоку, нас прикрывают море и флот. С завтрашнего дня корабли не будут больше, как до сих пор, сопутствовать нам благодаря подводным скалам мыса Меркурия, который далеко вдается в море. Поэтому Велисарий приказал квестору Архелаю, командующему флотом, не подходить к Карфагену, а, обогнув мыс, стать на якорь и дожидаться дальнейших приказаний.

С завтрашнего дня впервые мы пойдем без прикрытия кораблей, и так как дорога в Дециум ведет через опасное ущелье, то Велисарий заранее составил план похода и с вечера раздал его всем командирам, чтобы завтра утром не терять времени.

«Труба разбудила спящих. Мы выступаем. Орел пролетел с запада из пустыни над нашим лагерем.

Говорят, что на наших форпостах на западе ночью произошло первое столкновение с неприятелем. Несколько наших гуннов убито, а их командир, Бледа, исчез. Но я не мог узнать ничего определенного. Быть может, это пустой слух.

Итак, сегодня ночью мы придем в Дециум, а завтра утром — к воротам Карфагена. Где же вандалы?»

Глава 5

Когда это писал Прокопий, те, кого он искал, были гораздо ближе, чем он предполагал.

Первые лучи восходящего солнца брызнули от моря, засверкали на волнах и осветили желтый песок пустыни, окаймлявшей даль. В лагерь короля, расположенный в двухчасовом расстоянии на юго-восток от Дециума, прискакали несколько вандальских всадников.

ФЕЛИКС ДАН

Гибамунд, предводительствовавший ими, и юный Ам-мат соскочили с коней.

— С чем приехали? — спросили караульные.

— С победой, — отвечал Амнат.

— И пленником, — добавил Гибамунд.

Они прошли к королю, но тот из шатра сам вышел к ним навстречу в полном вооружении.

— Вы обрызганы кровью... оба... и ты также, Амнат? Не ранен ли? — тревожно спросил король.

— Нет! — засмеялся в ответ красивый подросток, сверкая глазами. — Это неприятельская кровь!

— Первая кровь, пролитая в этой войне, — произнес король мрачно, — покрывает твою чистую руку! Ах! Зачем я позволил?..

— Худо было бы, если бы ты не позволил! — заметил Гибамунд. — Наш юнец блистательно вел себя! Позови Гильду, чтобы я и ей мог сообщить о победе.

— И так довольно долго терпели мы, скрепя сердце, что ты держал нас вдали от неприятеля и позволял лишь издали и незаметно для передовых аванпостов следить за его движениями.

— Наконец, ты позволил подъехать поближе к их флангу. Ты думал, что если мы без большого шума успеем захватить пленника, чтобы расспросить его, то это будет хорошо.

— Отлично, у нас есть не только пленник, но лучше того: при нем мы нашли важный свиток пергамента! Пленник ни на какие вопросы не хочет отвечать.

— Вон его ведут. А вот идет Тразарих с Евгенией. А там и Амнат ведет за руку Гильду!

— Здравствуй! — вскричала молодая женщина, подходя к мужу и стыдливо уклоняясь от его поцелуя. Пленник стоял уже перед королем. Мрачные взгляды из-под густых бровей бросал он на вандалов, стоя со связанными руками,

в особенности же на Аммата. Из левой щеки его струилась кровь на белую овчину, прикрывавшую плечи. Нижнее белье, доходившее только до колен, было из невыделанной кожи; ноги были босы. Четыре золотых кружка, похожие на ордена, раздававшиеся за храбрые дела императором, были прикреплены на панцире, изготовленном из очень толстой кожи и покрывавшем грудь.

— Мы выехали, человек десять вандалов и два мавра позади, около полуночи и направились к огням, видневшимся на сторожевых пунктах неприятеля. Под прикрытием песчаных бугров мы пробрались так далеко вперед, что увидели вокруг костра на расстоянии выстрела четырех всадников. Двое сидели на маленьких лошадках с натянутыми луками, зорко озирая юго-восток, откуда мы подъезжали; двое других сошли с коней.

Я кивнул двум маврам. Неслышно слезли они с коней, растянулись по земле и поползли в потемках, один справа, другой слева, к огню и к караульным. Скоро они исчезли с глаз, потому что они ползают, как ящерицы.

Затем мы услышали к северу от сторожевого огня резкий крик самки леопарда, которая вышла с детенышами на ночную охоту. На крик самки откликнулись детеныши. Все лошади на пикете вздрогнули. Ближе и ближе раздавался крик леопарда. Тогда все четверо чужеземцев — они никогда еще не слыхивали такого крика — пустились в том направлении, откуда он раздавался. Под одним высоко взвилась лошадь на дыбы; всадник покачнулся, но ухватился за гриву; другой хотел ему помочь, но в то время, как брался за узду, выронил лук. Этой минутой замешательства мы воспользовались и незамеченные добрались до них. Когда мы были уже у самого костра, нас обнаружил один из всадников. — Неприятель — крикнул он и ускакал. Другой поскакал за ним. Третий не успел сесть на коня: я заколол его в то

ФЕЛИКС ДАН

время, как он собирался вскочить на него. А четвертый — вот он здесь, это их предводитель! — в одно мгновение вскочил на коня, опрокинул по дороге мавров, которые хотели его задержать, и ускакал бы, но Амнат... — Он указал на юношу; при этом пленник заскрежетал зубами...

— полетел ему вслед на своем белом коне, догнал его и оглушил двойным ударом...

— Ты, Гелимер, научил меня ему, — радовался Амнат.

— Выбил из рук врага длинное копье и ранил его в щеку. Но этот храбрец схватился рукой за топор. Тут наш молодец набросил ему на шею аркан...

— Знаешь: петлю антилопы! — подтвердил Амнат, обращаясь к Гелимеру.

— И стащил его с коня.

Гибамунд рассказывал все это на вандальском языке. Но пленник понял все по мимике и вскричал по латыни:

— Пусть душа моего отца переселится в собаку, если я не отомщу за это! Как? Меня, правнука Аттилы, мальчишка сбил с коня арканом! Так зверей ловят, а не воинов!

— Тише, дружок! — отвечал, подходя к нему Тразарих. — Между всеми готскими народами ходит старинная поговорка: «Пощади волка, а не гунна!» Да при том так же точно ловят царственную птицу — страуса. Позора в этом нет.

И, смеясь, поправил он шлем на своей огромной голове.

— Мы подоспели, — продолжал Гибамунд, — связали молодца, который оборонялся, как вепрь, и вырвали у него этот свиток пергамента, который он хотел уничтожить.

Пленник восторженно вскрикнул.

— Как тебя зовут? — спросил король, пробегая глазами пергамент.

— Бледа.

— Сколько в твоем войске всадников?

— Иди и сосчитай.

— Приятель, — пригрозил Тразарих, — с тобой говорит король. Будь умен, волк. Скажи по доброй воле то, что у тебя спрашивают, а не то...

Пленник задорно подступил к Гелимеру и сказал:

— Эти золотые кружки мне жаловал великий полководец после нашей третьей победы над персами. Неужели ты думаешь, что я предам Велисария?

— Уведите его! — приказал Гелимер. — Перевяжите его рану и обращайтесь с ним хорошо.

Гунн бросил гневный взгляд на Аммата и последовал за стражей.

Гелимер еще раз взглянул на пергамент и сказал:

— Идите за мной в палатку, там я сообщу вам мой план нападения. Мы не будем ждать мавров. Я надеюсь, если Господь на нас не прогневался... Но нет! Прочь греховную самонадеянность! Амнат, как я рад, что вижу тебя живым! Я видел нехороший сон в то время, как ты ездил. Бог вернул тебя мне, не будем испытывать его долготерпение вторично.

Он подошел к Аммату и, положив ему руку на плечо, сказал строгим тоном:

— Слушай: я запрещаю тебе идти сегодня в бой!

— Что такое? — закричал Амнат, побледнев. — Это невозможно! Гелимер, умоляю тебя...

— Друг мой, — продолжал Гелимер, обнимая юношу, — уступи мне в этом; я так тебя люблю, что забота о тебе ни на минуту не покидает меня в бою. А мне нужно сосредоточить все свои мысли на неприятеле.

— Если так, то позволь мне биться рядом с тобой, под твоей защитой.

— Не могу! Я должен думать не о тебе, а о Велисарии.

— Право же, — со страстью заговорила Гильда, — мне ужасно жаль его. Мне, женщине, и то тяжело, что я не

ФЕЛИКС ДАН

могу идти за вами. Каково же это для пятнадцатилетнего мальчика! Он может сражаться, это он доказал. Не отнимай его у народа. Мой дед говаривал: «Только тот падет, кто должен пасть»!

— Греховные языческие помыслы! — гневно проговорил король.

Тут Гибамунд шепнул жене, которая молча, но сердито качала головой:

— Оставь его! Тревога в душе полководца принесет больше вреда, чем могут оказать пользы двадцать юношеских копий.

— Но, — вскричал дерзко Амнат, — стрелы залетают далеко! Если я буду, как трус, позади ваших рядов, даже здесь, в лагере, а враги победят, то я все же могу пасть; в плен уж, конечно, не сдамся! — мрачно заключил он, хватаясь за меч и откидывая назад голову. — Лучше уж теперь посадите меня в церковь, но только в католическую! Набожный король! Это будет самым верным убежищем.

— Да, я должен запереть тебя, непокорный мальчик, — сказал Гелимер строго. — За эту дерзость отдай сейчас же свое оружие Тразариху! Ты, Тразарих, атакуешь неприятеля с переднего фланга из Дециума. В Дециуме есть католическая церковь; она священна для византийцев; там ты продержишь взаперти во время боя этого юношу, который хочет быть воином, а еще не научился слушаться короля. В случае отступления ты захватишь и его с собой. Слушай, Тразарих! В ту ночь, помнишь, в роще, ты поклялся загладить прошлое...

— Мне кажется, он это сделал, — проговорила невольно Гильда.

— Я еще ничего не сделал, — сказал Тразарих. — Доставь мне, король, случай сегодня...

— Случай этот будет тебе доставлен. И я полагаюсь

на тебя! Но прежде всего не испорти мне мой план преждевременной атакой. А этого злого мальчика, — нежно прибавил он, — поручаю тебе беречь, как зеницу ока. Не пускай его в бой, приведи его ко мне целым и невредимым после победы, на которую я рассчитываю. Тебе поручаю я также всех пленных, в том числе также и заложников из Карфагена. В случае отступления ты будешь ближе всего к назначенному месту, и поэтому всего вернее оставить пленных при тебе. Доверяю тебе Аммата, потому что...

И он положил обе руки на его широкие плечи.

— Король, — отвечал великан и пристально поглядел ему в глаза, — ты увидишь его целым и невредимым или же не увидишь больше Тразариха!

Евгения вздрогнула.

— Благодарю тебя! Теперь идем, вожди, в мою палатку, и я сообщу вам боевой план.

Глава 6

«Цетегу — Прокопий.

«Каково? Мы еще живы и ночуем в Дециуме!»

Но едва, едва не случилось так, что никого не осталось бы в живых, когда все мы чуть было не пали в роще у морского берега.

— Никогда еще, — говорит Велисарий, — гибель не была так близка.

Своим планом атаки подверг нас страшной опасности этот таинственный король. И когда этот план увенчался успехом, сам же король собственными руками разрушил свою победу и спас нас от вернейшей гибели.

Я вкратце расскажу тебе то, чему сам был свидетелем и что слышал от жителей Дециума и от пленных.

ФЕЛИКС ДАН

Король незаметно для нас следил за нашим походом с самой высадки. Место, где он внезапно напал на нас, было им выбрано заранее. Велисарий говорит, что сам, великий его соперник Нарзес не мог бы задумать более мастерского плана.

Когда мы выступили с последней стоянки перед Дециумом, то остались без прикрытия флотом со стороны правого фланга. Если бы нас стали теснить с запада, то мы были бы прижаты к самому морю и, в случае поражения, сброшены в него.

Перед Дециумом, небольшим местечком, дорога очень суживается, то есть высокие горы с засыпанными песком скатами, на которых не может удержаться ни конь, ни человек, придвигаются с юго-запада к самой дороге; здесь на нас одновременно с трех сторон предполагалось нападение, и мы должны были быть сброшены в море, лежавшее у нас по правую руку, на восток.

Один из братьев короля, Гибамунд, должен был с двумя тысячами человек налететь с запада на наш левый фланг; другой вандальский вельможа — атаковать наш авангард с севера, от Дециума с еще большими силами, а сам король со всей остальной армией намеревался напасть на наш арьергард с юга.

Велисарий предусмотрительно распорядился нашим движением по этому опаснейшему пути: на две мили вперед он послал Фару с его храбрыми герулами и тремястами отборных телохранителей. Они должны были предварительно одни пройти через весь узкий проход и немедленно при первой же опасности дать знать главной армии, которую вел Велисарий; на левый фланг посланы были конные гунны и пятьсот человек отборной фракийской пехоты с их предводителем Альтиасом, которому оттуда приказано было следить за грозящей опасностью и известить о ней Велисария.

К нашему величайшему счастью, случилось так, что атака с севера от Дециума начата была преждевременно.

Пленные говорят, что младший брат короля, почти мальчик, принял, вопреки приказанию Гелимера, участие в бою и с несколькими всадниками бросился из Дециума, как только завидел нас. Тогда вельможа, командовавший отрядом, чтобы выручить его, вынужден был атаковать нас с небольшим своим отрядом четыремя часами раньше назначенного времени и послать вестников в Карфаген, чтобы поторопить долженствующую подойти на помощь главную армию.

Юноша и предводитель отряда отчаянно дрались с неравными силами: двенадцать храбрейших телохранителей Велисария, отборнейших воинов авангарда, были ими убиты. Наконец они оба пали. Лишившись предводителя, вандалские всадники обратились в бегство, смяли и произвели беспорядок в отряде человек в тридцать или сорок, спешившем в нем на помощь из Карфагена. Вандалы, храбро дравшиеся до тех пор, пока видели впереди себя пример Асдингов и других вельмож, побросали после того оружие и дали себя избить; многие тысячи трупов видели мы на дороге и на полях по левую руку.

Когда эта атака была отбита, Гибаунд, ничего о ней не знавший, в назначенное ему время напал со своими воинами с запада от Дециума (у солончакового поля, которым начинается пустыня и где уже не видно ни дерева, ни куста) на отряд гуннов и фракийцев; так как никакой помощи ему не было оказано, то атака его не удалась: почти все воины были убиты, предводитель тоже, видели, как он упал, но никто не знает, жив он или мертв.

Тем временем мы, ничего не зная, вступили с главным войском на дорогу, ведущую в Дециум. Так как на расстоянии четырех тысяч шагов от этого места Велисарий нашел удобное место для лагерной стоянки, то он и

ФЕЛИКС ДАН

остановился. Что неприятель находится поблизости, об этом он догадывался; исчезновение двух гуннов прошлой ночью сделало его осторожным.

Он выбрал хорошо укрепленный лагерь и сказал собранному войску:

— Неприятель должен быть близко. Если он нападет на нас здесь, где у нас нет флота, то наше спасение зависит единственно лишь от нашей победы; если мы будем разбиты, нам нельзя будет укрыться в какую-нибудь крепость; море, бушующее там, внизу, поглотит нас. Укрепленный лагерь — наша единственная защита, да в руке испытанный в боях меч. Сражайтесь храбро, потому что от этого зависит не только ваша слава, но и самая жизнь.

Велисарий оставил в лагере всю пехоту с обозом, а сам повел конницу на Дециум. Вперед он отправил половину отряда, а с остальным отрядом телохранителей двинулся следом. Когда первая половина отряда достигла Дециума, она натолкнулась на убитых византийцев и вандалов; несколько жителей, попрятавшихся в домах, известили о случившемся.

Здесь к нашей армии добровольно пристала необыкновенно красивая женщина, похожая на сфинкса из Мемфиса, владелица большой виллы в Дециуме. Она рассказала нам о смерти благородного вождя вандалов: он пал перед ее домом, на ее глазах.

Тут вожди стали совещаться, что им делать: ехать ли дальше, остановиться ли здесь, или вернуться к Велисарию. Наконец, весь отряд продвинулся на две тысячи шагов на запад от Дециума, чтобы иметь возможность видеть отсюда с песчаных холмов во все стороны.

И вот они увидели, как на юго-востоке, следовательно, с тыла и левого фланга, и у них, и у Велисария поднялось большое облако пыли, и скоро сверкнули оружие и значки

громадного конного отряда. Они немедленно дали знать Велисарию.

Между тем варвары приблизились, предводительствуемые Гелимером. Они шли по дороге между главной армией Велисария на востоке и гуннами и фракийцами, нашим левым флангом, который разбил Гибаmunда и преследовал его на запад. Высокие холмы у той дороги помешали Гелимеру видеть то, что случилось с Гибаmunдом. Византийцы и всадники сразились, как только завидели друг друга.

Варвары набросились с такой отчаянной отвагой на наших, что смяли их, и они в беспорядке побежали на восток к Дециуму.

В девятистах шагах на запад от Дециума беглецы наткнулись на сильное подкрепление — отряд в восемьсот конных щитоносцев под предводительством телохранителя Велисария Велокса. Полководец и все мы, с ужасом видевшие, как они бегут, утешались надеждой, что Велокс остановит беглецов, приведет их в боевой порядок. Но, о, ужас, о, позор! Натиск гнавшихся варваров был так велик, что те вместе с щитоносцами обратились в бегство и понеслись назад к Велисарию.

Наш полководец сознавался, что в эту минуту считал себя и нас погибшими. «Гелимер, — говорил он вечером за ужином, — держал победу в своих руках. Почему он ею не воспользовался — непонятно. Если бы он погнался за беглецами, то сбросил бы их и меня со всем моим войском в море. Или если бы он повернул от Дециума и направился в Карфаген, то он легко истребил бы Фару с его отрядом, которые не ожидали нападения с тыла и, разбившись на небольшие кучки по улицам и по полям, грабили убитых. А владея Карфагеном, он завладел бы и нашими кораблями, которые стояли там поблизости на якоре беззащитные. Таким образом, у

ФЕЛИКС ДАН

нас отнята была бы всякая надежда на победу или на отступление».

Но король Гелимер не сделал ни того, ни другого!
Им вдруг овладела какая-то апатия.

Пленные рассказывали нам, что когда он бросился с холма на наших воинов, воодушевляя своим примером и далеко опередив всех, он внезапно увидел в узком ущелье у южных ворот Дециума тело своего младшего брата. С воплем соскочил он с коня, бросился на тело юноши и таким образом задержал погоню своей армии за нашей. Король поднял с земли покрытый кровью и песком растоптанный труп, положил его на коня и приказал зарыть брата с королевскими почестями в стороне от дороги. Хотя все это заняло не более четверти часа, но в эту четверть часа победа ушла из рук варваров.

Велисарий поскакал навстречу беглецам, устроил их своим львиным голосом, приказал им остановиться, выстроил снова в боевой порядок и повел против Гелимера и вандалов. Последние не выдержали натиска. Внезапная загадочная задержка в их преследовании сбила воинов с толку, обескуражила. При этом африканское солнце страшно пекло. С первым же натиском мы расстроили их ряды. Они обратились в бегство. Короля, который хотел их остановить, они увлекли за собой, но не в Карфаген или на юго-запад, откуда они появились, а к северо-западу, на дорогу, которая ведет в Нумидию. Случилось ли это по приказу короля или почему-либо другому, — мы до сих пор не знаем.

Мы преследовали бегущих и многих положили на месте. Только с наступлением ночи прекратилась погоня.

Когда в темноте зажжены были факелы и костры, с севера прискакал Фара с герулами, с запада — Альтиес с гуннами и фракийцами обратно к нам, и мы все переночевали в Дециуме, празднуя три победы над благородным вандалом, над Гибамундом и над королем».

Глава 7

Бегущие вандалы оставили далеко за собою Карфаген и избрали Нумидийскую дорогу, ведущую из Дециума на северо-запад.

В этом же направлении двигались толпы женщин и детей, оставивших несколько дней тому назад Карфаген, где было небезопасно оставаться; под прикрытием конвоя они были доставлены в местечко «Castra vetera» на полдневном расстоянии от поля сражения.

Под открытым небом расположилось войско вокруг местечка в нескольких палатках, привезенных женщинами, а в жалких хижинах были помещены раненые и благородные воины армии.

На растянутом одеяле в одной из палаток лежал Гибамунд, которому Гильда только что перевязала раненую ногу; окончив перевязку, она обратилась к Гундомару, сидевшему на другом конце маленькой палатки, который поддерживал рукой раненую голову. Она заботливо исследовала рану.

— Твоя рана не смертельна, — сказала Гильда. — А очень больно?

— Не очень, — ответил тот, стискивая зубы. — Где король?

— Молится в часовне с Вером.

Последние слова прозвучали как-то особенно резко.

— Ну, а мой брат? — спросил Гундомар. — Как его плечо?

— Он теперь чувствует себя настолько хорошо, что я вырезала ему наконечник стрелы. Ведь и король тоже ранен.

— Неужели? Но ведь он ничего не говорил.

— Он стыдится за свой народ: не враг, а бежавшие с поля битвы вандалы, которых он хотел удержать силой, прокололи мечом его руку.

ФЕЛИКС ДАН

— Собаки! — прошипел Гундомар.

Гибамунд только вздохнул.

— Мне открыл это Гундобад; я осмотрела руку: рана неопасная.

— А Евгения? — спросил он, немного помолчав.

— Лежит больная в соседнем доме. Когда она узнала о смерти мужа, то кричала: «К нему... в его могилу... Зигрун!...» — Я рассказывала ей когда-то сагу про Хельгу... и она уже хотела бежать, но без чувств упала ко мне на руки. Теперь она пришла в себя и все повторяет: «К нему!.. Зигрун!.. в его могилу!.. Иду, Тразарих». Я строго запретила ей вставать. Я расскажу осторожно только то, что ей следует узнать, ничего более. А теперь Расскажи ты, Гундомар, каким образом Амнат и Тразарих...

— Сию минуту, — отвечал Гундинг. — Еще глоток воды. Как твоя рана, Гибамунд?

— Мне совсем не пришлось драться с неприятелем, — отвечал тот печально. — Я поминутно посылал гонцов к Тразариху, так как он не извещал меня, что выступает из Дециума. Ни один гонец не возвратился! Все они были перехвачены неприятелем. Известия от Тразариха не приходили. Наконец наступило время для атаки, назначенное мне королем; верный приказанию, я атаковал неприятеля, хотя ясно видел его численное превосходство и хотя Тразарих не приходил на помощь. Когда мы подошли к неприятелю, всадники-гунны рассыпались направо и налево, и мы увидели фракийскую пехоту — семь плотных рядов, которая встретила нас градом стрел. Моя лошадь, бывшая впереди, и все лошади первого ряда пали; твой храбрый брат, сам раненный стрелой, с трудом приподнял меня на своего коня. Я не мог стоять. Он спас меня. От моего двухтысячного отряда едва сто человек осталось в живых.

Он застонал.

— Расскажи, каким образом Амнат вопреки приказанию, вопреки присмотру Тразариха... — допытывалась Гильда.

— Дело было так, — отвечал Гундинг, прижимая руку к больному месту. — Мы заперли юношу без оружия в небольшой католической церкви в Дециуме вместе с карфагенскими заложниками, в том числе с молодым Публием Пуденцием.

— Хильдерика и Хауга тоже?

— Нет. Вер отвез их во второй лагерь в Булле. Пленного гунна Бледу привязали снаружи к железному кольцу в дверях церкви. На площади перед церковью стояли около двадцати человек наших всадников, Тразарих сам разъезжал по площади. Я сидел на коне у открытой арки церковного окна; отсюда видна была вся дорога в Дециум до самой виллы Астарты, которая когда-то принадлежала Модигизелю. Таким образом я мог слышать каждое слово, которое говорилось в церкви. Два юношеских голоса громко спорили:

— Так вот каково геройство прославленных вандалов, — кричал один. — Ты, Амнат, искал убежища в церкви замученных католиков?

— Король так распорядился, — отвечал раздраженно Амнат.

— Ха, ха! — смеялся другой, — я узнал голос Пуденция. — Я не послушал бы такого повеления. Я скован по рукам и ногам, иначе я давно уже был бы на стороне римлян.

— Король повелел, говорю я тебе!

— Не король, а трус! Ха, ха! Если бы я был отпрыском королевского дома, из-за короны которого здесь воюют, меня бы ничто не удержало в церкви в то время, как... Слышишь: это труба! Это римский победный клич...

ФЕЛИКС ДАН

Я ничего больше не слышал. По дороге около Дециума показались римские всадники.

В эту минуту тихонько раздвинулись полы палатки. Показалось бледное лицо, два больших темных глаза заглянули в палатку, но никто этого не заметил.

— А из высокого окна церкви — я до сих пор не понимаю, как он добрался до него, — выскочила фигура, пробежала мимо меня, вскочила на коня одного из наших всадников, выхватила копьё из земли и с криком: «Вандалы! Вандалы, за мной!» — понеслась по улице навстречу византийцам.

— Стой, Амнат! Амнат! — кричал ему вслед Тразарих, но тот был уже далеко. — Спешим за ним скорее, Гундомар! Спасем юношу! — закричал мне Тразарих и поскакал вперед. Я последовал за ним, за мной — небольшой отряд наших всадников...

— Слишком рано! Слишком рано! — кричал я, нагнав Тразариха. Задержать Аммата было невозможно. Мы достигли узких южных ворот Дециума; направо была вилла Астарты, налево — высокая каменная стена одного хлебного амбара. Амнат без шлема, панциря и щита, с одним копьём сражался с целой толпой конных копьеносцев, удивленных безумной смелостью юноши.

— Беги, Амнат! Я прикрою твоё отступление! — кричал Тразарих.

— Не побегу, я внук Гейзериха! — отвечал юноша.

— Если так, умрем вместе! Бери мой щит!

Вокруг нас градом посыпались копья византийцев. Наши лошади пали. Одно копьё воткнулось в щит, которым Тразарих принудил юношу закрыться. Двенадцать наших всадников прискакали к нам. Византийцы напирали на нас, но только трое всадников могло поместиться в ряде. Мы закололи двоих и одну лошадь. Враги должны

были сначала убрать мертвецов и лошадей, чтобы расчистить себе место.

В это время Амнат выскочил вперед и убил одного византийца. Когда он отступал назад, стрела задела его шею, — кровь брызнула фонтаном; юноша засмеялся. Враги снова кинулись на нас, и двое из них пали. Но Амнат должен был бросить щит, потому что он весь был истыкан копьями, а Тразарих получил рану копьем в левую, незащищенную руку.

Вдруг позади византийцев раздались звуки германского рога, так похожего на звук наших вандалских рожков.

— Король или Гибаунд! — закричали наши воины. — Мы спасены!

Но мы погибли: это были герулы, состоявшие на службе у императора. Их предводитель, высокий человек с орлиным пером на шлеме, заставил нескольких всадников перелезть через стену амбара; другие объехали виллу и со всех сторон принялись осыпать нас градом стрел. Два копья свалили с моей головы шлем, третье задело меня по голове и свалило на землю. В этот момент сбоку, сквозь строй наших всадников протиснулся пеший человек, и я услышал резкий крик: «Постой, мальчишка!» — и увидел, как сверкнул меч. Амнат упал на одно колено.

Гибамунд.

Это был Бледа, пленный гунн. Он сорвался с привязи и добыл себе оружие. Но прежде, нежели он успел вырвать меч из спины юноши, Тразарих пробил его копьем. В эту минуту его самого поранили копьем. Он прислонился к стене виллы.

Я видел все, что происходило, хотел встать, но не мог, и остался прикрытым мертвой лошадей до самого конца.

Пока Тразарих мог водить рукой, он защищал юношу мечом и копьем; наконец, когда и копье, и меч были

ФЕЛИКС ДАН

выбиты у него из рук, он прикрывал его собственным телом.

— Сдавайся! — кричал ему предводитель герулов.

Тразарих только покачал львиной головой и бросил осколок меча в лицо ближайшему византийцу с такой силой, что тот с криком упал.

Тогда неприятель пустил сразу столько копий, что Амнат пал мертвый. Один Тразарих не упал. Он остался в стоячем положении, опустив обе руки. Вождь герулов подошел к нему совсем близко и сказал: «Я еще не видывал подобного! Человек этот мертв, но не может упасть: множество копий, пробивших ему грудь, поддерживают его, упираясь концами в землю». Он осторожно вынул копья, и силач лег рядом с Амнатом.

Всадники наши ускакали. Мимо меня пронеслась погоня.

Уже много времени спустя, когда все кругом затихло, мне удалось немного привстать, и в этом положении нашел меня, рядом с Амнатом, король, которому я рассказал о судьбе обоих. Дальше же, как король пропустил минуту победы, вы знаете.

— Да, знаем! — беззвучно проговорила Гильда.

— Где же схоронили Амната и Тразариха? — спросил Гибамунд.

— Недалеко от Дециума, под двумя холмами, на земле одного колониста. По обычаю предков, наши воткнули в каждый холм по три копья. Королевские всадники во время их позорного бегства подняли меня и привезли сюда. Да, навеки покрыл себя позором вандальский народ. Он оставляет своих королей и вельмож биться и истекать кровью, а сам бежит. Никогда еще не бывало такого постыдного бегства.

Глава 8

Ночь уже сменялась слабым светом, хотя на небе еще сверкали звезды, когда по улицам лагеря несильно пробиралась небольшая худенькая фигурка.

Собаки, сторожившие палатки своих хозяев, тихонько рычали, но не лаяли: их пугало скользившее мимо быстрое, почти воздушное существо. Вандал, стоявший на часах, испуганно перекрестился при виде белой женской фигуры, направлявшейся прямо к нему.

— Скажи мне, в какой стороне Дециум? — спросила она тихо и торопливо.

— Вон там, на востоке! — и он показал копьем.

— Далеко отсюда?

— Очень далеко! Мы скакали сюда во весь опор не меньше восьми часов.

— Все равно!

Наконец, она дошла до выхода из лагеря. Часовые беспрепятственно пропустили ее. Только один из них закричал ей вслед: — Не ходи в ту сторону! Там неприятель!

— Лучше возвращайся скорей! — закричал другой. — Дует злой ветер.

Но она была уже далеко.

За лагерем женщина отступила от проторенного пути, который обозначали следы людей, лошадей и брошенное оружие, и все шла, шла и шла.

Вокруг ничего не было видно: только небо над головой и песок под ногами.

А она шла и шла.

Кругом царил зловещая мертвая тишина.

Вдруг она оглянулась: не сбиться бы с пути, но следы ее ног, хотя и очень легкие, ясно были видны на песке и тянулись в прямом направлении.

ФЕЛИКС ДАН

Теперь она стала оглядываться через каждые сто шагов.

Вперед, вперед! Ей было жутко. Но отчего так жарко, очень жарко и удивительно душно. Небо — свинцовое. Внезапно подул легкий, свистящий ветерок.

Она оглянулась назад. Следы ее заметены. Вся она начала увязать в песке: тонкий, но крепкий слой, точно кора, облепил ее ноги. — Вперед, вперед!

А ветер дул все сильнее и сильнее. Солнце начало палить ее ничем не защищенную голову; темно-каштановые волосы разметались по плечам. Песок начал проникать в длинные ресницы и причинял острую боль; он набрался в ее башмаки; на левом лопнула лента, служившая завязкой. Она хотела поправить, но ветер вырвал башмак из ее рук, закружил и унес далеко.

Беда была небольшая, но она заплакала от своей беспомощности. Она упала на колени; тихо, тихо кружил вокруг нее коварный песок. Вдруг неприятный, резкий крик раздался около нее... темная фигура пронеслась мимо: то был страус, убегавший в смертельном ужасе от злого ветра. Одно мгновение, и он исчез из виду.

Собравшись с последними силами, она оглянулась кругом: не увидит ли человека, или дом, или дорогу. Недалеко от нее возвышался песчаный холм. С невероятными усилиями, падая почти на каждом шагу, она добралась до холма и стала взбираться. Ветер... нет, то был уже ураган, помогал ей. Наконец, — ей показалось, что прошло бесконечно много времени, — она добралась до вершины. Она раскрыла глаза... о, блаженство! Перед ней, далеко, конечно, но совсем отчетливо сверкнула голубая полоска моря! А на востоке, ей показалось, что она видит дома, деревья: конечно, то был Дециум, а несколько дальше виднелся темный холм — конец пустыни.

Протянув вперед руки, она хотела сбежать с песчаного бугра, но при первой же попытке провалилась в песок, сначала по колено, потом все ниже. Она еще видела над собой голубое небо; еще раз, напрягая последние силы, постаралась выкарабкаться из песка, еще раз взглянули большие, чудные, как у газели, глаза с мольбой и отчаяньем в безмолвное небо, еще последнее, отчаянное усилие, и весь песчаный бугор, подталкиваемый ураганом с юга, опрокинулся через нее на северную сторону, покрыв ее толстым слоем почти в сто футов глубиной...

Над ее высокой могилой весело, словно торжествуя, пронесся ураган пустыни.

Глава 9

« Цетегу — Прокопий.

«Я пишу тебе это в Карфагене, в Капитолии, в королевском дворце Асдингов, в грозной оружейной палате Гейзериха. Иногда мне самому не верится, что это так!

После сражения при Дециуме пехота подошла к нам, и мы со всей армией отправились в Карфаген.

Лагерем мы стали перед городом, хотя никто не мешал нам в него войти. Карфагеняне отворили все ворота, на улицах и площадях зажгли факелы и фонари. Немногие вандалы, которые не спаслись бегством, укрылись в католических церквях.

Велисарий строго запретил вступать в город ночью. Он боялся засады, военной хитрости и не мог поверить, что ему отдадут без дальнейшей борьбы столицу Гейзериха.

На другой день наши корабли обогнули мыс Меркурия.

ФЕЛИКС ДАН

Как только карфагеняне завидели наш флот, они сняли железные цепи, преграждавшие вход в гавань, и дали знать нашим матросам, чтобы вступали в нее. Но эти, помня приказание Велисария, бросили якорь в бухте Стагнум, в пяти тысячах шагах от города.

А чтобы граждане Карфагена могли в первый же день познакомиться со своими избавителями, один корабельный капитан с несколькими матросами, вопреки приказаниям Велисария и квестора, отправился в гавань, высадился и ограбил всех купцов, туземных и пришлых, у которых в гавани есть дома и товарные склады.

Все думали, что Велисарий отдал приказ освободить заключенного короля Гильдериха и его братьев, но эта надежда останется, как кажется, неосуществленной. В королевской крепости над Капитолием есть мрачная темница, в которой держали всех тех, кого Асдинги считали нужным заточить. Тюремщик, римлянин, узнав о нашей победе, выпустил всех на волю. Он хотел выпустить также и короля с братом, но их келья оказалась пуста, и никому неизвестно, что с ними случилось.

В полдень Велисарий приказал экипажу высадиться, всем войскам привести себя в наилучший вид и вступил со всей армией в полном боевом порядке — через «рощу императрицы Феодоры», как ее окрестили теперь благодарные карфагеняне, затем прошел через южные византийские ворота в нижний город.

Велисарий с главными вождями взошли в Капитолий, и наш полководец торжественно уселся на золотом и пурпуром отделанном троне Гейзериха.

Здесь римляне, католики, радуясь освобождению от вандалов, смотрят на наших гуннов как на ангелов небесных. Каковы эти ангелы, они скоро узнают, если у них есть красивые жены и дочери или богатая казна.

«Лучшая добыча в Дециуме досталась герулу Фаре.

Хотя вандалский предводитель нанес ему сильный удар копьем, пробившим железный щит и поранившим руку, но острие копья не очень глубоко проникло в тело. Когда Фара подошел к ближайшей вилле и хотел разбить дверь, то последняя сама отворилась, и навстречу ему вышла красавица, увешенная драгоценностями, с ярко-красными цветами в черных волосах. Впрочем, кроме цветов и драгоценностей, она не нашла нужным обременять себя одеждой.

Она подала Фаре венок из лавровых и гранатовых ветвей.

— Кого ты ждала? — спросил удивленный герул.

— Победителя, — отвечала красавица.

Ответ, достойный оракула. Сфинкс этот, — я уже писал тебе, что она похожа на сфинкса, — точно так же отдал бы венок и себя победителю-вандалу. Да и какое, в сущности, дело карфагенянке до вандалов и византийцев! Она — добыча сильнейшего, может быть, на его же погибель!

Мне сдается, однако, что на этот раз сфинкс нашел своего Эдипа. Если кто из влюбленной четы погибнет, то вряд ли это будет Фара. Он водил меня к ней — Фара уважает меня за то, что я умею читать и писать. Очевидно, он очень хвалил ей меня, но без успеха: она оглядела меня с ног до головы — это заняло немного времени, так как я не велик — и, презрительно скривив красивые толстые губы, отошла от меня.

Знаю, что я не красив, между тем как Фара после Велисария — самый представительный мужчина из всех нас. Но все же мне было обидно, что моя смертная оболочка настолько оттолкнула ее и она не пожелала познакомиться с моей бессмертной душой. Я ей не желаю зла, не сердит на нее. Меня не удивит и менее всего огорчит, если она плохо кончит.»

Глава 10

«Д К этой работе он привлек даже граждан, которые начинают роптать: они думали, что мы пришли их освободить, а вместо того мы принуждаем людей к тяжелой работе, которой Гелимер никогда от них не требовал.

В городском валу столько пробоин, что мы усматриваем в этом причину, почему король после проигранной битвы не отступил в свою столицу. Нам передавали пленники, что Вер, который и в светских делах играл очень важную роль у «тирана», — по приказанию Юстиниана, мы должны так называть бойца за свободу своего народа, — советовал с самого начала запереться в Карфагене и ждать нашей осады. Если это так, то поп немного смыслит в воинских делах. Мы в первую же ночь прокрались бы в город через любую пробоину и поймали бы все вандалское войско, как в мышеловку, тогда как теперь должны искать врага в пустыне. Но король отверг этот совет.

Положительно, богиня Фортуна — единственная из женщин, которой иногда я готов поверить.

Вчера приплыло в гавань с севера небольшое вестовое судно под кроваво-красным вандалским флагом. Оказалось, что варвары ничего не слыхали о захвате их столицы и явились прямехонько из Сардинии. Отправить туда флот с отборнейшими войском в то время, как мы находились уже в Сицилии, — эту мысль могли внушить только боги, желающие варварам гибели. У предводителя мы нашли такое письмо: «Хвала тебе и победа, король вандалов! Где же твои мрачные предчувствия? Возвещаю тебе о победе! Мы высадились при Карали, столице Сардинии. Мы взяли гавань, город и Капитолий. Года, предатель, пал, сраженный моим копьем; его войска или разбиты, или в плену: весь остров снова под твоим владычеством. Празднуй

победу! Это пишет тебе Цацо, твой верный полководец и брат!»

То было вчера. Сегодня же один из наших крейсеров привел в гавань вандалское вестовое судно, перехваченное на пути в Сардинию. На нем плыл посол Гелимера со следующим письмом: «Не Года заманил тебя в Сардинию, но демон ада в образе Годы, которого Бог послал на нас, чтобы погубить! Не успел ты отплыть с флотом, как высадился Велисарий. Его войско невелико, но наш народ утратил вместе с героизмом и счастье. Лучшие планы разрушаются неповиновением одних и добрым сердцем других. Убит Амнат, наш общий любимец; убит верный Тразарих и ранен Гибаmund. А наше войско разбито при Дециуме. Карфаген в руках неприятеля. С трудом собрал я за громадные деньги двенадцать тысяч мавританских наемников и нахожусь в укрепленном лагере при Булле. Вся наша надежда на тебя. Брось Сардинию и спеши сюда с флотом. Но не приставай к Карфагену, а найди стоянку подальше от него на запад, между Мавританией и Нумидией. Вместе отклоним грозящую гибель или вместе ее перенесем. — Гелимер».

Оба письма братьев попали в наши руки! И теперь напрасно ожидает король своего флота! Теперь, о, богиня Фортуна, приведи корабли вандалов с победоносным войском, последней надеждой Гелимера, сюда, в гавань Карфагена, в плен!

Богиня Фортуна — такая же женщина, как и все другие. Она внезапно повернулась к нам — ну, хоть не спиной, так боком — кокетничает с вандалами.

Тиран одерживает победы. И чем бы ты думал? Своею сердечной добротой, говорят люди; и своею приветливостью. Он привлекает население, не мавров, нет, римское население, католическое, да спасет нас святой Киприан! Население бежит от нас к нему. У него в войске дисципли-

ФЕЛИКС ДАН

лина, а наши гунны грабят и воруют, когда не стоят сомкнутыми рядами перед Велисарием. Поэтому поселяне перебегают от нас к вандалам. Они служат последними вестниками: рассказывают, что знают или слышат. Конечно, доброта его — одно притворство, однако она достигает цели, даже, быть может, лучше, чем если бы была неподдельной.

Однако мне почти жаль сфинкса! Она была так прекрасна! Жаль только, что это не животное, а женщина. Фара открыл, что она предлагала разгадать тайну своего существа фракийцу Альтиасу и гунну Айгану. Сначала три героя хотели биться из-за этого красивого чудовища не на жизнь, а на смерть. Но на сей раз гунн оказался мудрее германца и фракийца. По его предложению, они братски поделили женщину на три части. Фара получил голову. Перед тем она хотела умиловить его гнев и сорвала ему с дерева персик. Но при этом не сообразила, что Фара, герул и язычник, любит больше лошадиное мясо, чем персики. Он дал персик ее обезьяне, та съела его, скорчилась и околела. Это смутило германца. После того он не успокоился, пока не разгадал всех сторон загадочного сфинкса и не открыл ее естественного предательства. Тогда, как я уже сказал, они рассекли прекрасное тело на три части. Я посоветовал поглубже закопать их в землю, в противном случае из могилы будут по ночам сверкать три языка пламени.

Богиня Фортуна плохо старается. Флот вандалов до сих пор еще не прибыл в Карфаген на свою погибель.

Гелимер, по-видимому, вывел свое войско из оцепенелого состояния. Наши всадники, которых мы ежедневно рассылаем вокруг города, присылают известия: «Громадное облако пыли поднимается с юго-запада». По их мнению, за ним может скрываться только наступающее войско.

О Цацо ни слуху, ни духу. Неужели он, несмотря на

перехват письма, узнал о свершившемся и избрал другой порт для высадки?

Велисарий писал в Византию, требуя присылки жалованья гуннам, с которыми становится трудненько справляться. Вот уже шесть месяцев, как мы отбыли из Византии! Теперь декабрь. Гунны грозят бросить службу. Они оправдывают свои грабежи тем, что ни поселяне, ни горожане не хотят отпускать им в кредит (за что тех и винить нельзя), но не могут же они платить из жалованья, которого нет. Сегодня прибыл корабль из Византии, но привез не деньги, а тридцать чиновников с приказом отправить в Византию первые налоги, которые будут собраны с завоеванной провинции.

О Цацо никаких слухов. Гунны близки к открытому мятежу. Теперь они боятся, как бы после покорения вандалов их не оставили здесь гарнизоном. Велисарий уже поглядывает, нет ли холма повыше для виселицы. Но до сих пор не нашел достаточно высокого. Гуннов ведь много, а нас очень мало. Они считаются лучшим войском в нашей армии. Поэтому наш полководец пригласил сегодня на обед всех вождей (это для них — самая большая радость и честь). Он хвалил и поил их. Они напились пьяными и остались очень довольны.

Вожди проспались и теперь более недовольны, чем прежде: они теперь страдают от жажды. Вина сколько угодно. Но вот уже три часа, как у нас нет ни капли воды. Вандалы отвели воду. Гунны легко могут обойтись без воды, но мы, лошади, верблюды и карфагеняне, не можем. Король Гелимер хочет битвы, как окончательной развязки. Город ведь он не может таким способом принудить сдаться, так как мы господствуем над морем. Взять его приступом тоже нельзя, так как укрепления по плану Велисария уже окончены. Он хочет выманить нас, а потому добивается битвы в открытом поле.

Для Велисария не остается другого выбора: завтра, рано поутру, он нас поведет против неприятеля. Опасается только, что гунны замышляют недоброе. Он поручил Фаре зорко следить за ними. Если бой примет невыгодный оборот, то гунны изменят нам. И тогда завяжутся две битвы: в авангарде — между византийцами и вандалами, а в арьергарде — между герулами и гуннами. Вот будет кутерьма! Но именно это напряженное состояние, эта прелесть опасности увлекли меня на службу к Велисария. Лучше получить вандальскую стрелу в голову, чем утруждать ее, несчастную, всякой философией, которая мне опротивела до тошноты. Что-то завтра будет?!»

Глава 11

На следующий день Велисарий еще раз осмотрел вновь построенные укрепления Карфагена и, уверившись в достаточной их силе для прикрытия армии в случае ее поражения, вывел всю конницу (за исключением 500 избранных иллирийских всадников) из города. Фракийцу Альтиаду он поручил начальство над отрядом щитоносцев с императорским главным знаменем и приказал ему не уклоняться от форпостной стычки с неприятелем, даже постараться вызвать ее. Сам же он с главной массой пехоты и 500 иллирийскими всадниками собирается выступить лишь на другой день.

При Трикамероне в 17000 шагах на западе от Карфагена Альтиад сошелся с неприятелем.

Передовые разъезды обменялись несколькими выстрелами из лука и поспешили с вестью к своим. Византийцы остановились. Бесчисленные сторожевые огни вандалов виднелись невдалеке. Узкий ручей разделял

позиции врагов. Местность была плоская и голая, только на левом фланге римлян возвышался песчаный холм близ ручья.

Предводитель гуннов Айган, не спросясь Альтиада, тотчас занял со своими людьми этот холм, приказав сказать Альтиаду, что гунны переночуют на холме, а завтра займут назначенную им позицию. Волей-неволей Альтиаду пришлось покориться; между тем этот холм господствовал над всей окрестностью.

Поздней ночью гуннские вожди собрались на вершине холма.

— Нет ли близко шпиона? — спросил Айгун. — Этот герульский князь не спускает с нас глаз!

— Государь! Я исполнил твое приказание: 70 гуннов кругом сторожат. Птица не пролетит!

— Что будем делать завтра? — спросил третий, облокотясь на своего маленького коня и поглаживая его взъерошенную гриву. — Я не верю Велисарии. Он обманывает нас.

— Не Велисарий обманывает, а его самого обманывает император.

— Я видел, — заговорил озабоченно второй, — странное знамение: ночью на верхушках римских копий появились синие огоньки. Что это значит?

— Это предвещает победу, — тревожно вскричал третий. — В нашем племени есть предание: прадед мой сам видел такие огоньки перед несчастным днем там, в Галлии, когда пал великий Аттила.

— Аттила на небесах, великий Аттила! Будь милостив к нам! — шептали все трое, низко кланяясь на восток.

— Мой прадед стоял на страже ночью у ручья. На другом берегу ехали два всадника с копьями. Прадед с товарищем бросились в камыш, подползли, натянули те-

тивы луков, готовясь ссадить всадников; слышат, один из них говорит: «Гляди, Аэций! Твое копьё светится.» — «А твое тоже, король вестготов», — отвечает другой. Наши смотрят, и в самом деле, синие огоньки колеблются на копьях; испугались и убежали от этих избранников Божьих. А на другой день великий Аттила...

— Аттила! Аттила! Не гневись на нас! — снова шептали вожди, со страхом обращая взоры на небеса.

— Как порешили — будем выжидать: на чьей стороне победа, на ту и перейдем. Поэтому я и выбрал стоянку здесь: отсюда можно видеть ход битвы.

— Прекрасно! Мы будем знать ход дела прежде, чем придет римский лев.

— Да! Не желал бы я пред его грозными очами пристать к неприятелю.

— Ждите спокойно! Куда я пушу стрелу, туда и нападите. Аттила будет нестись над своими сынами.

Он снял свою шапку из черной овчины, бросил ее вверх и тихо запел:

«Аттила, Аттила! Дай нам в добычу, твоим добрым сынам, дай нам в добычу и желтое золото, и белое серебро, и красную кровь винограда, и красных девок врага!»

Остальные набожно вторили ему. Затем он надел шапку и сказал:

— Молчите! Разойдемся!

Глава 12

На левой стороне ручья в лагере вандалов тихий ночной ветерок развевал большое знамя Гейзериха на королевском шатре. Близ этого шатра в низкой палатке молча сидели Гибамунд и Гильда перед столом, заваленным оружием и освещенным тусклой лампадой.

— Трудно мне было покориться воле короля и дожидаться в лагере его возвращения! — говорил Гибамунд.

— Да! Но если мавры изменят нам? Сколько их?

— Двенадцать тысяч. Они должны были еще третьего дня прибыть к нам из лагеря в Булле... Король слал к ним гонца за гонцом и, наконец, сам поехал навстречу им. Ведь если завтра не будет у нас двенадцати тысяч пехоты для левого фланга, то наша позиция... Что это? Сторожевой рог! Король возвратился. Пойду, спрошу его.

Но у палатки послышались шаги и бряцанье оружия. Супруги бросились было навстречу идущему, но полотно быстро распахнулось, и перед ними явился Цацо.

— Это ты, брат?

— Это ты, Цацо, вернулся! Ну, теперь все пойдет хорошо!

— Если и не совсем хорошо, то все же лучше.

— Откуда ты? Видел Гелимера?

— Он обещал сейчас прийти сюда. Он в своем шатре молится с Вером.

— Ты прибыл из...

— Из Сардинии прямо. Письмо, отправленное Вером, не попало ко мне; другое же, посланное самим братом и извещавшее о поражении, я получил. Высадился в указанном мне королем месте и направился в Буллу, чтобы с наемными маврами прийти сюда. Я дошел до Буллы и нашел...

Он топнул с досады ногой.

— Что такое?

— Пустое место: мавры разбежались по пустыне.

— Боже мой!

— Изменники!

— Нет, не изменники: они возвратили королю деньги.

ФЕЛИКС ДАН

Кабаон запретил им участвовать в этом бою. Все послушались его совета; только человек 200 из Папуанских гор пришли к нам под предводительством Серсаона. На Нумидийской дороге король встретил меня со своим отрядом в 5.000... Он заплакал, обняв меня. И я сам... Ах, Аммат!.. Но нет, мы должны быть тверды и спокойны, мало того — жестоки, а король так мягок!

— Теперь он еще несколько оправился, но после поражения при Дециуме совсем отчаялся.

— Да! — заметила Гильда. — Более, чем позволительно мужчине...

— Я не менее его любил Аммата, — сказал Цацо, и губа его дрогнула, — но... упустить победу, чтобы оплакивать и хоронить мальчика.

— Ты бы этого не сделал, Цацо, — произнес тихий голос Гелимера. Все испуганно оглянулись.

— Вы справедливо корите меня, — продолжал он, — но я видел в этом несчастье Божий промысел. Если невиннейший из вандалов пал, значит, кара Божия грозит нам за грех отцов наших.

Цацо сердито покачал головой и бросил шлем свой на стол.

— Брат! Это твое мрачное настроение губит и тебя, и народ твой! Не знаю я, как надо понимать те страшные слова писания, знаю только, что если государство погибнет, то не за грехи отцов, а из-за наших ошибок. Грехи отцов наказываются в потомках, потому что передаются и плодят грехи в последних; да и последствия грехов отцов отзываются бедами потомкам. Католиков мучили наши предки и развили в них ненависть к нам, сделали их помощниками императора. Остготы помогают императору, а не нам — это тоже кара за грехи отцов. Но для этого Господу не нужно совершать никакого чуда. Скорее было бы чудом, если бы Он помешал этому ходу дел. А

Аммат — разве он совершенно невинен? Избалованный тобой, он, вопреки твоему приказанию, как безумный, бросился в битву. А благородный вандал, который забыл свой долг военачальника и, не дождавшись прихода Гибамунда на позицию, увлекся желанием спасти твоего любимца, и...

Он замолчал.

— И король, — сказал Гелимер, — вместо того, чтобы исполнить свою обязанность, тает, как воск, при виде убитого. Но ведь это-то и есть кара, проклятие Божие.

— Неправда! И здесь нет никакого чуда! Это только следствие того, что ты, брат, уже не настоящий вандал. Ты утопаешь, правда, не в пороках, но зато в мечтательности. Конечно, это тоже по вине отцов... Но не время теперь отвлекаться от настоящего: завтра надо исполнить наш долг, исполнить честно и без мечтаний, тогда мы победим, — и это будет счастье, или падем, как честные мужи — и это будет недурно. Больше того, чем исполнить свой долг, мы ничего не в силах сделать. Господь будет судить наши души. Я не страшусь за свою душу, потому что паду в битве за свой народ.

— Ах, как приятно слушать тебя! — воскликнула Гильда. — Словно свежий ветер подул в жаркий и душный день.

Гелимер отвечал с грустью, но без упрека:

— Здоровый не понимает, что больной не может петь и прыгать. Я не могу иначе: я должен «мечтать», как ты выражаешься. Но иногда, — он горько усмехнулся, — иногда я стряхиваю с себя мечтания и по своему обновляюсь — молитвой. Я спокоен насчет моего права. Оно на моей стороне! Я не узурпатор, как император зовет меня. Хильдерих был справедливо низложен. Я не виноват, я не изменял ему. В этом —

ФЕЛИКС ДАН

мое утешение и опора! Ах, это ты, Вер! Ты, как всегда,ходишь тихо.

Цацо враждебно измерил взглядом вошедшего.

— Я пришел за тобою, король Гелимер. Надо еще приготовить письменные приказы... Я хотел также напомнить тебе про заключенных...

— Так, так! Послушай, Цацо, согласись, наконец, с нами. Позволь мне отпустить на волю Хильдериха и Эцага...

— Ни за что! — закричал Цацо и большими шагами заходил по шатру. — Ни за что! А тем более — накануне решительной битвы. Неужели предоставить Велисарии в случае, если мы будем побеждены, снова посадить его на престол в Карфагене? Или же, если мы победим, держать его в Византии при дворе как предлог снова начать войну? Долой головы убийцам! Где они?

— Здесь, в лагере, под крепкой охраной.

— А заложники?

— Они были вместе с сыном Пуденция посажены под караул в Дециуме, — отвечал Вер. — После нашего поражения победители их освободили.

— Это могло бы повториться и завтра, — проворчал Цацо. — Легко может случиться, что неприятель проникнет в этот открытый лагерь... Я требую, король...

— Хорошо, — перебил тот и, обращаясь к Веру, сказал:

— Прикажи удалить Хильдериха с братом!

— Куда?

— В какое-нибудь безопасное место, куда византийцы не могут зайти и освободить их.

Вер поклонился и поспешно вышел.

— Я сейчас приду! — крикнул ему вслед король. — Не будьте ко мне слишком строги, здоровые люди! — кротко сказал он, обращаясь к оставшимся в шатре. — Я — дуб,

пораженный молнией! Но завтра, — выпрямился он, — завтра, я надеюсь, что вы останетесь мною довольны. Даже и ты, строгая Гильда! Одолжи мне свою маленькую лютню: ты не пожалеешь о том.

Гильда достала лютню, лежавшую в углу шатра.

— Вот она! Но знаешь ли, — прибавила она, смеясь, — ее струны лопаются, если петь под их аккомпанемент латинские стихи или покаянные молитвы.

— Они не лопнут. Мир вам.

И король вышел из шатра.

— Эта лютня из черного дерева... — начал Цацо. — Кажется, что я видел ее где-то. У кого же? Не в Равенне ли?

Гильда кивнула головой.

— Мой приятель Теха, учивший меня играть на лютне и владеть оружием, подарил мне ее вместо свадебного подарка. И он, верный друг, не забыл меня. Пока счастье улыбалось, он не напоминал о себе. Но теперь...

— Ну? — спросил Цацо.

— Когда пришло в Равенну известие о нашем поражении при Дециуме, — объяснил Гибамунд, — Теха и еще несколько других остготов хотели отправиться к нам на помощь с отрядом, но регентша строго запретила. Тогда Теха прислал моей вдове — он думал, что убит я, а не Амнат, — этот чудесный меч из темного железа.

— Чудная работа! — сказал Цацо, вынимая меч из ножен и пробуя его. — Вот благородное оружие!

— Он сам его выковал! — заметила Гильда. — Погляди, вот здесь на рукоятке стоит его герб.

— А на клинке руническая надпись: «Мертвые свободны». Гм! Грустное утешение. Но не для Гильды, конечно... Но смотри, Гильда, не торопись! — заметил Цацо, уходя.

— Не бойся, — отвечала она, обнимая обеими руками мужа, — вот — утешение и оружие для вдовы!

Глава 13

Задолго до солнечного восхода звуки труб разбудили спящий вандальский лагерь.

Перед глазами римлян прикрытая передним рядом палаток, выстроилась в боевой порядок внутри собственного лагеря армия варваров. Еще накануне розданы были отдельным вождям письменные приказы об их позициях.

Лагерь был очень велик. Кроме воинов, в нем находилось несколько тысяч женщин, детей и стариков, убежавших из Карфагена и из других мест, занятых неприятелем.

Военачальники и тысяцкие собрались на середину лагеря, где уже верхом на конях находились король и его два брата. Около них, опершись на шею благородного вороного коня, стояла Гильда, держа в руке обмотанное тканью копье; возле нее также на коне сидел Вер в полном священническом облачении. Кроме предводителей, здесь теснились воины отряда, вернувшегося с Цацо из Сардинии.

Еще раз прозвучал трубный призыв по лагерю, и затем Цацо выехал на несколько шагов вперед. Шумные крики приветствовали его. Он заговорил громким, твердым голосом:

— Слушай меня, воинственный народ вандальский! Сегодня мы будем биться не за победу — мы будем биться за свое существование, за империю Гейзериха и его славу, за жен и детей, которые попадут в рабство, если мы будем побеждены. Сегодня мы будем смотреть в лицо врага и смерти. Этот бой вандалы поведут одним лишь мечом; не надо ни лука, ни стрелы, ни копья, ни дротика, так приказал король. Смотрите, я бросаю копье; сделайте так же и вы: с мечом в руке — прямо на врага.

Он бросил копье на землю, все воины последовали его примеру.

— Одно только копье, — продолжал он, — будет сегодня возвышаться над вандалами. Вот это!

Гильда подошла к нему, он взял копье у нее из рук, развернул и поднял высоко над головой ярко-красное знамя.

— Знамя Гейзериха! Победоносный дракон Гейзериха! — завопили тысячи голосов.

— Идите за этим знаменем. Не дайте ему попасть в руки врага! Клянитесь, что последуете за ним на смерть.

— Пойдем на смерть! — грянуло в ответ.

— Я верю вам, вандалы. Теперь выслушайте своего короля. Все знают, как он владеет лютней и даром песен. Он составил отличную боевую диспозицию; он же сочинил боевую песнь, которая должна увлечь вас в бой.

Гелимер сбросил длинную пурпуровую мантию, взял темную трехгранную лютню Гильды и запел боевую песню, ударя по звонким струнам.

«Бог даст победу правому делу!» — так кончалась песня. Народ подхватил эти слова и, громко разговаривая, стал расходиться по лагерю.

Король и его братья сошли с коней, чтобы выпить вино, которое им поднесла сама Гильда.

В ту минуту, как Гелимер передавал лютню Гильде, сквозь толпу протиснулась странная фигура.

Все с удивлением глядели на человека высокого роста, закутанного с головы до ног в верблюжью шкуру, которая придерживалась вместо веревки поясом, сплетенным из великолепных золотисто-русых женских волос. Никакие сандалии не защищали ног, и никакого головного убора не было видно на коротко обритой голове; щеки впали, провалившиеся глаза горели лихорадочным огнем; он

ФЕЛИКС ДАН

бросился на колени перед королем и с мольбой протянул к нему руки.

— Я узнаю тебя, человек! — сказал король.

— Да, да, это он! — подтвердил Гибаmund.

— Тразабад, брат Тразариха, — заключил Цацо.

— Пропавший без вести, которого считали мертвым? — спросила Гильда, подходя поближе.

— Тразабад, да, — отвечал глухой голос. — Я убийца, ее убийца. Суди меня, король!

Гелимер поднял его с колен.

— Неправда, ты не убил гречанку. Твой брат мне все рассказал.

— Я виноват, все равно! Кровь ее лежит на моей душе. В ту же ночь я положил ее мертвое тело на коня и поскакал с ним подальше от людских глаз! Я скакал по пустыне до тех пор, пока конь мой не пал, и вот этими самыми руками я похоронил ее в песке, неподалеку отсюда. Благодетельные монахи, пустынножители, нашли меня голодного, еле живого и обещали мне Божие прощение, если останусь спасаться в пустыне. Я дал обет и отрезал чудные волосы Главки, чтобы они постоянно напоминали мне о моей вине. Пустынники приносили мне пищу в уединенное ущелье. Но когда я узнал о поражении в Дециуме и смерти моего брата, мое сердце потянуло меня в ночь за призывом военной трубы. Ах! Я не смел, я знал, что недостойн! Но нынешней ночью она явилась мне во сне, прекрасная, как светлый дух, и сказала: — Ступай к своим единоплеменникам, попроси у них меч, бейся и умри за свой народ. Это будет искуплением твоих грехов. — Я не лгу, поверь мне, король! И если ты можешь простить...

В эту минуту Цацо взял меч у одного из своих воинов и подал его монаху:

— Возьми, Тразабад, сын Тразамера! Возьми этот меч

и следуй за моим отрядом. Король согласен. Видишь, он кивает головой. А теперь, король Гелимер, прикажи трубить рогам, — и вперед на врага!

Глава 14

Взглядом полководца увидел король, что решение битвы должно произойти в центре обеих армий, где влево на юго-запад и вправо на северо-восток шли от ручья отлогие возвышенности, на которых расположились оба лагеря.

Перебежчики из гуннов возвестили также, что их союзный отряд не намерен вовсе участвовать в битве. Сообразуясь со всем этим, Гелимер не ждал опасности для своего левого фланга от правого римского. Он отвел свой правый фланг довольно далеко назад, так что неприятелю пришлось бы долго идти, чтобы догнать его, быть может, даже так долго, что битва успеет увенчаться победой в центре, и это заставит гуннов перейти на сторону вандалов.

В центре король поставил свои лучшие силы: больше конницы, чем пехоты, и почти все пять тысяч воинов Цацо под его командой; здесь также стоял Гибамунд с отрядом в двести человек; здесь были и оба Гундинга с многочисленными родичами в шлемах из шкуры вепря и с такими же щитами, как у их предводителей; здесь находился также с отрядом всадников из верных мавров Папуанских гор их юный предводитель Серсаон. Команду над обоими флангами Гелимер поручил двум благородным вандалам, а сам объезжал все ряды войск и ободрял воинов.

Бой начался, как и предполагал король, вполне неожиданно для византийцев.

В то время, как византийцы приготавливались завтракать, он внезапно начал схватку, выведя на левый берег ручейка своих воинов из-за прикрывавших их палаток.

ФЕЛИКС ДАН

Удивленные военачальники Велисария — сам он отсутствовал в этом месте — выстроили своих воинов как попало.

Правый римский фланг заняли на холме гунны, они не тронулись с места.

Рядом с ними стоял получивший тайные приказания Фара с герулами, наблюдая за подозрительными союзниками.

Затем следовали в центре — Альтиас, фракиец, и Иоанн, армянин, с отрядом соплеменников, а также щитоносцы и копьеносцы из телохранителей Велисария; здесь сверкал императорский значок: «*vexillum praetorium*» — знамя полководца Велисария.

Римское левое крыло образовали другие союзные народы. Византийцы также сообразили, что решение битвы должно произойти в центре обеих сторон.

Когда Гибамунд повел своих воинов, Гильда сопровождала его на своем вороном коне.

На голову она надела, по желанию мужа, легкий шлем с развевающимися белыми соколиными перьями. Из-под шлема золотистые волосы рассыпались свободной волной по белой мантии. Муж велел ей также взять легкий посеребренный щит. Белое платье было опоясано кинжалом, который ей прислал Теха, но броню она не согласилась надеть, находя ее слишком тяжелой.

— Ты ведь не позволишь мне сражаться рядом с тобой, — жаловалась она.

Стрелы византийцев уже начали летать над головами вандалов и задели некоторых из воинов Гибамунда.

— Стой! — скомандовал он. — Прощай, милая! Жди на этом холмике. Я оставлю тебе десять человек в виде охраны. Отсюда тебе будет далеко видно. Следи за белыми перьями моего шлема и за драконовым знаменем. Я буду там, где оно.

Еще пожатие руки — и Гибамунд был далеко; Гильда остановила послушного коня, она была очень бледна.

Неприятельские армии сошлись и сразились.

Иоанн — один из лучших военачальников Велисария — перешел со своим отрядом через речушку, где вода доходила им до колен, и взобрался на крутой вандальский берег.

Он немедленно был отброшен назад. Цацо набросился на него, как коршун на мелкую птицу. Вода ручья окрасилась кровью, а вандалы преследовали неприятеля и на противоположном берегу.

Гильда ясно видела все.

— Наконец-то, наконец-то, — вскричала она, — нам улыбается счастье!

Но Цацо не продолжал преследования. Он осторожно увел своих воинов обратно на левый берег ручья.

— Мы еще раз сбросим их в ручей, — засмеялся он, — воспользуемся нашей возвышенной позицией.

Армяне увлекли в беспорядочном бегстве за собой и предводителя, которому Цацо пробил сквозь щит руку. Он обратился к Марцеллу, предводителю телохранителей, и мрачно проговорил:

— Дьявол вселился в ротозеев Дециума. Они сражаются на одних мечях, а это совсем сбило с точки моих копьеносцев. Варвары отсекают им копья, наскакивают и прокалывают их. Дай мне своих щитоносцев, я попытаюсь вновь.

Под предводительством Мартина вместе с щитоносцами армяне повторили атаку. Ни одной стрелы, ни одного дротика не было в них брошено с высоты вандальского берега, но как только они начали карабкаться на него, германцы набросились на них с мечом в руке. Мартин пал от удара меча Гибамунда. Тут и щитоносцы побежали; армяне дрогнули, смешались и тоже обратились в бегство, преследуемые вандалами.

ФЕЛИКС ДАН

Но где же Велисарий?

Он только что прибыл из Карфагена с пятьюстами всадниками как раз вовремя, чтобы видеть бегство своих воинов.

Едва он узнал, что это было второе нападение, то приказал всем своим телохранителям — как пешим, так и конным — идти вместе с фракийцем Альтиасом в третью атаку и взять с собой главное знамя.

Римская труба загремела, приветствуя знамя полководца. Точно гибкая железная стена, двинулись византийцы сомкнутым строем, выставив вперед длинные копья. Цацо увидел, что его люди дрогнули.

— Вперед! Через ручей! В атаку!

И бросился впереди всех. Но скоро увидел, что за ним последовали немногие, одни Гундинги с их родичами.

— Вперед! — закричал он еще раз.

Но вандалы медлили. Они чувствовали, что бой с высоты был для них благоприятен, и не хотели оставлять спасительного холма, тем более что узнали издали Велисария. Страшными и грозными казались им надвигающиеся ряды копий.

— Если бы у нас были копья! — услышал Цацо позади себя тревожные возгласы. Уже византийцы перешли через ручей, уже карабкались на высоту, а вандалы все еще не слушались приказа идти в атаку.

— Вы не хотите идти, — закричал Цацо с яростью, — так я же вас заставлю!

И с этими словами он вырвал у всадника, стоявшего по правую его руку, знамя Гейзериха и с криком: «Добудьте снова знамя и свою честь!» — изо всех сил бросил его вниз через ручей, в самый центр византийских рядов.

Громко завопили и враги, и вандалы.

Один из византийцев немедленно поднял знамя с земли, высоко поднял его в воздухе и поспешил с ним к Велисарию.

Он недалеко отъехал.

Как только вандалы увидели священное знамя своей империи в руках неприятеля, они бросились все, конные и пешие, за вождями через ручей на византийцев.

Возле Цацо ехал на сильном жеребце странный человек — монах без шлема, щита и брони, в сером балахоне и с мечом в руке. Он прорубил себе путь среди неприятельских рядов, настиг всадника, завладевшего красным знаменем, вырвал его из рук врага и разрубил ему ударом меча шлем и череп; всадник был Валериан, начальник копьеносцев.

Победитель высоко поднял в руке отвоеванное знамя, но в ту же минуту упал с лошади, пробитый пятью дротиками.

А между тем из рук упавшего монаха знамя уже перешло к Гундобаду.

Брат его и весь отряд Гундингов бросились ему на выручку.

Ближайшие неприятельские ряды дрогнули и побежали.

— Победа! — закричали вандалы и бросились за бегущим врагом.

— Победа! — радовалась Гильда, которой все было видно с ее холма.

Глава 15

Велисарий также видел все с возвышенности, где стоял с отрядом.

— Спешите, — закричал он Прокопию, — к Фаре и герулам! Пусть они повернут на левый фланг и возьмут эту красную тряпку.

— А гунны? — спросил Прокопий. — Взгляни, они тихо выезжают, но не против вандалов...

ФЕЛИКС ДАН

— Повинуйся! Прежде всего надо положить конец этой германской пляске вокруг красного значка. Гунны побоятся в крайнем случае меня.

Прокопий поспешил к правому флангу.

Между тем у красного знамени снова переменился знаменосец.

Все дротики и стрелы неслись в огненную цель: в видный издалека опасный значок: конь Гундобада пал вместе со своим всадником.

Знамя принял из рук умирающего брата Гундомар и проткнул мечом шею Киприана, второго командира фракийцев, который разрубил шлем и голову Гундобаду, когда тот хотел высвободиться из-под мертвого коня.

Гильда видела, как скрылось красное знамя, и в тревоге слегка ударила своего вороного по шее: конь понесся, как вихрь, и, только прискакав на берег ручья, она спохватилась и остановила его.

Альтиас в эту минуту настиг второго Гундинга. Борьба была неровная, невыгодная для каждого знаменосца: левой рукой, державшей поводья и тяжелое знамя, нельзя было пользоваться, а тяжесть знамени значительно затрудняла также все движения правой руки. После краткого боя Гундинг упал с лошади, пробитый копьём фракийца.

Но Гибамунд уже спешил на выручку. А пока он, окруженный густым отрядом, отбивал красное знамя, Цацо прокрался сквозь ряды фракийцев и, настигнув телохранителя Велисария с византийским знаменем, своим мечом разрубил ему череп.

Знамя византийского полководца упало. Гильда ясно увидела это: ее невольно тянуло вперед, вслед за победой.

Наступил решительный момент битвы. Велисарий увидел свое знамя в руках вандалов, как вдруг с правого

фланга, совсем близко, слышались германские рожки: то были герулы.

Дротик, пущенный ловкой рукой, — его пустил сам Фара — пробил шлем на голове Цацо. Он выпустил из рук знамя Велисария, ему приходилось подумать о собственном спасении.

Повернув назад могучую голову, он закричал:

— Помоги, брат Гелимер!

— Я здесь, брат Цацо! — долетел ответ.

Король уже спешил к нему на помощь.

Он давно следил за наступлением брата и медленно подвигался со своими вандалами и маврами, когда заметил новую атаку неприятеля и опасность, которой подвергнулся брат.

— Вперед! Выручайте Цацо! — закричал он и бросился со своим отрядом на герулов.

Гильда видела, как один, другой, третий из нападающих были низвержены мечом Гелимера. Следя за битвой, она невольно все ближе и ближе подъезжала к месту сражения.

В этот момент она увидела, как Вер в полном священническом облачении промчался во весь опор мимо нее, направляясь к королю. Нелегко было пробраться к нему сквозь ряды мавров и вандалов.

Король уже почти настиг Цацо. Атака его отряда смутила герулов. Они еще не отступили, но и не делали шага вперед. Оба войска, как два единоборца, мерили друг друга: бой приостановился.

— Где же пехота? — спросил Велисарий, тревожно взглядываясь вдаль по направлению к отдаленным высотам, где пумидийская дорога поворачивала к Карфагену.

— Я троих уже гонцов послал за ней, — отвечал Проконий.

ФЕЛИКС ДАН

— Фракийцы отступают! Армяне — тоже. Герулов теснит неприятельский отряд, превосходящий их численностью. Едем, иллирийцы, на помощь им! Выиграйте мне битву! Сам Велисарий поведет вас в бой.

При громких звуках трубы римский полководец съехал с холма во главе отряда отборных пятисот всадников на помощь герулам.

Гелимер услышал звук трубы, увидел приближающийся отряд и собрался ринуться на него со своим войском. Но в эту минуту к нему подскакал Вер.

— Вер, ты здесь? Зачем? Твое лицо...

— О, король! — вскричал священник. — Какой тяжкий грех!

— Что случилось?

— Гонец, которого я послал к заключенным — мой вольноотпущенник — не понял твоих слов: «Устранить Хильдериха с братом в такое место, откуда их нельзя освободить»...

— Ну?

— Он убил их.

— Всемогущий Бог! — закричал король, побледнев. — Я не хотел этого.

— Но, кроме того... — продолжал Вер.

— Брат Гелимер, помоги! — донесся из сечи голос Цацо. Велисарий и иллирийцы настигли его. Гибамунд был с ним.

Король пришпорил коня. Но Вер схватил его за поводья и закричал ему в ухо:

— Письмо, предостерегающее Хильдериха от тебя, я только что нашел, вот оно... Хильдерих не солгал. Он хотел только оборониться от тебя: невинный, он был низложен, посажен в заточение и умерщвлен.

Одну минуту Гелимер, безмолвный от ужаса, глядел в окаменевшее лицо Вера. Он, казалось, был оглушен.

— Я — преступник, убийца! Горе, горе мне! — пролепетал он наконец, закрывая лицо руками. Страшная судорога прошла по его лицу. Одну минуту казалось, что он упадет с седла. Вер поддержал Гелимера, повернул его коня спиной к неприятелю и изо всех сил ударил по холке.

Конь бешено помчался. Серсаон и Маркомер, начальники конницы, поддерживали справа и слева качавшегося в седле короля.

— Помоги, брат Гелимер, помоги! Меня одолевают! — послышался новый и еще более отчаянный призыв Цацо.

Но он был перекрыт громкими воплями вандалов:

— Бегите, бегите! Сам король бежал! Бегите! Спасайте женщин и детей!

И вандалы понеслись через ручей обратно к лагерю.

Высокая фигура Цацо пропала из глаз Гильды.

Его конь, раненый копьем, пал на землю, увлекая всадника за собой. Но Цацо еще раз вскочил.

В эту минуту на него бросился начальник иллирийцев. Собрав последние силы, Цацо нанес ему сильный удар в шею так, что тот тихо скатился с седла. Но после этого Цацо сам упал на колени и прежде, чем он успел подняться, его окружили всадники. «Гибамунд, помоги!» — отчаянно закричал он. Он осмотрелся: кругом враги, ни одного вандала! Но вот один еще с красным знаменем! «Помоги, Гибамунд!» — прокричал Цацо. Но было уже поздно.

Какой-то всадник нагнулся над ним, говоря:

— Сдавайся, храбрец! Сдавайся мне! Я — Велисарий.

Цацо отрицательно покачал головой. С усилием приподнялся он с земли, занося меч на врага. Но в тот самый момент Велисарий проткнул ему копьем броню и грудь. Умирающий успел взглянуть налево: белый конь Гибамунд

ФЕЛИКС ДАН

мунда тоже упал, обливаясь кровью, и с ним упало красное знамя.

— Горе тебе, Вандалия! — прокричал Цацо и закрыл глаза.

— Это был человек! — проговорил Велисарий, нагибаясь над ним. — Где знамя Гейзериха, Фара?

— Ушло из наших рук! — сердито отвечал тот. — Видишь, вон оно мелькает вдаль, по ту сторону ручья!

— Кто его захватил?

— Женщина в шлеме с соколиными перьями! Должно быть, валькирия, — с легким страхом прибавил язычник. — Она неслась так быстро... Я только что повалил коня под знаменосцем. Вдруг откуда ни возьмись вороной конь! Мне никогда не приходилось видеть подобного; я услышал крик: «Гильда, благодарю!» И в ту же минуту вороной конь уже скакал далеко, далеко от меня! Мне показалось, что на нем уже были две фигуры! Длинный белый плащ развевался, а может, и лебединые крылья, я хорошенько не разглядел, а над ними раскинулось красное знамя. И затем все исчезло в облаке пыли. Гильда! — повторил тихо про себя германец. — Даже и имя то самое. Да, его унесла валькирия!

— Вперед! — скомандовал Велисарий. — Через ручей! Вандальское войско больше не существует. Центр разбит. Левое крыло их... Эге! Глядите-ка: наш правый фланг, наши верные гунны! — мрачно засмеялся он. — Наконец-то сползли со своего холма и рубят убегающих вандалов! Какие герои! Спешат в лагерь, чтобы грабить. А вот, наконец, и пехота наша подросла к левому флангу; но вандалы бегут и так. Вперед! В лагерь! Не отдавайте всю добычу гуннам! Все золото и серебро — императору! Жемчуг и драгоценные камни — императрице! Вперед!

Глава 16

«**О**т Прокопия — Цетегу. Во многих битвах, во многих схватках Велисария случалось мне присутствовать — почти всегда на безопасном отдалении, но такого удивительного сражения мне еще не удавалось видеть.

В этой битве, решившей участь вандалов, мы потеряли в общем сорок девять человек, но все отборный народ, в том числе восемь военачальников; Фара, Альтиас, Иоанн ранены. Однако раненых немного — около ста человек, потому что вандалы сражались только на мечах, а в таких случаях бой бывает по большей части смертельным. Большинство наших раненых и убитых пало от руки Асдингов, двоих благородных вандалов в шлемах из шкуры вепря и одного, очевидно, безумного монаха. Из вандалов восемьсот осталось на месте, причем большинство пало во время бегства: в плен забрали мы здоровыми и невредимыми около десяти тысяч человек, не считая женщин и детей. На обоих флангах мы не потеряли ни одного человека, за исключением одного гунна, которого Велисарий приказал повесить за то, что он набил карманы, обувь, волосы и уши жемчугом и драгоценными камнями из вандальского лагеря, которые по праву принадлежат императрице.

Преследование вандалов замедлилось благодаря нашей алчности. На убитых и пленных вандалах было много золотых и серебряных украшений: каждого из них наши герои ограбили прежде, нежели идти вперед. Наша конница, прежде всех прибывшая в вандальский лагерь, несмотря на свою алчность, не решилась сразу проникнуть в него: им казалось невозможным, чтобы такая численно превосходящая противника армия не защищала собственного лагеря, детей и женщин.

ФЕЛИКС ДАН

Король, говорят, оставался в лагере, как оглушенный, но когда Велисарий появился со всей армией перед палатками, бросился бежать по нумидийской дороге с криком: «Мститель!». Его сопровождали немногие родственники, слуги и оставшиеся ему верными мавры.

Все те воины вандальские, которым удалось достичь лагеря, обратились в беспорядочное бегство, бросив на произвол судьбы плачущих женщин и детей.

И это — настоящие германцы! Немудрено, если Юстиниан попытается теперь освободить от готв Италию и Испанию.

Наши преследовали бегущих весь остаток дня и всю светлую, лунную ночь, убивали мужчин, которые не оказывали сопротивления, и забирали в неволю тысячами женщин и детей. Никогда не видал я зараз столько красавиц! Да и не доводилось мне также видеть таких куч золота и серебра, как в палатках короля и благородных вандалов. Это просто невероятно!

Однако Велисария после победы осаждали самые тягостные заботы. Войско позабыло всякую осторожность и дисциплину в этом лагере, наполненном красивыми женщинами, сокровищами и запасами. Опьянев от неслыханной удачи, оно жило наслаждением минуты: все пути были сброшены, всякое стеснение забыто; казалось, они никогда не насытятся.

Наслаждение — этот африканский демон — завладело ими. Они рыскали в лагере и его окрестностях, гоняясь по следам беглецов, поодиночке или по двое, по трое. Никакой мысли о неприятеле! Никакого страха перед полководцем! Те, которые были трезвы, вернулись в Карфаген, нагруженные добычей, гоня перед собой пленных. Велисарий сказал: если бы вандалы час спустя после того, как мы вошли в их лагерь, атаковали нас — ни один бы не остался бы в живых!

Ему удалось на рассвете собрать всех, то есть тех, кто был трезв. Телохранители прибежали, сильно пристыженные. Вместо похвального и благодарственного слова он прочитал им строго укоризненную речь, какой я еще не слыхивал от него.

В самом деле, мы ведь ни что иное, как наемные солдаты, искатели приключений, грабители, дикие и храбрые, как лютые звери, выдрессированные для кровавой охоты, как леопарды, не способные предоставить добычу охотнику и снова засесть в клетку; мы должны сначала выкупаться в крови и наслаждениях. Это некрасиво, но гораздо занимательнее, чем философия с теологией, риторика, грамматика и диалектика, вместе взятые.

Мне думается, однако, что вандалская война окончена. Вероятно, завтра мы захватим в плен беглого короля.

Я говорил всегда, что от ничтожнейших случайностей зависят великие решения! Или, как я выражаюсь, когда поэтически настроен: богиня Фортуна любит играть судьбой людей и народов, как мальчишки, которые бросают вверх монетку и решают, кому достанется выигрыш или проигрыш, в зависимости от того, как она упадет: лицевой или оборотной стороной.

Ты называешь такую философию бабьим вздором, Цетег. Но суди сам: крик птицы, слепая любовь к охоте, неудачный выстрел — и последствием является то, что вандалский король уходит у нас между пальцев; казавшийся оконченным поход продолжается, и приятель твой вынужден долгие недели проводить в скучнейшем лагерном заключении перед несноснейшей мавританской скалой.

Преследование беглого короля Велисарий поручил своему земляку, фракийцу Альтиасу.

ФЕЛИКС ДАН

— Я избираю тебя, — говорил он, — потому что доверяю тебе больше всех там, где требуется неутомимое, энергичное действие. Если ты достигнешь вандала, война будет завтра же окончена; если ты упустишь его из рук, то нам предстоит еще много хлопот. Выбери себе воинов сам, но спеши днем и ночью без отдыха, пока не захватишь тирана живым или мертвым.

Альтиас покраснел, как девушка, которой наговорили любезностей, выбрал, кроме своих фракийцев, еще нескольких телохранителей, да сотни две герулов под предводительством Фары и меня попросил следовать за ним не столько ради моего миролюбивого меча, сколько для совета. Я охотно согласился.

И вот началась настоящая охота за вандалами. Пять дней и пять ночей не сходили мы почти с коней, гоняясь по следам беглецов. Мы так близко настигли их на пятую ночь, что уже надеялись захватить их, но капризная богиня не захотела, чтобы в этот раз Гелимер попал в руки Альтиаса.

С нами был один алеманский телохранитель Велисария Улиарий, храбрый и сильный человек, но глупый и, как почти все германцы, пьяница и страстный охотник. Не раз его наказывали за то, что даже во время похода он не мог пропустить ни одного зверя.

На утро шестого дня, когда после кратковременного отдыха перед рассветом мы снова сели на коней, Улиарий увидел на большом колючем кустарнике, который один только и растет в пустыне, громадного ястреба. Схватить лук, натянуть стрелу, прицелиться и выстрелить было делом одной минуты. Стрела полетела, но и птица тоже; между тем впереди отряда раздался крик: Альтиас упал с коня; стрела угодила ему в затылок; Улиарий — превосходный стрелок — не проснулся после ночного пьянства; обезумев от ужаса, Улиарий прищипорил коня и

ускакал в ближайшее местечко, чтобы там искать убежища в церкви.

Мы все хлопотали вокруг умирающего Альтиаса, хотя он знаками и приказывал нам бросить его в пустыне и продолжать преследование. Но мы не могли на это решиться.

После того, как Альтиас скончался на наших руках, когда мы с Фарой хотели ехать дальше, фракийцы с угрозой потребовали, чтобы мы предали сперва тело земле, иначе душа его будет осуждена скитаться здесь по последнего суда. Мы вырыли могилу и с почестями предали покойника земле.

А между тем эти несколько часов проволоочки помогли Гелимеру уйти от нас. Беглецы достигли своей цели — папуанской горы на границе Нумидии с крутыми, недоступными вершинами, окруженными со всех сторон острыми утесами. Живущие здесь мавры поклялись Гелимеру в верности и благодарности. Старинный город Меденус, теперь превратившийся в местечко с несколькими хижинами, укрыл его со свитой.

Невозможно было взять штурмом эту узкую, козью тропинку. Один человек с копьем может преградить на ней путь целому отряду. Мавры с презрением отвергли наше требование выдать беглецов за богатое вознаграждение. Остается одно: разбить лагерь у подошвы горы, запретить все выходы и взять вандалов голодом.

Но это может долго продлиться. А на дворе зима: вершины горы иногда по утрам бывают покрыты тонким слоем снега, который, разумеется, тает от солнца, если оно выглянет из-за облаков, но оно не всегда выглядывает. Зато туман и дождь исправно проникают сквозь верблюжью шкуру наших палаток.»

Глава 17

«До сих пор стоим мы при входе в папуанское ущелье. Невозможно двинуться ни взад, ни вперед. Недавно я видел в таком же положении кошку у мышинной норки: для кошки это очень скучно. Но если у норки нет другой щелки, то мышке не миновать в конце концов кошачьих лапок.

Сегодня пришли вести и подкрепление из Карфагена. Велисарий, извещенный о случившемся, передал предводительство Фаре. Сам Велисарий отправляется в Гиппо.

Из Гиппо пришли вести.

Велисарий взял город без сопротивления. Вандалы, в том числе множество благородных, укрылись в католических церквях и вышли из убежища только тогда, когда им обещали пощадить жизнь. В то же самое время Велисарию досталась богатая добыча; на этот раз буквально ветер пригнал ее к нему в руки.

Предусмотрительный тиран вынул королевскую казну из Карфагенской крепости, так как не доверял верности граждан и недостроенным стенам. Он перенес ее на корабль и приказал своему секретному писцу Вонифатию в случае, если дело вандалов будет проиграно, плыть в Испанию к Феудису, королю вестготов, у которого Гелимер собирался искать убежища, если лишится короны, может быть, в расчете при помощи вестготов снова вернуть ее.

Сильная буря загнала корабль с казной в гавань Гиппо уже после того, как Велисарий занял город. Вандальская казна, награбленная Гейзерихом с берегов и островов трех морей, направлена в Византию, в руки императорской четы.

Твоя набожность, Феодора, приносит тебе большие доходы!

Когда Велисарий победил сухопутное войско, первой заботой его было захватить неприятельский флот.

Он узнал от пленных о месте его стоянки и о том, что он остался почти без обороны: всех воинов увел с собой Цацо. Немногих трирем, посланных из Карфагена, было достаточно, чтобы забрать полтора галера, на которых не было никого, кроме матросов: дело обошлось без всякого боя! Грозные пиратские корабли Гейзериха приведены были в Карфаген на буксире: они дали себя забрать без сопротивления, точно стадо диких лебедей, загнанных, забитых бурей и бессильно опускающихся на пруд, — тогда бери гордецов голыми руками!

Сардинию занял один из военачальников Велисария; для этого ему было достаточно показать отрубленную голову Цацо, посаженную на копье.

Корсика так же, как и населенная Цезарея в Мавритании, и один из геркулесовых столпов Септа сдались. Затем острова Эбуза и Балеарские. Триполи был осажден маврами, которые спешили воспользоваться на свой риск борьбой между Византией и вандалами и захватить себе земель и добычи: город был выручен нашими и из рук Пуденция передан императору.

Право, можно подумать, что весь народ вандальский заключался в его королевском доме и немногих благородных вандалов. С той поры, как Цацо и окружавшие его благородные вандалы пали, с тех пор, как король исчез, всякое сопротивление прекратилось. После битвы при Трикамероне варвары даются в руки, не обороняясь, точно бараны. Их находят, по большей части, в католических церквях, где они обнимают алтари, которые так часто оскверняли! Мужчины не храбрее женщин и детей.

Поистине, если их братья в Италии и в Испании, их родственники франки и алеманы или, как их там называют — всех этих варваров Галлии и Германии, так же тонко образованы, как эти вандалы, пишущие латинские и греческие стихи, то император Юстиниан при помощи Велисария и Нарзеса вскоре отнимет у германцев весь восток. Но я боюсь, что одни только вандалы стоят на такой высоте образования.»

Глава 18

«**О**пять новые вести! Может быть, новая война и победа стучатся к нам в двери.

Неужели, о, Цетег, я и в самом деле скоро прибуду к тебе в Италию помогать освобождению Рима руками гуннов и герулов? Ваши тираны, остготы, навели нам мост для перехода в их землю. Этот мост — Сицилия. Благодарность Юстиниана быстролетна. При отплытии из Византии Велисарииу был вручен приказ от императора с указанием распечатать его лишь после истребления вандалского царства, Велисарииу поручалось потребовать от равеннского двора уступки большей части Лилибаума, мыса и крепости и всей той области, какая принадлежала в Сицилии вандалскому царству. Вандалское царство вернулось теперь в руки Византии, а следовательно, и все то, что когда-либо принадлежало этому царству. Недаром же ведь император был составителем Пандект!

После битвы при Трикамероне я должен был по тайному приказу императора сочинить к регентше Амаласвинте письмо, которое начиналось так: «Если вы откажетесь выполнить наше требование, то знайте, что рискуете не только войной, но и тем, что мы отнимем у вас все, чем вы владеете».

Сегодня пришло известие, что в Равенне произошел переворот. Злые люди, которые уже раньше желали оказать помощь вандалам, не любя Юстиниана и, к сожалению, не боясь его, с варварскими именами (конечно, они тебе лучше известны, о, Цетег, чем мне!), как-то: Гильдебрант, Витигис Теха, присвоили себе кормило правления и наотрез отказались выполнить наше требование. Мне кажется, что в воздухе пахнет войной.

Но прежде всего мы должны, наконец, покорить вандальского короля без короны, скрывающегося на горе. Дело так затянулось, что терпение Велисария и наше жестоко испытывает. Гелимер отвергает до сих пор все предложенные ему условия, хотя они были безумно выгодны, так как Велисарию хочется поскорей с ним покончить, мне сдается, для того, чтобы вернуться в Византию с таким триумфом, какого не бывало уже несколько столетий, а потом ехать в Италию и там совершить то же, что и здесь.

Но так как с этим необыкновенным королем, который бывает то мягок, как воск, то тверд, как гранит, словами ничего не поделаешь, то завтра утром мы собираемся потолковать с ним на мечах.

Фара надеется, что голод так ослабил вандалов и мавров, что они не в состоянии будут оказать сильного сопротивления. Фара, германец и прекраснейший человек, все может перенести, кроме жажды и бездействия. У нас же остается очень мало вина, да и то плохого. И делать нам нечего: только спать да сторожить мышеловку, именуемую Паппуа. Ему это надоело. Он хочет взять ее силой. Драться сначала до безумия, а потом напиться до бесчувствия — вот их манера. Я же, глядя на узкую скалистую тропинку, ведущую в горы, очень сомневаюсь в успехе. Мне даже сдается, что если святой Киприан или богиня Фортуна не заступятся за нас, то мы завтраждемся не Гелимера и вандалов, а колотушки.

ФЕЛИКС ДАН

Радуйся, мы их добыли!

То есть колотушки. И поделом! Вандалы и мавры соперничали, кто лучше поколотит нас.

Как предводитель и воин, Фара сделал все для того, чтобы совершить невозможное.

Он разделил нас на три колонны: впереди шли армяне, за ними — фракийцы, наконец — герулы.

Гунны остались при лагере: их лошадки, хотя и очень выносливы, но не умеют лазать по горам.

Мы полезли вверх то по двое, то по одному в ряд.

Мавры бросали на нас скальные глыбы, вандалы — копья. Двадцать армян пало прежде, нежели увидели кончик носа неприятеля, остальные убежали.

— Трусы! — гремел Фара.

— Ты затеял невозможное дело, — отвечал тяжело раненный вождь армян.

— Не верю! — закричал Фара. — За мной, герулы!

Герулы последовали за ним, и я также, но только совсем в хвосте, так как не считаю юрисконсульта Велисария обязанным выказывать собственное геройство. Когда только он сам дерется, я, вероятно по глупости, воображаю иногда, что мое место рядом с ним.

Я еще не видывал никогда такого штурма. Обломки скал и копья, бросаемые невидимой рукой, раздавливали и пробивали насквозь людей. Оставшиеся в живых карабкались, ползли все выше и выше. Наконец, вершина горы была достигнута. Мавры, укрывавшиеся под скалами, были выбиты из позиции, и многие из этих смуглых худых людей заплатили жизнью за гостеприимство, оказанное беглецам. Я сам видел, как Фара положил троих на месте. На вершине он выстроил свой запыхавшийся отряд и только что хотел отдать приказ идти в узкое ущелье, разверзшее свою пасть на гребне горы, как вдруг из этого ущелья ринулись на нас вандалы с королем впереди:

надетая поверх шлема зубчатая корона выдавала его. Я видел его совсем вблизи. Никогда не забыть мне его лица: он похож на испостившегося монаха и все-таки сохраняет сходство с героем Цацо. За ним следовал юноша, очень на него похожий; красное знамя держала, кажется, женщина. Впрочем, может быть, я и ошибаюсь. Вандалы налетели на нас с быстротой молнии.

Первый ряд герулов был мигом смят.

— Где король? — закричал Фара и бросился вперед.

— Здесь! — прозвучал ответ.

И пятеро герулов едва успели подхватить на руки своего тяжело раненного вождя.

Я только это и увидел, потому что затем полетел навзничь. Юный вандал из-за спины короля бросил копье в мой крепкий панцирь. Я пошатнулся, упал и покатился вниз по песчаному, гладкому откосу, гораздо быстрее и легче, нежели карабкался по нему вверх. Когда я поднялся на ноги, верная свита Фары пронесла его мимо меня на двух щитах.

Предводитель армян приподнялся, опираясь на копье.

— Теперь ты веришь, Фара? — спросил он.

— Да, — отвечал тот, хватаясь рукой за окровавленную голову. — Теперь верю. Погиб мой прекрасный шлем! — засмеялся он. — Но лучше уж лишиться одного шлема, нежели и головы впридачу.

Он перестал смеяться, когда спустился с горы: из двухсот герулов его отряда сто двадцать человек покрывали утесы горы. Похоже, что это был первый и последний штурм папуанской горы.

Рана Фары заживает, но он все еще часто жалуется на головную боль.

А наверху, на этой проклятой горе, они должны решительно умирать с голоду. К нам теперь часто являются перебежчики, большей частью мавры. Но еще ни один

ФЕЛИКС ДАН

вандал за все время похода не пристал к нам добровольно, несмотря на мои красноречивые воззвания к измене и предательству. Из всех хваленых германских добродетелей у этих вырожденков сохранилась, по-видимому, одна только верность.

Фара приказал не принимать никого больше.

— Скорее выйдут запасы у Гелимера, чем больше ртов и желудков будут вокруг него, — говорит он.

А так как воинов больше не принимают, то мавры продают себя в рабство за кусок хлеба.

Но Фара запретил и эту выгодную торговлю. Он сказал своим:

— Дайте им хорошенько изголодаться, тогда вы всех их заберете военнопленными.

Вандалам вообще делает большую честь (их, должно быть, осталось не более сорока человек), что они выносят то, чего мавры не выдерживают. Все, что мы слышали в Византии о роскошной жизни и изнеженности вандалов, оказалось ничтожным в сравнении с тем, что мы увидели в их дворцах, виллах и домах и о чем нам порассказали карфагеняне. Каждый день две, три ванны; за столом — тонкие яства со всех стран и морей мира; посуда из золота, шелковые платья; зрелища, представления в цирке, охота, плясуны, мимы, музыка, прогулки на открытом воздухе, наслаждение жизнью без удержу и без меры. В то время, как вандалы вели такую роскошную жизнь, мавры влачили самое скудное существование из всех народов мира: зиму и лето они ходят полунагие, живут в низеньких глиняных землянках или в кожаных палатках, в которых едва можно дышать; им не страшны ни снег на вершинах гор, ни зной пустыни, они спят на голой земле, и самые богатые подстилают под себя верблюжьей шкуру; им не знакомы ни хлеб, ни вино, ни другие благородные ку-

шанья; они питаются, как звери, одними сырыми продуктами: ячменем, полбой.

И несмотря на все это, вандалы стоически терпят голод, а мавры не выдерживают.

Это положительно непостижимо! Сыны того же самого народа, у которого мы в две краткие кавалерийские стычки отняли Африку! На наши удивленные вопросы, как это может быть, все перебежчики отвечают: «Король — святой человек!» Глазами, звуком своего голоса он действует на них обаятельно, чудотворно.

Фара, однако, думает, что никакое чудо не справится с голодом и жаждой.

А так как по словам тощих, исхудалых, как щепки, мавров трудно описать страдания, претерпеваемые королем и его окружающими, то Фара придумал (действительно, от доброго сердца) положить конец этим страданиям.

Он продиктовал мне следующее письмо:

«Прости, о, король вандалов, если это письмо покажется тебе глупым! Моя голова с давних пор привыкла больше к ударам меча, чем к сочинению писем. А после того, как ты и моя голова столкнулись, думать мне стало еще труднее, чем прежде.

Тебе я пишу или, вернее, велю писать просто, по-варварски.

Зачем подвергаешь ты себя и всех своих гибели, любезный Гелимер? Затем только, чтобы не служить императору, потому что твоя мечта — «свобода!» Неужели ты не видишь, что ради этой свободы тебе приходится кланяться жалким маврам, зависеть от этих дикарей? Не лучше ли служить великому императору в Византии, нежели господствовать над горстью голодных людей на папуанской горе? Неужели зазорно служить тому, которому служит Велисарий?

Брось все это, мой добрый Гелимер! Посмотри, я сам

ФЕЛИКС ДАН

германец, я из герульского благородного рода, мои предки носили королевский скипетр на берегу шумящего моря, против острова датчан, однако же я служу императору и горжусь этим. Мой меч и храбрость моих герулов доставили великую победу великому Велисарию; я полководец и герой, хотя я на службе у императора. И тебя ждет то же. Велисарий честным словом обещает тебе жизнь, свободу, поместье в Малой Азии, достоинство патриция и звание военачальника под командой самого Велисария. Благородный король, король Гелимер, я желаю тебе добра. Хороша смелость, но глупость — глупа! Сдавайся поскорей!»

Гонец вернулся. Он видел самого короля и, как говорит, досмерти испугался при виде его. Он похож на привидение или на короля теней; зловещим огнем горят глаза на измученном лице. Тем не менее этот непреклонный человек заплакал, читая искреннее и задушевное послание доброго соплеменника! Он плакал, как мальчик или как женщина, он, который поборол непобедимого Фару и выносит нечеловеческие мучения! Вот его ответ:

«Благодарю тебя за твой совет. Я не могу ему последовать. Ты мог отказаться от своего народа. Я был и остаюсь королем вандалов. Врагу моего народа я не хочу служить. Я верю, что Бог приказывает мне и остающимся со мной вандалам сопротивляться; он меня спасет, если захочет. Больше я не могу писать. Окружающие меня страдания мешают мне думать. Пришли мне, добрый Фара, один хлеб: малютка мальчик, сын убитого благородного вандала, лежит тяжко больной от голода. Он просит, плачет о хлебе и так жалобно! Все мы и я тоже давно, давно уже не пробовали хлеба.

Пришли также губку, смоченную водой, от бессонницы и слез мои глаза очень горят и болят.

Еще прошу тебя, пришли лютню. Я сочинил песню о нашей судьбе и хотел бы пропеть ее под лютню».

Фара исполнил все три просьбы, хотя за лютней и пришлось посылать в ближайший город. Еще зорче прежнего стережет он «гору несчастий», как прозвали ее люди.»

Глава 19

Серое, печальное, туманное мартовское утро осветило гору. Сквозь густые облака солнце не проникало. Древний город Медурус был давно покинут своими карфагено-римскими основателями. Дома, выстроенные из горного камня, стояли опустелые и полуобвалившиеся. Номады-мавры пользовались зимой немногими строениями, на которых уцелели крыши.

В самом большом здании, в прежнем соборе, укрылся король и его родичи. Посередине на каменном полу был разложен скудный костер из сырого хвороста, который больше дымил, чем грел. Сырой туман проникал в щели в стенах, в дыры, образовавшиеся на крыше, и оттеснял назад медленно поднимавшийся кверху серо-желтый дым, который, расстилаясь вдоль холодных стен, тянулся к главному входу, где не было дверей. В глубине церкви разложены были ковры и звериные шкуры. Здесь сидел Гибаунд и исправлял свой сильно изрубленный щит, а Гильда штопала, положив себе на колени красное знамя.

— Много, много стрел пробило тебя, старое, испытанное знамя! А вот здесь эта громадная дыра... это, конечно, от удара меча. Но ты все-таки прослужишь нам до конца!

— До конца! — проговорил Гибаунд, вбив молотком последний гвоздь в щит. — Я бы желал, чтобы он наступил скорее. Мне нестерпимо видеть страдания всех — в осо-

ФЕЛИКС ДАН

бенности твои. Я давно уже пристаю к королю: пора покончить со всем этим! Дозволь нам, вандалам, — мавры могут сдаться в плен — броситься на врага. Он не дал мне договорить и сказал, что это было бы самоубийством и грехом. Господь ниспослал нам кару, и мы должны терпеливо ее переносить. Если Господь захочет, то может и здесь нас спасти на крыльях своих ангелов, которые унесут нас отсюда.

— А дело все-таки идет к концу... и он наступит сам собой! Число могил на скате горы растет ежедневно. Вчера мы похоронили маленького Гундориха, последнего из гордых Гундингов. Король третьего дня принес ему хлеб, который выпросил у неприятеля. Ребенок с такой жадностью набросился на него, что мы должны были отнять хлеб и давать ему по кусочкам! На одну минуту я вышла вслед за королем, чтобы принести воды больному, вдруг жалобный и сердитый крик заставил нас вернуться: мавританский мальчик, привлеченный, вероятно, запахом хлеба, впрыгнул в окно и вырвал кусок хлеба изо рта больного! Это глубоко потрясло короля. «Как, и этот ребенок, и это невинное дитя! Великий Боже!» — повторяет он постоянно с тех пор. Сегодня я закрыла глаза малютке.

— Да, скоро, скоро конец; люди давно уже убили последнюю лошадь, кроме Стикса.

— Я не дам Стикса убить! — вскричала Гильда. — Он спас тебя от верной смерти, он вынес тебя из боя.

— Подожди, слушай: что это такое?

— Это король поет сочиненную им песню под лютню, которую прислал Фара. Хорошо, что это не лютня Техи; я лучше бы разбила ее об скалу, чем позволила петь на ней такую песню.

Она встала, сердито откинув назад волосы, и поставила знамя в угол.

— Однако его пение действует волшебным образом на вандалов, да и на мавров также.

— Потому что они не понимают. Он поет по латыни, оплакивает гибель вандальского царства и советует вандалам покорно принять кару Божию.

Все ближе и ближе неслись звуки песни. Наконец, по полуобрушившимся ступенькам собора медленными, неверными шагами вошел царственный певец. Он держал лютню в опущенной левой руке, а правой оперся о серую разбитую колонну и устало прислонил к ней голову.

В эту минуту по ступенькам вбежал юный мавр и в несколько прыжков очутился около Гибаmunда и Гильды.

— Ты давно так скоро не бегал, Серсаон, — удивленно заметил Гибаmunд.

— Твои глаза горят; ты принес добрые вести? — вскричала Гильда.

Тут и король медленно отнял голову от колонны и взглянул на мавра, печально качая головой.

— Да, белая королева, — отвечал Серсаон. — Хорошие вести: мы спасены.

— Не может быть, — проговорил Гелимер беззвучно.

— Это верно, повелитель. Но вот идет Вер, он подтвердит мои слова.

Медленно, но с таким же непобедимым видом подошел священник. Он казался даже еще надменнее, сильнее, чем в дни счастья. В руке у него были стрела и кусок папируса.

— Сегодня ночью, — продолжал молодой мавр, — в сумерки я стоял на нашем южном сторожевом месте. Вдруг услышал я крик страуса; я не поверил ушам своим: эта птица никогда не поднимается так высоко. А между тем этот крик служит сигналом у наших союзников, южных прибрежных мавританских племен.

Я стал слушать и зорко вглядываться в темноту: дей-

ствительно, у темной скалы прилег мавр, которого трудно было отличить от камня.

Тогда я тихонько ответил на призыв, и вот близ меня пролетела стрела без наконечника и упала на землю. Вместо наконечника в нее был вставлен этот листок. Я вытащил его и принес вандалам. Те прочли и обрадовались. Вер прошел мимо и хотел разорвать листок, хотел запретить говорить тебе про него, но голод, надежда на спасение могущественнее его слов...

Вер перебил его:

— Это неправдоподобно: я считаю это за измену, ловушку.

Гибамунд вырвал у него листок и прочитал:

«Южный склон, по которому сбежал страус, не обороняется. Его считают неприступным; в будущую полночь спуститесь поодиночке с него, мы стоим вблизи со свежими конями. Вестготский король Теудис прислал нам золото, чтобы мы спасли вас, и корабль: он стоит у берега. Спешите».

— Есть еще верность! Есть друзья в беде! — радостно вскричала Гильда, обняв мужа.

Король выпрямился. Его взгляд утратил тусклую безнадёжность:

— Видите ли вы теперь, как грешно было искать смерти? Вот перст Провидения, доказывающий, что Господь желает нашего спасения: последуем за ним.

Глава 20

Чтобы усыпить бдительность неприятеля этой ночью, Вер предложил назначить Фаре свидание с Гелимером на утро следующего дня на северном скате горы, на котором будут высказаны еще раз последние предложения Велисария.

Король с большим трудом согласился на эту военную хитрость.

Вер сообщил, что Фара очень обрадовался и ждет Гелимера.

Несмотря на все это, осажденные весь день зорко наблюдали за передовыми постами осаждающих и их лагерем, не заметно ли какого-нибудь движения в направлении склона.

Однако ничего такого нельзя было заметить: у византийцев в лагере день прошел, как обыкновенно. Стража не была усилена, а при наступлении темноты сторожевые огни не были ни умножены, ни перемещены. Осажденные тоже зажгли обычные костры на северном склоне.

Около полуночи отряд тронулся в путь. Впереди шли вестовщики-мавры, снабженные канатами и железными крюками. С каждым шагом беглецы должны были ощупывать концом копья, достаточно ли крепок камень, на который им приходилось ступить. За вестовщиками шли Гибамунд и Гильда; последняя плотно завернула знамя Гейзериха и привязала его к копыю, заменявшему ей горный посох. За ней шел Гелимер, за ним — Вер и небольшая кучка остальных вандалов.

С полчаса они шли по вершине горы, пока не оказались на южной стороне, где вниз вела узкая, едва приметная тропинка. Каждый шаг мог быть смертельным, зажечь факелы было опасно.

Когда начался спуск, Гелимер оглянулся.

— О, Вер! — прошептал он. — Смерть, быть может, уже близко. Прочитай еще раз молитву. Где Вер?

— Несколько минут назад он вернулся за забытой реликвией, — отвечал Маркомер. — Он приказал нам идти вперед, на следующем повороте обещал нас догнать.

ФЕЛИКС ДАН

Король начал тихо читать «Отче наш».

— Вперед! — прошептал Серсаон. — Нельзя терять больше ни минуты! Еще последний поворот... Ах! Что это? Факелы, измена! Назад...

Он не договорил: стрела проткнула ему горло. Факелы ослепительно засверкали перед глазами беглецов. Оружие сверкнуло им навстречу, из рядов герулов выступил человек, высоко поднимая в руке факел.

— Вон король, тот второй! — закричал он. — Берите его в плен живым!

И продвинулся на шаг вперед.

— Вер! — закричал Гелимер и, как подкошенный упал навзничь.

Двое вандалов подхватили его и понесли наверх.

— На приступ! За ними, — скомандовал Фара.

Но идти приступом было невозможно; по тропинке с трудом можно было только ползти, держась обеими руками за стены утесов.

Фара понял это, когда при свете факелов увидел тропинку и наверху, на последнем широком выступе горы, Гибамунда с копьём в руках.

— Досадно! — вскричал он. — Но ведь бегство для вас больше невозможно. Сдавайтесь!

— Ни за что! — отвечал Гибамунд и бросил копьё: человек около Фары упал.

— Скорее стреляйте все разом! — приказал Фара гневно.

Двадцать гуннских стрелков, стоящие за герулами, натянули тетивы, и Гибамунд без слов опустился на землю.

С отчаянным криком приняла его на руки Гильда. А между тем Маркомер уже занял место павшего и с угрозой приподнял копьё.

— Отступать! — скомандовал Фара. — Сторожите

только хорошенько все выходы. Завтра или послезавтра, говорил священник, они должны непременно сдаться.

Гелимер пришел в себя, услышав крик Гильды.

— Вот теперь и Гибаmund убит, — сказал он совершенно спокойно. — Все кончено.

Он с трудом возвращался назад, опираясь на копьё; несколько вандалов следовало за ним.

Гильда долго сидела, положив голову мертвого супруга себе на колени; она не плакала и гладила рукой лицо покойника.

Немного спустя она услышала, как один вандал, пришедший от короля, говорил Маркомеру:

— Ну, теперь конец. Завтра я извещу неприятеля, что король сдается.

Тут Гильда вскочила с места и попросила мужчин помочь ей отнести покойника на вершину горы. Там в небольшой роще пиний, перед городом, выстроен был деревянный сарай, в котором сперва сохраняли разные запасы. Теперь он был пуст, только топливо еще хранилось в нем.

В этом сарае провела она ночь наедине с покойником. Когда рассвело, Гильда пошла к королю.

Она нашла его в соборе на том месте, где когда-то стоял алтарь. Гелимер поставил здесь крест, грубо вытесанный из веток, всунув его в щель, образовавшуюся в полу, и лежал ничком на полу, охватив крест обеими руками.

— Брат Гелимер, — сказала она коротко и резко, — это правда? Ты сдаешься?

Он не отвечал.

Она потрясла его за плечо.

— Ты хочешь сдаться, король вандалов? — произнесла она громким голосом. — Тебя поведут, как зверя, по

ФЕЛИКС ДАН

улицам Византии; ты хочешь осрамить свой народ — твой мертвый народ?!

— Суета! — проговорил он беззвучно. — Суета говорит в тебе. Грешно так суетно думать, как ты!

— Ты держался долго. Почему же теперь сдаешься?

— Вер! — глубоко вздохнул король. — Бог меня покинул, мой ангел-хранитель меня предал. Я осужден в здешней и будущей жизни. Я не могу иначе кончить.

— Можешь, Гелимер. Вот твой остро отточенный меч.

И она вынула его из ножен, которые вместе с остальным оружием лежали на полу.

— Мертвые свободны! Ты это знаешь!

Он покачал головой.

— Суета! Я — христианин: я не убью сам себя. Я несу свой крест, как его нес Христос, пока достанет сил.

Она бросила меч к его ногам и, не прощаясь, отвернулась от него.

— Что ты хочешь делать?

— Неужели ты думаешь, что я не знаю своего долга? Я последую за моим героем-мужем.

Она прошла в здание, служившее конюшней: то была прежняя курия Меденуса, где еще недавно стояло много лошадей; теперь там находился один только Стикс, вороной конь Гильды; она взяла его за гриву, и умное, верное животное последовало за ней покорно, как ягненок.

Гильда отвела его в сарай.

— Тебе тоже лучше умереть. Ты совсем исстрадался. Твоя красота, твоя сила покинули тебя, и я не хочу, чтобы ты достался врагам.

Она подвела коня к высоким подмосткам, на которых лежало мертвое тело красавца Гибаmunда.

Вынув меч Гибаmunда из ножен, она нашла рукой место, где билось сердце коня, и сильным ударом проткнула его насквозь. Он упал мертвый.

Она отбросила окровавленный меч.

— О, мой возлюбленный, — вскричала она. — О, мой супруг, моя жизнь! О, зачем не высказала я тебе, как сильно я тебя любила! Ах, потому, верно, что я сама не знала этого до сих пор! Слушай же, слушай, Гибамунд! Я тебя люблю больше жизни. Благодарю, друг Теха! О, мое все, я иду за тобой!

Она вынула острый черный кинжал из-за пояса, отрезала материю знамени от древка и покрыла ею мертвое тело мужа. Затем подожгла дрова, лежавшие под подмостками, наклонилась над мертвецом, последний раз жарко поцеловала его в бледные уста и твердой рукой пронзила кинжалом свое гордое, мужественное сердце.

Тихо склонилась Гильда над любимым человеком. Пламя начало охватывать красное знамя, покрывавшее обоих супругов.

Весенний ветер сильно дул в полуоткрытую дверь сарая; вскоре пламя высоко поднялось над его крышей.

Глава 21

«**О**т Прокопия — к Цетегу.
Все кончено!

Слава Богу — или, вообще, тому, кому слава надлежит! Мы провели три месяца, полных адской скуки, у подошвы горы высокомерия. Теперь март, ночи еще холодны, но солнце уже палит в полдень.

Попытка к бегству не удалась вследствие измены: Вер, канцлер и ближайший друг Гелимера, совершил это позорное дело.

Теперь король сдался добровольно.

Фара остался очень доволен. Он согласился бы охотно на всякие условия, лишь бы добыть короля Велисарию.

ФЕЛИКС ДАН

При входе в ущелье, в которое нам бы никогда не проникнуть, я принял небольшой отряд вандалов — человек около двадцати. Мавры тоже сошли вместе с ними; по просьбе Гелимера Фара тотчас же отпустил их на все четыре стороны.

Но что за ужасный вид нищеты, голода, лишений, отчаяния!

Не понимаю, как они могли держаться и оказывать сопротивление: люди не в силах были держать оружие в руках и охотно передали его нам.

Когда же я увидел Гелимера и поговорил с ним, то, как ни убит теперь духом этот человек, я понял, почему душа и воля его владели душой и волей других.

Никогда еще я не видывал человека, подобного ему: монах, мечтатель и при этом — король и герой.

Я упросил Фару позволить мне принять его в свою палатку. Он продолжает добровольно поститься, в то время как остальных вандалов мы едва можем удержать от безмерного и жадного потребления мяса и других давно невиданных ими яств. С трудом Фара уговорил короля выпить немного вина: он боится, как бы его пленник не умер в дороге прежде, нежели он сдаст его Велисарии. Король отказывался долго, но когда я намекнул, что он, вероятно, хочет извести себя, Гелимер немедленно выпил вина и поел хлеба.

Целых полночи беседовал он со мной доверчиво и с кроткой покорностью своей судьбе. Трогательно слышать, как он все прискорбное и унижительное для себя приписывает Божьему Промыслу. Однако ход его мыслей не всегда для меня понятен. Так, когда я спросил его, что, вероятно, неудавшееся бегство побудило его сдаться после такого упорного сопротивления, он отвечал мне: — О, нет! Если бы бегство не удалось по другой причине, я бы не сдался до самой смерти. Но... Вер, Вер!

Он замолчал и потом прибавил:

— Ты не поймешь этого. Если Господь и был когда-то со мною, то Он покинул меня. Я знаю одно, что я горячо любил свой народ, что, гордясь кровью Асдингов, старинной славой нашего оружия, не сдавался, не хотел покориться, но это было суетностью, грехом. Мы должны любить только одного Бога и жить для одного неба!

Тут вошел рассерженный Фара в палатку.

— Ты не сдержал слова, король! — загремел он. — Ты обещал сдать все оружие и все воинские отличия и значки; но нет самого главного — Велисарий обязал меня честным словом доставить его — нет красного знамени Гейзериха! Я сам под руководством вандалов всюду искал его, но мы нашли только в золе сожженной деревянной хижины вот эти золотые гвозди. Вандалы говорят, что они от древка знамени. Ты сжег его?

— О, нет, господин, я бы передал тебе и Велисариию знамя. Сожгла его женщина — Гильда. Она убила самое себя. Я молю Бога, чтобы он простил ей!

И это не лицемерие. Но я не совсем его понимаю. Во мне эти удивительные события возбуждают мысли, которые я обыкновенно гоню прочь. Кто раз попробовал философии — я бегаю от нее, но ношу ее с собой в голове, — тот никогда не отделается от вопроса: зачем?

Во все времена происходили, конечно, перевороты в судьбе людей, превышавшие всякие ожидания. Сомнительно, однако, чтобы когда-нибудь было предприятие, увенчавшееся такой необычайной удачей, как наше.

Сам Велисарий удивляется. Пять тысяч всадников. — пехота почти не была в деле — пришельцы, у которых не было ни гавани, ни крепости, ни единого клочка земли во всей Африке, пять тысяч всадников в два кратких боя против врага, вдесятеро сильнеешего, разрушили страшное царство Гейзериха, взяли в плен его внука, завладели его королевской столицей и королевской казной.

ФЕЛИКС ДАН

Если бы я сам не был свидетелем, я бы не поверил. Неужто в самом деле судьбами народов руководит Промысел?

Велисарий и наше храброе войско сделали многое. Кое-что сделало давно замышленное, как это теперь выяснилось, предательство Вера; без нашего ведома он все это время переписывался с императором и императрицей. Самое же главное сделало вырождение народа, за исключением королевского дома, потерявшего в битве трех мужчин. Много, очень много погубил непонятный, вечно противоречащий характер этого короля. Все это, однако, не привело бы к такому быстрому успеху, если бы не безмерное счастье, сопровождающее нас с самого начала.

Но неужели это счастье слепое?

Или это кара Божья над вандалами за грехи их предков и их собственные?

Может быть! Перед таким решением даже я не без благоговения склоняюсь. Но — и тут шевелится во мне червяк насмешливого сомнения, никогда меня вполне не покидающий, — в таком случае приходится сказать, что Промысел не очень строг в выборе своих орудий. Вряд ли Феодора, Юстиниан и сам Велисарий добродетельнее этого Гелимера и его братьев; да, быть может, также и твой приятель, о, Цетег, который описывает тебе все это.»

Глава 22

После сдачи вандалов на следующий же день Фара снялся с лагеря, и отряд победителей и побежденных направился к Карфагену; к Велисариию посланы были гонцы с вестями.

Во главе отряда ехали Фара, Прокопий и другие во-

сначальники на лошадях и на верблюдах; в центре отряда шли пленные вандалы, которым из предосторожности надели цепи на руки и на ноги, не мешавшие идти, но не позволявшие убежать. Пленники были окружены пехотой. Арьергард образовали конные гунны.

Медленно подвигаясь вперед, отдыхая лишь ночью, прошел отряд в две недели тот путь, который был совершен второпях, в одну неделю.

Вер большей частью ехал один: он избегал вандалов, а византийцы избегали его.

На другой день после отступления от горы Папуа Фара и Прокопий уехали далеко вперед; священник приостановил своего коня на одном повороте дороги и стал ждать. Пленные подошли. Отягченные цепями руки грозили ему, проклятия неслись ему навстречу; он ничего не видел и не слышал.

Наконец, подошел, опираясь на палку, оканчивающуюся крестом, Гелимер.

Раздвинув ряды конвоя, Вер поехал рядом с пленником; тот взглянул на него и содрогнулся.

— Вер, ты?

— Да, это я, Вер. Я ждал этой минуты, которая, наконец, наступила, которой я достиг молитвами, советами и делами; я только и жил, только и боролся долгие годы, целые десятки лет для этой минуты!

— Почему же, Вер, почему? Что я тебе сделал?

Вер злобно засмеялся и остановил лошадь.

Гелимер испугался. Он редко видел, чтобы этот человек улыбался, но никогда не слышал его смеха.

— Ха, ха! Ты еще спрашиваешь, почему? Потому что... Впрочем, чтобы ответить на этот вопрос, я должен пересказать всю историю нашу римлян-католиков... пересказать те страдания, которым они подвергались с той минуты, как Гейзерих вступил на эту землю. Почему? Потому

ФЕЛИКС ДАН

что я мститель за столетние прегрешения, именуемые вандалским царством в Африке. Слышите ли, святые угодники, этот человек... он присутствовал при том, как весь мой род был жестоко замучен, и он спрашивает, почему я ненавижу его и его народ и употребил все силы, чтобы его истребить!

— Я знаю...

— Ничего ты не знаешь, если спрашиваешь меня, почему? Ты скажешь, пожалуй, что знаешь про проклятие моей сожженной матери? Но ты не знаешь, ты лежал без чувств в то время! После того, как она прокляла тебя, я оторвался от своего позорного столба и бросился к ней в огонь, чтобы вместе с ней умереть. Но она оттолкнула меня и закричала: «Живи! Живи и отомсти за меня, за всех твоих; сделай так, чтобы мое проклятие на него и на его род исполнилось!»

Я поклялся ей, что буду мстить до последнего издыхания. Твои воины оторвали меня от матери; я видел, как ее охватило пламя, и лишился чувств.

Когда же я пришел в себя, то был уже не мальчик, а мститель.

Я не видел и не чувствовал ничего, кроме последнего рукопожатия матери, ее взгляда и моей клятвы. Я отрекся даже от своей веры, но только для вида.

Вы же, жалкие, одуревшие от спеси варвары, воображали, что я отрекся из трусости, из страха перед костром!

Как часто в юные годы я видел ваше — и твое также, глупец! — презрение ко мне и со смертельной ненавистью, с бешенством в сердце переносил его. О, как я ненавижу вас! Служить вам, быть священником вашей лживой веры, переносить ваше нестерпимое хвастовство!.. Потому что все вы, германцы, хвастуны; только вы хвастаетесь не вслух — это бы еще куда ни шло, на это можно отвечать презрением, — но вы молчаливые хвастуны, вы хвастаете-

тесь и чванитесь про себя! Вы ходите по земле, точно всех давите под ногами, точно вся земля вам принадлежит. Всего же нестерпимее то, что вы даже не понимаете, как оскорбительно для других ваше поведение. О, как я ненавижу вас!

Он поднял хлыст и ударил шедшего с ним рядом Гелимера, который как будто не почувствовал нанесенного ему удара.

— Вы, варвары, пограничные конокрады, голые, голодные нищие, с благодарностью принимавшие объедки, которые бросали вам великодушные римляне, вы убивали нас тысячами, брали в рабство, обращали в рабочий скот! Погибель вам, всей вашей волчьей породе, которую только сила кулака да Божие соизволение допустили вторгнуться в римскую империю!

Он снова поднял хлыст, чтобы ударить короля, но вдруг увидел устремленный на себя угрожающий взгляд одного из герулов-конвойных и смущенно опустил руку.

Гелимер все время молчал и только изредка вздыхал.

— Ну, а твоя совесть? — сказал он, наконец, кротко. — Разве она никогда не упрекала тебя? С той встречи со львом я ведь доверился тебе вполне, я вручил в твои руки мое сердце; ты был моим духовным отцом... Разве теперь тебе не стыдно?

Яркая краска залила на минуту бледное лицо священника, но только на минуту, и быстро сбежала.

Он отвечал:

— Да! Мое сердце было так глупо... иногда я стыдился... особенно вначале. Но я постоянно побеждал эту слабость. И ваша оскорбительная надменность помогала мне в этом. Каждый день я говорил себе: они считают тебя низким, в особенности Цацо, — его я ненавидел всех сильнее! — оттого, что ты из страха отказался от своей веры. Отомсти им, накажи их за такое невыносимое высокомерие. О, в

ФЕЛИКС ДАН

ненависти есть тоже своего рода наслаждение, вас же, германцев, особенно сладко ненавидеть до последней капли крови, по последнего издыхания, до тех пор, пока вы не будете стерты с лица земли!

И он ударил кулаком по обнаженной голове короля.

Гелимер не поднял головы и не сделал никакого движения.

— Что еще бормочешь ты там себе в бороду?

— Я молюсь: «Как и мы оставляем должникам нашим!»
Может быть, и это тоже высокомерие, грех. Ты, должно быть, мой ангел, которого Господь послал мне не для охраны, как я думал в моей суетности, но для наказания.

— Добрым ангелом твоим я не был.

— Но... если можно спросить...

— Спрашивай! Я вполне хочу насладиться этой минутой!

— Зачем ты так долго таился, если ты меня так ненавидишь и хотел отомстить за свою мать? Нередко, вот хоть тогда, когда ты застал меня со львом, ты мог убить меня, почему же ты...

— Глупый вопрос! Я вижу, ты все еще ничего не понимаешь, глупец! Я тебя ненавидел, конечно, но твой народ я ненавидел еще сильнее. А я видел, что в тебе живет душа этого народа. Возвести тебя на трон и тобой повелевать — значит повелевать твоим народом. Я говорил себе: если я его убью, Хильдерих заключит тайный союз с Византией; Цацо, Гибамунд и другие храбрые вандалы будут еще долго сопротивляться. Но если этого человека, который может один спасти свой народ, я заберу в руки, то его народ, наверное, погибнет. Убить его, если бы это понадобилось, я всегда успею. А лучше через него управлять вандальским народом и... погубить его!

Гелимер застонал и пошатнулся, он невольно схватился за шею лошади, чтобы не упасть.

Вер оттолкнул его руку. Король споткнулся и упал на песок, но тотчас же встал и пошел дальше.

— Тебя ударил этот поп, король? — с угрозой закричал герул.

— Нет, мой друг.

Вер продолжал:

— Хильдерих должен был оставить престол, потому что он не слушался меня безусловно: он требовал всяких льгот для вандалов, и Юстиниан готов был их даровать. Я же хотел не только сделать Гелимера и вандалов подданными императора, но совсем истребить их.

Твой глупый брат открыл свои отношения с Пуденцием... если бы тогда меня обыскали и нашли письмо Пуденция, все бы погибло. Вместо того я отдал его сам; я открыл местопребывание триполианца, зная, что он уже скачет за городом на моем лучшем скакуне. Король и ты, оба попались в расставленные мною сети. Я порадовался, как быстро ты поверил в вину Хильдериха; я знаю, что ты сам мечтал о короне. Твоя погоня за короной — вот твоя настоящая вина и твой Я видел, как ты победил бедного, преданного Хильдериху Гоамера. Ты назвал судом Божиим твой бой с ним; в нем помогал тебе не Бог, а сатана, которому ты служил. Ты стал королем, а я — твоим канцлером, твоим злым гением. Открыто я порвал сношения с императором, но тайно переписывался с императрицей. Я удалил флот в Сардинию, узнав за день перед тем о высадке Велисария. После поражения при Дециуме я советовал тебе запереться в Карфагене с войском — все было бы тогда кончено полгодом раньше. Единственно это и не удалось мне: ты меня не послушался. Тогда я уничтожил тебя в самую верную минуту известием, что ты без основания лишил Хильдериха престола и умертвил его. Но проклятие моей матери исполнится только тогда, когда я увижу тебя в цепях перед Юстини-

ФЕЛИКС ДАН

аном. Для того, чтобы насладиться твоим позором, я разделял твою нужду и голод целых три месяца. Письмо короля Федиуса еще после битвы при Дециуме пришло к прибрежным племенам с предложением спасти тебя на вестготском корабле. Но я скрыл его от тебя. Только тогда, когда спасение было невозможным, я сбросил маску. Теперь я увижу, как ты будешь целовать ноги Юстиниана на ипподроме в Византии. И тогда, наконец, исполнится проклятие моей матери, моя месть за мой народ!

Он умолк. Лицо его горело; глаза метали молнии на пленника.

Тот нагнулся и поцеловал его башмак в стремени.

— Благодарю тебя. Значит, ты бич, которым Господь наказует меня. Я благодарю Бога и тебя, как я вас благодарил, когда считал тебя моим ангелом-хранителем. И если ты при этом согрешил против меня и моего народа, то прости тебе Бог, как и я тебе от души прощаю!

Глава 23

«**П**рокопий — Цетегу.

До Карфагена всю дорогу король шел пешком; он отказался и от коня, и от верблюда. Он молчал или громко молился не на вандальском языке, а по латыни.

Фара предлагал ему приличное платье вместо грязной оборванной пурпуровой мантии, которую он носил на голом теле. Пленник поблагодарил и попросил терновый пояс, какой носят отшельники в пустыне. Мы не умеем изготавливать таких бессмысленных орудий, и потому Фара должен был отказать ему. Тогда «тиран» сам изготовил такой пояс из колючих акаций пустыни.

У самых ворот своей столицы он свалился с ног прямо в песок дороги. За ним остановился Вер и нерешительно

занес было над Гелимером ногу: я решил, что он хочет наступить на спину короля; Фара, заподозривший, вероятно, то же самое, резко отпихнул пона и поднял упавшего с ласковыми словами.

Прямо за нумидийскими воротами, на обширной площади в предместье Аклас, Велисарий выстроил свои войска, заняв ими три стороны четырехугольника; четвертая, напротив ворот, оставалась свободной.

Напротив ворот, на возвышенном месте, заседал полководец в полном вооружении; у его ног лежали красные значки и знамена вандалов, которых мы захватили целую кучу; у каждой тысячи был свой значок. Только большого королевского знамени никак не могли отыскать...

Кругом Велисария стояли предводители его победоносных войск, многие епископы и священники, затем сенаторы, знатные граждане Карфагена и других городов, частью вернувшиеся в эти месяцы из изгнания или из бегства. В их числе находились также Пуденций с сыном.

По левую руку Велисария, у его ног, на пурпуровых подстилках лежали в искусном порядке сокровища вандалов: много золотых стульев, колесница вандальской королевы, бесчисленное множество драгоценных уборов всякого рода, — как сверкали драгоценные камни под лучами африканского солнца! — весь серебряный столовый прибор короля весом в несколько тысяч фунтов, другие украшения королевского дворца; кроме того, оружие, оружие без счету и меры из оружейных Гейзериха. — достаточно оружия для того, чтобы завоевать весь мир руками храбрых людей. Масса старинных римских значков, освобожденных из плена после многих десятков лет, римские шлемы с гордым гребнем, германские вепревые и буйволиные шапки, мавританские щиты, обшитые шкурой пантеры, мавританские головные повязки с развевающи-

ФЕЛИКС ДАН

мися страусовыми перьями, панцири из крокодиловой кожи, — кто пересчитает всю добычу!

Направо от Велисария со связанными на спине руками стояли знатнейшие из пленных мужчины, женщины, замечательно красивые. Видные фигуры.

Эта картина была обрамлена как бы железными рамками эскадронов нашей конницы и густыми толпами нашей пехоты.

За войсками с любопытством теснился карфагенский народ, которому часто повторяемые удары древками копий говорили о том, что его мнения не спрашивают и что он не играет никакой роли ни в освобождении Африки, ни в своем собственном, которое здесь праздновалось.

В общем, это был как бы пролог триумфа на ипподроме в Византии, который император уже разрешил Велисария.

Внутри сводчатых ворот наш небольшой отряд приостановился.

Один раз прозвучала труба, Фара и я в сопровождении нескольких военачальников и тридцати герулов проехали площадь и приблизились к трону Велисария. Он приказал нам сойти с лошадей, встал, обнял и поцеловал Фару и повесил ему на шею большой золотой кружок — награду за плен низложенного короля. Мне он пожал руку и попросил сопровождать его во все будущие походы. Для меня это высшая награда, потому что я люблю этого человека, который при храбрости льва имеет кроткое сердце ребенка.

Мы стали справа и слева возле его трона.

Еще два звука трубы, и в богатом католическом священническом облачении — я заметил также, что узкая арианская тонзура была превращена в широкую католическую, — вышел Вер из-под ворот на площадь с гордым видом, высоко вскинув назад голову. По его лицу видно было, что он думал: «Без меня не бывать бы вам здесь,

надменные солдаты!» Но это, конечно, вздор: мы бы победили и без него, хотя, вероятно, труднее и медленнее. То же, конечно, подумал и мой друг Велисарий.

Он насупил брови и смерил подошедшего таким презрительным взглядом, что тот не выдержал и опустил мрачные глаза, отвешивая поклон, который я нашел довольно высокомерным.

— Я должен прочитать тебе письмо императора, священник, — сказал Велисарий. Ему подали окрашенный пурпуром сверток папируса, он поцеловал его и прочитал: «От императора кесаря Флавия Юстиниана, благочестивейшего, благополучно царствующего, славного победителя и триумфатора, неизменного Августа, покорителя алеманов, франков, германцев, антов, аланов, персов, а теперь и вандалов, и мавров, и Африки, к Веру, архидиакону.

Вместо того, чтобы переписываться со мной, ты предпочел вести тайную переписку с моей благочестивой супругой насчет падения тирана, совершенного нашим оружием с помощью Божией. В случае, если мы победим, она обещала тебе выпросить у меня желанную тобой награду. Просьба Феодоры не может не быть исполненной Юстинианом. Так как ты доказал, что только для виду принял еретическую веру, что ты в сердце и перед твоим католическим духовным отцом, который освободил тебя от этого греха, всегда исповедовал истинную веру, я приказываю Велисарииу признать тебя епископом Карфагена... (Слушайте вы, карфагеняне и римляне: от имени императора я провозглашаю Вера католическим епископом Карфагена!) Надеть на тебя епископскую митру и вручить епископский посох!» Преклони колени, епископ.

Вер медлил. Казалось, ему хотелось стоя принять золотую митру, но Велисарий держал ее так низко, что ему

ничего не оставалось, как стать на колени, чтобы желанная шапка была надета на его голову.

Едва почувствовал он ее на голове, как сейчас же гордо выпрямился.

Велисарий дал ему золотой посох в руки.

После всего этого Вер хотел стать по правую сторону трона Велисария, но тот закричал:

— Погоди, преосвященный! Письмо императора еще не дочитано.

И стал читать далее:

«Ты получил таким образом желанную награду.

Но желание Феодоры, как ты уже испытал это, — закон для меня, поэтому я исполняю также и ее вторую просьбу.

Она думает, что слишком опасно оставлять такого смелого и хитрого человека на епископском престоле в Карфагене, — пожалуй, ты стал бы служить своему новому господину так же, как старому. Поэтому она просила меня, чтобы Велисарий немедленно тебя арестовал (по знаку Велисария Фара, видимо, обрадованный, положил на плечо побледневшего священника руку, затянутую в железо), так как ты пожизненно ссылаешься в Мартирополис на Тигре, на границу Персии, как можно дальше от Карфагена, где вместо тебя будет править епархией как твой викарный духовник императрицы, желающий быть переведенным в Карфаген и с согласия святого отца в Риме. В Мартирополисе находятся горные рудники, в которых работают преступники. Шесть часов в день ты будешь наставлять души этих преступников. А для того, чтобы тебе было удобнее этим заниматься и чтобы ты лучше узнал их души, остальные шесть часов ты будешь работать вместе с ними». — Уведите его!

Вер хотел что-то сказать, но труба уже снова загремела,

и прежде, чем она умолкла, шестеро фракийцев увели с площади нового епископа.

— Пусть приблизится теперь Гелимер, король вандалов! — громко произнес Велисарий.

Гелимер вышел из ворот на площадь. Руки его были скованы золотой цепью; на длинные спутанные волосы надели одну из зубчатых корон, найденных в королевском казнохранилище, и поверх старого, изорванного пурпура и тернового пояса накинули великолепную новую мантию из такой же пурпуровой ткани. Молча, апатично стоял он, пока его одевали. Только когда ему надевали на голову корону, он хотел было воспротивиться, но затем кротко промолвил:

— Впрочем, что ж, пускай... это мой терновый венец!

Также безжизненно и молча, точно блуждающий мертвец, подошел он медленными, медленными шагами к Велисарию.

Как только прокричали его имя, громкий шепот, прерываемый восклицаниями, пронесся по рядам; все, кто видел его теперь, все эти тысячи людей смолкли; насмешка, торжество, любопытство, алчность, сострадание — все стихло перед величием этого зрелища, величием крайнего несчастья.

Не сопровождаемый никем, один прошел король через площадь. Он опустил глаза, обрамленные длинными ресницами, в землю; глаза его глубоко ввалились, ввалились так же, как и бледные щеки; худые пальцы правой руки были крепко стиснуты вокруг небольшого деревянного креста. Кровь сочилась из-под пояса на голые ноги и по каплям скатывалась на белый песок площади.

Все смолкло; мертвая тишина царствовала на всем обширном пространстве; люди сдерживали дыхание, пока несчастный стоял перед Велисарием.

Последний, тоже глубоко тронутый этим зрелищем, не находил слов.

ФЕЛИКС ДАН

Добродушно протянул он правую руку Гелимеру. Тот поднял большие глаза, увидел Велисария, окруженного пышностью и блеском, быстро оглянулся на все три стороны площади, увидел великолепие и гордую пышность всей обстановки, высоко развевающиеся знамена победителей, а на земле — сваленные знамена вандалов и, высоко подняв над головой руки в цепях громко всплеснул ими; крест выпал у него из рук; он дико, дико засмеялся.

— Суета, суета! Всяческая суета! — закричал он и бросился лицом в песок у самых ног Велисария.

— Что это, болезнь? — тихо спросил меня полководец.

— О, нет, — так же тихо отвечал я. — Это — отчаяние и набожность. Он считает жизнь не стоящей жизни: все человеческое, все земное, даже народ и государство считает он греховным, суетным, ничтожным. Неужели это последнее слово христианства?

— Нет, это — безумие! — вскричал Велисарий. — Спешите, мои храбрые воины! Пусть еще раз прозвучит труба, римская труба, звучащая на весь мир. Скорее в гавань, на корабли! Нас ждет триумф в Византии!»

Содержание

Феликс Дан

Аттила

пер. Миронова Л.В.

Гелимер

пер. Миронова Л.В.

М 74 Аттила. Пер. с немецкого —
М.: ВЕЧЕ, Джокер, 1993. —
464 с. (Сборник детективов)

Ответственный за выпуск
Еленский В.П.

**По вопросам реализации настоящей книги
обращаться в акционерное общество
«ВЕЧЕ»**

Москва, ул. Красной сосны, 7
тел. 188-16-50, 188-21-52

Подписано в печать 07.09.93. Формат **70×100/16**. Бумага газетная
Гарнитура «Тайме». Печать офсетная. Физ.п.л. **29**.
Усл.п.л. **37,7**. Тираж 50 тыс. экз. Заказ N 259 Переплет 7
Цена договорная

Издательство ВЕЧЕ, «Джокер»
Москва, ул. Красной сосны, 7

Отпечатанно в московской типографии N 4
129041, Москва Б. Переяславская ул. д.46

OCR - Давид Титиевский, март 2017 г., Хайфа

